

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ПРЕЗИДЕНТІНІҢ
ЖАНЫНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК
БАСҚАРУ АКАДЕМИЯСЫ

ISSN: 1994 – 2370 (Print)
ISSN: 2959 – 0302 (Online)

МЕМЛЕКЕТТІК

БАСҚАРУ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ

4 (91), 2024

«МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ
ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ»
ЖУРНАЛЫ
№4(91) 2024
244 п.

JOURNAL
«PUBLIC ADMINISTRATION
AND CIVIL SERVICE»
№4(91) 2024
244 p.

ЖУРНАЛ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА»
№4(91) 2024
244 с.

Меншік иесі және шығарушы:
«Қазақстан Республикасы
Президентінің жанындағы Мемлекеттік
басқару академиясы» РМҚК

Owned and published by
RSE «Academy of Public
Administration under
the President of Kazakhstan»

Собственник и издатель:
РГКП «Академия государственного
управления при Президенте
Республики Казахстан»

Ғылыми редактор: Е.К. Әбіл
Ғылыми редактордың орынбасары: А.Р. Масалимова

Editor-in-chief: Y. Abil
Executive editor: A. Massalimova

Научный редактор: Абил Е.К.
Заместитель научного редактора: А.Р. Масалимова

Редакция алқасының мүшелері:

Д.Б. Көшербаев
Б.Н. Бокаев
М. Гарсия-Мурило (АҚШ)
Р.Т. Дуламбаева
Г.Ә. Жүнісбекова
А.С. Есенгельдина
А.М. Есіркепова
М.Б. Қадырова
С. Кондри (АҚШ)
А.А. Құралбаев
Л.И. Кусаинова
А.М. Марголин (Ресей)
А.Қ. Шәріпов
К.Г. Шерьязданова
Х. Янг (Ұлыбритания)

Members of editorial board:

D. Kosherbayev
B. Bokayev
M.A. Garcia-Murillo (USA)
R. Dulambayeva
G. Junusbekova
A. Yessengeldina
A. Yessirkepova
M. Kadyrova
S.E. Condrey (USA)
A. Kuralbayev
L. Kussainova
A. Margolin (Russia)
A. Sharipov
K. Sheryazdanova
H. Yeung (UK)

Члены редакционной коллегии:

Д.Б. Кошербаев
Б.Н. Бокаев
М. Гарсия-Мурило (США)
Р.Т. Дуламбаева
Г.А. Джунусбекова
А.С. Есенгельдина
А.М. Есиркепова
М.Б. Кадырова
С. Кондри (США)
А.А. Куралбаев
Л.И. Кусаинова
А.М. Марголин (Россия)
А.Қ. Шарипов
К.Г. Шерьязданова
Х. Янг (Великобритания)

Жауапты хатшы
М.М. Мұратова

Executive Secretary
M. Muratova

Ответственный секретарь
М.М. Муратова

Есепке қою туралы
22.04.2021 ж. №КЗ21ВРУ00034765
куәлікті Қазақстан Республикасы Ақпарат
және және қоғамдық даму министрлігі берген.
Алғашқы есепке қою кезіндегі нөмірі
мен мерзімі №2848-Ж, 25.04.2002 ж.

Registration number: №КЗ21ВРУ00034765.
Date of issue: April 22, 2021.
Issuing authority: Ministry of Information
and Public Development
of the Republic of Kazakhstan.
Date and number of the first-time registration:
№2848-Ж / April 25, 2002

Свидетельство о постановке
на учет №КЗ21ВРУ00034765 от 25.04.2021 г.
выдано Министерством информации
и общественного развития Республики Казахстан.
Дана и номер первичной постановки
на учет №2848-Ж от 25.04.2002 г.

Журнал мемлекеттік басқару, халықаралық
қатынастар және экономика салалары
бойынша диссертациялардың негізгі
нәтижелерін жариялау үшін ұсынылатын
ғылыми басылымдар тізіміне енгізілген
(ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы
сапаны қамтамасыз ету комитеті Төрағасының
2022 жылғы 28 қаңтардағы №22 бұйрығы
және 2024 жылғы 5 ақпандағы №177 бұйрығы).

Journal is included in the List of scientific
publications recommended for publication
of the main results of dissertations
in the public administration, international
relationships and economics
(Order of the Committee for Control
in the Sphere of Education and Science
of the Ministry of Education and Science
of the Republic of Kazakhstan
No.22 dated January 28, 2022
and No.177 dated February 5, 2024).

Журнал включен в Перечень научных
изданий, рекомендуемых для публикаций
основных результатов диссертаций
в области государственного управления,
международных отношений и экономики
(Приказ Председателя Комитета по контролю
в сфере образования и науки МОН РК
№22 от 28 января 2022 года
и №177 от 5 февраля 2024 года).

Мекенжайы: Қазақстан Республикасы
010000, Астана қ., Абай даңғылы, 33 А
Тел.: 8 (7172) 75-34-97, 75-10-41
e-mail: journal@apa.kz

Address: 33 A, Abay ave., Astana
Republic of Kazakhstan, 010000
Тел.: 8 (7172) 75-34-97, 75-10-41
e-mail: journal@apa.kz

Адрес: Республика Казахстан
010000, г.Астана, пр. Абая, 33 А
Тел.: 8 (7172) 75-34-97, 75-10-41
e-mail: journal@apa.kz

Мақаланы қайта басу, микрофильм жасау
және басқа да көшіру кезінде міндетті түрде
журналға сілтеме жасалуы тиіс.
Редакция алқасының пікірі авторлардың
көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін.

References to the journal are mandatory in cases
of reprinting, microfilming and other forms of
copying the journal articles. The opinion of the
Editorial Board of the journal may not coincide
with the point of view of the authors of the
articles.

При любых формах копирования статей
ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакционной коллегии
журнала может не совпадать
с точкой зрения авторов статей.

Мерзімділігі: жылына 4 рет
Тираж: 50 дана

Published 4 times per year
Circulation: 50 copies

Периодичность: 4 раза в год
Тираж: 50 экземпляров

МАЗМҰНЫ/ CONTENT/СОДЕРЖАНИЕ

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ/ PUBLIC ADMINISTRATION AND CIVIL SERVICE/ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Gulsara Junusbekova, Zhanna Batyrgozhina «Application of Innovative Management Technologies in the Public Administration System in the Republic of Kazakhstan».....	2
Сария Казбекова, Гүлмира Есенова «Қазақстандағы кедендік интеграцияланған бақылау механизмін дамыту саласындағы бастамалар».....	14
Айгуль Казамбаева, Зейн Айдынов, Жанболат Даухарин, Райлаш Турчкенова «Моделирование государственной поддержки сельского хозяйства».....	32
Нариман Сыздыков, Ане Тынышбаева «Анализ инструментов государственного управления социальными детерминантами здоровья на примере онкологической службы Республики Казахстан».....	46
Камар Бекетова, Владимир Кеселев, Гульмира Рысмаханова Кейкис-технология формулирования и написания экономических исследовательских кейс-стади по тематике «Государственное и местное управление».....	59
Кайратбек Джамангулов, Жанар Накипбаева «Этническая толерантность и перспективы развития интеркультурной среды в Казахстане (на примере Жамбылской области)».....	72
Максат Аргынбеков, Алтай Зейнельгабдин «Вопросы развития креативной экономики в Республике Казахстан».....	88

ЭКОНОМИКА/ ECONOMY/ ЭКОНОМИКА

Francis Amagoh, Nadeem Naqvi «Fiscal decentralization: a bibliometric analysis of fifty years of study».....	109
Lyaila Mukhametrakhimova, Raushan Dulambayeva, Arman Utepov «Implementation of the 'polluter pays' principle in Kazakhstan's state environmental regulation».....	121
Жандос Құдайбергенов, Айгуль Курманалина, Ботагөз Дүйсенбаева, Лесбек Тайжанов «Кәсіпорынның ынталандыру жүйесінің қызметкердің мансаптық өсуіне әсерін талдау».....	131
Сания Сагинова, Айнур Байдалинова, Гузель Султанова, Архат Асаинов, Азамат Жансейтов «Моделирование влияния интеграционных процессов на развитие агропродовольственного рынка Республики Казахстан в современных условиях».....	142
Асель Ахметова, Олеся Жидкоблинова «Анализ процессов урбанизации в Республике Казахстан».....	158
Дильнара Закирова, Милан Пол «Социальная ответственность в условиях цифровизации высшего образования: кибербезопасность как ключевой фактор изменений».....	175

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР/ INTERNATIONAL RELATIONS/ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Vainius Smalskys, Andrius Stasiukynas, Aušra Šukvietienė «An overview of the of multilevel governance concept: case study of youth policy formulation and implementation in Lithuania».....	194
Asset Kapain, Almagul Kulbayeva, Saniyam Manapova, Saltanat Shimayeva «A comparative analysis of Kazakhstan and Uzbekistan Cultural Diplomacy Strategies on the new Silk Road».....	203
Виолета Добичина, Алия Масалимова, Мадлен Данова «Эмпирико-теоретическая модель академического взаимодействия: Европа – центральная Азия».....	213
Asem Raimbekova, Nazerke Zhampeiis «Transparency of beneficial ownership: a key tool in the fight against corruption».....	226
Аскар Батталов, Ильяс Ерпай, Камилла Шерьязданова «The role of national and religious identity in the discourse of the concept of “state” and in foreign policy».....	237

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ

PUBLIC ADMINISTRATION AND CIVIL SERVICE

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

APPLICATION OF INNOVATIVE MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

**Gulsara
JUNUSBEOVA**

*professor, PhD of Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
Gulsara.Dzhunusbekova@apa.kz, ORCID ID-0000-0002-2709-652, Scopus ID: 57211720295*

**Zhanna
BATYRGOZHINA***

DPA candidate at the Institute of Management, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, Z.batyrgozhina@apa.kz, ORCID ID-0000-0002-1735-5700

Manuscript received: 13/06/2024

Revised: 29/10/2024

Accepted: 07/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1276

UDC 354

CICSTI 10.17.25

Abstract. The article presents an overview of modern conceptual approaches to introducing of innovative management technologies in public administration. Various strategies and methods are also being considered that will help improve the efficiency of government management and improve the quality of public services provided. Special attention is paid to examples of successful implementation of innovative practices in various countries, as well as to the identification of key principles that can be applied in practice to achieve optimal results. The article examines the impact on the business environment of the country, citizens, and third, on the state apparatus itself through the introduction of innovative management technologies in public administration.

Keywords: Innovations, innovative management technologies, public administration, digitalization.

Аңдатпа. Мақала мемлекеттік басқару саласында инновациялық басқару технологияларын енгізудің заманауи тұжырымдамалық тәсілдеріне шолу жасайды. Сондай-ақ, мемлекеттік органдарды басқарудың тиімділігін арттыруға және көрсетілетін мемлекеттік қызметтердің сапасын арттыруға көмектесетін түрлі стратегиялар мен әдістер қарастырылады. Әр түрлі елдерде инновациялық тәжірибелерді сәтті жүзеге асырудың мысалдарына, сондай-ақ оңтайлы нәтижелерге қол жеткізу үшін практикада қолдануға болатын негізгі принциптерді анықтауға ерекше назар аударылады. Мақалада мемлекеттік басқару саласында инновациялық басқару технологияларын енгізу арқылы елдің, азаматтардың және үшінші адамның бизнес ортасына мемлекеттік аппараттың өзіне әсері қарастырылады.

Түйін сөздер: Инновациялар, инновациялық басқару технологиялары, мемлекеттік басқару, цифрландыру.

Аннотация. Статья представляет обзор современных концептуальных подходов к внедрению инновационных управленческих технологий в сфере государственного управления. Также рассматриваются различные стратегии и методы, которые помогут улучшить эффективность управления государственными органами и повысить качество предоставляемых государственных услуг. Особое внимание уделяется примерам успешной реализации инновационных практик в различных странах, а также выявлению ключевых принципов, которые могут быть применены на практике для достижения оптимальных результатов. В статье рассматривается влияние на бизнес-среду страны, граждан и третьи, на сам государственный аппарат путем внедрения инновационных управленческих технологий в сфере государственного управления.

Ключевые слова: Инновации, инновационные управленческие технологии, государственное управление, цифровизация, новые технологии.

* Corresponding author: Zh. Batyrgozhina, Z.batyrgozhina@apa.kz

Introduction

Today, introducing of innovative technologies in any field of activity, including in the public administration system, does not raise any doubts, since in the era of digitalization, hundreds and thousands of new technologies are created every day in the world. However, approaches and methods for introducing such technologies raise concerns. The environmentally friendly and efficient implementation of innovative technologies requires special approaches, which in turn require comprehensive analysis. As is known, the concept of «innovation» comes from the English word innovation - the process of creating, disseminating, and using innovation, which contributes to the development and increase in the efficiency of economic entities. At the same time, innovation is not only an innovation but also a conscious improvement that precedes deep reflection. An important aspect is that innovation is always accompanied by the destruction of existing traditions and socio-economic, organizational, and management norms [1].

In addition, the innovativeness of management technologies in the public administration system can affect decision-making processes, the implementation of projects and programs, and the assessment of the effectiveness of government programs and policies. This may include systems analysis methods, scenario planning, gamification, and the use of design methods to develop public policies.

In this article, under innovative management technologies, the authors consider technologies such as electronic information platforms, digitalization and digital transformation in public administration.

In 2021, the Concept for the Development of Public Administration in the Republic of Kazakhstan until 2030 (hereinafter referred to as the Concept) was adopted, the purpose of which is to build a service-based and «human-centring» model of public administration [2]. According to objectives 3 and 4 of the Concept, government agencies must be in search of new and innovative solutions to problems, as well as use modern methods of providing services. At the same time, to increase the efficiency of government agencies, a project approach will be introduced and issues of project management will be regulated.

Kazakhstan plays a special role in the introduction of innovative technologies; one of the main documents of the country's strategic planning is the Concept of digital transformation, development of the information and communication technologies industry, and cybersecurity for 2023 - 2029, the purpose of which is to collect and process data from both government information systems and systems of commercial organizations - digital collection of statistical, financial, tax information, as well as those that today are subjects of control and monitoring. [3].

The 2014 OECD Recommendation on Digital Government Strategies views the phenomenon of digital transformation in public administration as a shift from e-government to digital government, from the use of technology to support government processes to the use of technology to shape government outcomes (OECD , 2014). Digital government in this approach is based on an ecosystem that includes both government, and non-government organizations, businesses, citizens' associations and citizens providing production, and access to data, services and content based on interaction with the government [4] .

Literature review

Conducting a literature review on this topic, several scientific works devoted to innovative management technologies in the public sector will be highlighted. For example, Klijn, E. H., & Teisman, G. R. (2006) explored barriers to public-private partnerships for innovation management [3], Bryson, J. M., & Roering, W.

D. (2014) discusses the role of management and governance in the public sector to promote innovative and collaborative projects.

Author Clifford A. (2022), notes that innovation is not just success, it is work that requires systematic and rational work, well organized and managed to achieve results [5]. The definition of the concept of «management innovation» in their work is given by several options by the authors Anaphat N. and Supawadee H. (2023) One of them is that management innovation is focused on creating new things, changing results for the better, and increasing efficiency, effectiveness, and satisfaction. Also, management innovation is a new concept, methods and processes in organizational development, work processes and service delivery, resulting from the

creation, development, improvement, expansion or application of knowledge and various practices, leading to the development of efficiency, effectiveness, quality of public productivity [6]. Emre Cinar, Christopher Simms (2024), in their work, consider the concept of “innovative technologies in public administration” as the adoption, creation, or development of ideas, objects and practices that are new units for making management decisions (Public sector innovation in context: A comparative study of innovation types Emre Cinar, Christopher Simms, Paul Trott&Mehmet Akif Demircioglu). Rogers (1983, 11) defines innovation as “an idea, practice, or object that is considered new to an individual or other unit of adoption.” In the context of states, governments and bureaucracies, he also quotes Benjamin Franklin, who argued that to change harmful customs and introduce better ones, it is necessary to overcome people's prejudices, educate them and show them how the proposed changes will benefit them, which is not an easy task [7] .

Some authors give different interpretations of such concepts as "management technologies" and "management technology". Antonio Barreta, Cristiano Busco (2011) define the concept of "management technologies" as covering a wide range of methods and tools used for effective management of the organization as a whole, the purpose of which is to increase the overall efficiency and adaptability of the organization to changes. At the same time, the concept of "management technology" implies a narrower focus on the use of specific techniques and procedures for the implementation of management functions, the purpose of which will be to ensure the systematization and control of task performance, as well as to maintain standards and rules. In general, management technologies are more extensive and strategically oriented, while management technologies focus on specific procedures and regulations necessary for the performance of management functions [8].

Based on the literature review, several barriers associated with innovation based on open government data (OGD) have been identified. Dawes, Vidiasova, and Parkhimovic (2016) apply a sociotechnical perspective to show that these innovation barriers arise not only from issues with the provenance and quality of data, such as reliability, completeness, technical and semantic

compatibility but also issues with privacy and confidentiality, but also relate to management issues, including fear of misinterpretation and misuse of data, lack of appropriate legislation or uniform policies regarding data release, and lack of awareness of differences between levels of government or departments. For example, Klein et al. (2017) use open data practices in the Dutch public sector to show that governments may be technically capable of publishing large amounts of data, but they will not realize significant benefits if the applications are not aligned with departmental core missions or are inconsistent with existing management and institutional structures. The widespread dissemination and constant development of information and communication technologies have an impact on all spheres of society, including management processes and interaction with clients in government and non-government sectors. New technologies change the way people and their organizations interact, make it possible to create new types of products, and lead to qualitative changes in the economy and social sphere. Such changes in the literature are called «digital transformation» - a set of changes in society associated with the introduction (mastery) of modern information technologies (digital technologies). Until now, the concept of «digital transformation» has not received an unambiguous definition. In a broad sense, digital transformation refers to changes in all aspects of society associated with the use of digital technologies (Stolterman & CroonFors, 2004).

Digital transformation is considered a key trend characteristic of various industries and sectors of the economy and social sphere (Gray & Rumpe, 2017). Digital transformation strategies are often aimed at changing products, processes, and organization of activities (including management) based on the use of innovative technologies (Mattetall., 2015), as well as creating new opportunities for interacting with consumers and meeting their needs (Berman, 2012).

In the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council «On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025» «digital transformation» is defined as a manifestation of qualitative, revolutionary changes, consisting not only of individual digital transformations, but in a fundamental change in the structure of the economy, in the transfer of centers for creating added value to the

sphere of building digital resources and end-to-end digital processes. As a result of digital transformation, a transition to a new technological and economic structure is taking place, and new sectors of the economy are being created [9].

The RANEP research report «The State as a Platform: People and Technologies» notes that the digital transformation of public administration opens up enormous opportunities associated with the customization of services, with individualization of solutions for each citizen and organization, with completely new work from the point of view of risk model management, resource allocation, use of predictive analytics [10]. It should be noted that in the era of digitalization, people are also faced with bureaucratic acts, the so-called «digital bureaucracy». Regarding the «digital bureaucracy», we note that various aspects and features of the new form of bureaucracy are studied by different authors, in particular, A.E. Konkov. notes in his work (Konkov, 2019, p. 6) that digital bureaucracy reflects «the improvement of the competencies of the ruling class and the formation of technocratic platforms based on new versions of «electronic government».

Some authors (Petrova, 2021) define digital bureaucracy as «the availability of services within a certain service». It is noted that, as a result of digital institutionalization, there is a decrease in state bureaucratization (Shabanov, 2018), and the possibilities for opportunistic behavior, theft and fraud are limited (Udalov, 2020). The bureaucratic activities of the enterprise become completely transparent and do not depend on the corruption component (Ponomarev, 2019). Academic communities around the world have examined public management and innovation from different perspectives. They studied the social and economic development of the national economy, the impact of the banking and financial system on the development of innovation, country brand management, macroeconomic stability, green innovation and energy policy, as well as new management trends. In the implementation of innovative management technologies in the field of public administration, different countries take different approaches and have different levels of success.

According to the United Nations (UN), in 2020, about 71% of the world's countries offered online services through e-government. Some of the most developed countries in this

area include Estonia, Singapore, South Korea and Denmark [12].

Some countries are beginning to implement blockchain technology in government to improve transparency and security in processes such as elections, government contracts and data management. According to a 2020 Deloitte study, more than 30% of government organizations worldwide are considering blockchain as a technology to improve public administration. Some of the most active countries in this direction include Estonia, Dubai (UAE) and Malta [13].

At the same time, this is not an unimportant aspect in all developed countries in terms of implementation. innovative technologies is the use of artificial intelligence (AI) in public administration: Artificial intelligence is used to automate processes, and improve data analytics and decision-making in public administration. According to the World Government Summit 2020 report, about 60% of government organizations worldwide are using artificial intelligence for various purposes, including improving the quality of services for citizens, optimizing budgets and making government services more responsive. Some of the countries actively implementing artificial intelligence in public administration include the United States, China, Great Britain and Germany [14]. While some countries are making significant progress in adopting innovative management technologies, many others are still in the early stages of using these technologies. It is important to note that statistics may change over time as countries continue to develop and implement new innovative technologies in public administration.

The question of statistics on the implementation of innovative management technologies in the field of public administration in the world is important because it can help us understand how effective and widespread such technologies are, as well as identify general trends and problems in this area.

However, some organizations, such as the World Bank, the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) and others, conduct research and publish reports on the status and results of the implementation of innovative management technologies in public administration.

These reports may include information on various types of innovations, such as digitalization and e-government, the use of artificial intelligence and process automation,

data analysis for management decisions, improving interaction with citizens and businesses, and others.

One approach to collecting data on the adoption of innovative management technologies could include analyzing official reports and publications, conducting surveys and research among government agencies and experts in the field, and monitoring the use of relevant technologies in different countries.

One of the most well-known projects in this area in Estonia is the State Portal e- Estonia. This portal provides citizens and businesses with access to various government services online, such as filing taxes, obtaining health care, and registering a business. The portal also provides citizens with the opportunity to control their data and view statistical information on various areas of life.

Another example of the innovative use of analytics and statistics is the electronic voting system that was introduced in Estonia. The system uses algorithms and analytical tools to ensure the security and privacy of voting and to ensure the accuracy of vote counting [15].

In addition, Estonia actively uses analytics and statistics to develop strategic decisions in various areas such as the economy, education and health care. For example, the government uses data and statistics to determine economic priorities and take appropriate action. Overall, Estonia's experience in introducing innovative management technologies in public administration indicates significant progress in the use of analytics and statistics to improve the efficiency and transparency of public services and decision-making. This experience could be useful for other countries seeking to modernize their government systems. Estonia's experience in introducing innovative management technologies in the field of public administration includes the active use of analytics and statistics. One of the key components of this strategy was the widespread use of digital technologies and e- government. Estonia has organized electronic voting, electronic identification, and also launched an electronic document processing program. All this allows the government to access a large amount of data, analyze it and make informed decisions.

At the same time, Kazakhstan, which is currently one of the countries that is progressively introducing new technologies in all areas, including public administration, has a

significant result among developing and developed countries of the world. Many countries from Central Asia, such as Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan are interested in studying the experience of introducing new technologies into the public administration system of Kazakhstan. Conducting an analysis between Estonia and Kazakhstan, we can conclude that in Kazakhstan, as in Estonia, the state portal for the provision of public services «e-gov» is used, which currently provides about 1076 public services.

Moreover, in 2014, the mobile application «e-govmobile» was launched. Regarding the introduction of electronic voting in Kazakhstan, the Government of the state is not on the agenda.

However, to exclude corruption factors and implement such areas as «open and listening state» the introduction of such experience as in Estonia in conducting electronic elections is quite appropriate.

Materials and methods

In the study, the authors analyzed the regulatory framework of the public administration system in Kazakhstan, including Decrees of the President of the Republic of Kazakhstan, Laws of the Republic of Kazakhstan, resolutions of the Government of the Republic of Kazakhstan, strategic and program documents. The article used the following scientific research methods, such as analysis and synthesis of information provided by scientific publications on the development of innovative management technologies introduced into the public administration system. The theoretical, methodological and information base was the publications of scientists and research projects of the Astana Civil Service Hub of the Republic of Kazakhstan. Based on the analysis, we come to the conclusion that correctly developed approaches to the introduction of innovative management technologies will lead to effective interaction between government bodies and society. When conducting the research, content analysis methods were used, logical, comparative research methods were used, as a result of which it was possible to obtain the necessary information about the state of this area.

The purpose of this study is to make proposals and recommendations for improving approaches to introducing innovative

management technologies into the public administration system of the Republic of Kazakhstan.

Research results

Currently, innovative technologies in public administration represent various changes in the management system at the level of society or its parts, which set themselves the task of achieving certain goals or solving specific problems related to the development and functioning of the system. In general, such changes in the management subsystem of a company contribute to increasing the efficiency of management decisions made. There are several types of such innovations:

- organizational and managerial innovations that introduce new, more effective methods, technologies and forms of organizing management activities in government bodies. These changes are associated with changes in the forms and directions of work of government bodies at the level of structure and personality, interaction and organization of the management network of connections.

- internal management and regulatory innovations, which in a certain way change the functional component of the management subsystem, coordinating the changes with organizational, structural, technological and organizational-procedural innovations. Includes innovations in planning, evaluating and improving the performance of the management apparatus.

- socio-cultural and personal innovations that are aimed at developing the human potential of public administration through improving the corporate culture and qualities of civil servants. As part of organizational policy, they include the motivation of managers for self-development and various forms of personnel policy [16].

Theoretically, innovative technologies in public administration are defined based on a system-functional approach as targeted or natural changes in the management system or its components caused by changes in society as an object of management. This approach allows us to analyze management innovations in a wide range of aspects - from organizational to sociocultural, from changes in functions to the development of a new management culture and the use of technological innovations associated with the informatization of management processes [17].

As for the level of digitalization in public administration in the Republic of Kazakhstan, experts assess the level as average. That being said, Kazakhstan is actively implementing various information and communication technologies (ICT) in the public sector, but there is still a lot of room for improvement.

Today, a Digital Code is being developed in Kazakhstan, which will create a unified legal space for the development of the digital economy and the digital transformation of public administration.

In 2021, the Astana Civil Service Hub of the Republic of Kazakhstan (ACSH) conducted a research project in the field of innovations related to public administration and the provision of digital public services through differentiated access channels in seven countries, such as Azerbaijan, Armenia, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. So, according to this report, the level of implementation of new technologies is assessed as high, but problems are noted in their integration [18].

When considering digital transformation, one should take into account the fact of how this transformation evolved (Fig. 1).

Fig. 1. Evolution of the concept of «Digital Transformation»

Automated systems	Digitalization	Digital transformation
 the process of transferring or transferring manual operations performed by a person to various devices, programs, etc. [19]	 a process that involves the use of digital technologies and digitized data for business processes, business models, business operations [19].	 a revolutionary transformation of the organization's model, including not only investment in new technologies, but also a deep transformation of products and services, organization structure, development strategy, customer service and corporate culture [20]

Source: [19,20]

According to the Joint Stock Company «National Information Technologies», which is the largest company in the information technology market of Kazakhstan, there are about 30 information electronic platforms in the

country that provide various types of services to both government agencies, and the population. Below is a table of such electronic platforms broken down by relevant industries.

Table 1. Electronic information platforms in the Republic of Kazakhstan (by spheres)

№	Direction	Designation
1.	In the sphere of public administration	1. Gov.kz,
		2. SmartDataUkimet
		3. Open Egov Government
		4. Certification Authority of the government agencies of the Republic of Kazakhstan
		5. Root Certification Authority
		6. Government Agencies Intranet Portal
		7. Inform security
		8. «Government agencies` Data Center»
		9. Regional gateway of e-Government
		10. Single e-Workflow System of government agencies (SEWS)
		11. Single email System of Government Agencies
2.	In the social sphere of public services	1. Egov
		2. Egovmobile
		3. National Certification Authority of the Republic of Kazakhstan
		4. The «Individuals» state database
		5. «Real Estate Registry National Database»
		6. The «Civil Registry Office»
		7. «Address Register» Information System
		8. The integrated information system of the Public Service Centers
		9. «Technical Inspection» Single Information System
3.	In sphere of business	1. Esapa
		2. SmartBridge
		3. Trusted Third Party of the Republic of Kazakhstan

4.	In the field of legal relations	4. «Legal Entities» National Database
		5. Epay
		1. Enotary
		2. Ezan
		3. Elisence

Source:[21]

From the table above it follows that in the field of public administration, there are 11 information projects, in the social sphere providing public services 9, in the field of business 5 projects and legal relations 3 projects. According to these statistics, it follows that information platforms predominate in public administration, while it is the public sector that, in turn, interacts with all other platforms related to the provision of public services to citizens and businesses as well.

At first glance, the development and existence of such several platforms is justified from the point of view of automation of public administration and the provision of public services to the population. However, during the era of digitalization and its transformation, the question is raised of the integration of government information systems, including the use of artificial intelligence, which would make it possible to obtain and solve problems in one click in one information system. This integration of systems would make it possible to reduce both «digital» bureaucratic actions and the time of citizens, as well as simplify the work of civil servants themselves. The meaning of

«integration» comes from the Latin integration – «restoration», «replenishment», and «connection», that is, the process of combining parts into a whole.

Data integration, in turn, means combining data located in various sources and providing the data to users in a unified form. The legislation of the Republic of Kazakhstan, in particular, the Law of the Republic of Kazakhstan «On Informatization», defines the concept of «integration of informatization objects», which in turn defines measures for organizing and ensuring information interaction between informatization objects based on the standard ones used in the Republic of Kazakhstan data transfer protocols [22].

In addition, there is an Acting Order on this issue. Minister of Information and Communications of the Republic of Kazakhstan «On approval of the Rules for the integration of informatization objects of «electronic government», according to which the

integration of informatization objects are measures to organize and ensure information interaction between informatization objects based on standard protocols used in the Republic of Kazakhstan data transmission [23]. Any digital transformation of the state is one of the reforms of public administration. Moreover, any reform is always a complex social challenge, which always requires agreement and balance between three stakeholders, such as civil society, state and business. It should be taken into account that any reform proposed by the state is aimed at the needs of citizens, and digital transformation is aimed at improving the quality of life of citizens and businesses as well.

Discussion and conclusions

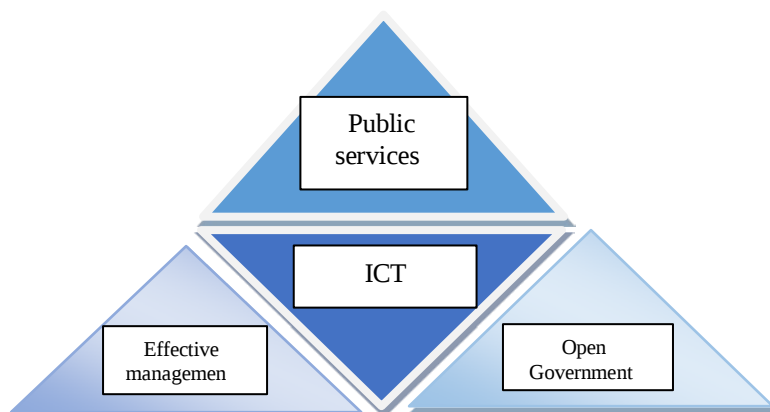
World powers in the field of using innovative management technologies use technological trends such as artificial intelligence, blockchain, Big Data, Internet-of- Things, Cloud Technologies.

Kazakhstan, by the best practices of Estonia and Denmark in the digitalization of the public sector, as well as the provision of proactive, seamless public services, has begun work on the transition to a platform model of digital transformation. The essence of such technological platforms, according to the Concept of digital transformation, development of the information and communication technologies and cybersecurity industry for 2023 - 2029, is to mobilize the efforts of all intellectual, financial and other resources in priority areas and introduce key technologies of the industry, which is extremely important when optimizing the budget in times of crisis. The

Concept places particular importance on the issue of public trust in the state, its readiness for change, the sustainable formation of a demand for more effective public administration, and the participation of citizens in management decision-making. When introducing innovative management technologies into the public administration system of the Republic of Kazakhstan, the following conclusions can be drawn: to effectively build public administration, it is

necessary to take into account all areas of readiness. In this case, four main areas of readiness are identified (Fig. 2).

Fig. 2. Areas of readiness for innovative technologies in the public administration system

Source : [21]

Each area has its functionality.

ICT – readiness of the infrastructure for the development and implementation of innovative technologies;

Public services – the readiness of government agencies to provide assistance and meet the needs of the population;

Open Government – the state's readiness to be open, listening and people-oriented about society;

Effective management is the readiness of government agencies to use effective means to build a modern, smart and digital state. According to UN research, Kazakhstan ranks 28th (+1) in the «Development of e- Government» index and 8th in the «Online Services» index (1208 public services (92%) are provided in electronic format, of which 484 are in non-alternative and 724 in alternative basis) [25].

This became possible due to the construction of an electronic government infrastructure - key databases and industry information systems, interaction and data exchange buses (electronic government gateway, Smart Bridge).

From the analysis of the work it follows that when introducing any new technologies into the public administration system, it is necessary to take into account both internal and external factors. The level of introduction of innovative management technologies into the public administration system of the Republic of Kazakhstan, such as information platforms, is very high, but as analysis shows, the creation of a large number of identical platforms for solving

society's problems is not guaranteed. On the contrary, it can lead to «digital bureaucracy», which in turn can lead to negative consequences both for society and for the state apparatus as a whole.

At the same time, today Kazakhstan is taking measures to unite identical platforms in the field of digitalization in the public administration system, such as the creation of a single digital platform of the digital government (e-Government), which unites various services and platforms to simplify citizens' access to public services, and mechanisms have been created to collect feedback from users of public services. For example, regular surveys and monitoring of the quality of services help to identify problems and optimize processes, as well as avoid duplication of services provided and prevent the provision of unnecessary certificates and information from citizens.

In the context of the issues under consideration, it follows that the introduction of innovative technologies is not in doubt, however, it is necessary to take into account the human factor in which civil servants, due to their competent functions and at the psychological level, are ready to change the traditional format of work to innovative technologies. Such circumstances usually delay the process of introducing new technologies.

Conclusion

Based on the above, it should be concluded that by introducing innovative

technologies in public administration, efficiency is improved in all directions, such as the country's economy, work processes in the country's domestic and foreign policy, as well as the quality of work of the state apparatus itself, increasing transparency and openness of decision-making processes, which helps to increase confidence among citizens and businesses in government authorities.

At the same time, given changing conditions, innovation introduced by the state must be adaptive to change. Why is it necessary to ensure constant updating and improvement of management technologies to meet modern requirements and meet the needs of a developing society.

In this regard, the following is proposed:

1) consider all existing information platforms and integrate identical platforms into one platform to avoid «digital bureaucracy»;

2) the gradual development and implementation of new technologies based on the experience of Estonia, in terms of the active use of analytics and statistics in the implementation of digital technologies;

3) consider the issue of holding electronic elections on the territory of the country;

4) create a transparent system of work with developers of new technologies, supporting the use of flexible design and decision-making methods; 5) create mechanisms for monitoring civil society and feedback from citizens-users of information platforms.

References

1. Kistaubayev A.A. Novshestvo i innovatsiya [text] / Kistaubayev A.A.// Vestnik OGU. - 2003. - №3. – P. 159-160., (<https://cyberleninka.ru/article/n/novshestvo-i-innovatsiya>, pdf, date of access: 05.06.2024).
2. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 26 fevralya 2021 goda № 522 «Ob utverjdeniyi konsepcii razvitiya gosudarstvennogo upravleniya Respubliki Kazakhstan do 2030 goda» [text] – (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000522>, date of access: 05.06.2024).
3. Postanovlenie Pravitelstvo Pespubliki Kazakhstan ot 28 marta 2023 goda № 269 «Ob utverjdenii konsepcii tsifrovoy transformatsii, razvitiya otrasli informatsionno-kommunikatsionnyh tehnologii i kiberbezopasnosti na 2023-2029 godi» [text] – (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269>, date of access: 07.06.2024).
4. OECD Factbook 2014 Economic, environmental and social statistics [text] / OECD Publishing. (<http://dx.doi.org/10.1787/factbook-2014-en>, date of access: 05.06.2024)
5. Atairet C.A. Innovative and service delivery for sustainable civil service in Nigeria [text] / Atairet C.A.// AKSU JOURNAL OF MANAGEMENT SCIENCES (AKSUJOMAS) – 2022. -№7. – P. 195-198. – (file:///C:/Users/User/Downloads/InnovativeAdministrationandServiceDeliveryforSustainableCivilServiceinNigeria2-1.pdf, date of access 08.06.2024).
6. Anaphat N., Supawadee H. Applying Government Innovations for Public Management and Public Services [text] / Anaphat N., Supawadee H.// Ramkhamhaeng International Journal of Science and Technology – 2023. - № 6(1). P. 41-50. – (<https://ph02.tci-thaijo.org/index.php/RIST/article/view/249300/168773>, date of access: 08.06.2024).
7. Melanie N. Using Kotter's Change Management Theory and Innovation Diffusion Theory In Implementing an Electronic Medical Record [text] / Melanie N.// Canadian journal of nursing informatics. – 2013. № 8 (1,2). – P. 41-45. (<https://www.printfriendly.com/p/g/2WzRGs> date of access 10.06.2024)
8. Antonio B., Cristiano B. Technologies of government in public sector's networks: In search of cooperation through management control innovations [text]/ Antonio B., Cristiano B. //Management Accounting Research – 2011. – 22(4). P. 211-219, (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1044500511000515>, date of access 10.06.2024)
9. Reshenie Vysshego ekonomicheskogo Soveta ot 11 oktyabrya 2017 goda № 12 «Ob osnovnyh napravleniyah realizatsyi tsifrovoy povestki Evraziskogo ekonomicheskogo soveta do 2025 goda» [text] – (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/H17B0000012>, date of access 15.06.2024).
10. Shklyaruk M.S. Gosudarstvo kak platform: ludi i tehnologii [text] / Shklyaruk M.S. // Ranhigs – 2019. – P 81-87., (<https://roscongress.org/materials/gosudarstvo-kak-platforma-lyudi-i-tehnologii>, date of access 05.06.2024)
11. UN E-Government Survey 2022. – (<https://publicadministration.desa.un.org/publications/un-e-government-survey-2022> date of access: 14.06.2024)
12. Deloitte Malta blockchain Powering your innovation. – 2018., (https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/mt/Documents/about-deloitte/dtmt_blockchain_brochure_online_2018.pdf, date of access: 22.06.2024).
13. World Government Survey -2020., (https://www.worldgovernmentsummit.org/docs/default-source/publication/2020/report_siame_future_2020.pdf?sfvrsn=eacc1279_2, date of access: 12.06.2024).
14. Dyachkova M.S. Sushnost ponyatiya «kastomizatsiya» [text] / Dyachkova M.S.// Teoriya I praktika sovremennoi nauki – 2020. - №3 (57). – P. 103-106., (file:///C:/Users/User/Downloads/suschnost- ponyatiya-kastomizatsiya-1.pdf, date of access 05.06.2024)
15. Kattel R., Mergel I. Estonia's Digital Transformation : Mission Mystique and the Hiding Hand [text] / Kattel R., Mergel I.// Oxford University Press.- 2019. - P. 143-160. – (https://www.researchgate.net/publication/338954441_Estonia's_Digital_Transformation_Mission_Mystique_and_the_Hiding_Hand/link/5e390610458515072d7d0657/download?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxiY2F0aW9uIiwicGFhZSI6InB1YmxiY2F0aW9uIn19 date of access 23.06.2024).
16. Asriyants K.G., Omarova M.R., Ryabyh K.V. Innovatsionnye tehnologii v sfere gosudarstvennogo upravleniya [text] / Asriyants K.G., Omarova M.R., Ryabyh K.V.// Industrialnaya ekonomika. -2021. - №4. – P. 185-190., (<https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-sfere-gosudarstvennogo-upravleniya> date of access 23.06.2024).

17. Kruglova I.A., Krivonos A.D. Ispolzovanie tehnologi internet veshei I iskistvennogo intelekta kak instrumentov povysheniya ekonomicheskoi bezopasnosti na transporte [text] / Kruglova I.A., Krivonos A.D. // *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*. – 2023. – № 8 (13). – P. 2909-2926. – (<https://journals.eco-vector.com/2222-534X/article/view/607748>, date of access: 12.06.2024)
18. ACSH (2022). Open [Government] // Data Policies and Practices: Select Country Cases. Astana: Astana Civil Service Hub 2022, P. 35-60. – (https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/research_pdf/20230307_Open%20Government%20Data_fin.pdf, date of access: 15.06.2024)
19. Domingues P., Carreira P, Vieira R., Kastner W. Building automation systems: Concepts and technology review [text] / Domingues P., Carreira P, Vieira R., Kastner W. // *Computer Standards & Interfaces*. – 2016. – № 45. – P. 1-12. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0920548915001361>, date of access: 12.06.2024).
20. Alvarenga A., Matos F., Godina R., João C. O. Digital Transformation and Knowledge Management in the Public Sector [text] / Alvarenga A., Matos F., Godina R., João C. O. // *Sustainability*. – 2020. – №12. – P. 4-10. (<https://www.mdpi.com/2071-1050/12/14/5824>, date of access 15.06.2024).
21. Proecty AO NIT. (<https://www.nitec.kz/ru/article/proekty>, date of access 12.06.2024)
22. Zakon Respubliki Kazahstan ot 24 noyabrya 2015 goda № 418 «Ob informatizatsii» [text] - (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418#z1>, date of access: 06.06.2024).
23. Prikaz i.o. ministra informatsii i kommunikatsii Respubliki Kazahstan ot 29 marta 2018 goda № 123 «Ob utverjdenii pravil integratsii obektov informatizatsii «elektronnogo pravitelstva». [text] – (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016777>, date of access: 05.06.2024).
24. Obshaya otsenka prodvijeniya standartov effektivnogo gosudarstvennogo upravleniya v Respubliki Kazahstan na primere vnedreniya I razvitiya principov Otkrytogo pravitelstva. – 2017. – P. 14-16. – (<https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/03/Oczenka-po-gosupravleniyu.pdf>, date of access 05.06.2024).
25. United nations Kazakhstan annual report 2022 [text] – 2022. – P. 36-37., (<https://kazakhstan.un.org/sites/default/files/2023-04/UN%20Kazakhstan%20Annual%20Report%202022%20EN.pdf>, date of access: 05.06.2024)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІНДЕ ИННОВАЦИЯЛЫҚ БАСҚАРУ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ҚОЛДАНУ

Гульсара ДЖУНУСБЕКОВА, э.ғ.к., Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының профессоры, Gulsara.Dzhunusbekova@apa.kz, ORCID ID-0000-0002-2709-652, [Scopus ID: 57211720295](https://orcid.org/0000-0002-2709-652)

Жанна БАТЫРГОЖИНА, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының докторанты, Z.batyrgozhina@apa.kz, ORCID ID-0000-0002-1735-5700

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Гульсара ДЖУНУСБЕКОВА, к.э.н., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Gulsara.Dzhunusbekova@apa.kz, ORCID ID-0000-0002-2709-652, [Scopus ID: 57211720295](https://orcid.org/0000-0002-2709-652)

Жанна БАТЫРГОЖИНА, докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Z.batyrgozhina@apa.kz, ORCID ID-0000-0002-1735-5700

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КЕДЕНДІК ИНТЕГРАЦИЯЛАНҒАН БАҚЫЛАУ МЕХАНИЗМІН ДАМУ САЛАСЫНДАҒЫ БАСТАМАЛАР

Сария*
КАЗБЕКОВА

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Басқару институтының докторанты, Астана, Қазақстан Республикасы, kazbekova_88@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-9490-6740

Гүлмира
ЕСЕНОВА

экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, «Назарбаев зияткерлік мектептері» ДББҰ «Педагогикалық шеберлік орталығы» ЖМ білім беру бағдарламалары бөлімінің басшысы, Астана, Қазақстан Республикасы, pavlodarsemey@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-4576-3920, Scopus Author ID: 56658696000

Қолжазбаның редакцияға түскен күні: 07/05/2024

Қайта өңделген күні: 11/01/2024

Қабылданған күні: 20/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1245

ӨОЖ 336.025

ГТАХТК 06.73.15

Аңдатпа. Бұл мақалада сауданы жеңілдету үшін кедендік саясатты үйлестіру қажеттілігі және басқару мен үйлестіруді жақсарту үшін шекараны кешенді басқару және «бір терезе» сияқты сауданы жеңілдетудің белгілі тұжырымдамалары Қазақстанда қаншалықты қолданыла алатыны қарастырылады. Мақаланың мақсаты – Қазақстандағы кедендік ресімдеу рәсімінің қазіргі жағдайын зерделеу, кешенді кедендік бақылауға қатысушылардың өзара іс-қимылын үйлестіру механизмін әзірлеу бағыттарын ұсыну. Зерттеу әдебиеттердің мазмұнын талдауға және кеден органдарының практикалық тәжірибесіне негізделген. Эмпирикалық зерттеу қазақстандық кеденнің ашық дереккөздерінен және қолданыстағы заңнамадан алынған ақпаратқа негізделген. Бұл мақала сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін жоюға әкелетін кешенді бақылауды енгізудің артықшылықтарын анықтайды, өйткені деректер барлық мүдделі қызметтер үшін ашық болады, ал ақпаратқа қолжетімділік қызметкерлердің функциялары мен өкілеттіктеріне сәйкес реттеледі.

Кешенді мемлекеттік бақылау тетігін енгізу нәтижесінде мемлекеттік органдардың қызметі азаматтардың қажеттіліктеріне және мемлекеттік шешімдердің тиімділігіне бағытталатын болады, бұл мемлекет пен қоғам арасындағы қатынастардың бюрократиялық үлгісінен «халық үніне құлақ асатын» және «белсенді» үлгісіне ауыстырылуына мүмкіндік береді. Бұл тауарлардың шекарадан өту уақытын қысқартады, нәтижесінде шекараны өту кезіндегі мемлекеттік бақылаудың тиімділігін, транзиттік әлеуетті, салықтар мен кедендік төлемдерді жинауды арттырады деп күтілуде.

Түйін сөздер: кеден, кіріс, кедендік әкімшілендіру, сауданы жеңілдету, «бір терезе» қағидаты, кедендік ресімдеу орталықтары, кедендік ресімдерді жеңілдету.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается необходимость координации таможенной политики для содействия торговле и то, в какой степени некоторые концепции содействия торговле, такие как комплексное управление границами и «единое окно», могут быть применимы в Казахстане для улучшения управления и координации. Цель статьи – изучить актуальное состояние процедуры таможенного оформления в Казахстане, представить направления развития механизма координации взаимодействия участников интегрированного таможенного контроля. Исследование основано на контент анализе литературы и практического опыта таможенных органов. Эмпирическое исследование обосновано информацией из открытых источников казахстанской таможни, действующего законодательства. В данной статье определены преимущества внедрения интегрированного контроля, которое должно привести к исключению коррупционных рисков, поскольку данные будут прозрачны для всех заинтересованных служб, а доступ к информации регулируется в соответствии с функциями и полномочиями сотрудников.

¹В результате внедрения механизма комплексного государственного контроля будет достигнута ориентированность деятельности государственных органов на нужды граждан и эффективность принимаемых государственных решений, что позволит отойти от бюрократической модели отношений между государством и обществом на «слышащее» и «проактивное». Ожидается, что это позволит сократить время прохождения товаров через границу, что повысит эффективность государственного контроля при пересечении границы, транзитный потенциал, сбор налогов и таможенных пошлин.

* Хат-хабарларға арналған автор: С. Казбекова, kazbekova_88@mail.ru

Ключевые слова: таможня, доходы, таможенное администрирование, содействие торговле, принцип «единого окна», центры таможенной очистки, упрощение таможенных процедур.

Abstract. This article examines the need for customs policy coordination to facilitate trade and the extent to which certain trade facilitation concepts, such as integrated border management and «single window», can be applied in Kazakhstan to improve governance and coordination. The purpose of the article is to study the current state of the customs clearance procedure in Kazakhstan, to present directions for the development of a mechanism for coordinating the interaction of participants in integrated customs control. The study is based on content analysis of literature and practical experience of customs authorities. The empirical study is based on information from open sources of Kazakhstan customs and current legislation. This article identifies the advantages of implementing integrated control, which should lead to the elimination of corruption risks, since the data will be transparent to all interested services, and access to information is regulated in accordance with the functions and powers of employees.

As a result of the introduction of a mechanism of comprehensive government control, the activities of government bodies will be focused on the needs of citizens and the effectiveness of government decisions, which will allow us to move away from the bureaucratic model of relations between the state and society to “listening” and “proactive”. It is expected that this will reduce the time it takes for goods to cross the border, which will increase the efficiency of government control at border crossings, transit potential, and the collection of taxes and customs duties.

Keywords: customs, revenue, customs administration, trade facilitation, «single window» principle, customs clearance centers, simplification of customs procedures.

Кіріспе

Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаев 2022 жылғы 1 қыркүйектегі Қазақстан халқына жолдауында тексерушілер санын қысқартуға және «бір терезе» қағидатын енгізуге мүмкіндік беретін интеграцияланған кедендік бақылау тетігін кедендік ресімдеу орталықтарының және электрондық декларациялау басқармасының жұмысына енгізу қажеттігін көрсетті [1].

Қазіргі уақытта сыртқы экономикалық қызметке қатысушы Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасын өту кезінде кедендік ресімдеуден өту және тауарларды шығару мақсатында түрлі мемлекеттік қызметтерге тиісті құжаттарды ұсынады. Өйткені шекаралық, кедендік, көліктік, санитарлық-карантиндік, ветеринариялық, фитосанитарлық бақылау және мемлекеттік бақылаудың басқа да түрлерін бес мемлекеттік органның қызметкерлері жүзеге асырады. Сонымен қатар, сыртқы сауда қызметін тарифтік емес реттеу шараларына сәйкес рұқсаттар мен лицензияларды он екіден астам мемлекеттік орган береді. Мұның бәрі қағазбастылыққа және мемлекеттік қызмет көрсету мерзімінің ұлғаюына әкеледі.

2003 жылы Дүниежүзілік сауда ұйымының (ДСҰ) Министрлер конференциясы барысында елдер арасындағы сауда экономикалық әл-ауқаттың маңызды факторы болып табылатыны туралы мәлімденді. Кедендік әкімшіліктер халықаралық сауда тиімділігінің маңызды құрамдас бөлігі болып табылады, өйткені олар ұлттық

заңнаманың және халықаралық сауда ережелерінің сақталуын қамтамасыз ету

үшін әрбір жөнелтілімді өңдейді. Кірістің түсуін және сауда жеткізу тізбегінің қауіпсіздігін қамтамасыз ету функцияларын орындаумен қатар, кеден органдары инвестицияларды ынталандыру және қоғамның әл-ауқатын арттыру үшін сауда рәсімдерін жеңілдету миссиясын орындауы қажет [2].

Халықаралық сауданы ырықтандыру бастамалары шекара арқылы тасымалданатын тауарлар көлемінің жылдам өсуіне әкелді. Кедендік одақтар мен еркін сауда аймақтары сияқты преференциялық келісімдердің жүзеге асырылуы тарифтік кедергілердің азаюына әкелді. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2013 жылғы 17 қыркүйектегі № 977 қаулысымен бекітілген «Өткізу пункттерін ашу (жабу), олардың жұмыс істеуі (пайдаланылуы), оларды санаттарға бөлу, жіктеу, жайластыру қағидаларын, сондай-ақ техникалық жарақтандыру, жаңғырту және олардың жұмысын ұйымдастыру, сервистік инфрақұрылым жөніндегі талаптарды бекіту талаптарға» сәйкес Қазақстан Республикасының Мемлекеттік шекарасын адамдардың кесіп өтуінің, ол арқылы көлік құралдарын, жүктерді, тауарларды, жануарларды, өсімдік өнімдерін және өзге де мүлікті тасымалдаудың белгіленген тәртібінің сақталуын қамтамасыз ету үшін өткізу пункттерінде шекаралық, кедендік, санитариялық-карантиндік, ветеринариялық, фитосанитариялық

бақылау және бақылаудың өзге де түрлері жүзеге асырылады [3].

Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігінің Мемлекеттік кірістер комитеті туралы ережеге сәйкес Комитеттің міндеттеріне ЕАЭО-ның кедендік шекарасы арқылы автомобиль өткізу пункттерінде санитарлық-карантиндік бақылауды және автомобиль, теңіз өткізу пункттерінде және ЕАЭО кедендік шекарасы арқылы тауарларды өткізудің басқа орындары көліктік бақылауды ұйымдастыру жатады [4].

Аталған міндеттерді интеграцияланған бақылауды енгізу арқылы шекараны өту кезінде және ресімдеу орталықтарында жүргізілетін барлық рәсімдерді оңтайландыру көмегімен шешуге болады.

Сауданы жеңілдету жөніндегі бұл бастама бизнес қауымдастығына да, үкіметке де пайдалы болады. Бір жағынан сауданы жеңілдету және екінші жағынан сауда қауіпсіздігі арасындағы тепе-теңдік заңды тауарлардың шекарадан қажетсіз кедергілерсіз өтуіне мүмкіндік береді, сонымен бірге халықаралық сауда жеткізу тізбегін ұйымдасқан қылмыстан туындайтын қауіптерден қорғайды.

Айта кету керек, «бір аялдама, бір терезе» қағидаты алғаш рет 2008 жылы 13 мамырда жарияланған болатын. Кедендік бақылаудың интеграцияланған жүйесі өткізу пункттерінде орналасқан қызметтердің санын олардың функцияларын кеден органдарына бере отырып, қысқартуды көздеді, бұл өз кезегінде заңнамаға «шекарадағы автомобиль өткізу пункттеріндегі көлік, ветеринарлық, фитосанитарлық және санитариялық-эпидемиологиялық бақылау функцияларын кеден органдарына беру туралы» өзгертулер енгізуді талап етеді. Жедел басқару орталығы негізінде ведомствоаралық мониторинг жүйесін құру, рұқсат беру құжаттарының санын және оларды беру мерзімдерін қысқарту, сондай-ақ Ұлттық қауіпсіздік комитетінің Шекара қызметін қоспағанда, бақылау функцияларын өткізу пункттерінен жүк терминалдары мен кедендік ресімдеу орталықтарына беру көзделді [5].

Теориялық негіздері

Кеден органдарының жұмысын «Бір терезе» және «Біріңғай терезе» тетіктері негізінде тиімді ұйымдастыру үшін алдымен 1-кестеде көрсетілген осы тәсілдің негізгі мазмұнын ашып көрсету қажет.

1-кесте – «Бір/біріңғай терезе» механизмінің негізгі мазмұны

Термин	Анықтамасы
«Бір терезе» (БҰҰ ұсынған)	«Сауда және көлік операцияларына қатысатын тараптарға импортқа, экспортқа және транзитке қатысты барлық реттеуші талаптарды орындау үшін бір арна арқылы стандартталған ақпарат пен құжаттарды ұсынуға мүмкіндік беретін механизм». Сонымен қатар, жеке деректер элементтері тек бір рет ұсынылуы керек.
«Біріңғай терезе» (ЕАЭО қолданып жүрген)	Сыртқы экономикалық қызметті реттейтін мемлекеттік органдар мен сыртқы экономикалық қызметке қатысушылар арасындағы өзара іс-қимыл механизмі, бұл сыртқы экономикалық қызметке қатысушыларға кейіннен экономикалық қызметтің орындалуын бақылау кезінде өз құзыретіне сәйкес мүдделі мемлекеттік органдардың және өзге де ұйымдардың пайдалануы үшін бірыңғай өткізу арнасы арқылы стандартталған нысанда құжаттарды бір рет ұсынуға мүмкіндік береді.
Дереккөз: [6,7]	

1-кестеде келтірілген «Бір терезе» және «Біріңғай терезе» механизмдерінің мазмұнын талдай отырып, келесі қорытындыларды жасауға болады:

1) БҰҰ мен Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) қолданатын мазмұн ұқсас;

2) екі жағдайда да құжаттарды бір жолғы, бір арна арқылы ұсыну және

стандартталған нысанда жүзеге асырылады.

Карина Элмане-Хелмане, Карлис Кетнерс өз зерттеулерінде шекараны үйлестірілген басқару (CBM) немесе шекараны интеграцияланған басқару (IBM) сияқты терминдерді келтірді. Бұл екі ұғымның мақсаты - деректерді жинақтауға, бірлесіп пайдалануға және бөлісуге,

шекарадағы өкілеттіктерге және жауапкершілікке, инфрақұрылымға (физикалық, технологиялық және ұйымдастырушылық), заңнамаға және шекаралық қызметті реттеуге, сондай-ақ жобаны әзірлеу үшін қаржыландырудың болуына баса назар аудара отырып, сауданың тиімділігін арттыру [8].

Осылайша, кедендік бақылауды және тәуекелдерді талдау тиімділігін арттыру, алаяқтықпен күресу және кедендік ресімдеу процесін жеңілдету, кәсіпорындар үшін де, мемлекеттік органдар үшін де кедендік ресімдеу үшін қажетті уақыт пен шығындарды азайту мақсатында Еуропалық Одаққа (ЕО) мүше мемлекеттер интеграцияланған электрондық ақпарат алмасу жүйесін құруды шешті. Бұл шешім ЕО-ның барлық мүше мемлекеттеріндегі кеден органдары мен экономикалық операторлар арасында, сондай-ақ кеден органдары мен тауарларды ресімдеумен және бұл процесті бақылаумен айналысатын басқа да мемлекеттік органдар арасында деректер алмасуды қамтамасыз ететін электрондық жүйелерді дамытудың ЕО стратегиясына сәйкес келеді [8].

Бұл мақсат Еуразиялық экономикалық қоғамдастықтың Мемлекетаралық кеңесінің бастамасымен Кеден одағының сыртқы және өзара саудасының интеграцияланған ақпараттық жүйесін құру тұжырымдамасында және оны іске асырудың бірінші кезектегі шараларында да көрініс тапқан [9].

Кедендік бақылау процесін оңтайландыруға кеден органдарына алдын ала ақпарат беру айтарлықтай үлес қосты – бұл технологиялық процесс, оның барысында мүдделі тұлғалар (сыртқы экономикалық қызметке қатысушылар, тасымалдаушылар, кеден өкілдері) ЕАЭО кедендік шекарасындағы белілі бір өткізу пункттері арқылы өтуі жоспарланған

тауарлар мен көлік құралдары туралы алдын ала ақпаратты дербес қалыптастырады және кеден органдарына электронды түрде береді.

Бұл алдын ала ақпаратты кеден органдары кедендік ресімдеу және кедендік бақылау мақсатында пайдаланады. Атап айтқанда, өткізу пунктінде кедендік ресімдеу кезінде ұсынылған алдын ала ақпарат тасымалдау құжаттарында көрсетілген мәліметтерге сәйкессіздік болмаған жағдайда транзиттік декларацияның электрондық көшірмесі ретінде пайдаланылады [10].

Кеден одағының заңнамасына сәйкес алдын ала ақпаратты мүдделі тұлға тауарлар мен көлік құралдарын Кеден одағының кедендік шекарасы арқылы өткізгенге дейін кемінде 2 сағат бұрын Кеден одағына мүше мемлекеттің кеден органына жіберуі тиіс.

Кеден органдарына тасымалдауға жоспарланған тауарлар туралы ақпарат және алдын ала ақпарат беру негізінде тәуекелді бағалауды жүргізуге және тауарлар кедендік аумаққа келгенге дейін кедендік бақылау объектілерін, нысандарын және кедендік бақылауды қамтамасыз ететін шараларды таңдау туралы шешім қабылдауға мүмкіндік береді [10].

Кедендік бақылауды ақпараттық қамтамасыз ету үшін жағдай жасау мақсатында 9 мемлекетпен: Қытай, Түркия, Иран, Өзбекстан, Әзірбайжан, Грузия, Түркіменстан, Украина, Тәжікстан тауарлар мен көлік құралдары туралы алдын ала ақпарат алмасуды ұйымдастыру туралы халықаралық шарттар жасалды [11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19].

Сонымен қатар, тәуекелдерді басқару жүйесін пайдалана отырып, тауарлар туралы ақпаратты талдау негізінде кедендік бақылау әдістері оңтайландырылуда (1-сурет).

1-сурет. Астана-1 ақпараттық жүйесінде жүзеге асырылатын декларацияны шығару процесі

* дереккөз: [21].

Бұл ретте мемлекеттер арасында алдын ала ақпарат пен декларация алмасуға балама қазіргі уақытта заң жүзінде анықталмаған кедендік бақылаудың «бір терезе» технологиясы болуы мүмкін.

Материалдар мен әдістер

Зерттеліп отырған мәселенің шеңберінде біз Қазақстандағы кедендік бақылау саласының негізгі сипаттамаларын талдауды маңызды деп санаймыз. Қазақстанда бұл саладағы бастамалардың негізгі қозғаушы күші мемлекет болып табылады. Осыған байланысты мемлекеттік кірістер органдары кедендік бақылауды жетілдіру бойынша жүргізіп жатқан жұмыстардың ауқымын бағалауды маңызды деп санаймыз. Сауданы жеңілдетуді дамытуда Қазақстанды қандай перспективалар күтіп тұрғанын анықтау қажет. Интеграцияланған бақылауды енгізу мәселесін авторлар контекстік талдау және салыстыру әдістерін пайдалана отырып зерттегенін атап өту маңызды.

Осы мақаладағы мақсаттарға жету үшін сипаттамалық әдіс және себеп-салдар әдісі қолданылады. ДКҰ, ЭЫДҰ және т.б. сияқты халықаралық ұйымдардың рецензияланатын және талқыланатын материалдары, талдамалық баяндамалары мен зерттеу жұмыстары, Қазақстанның, ЕАЭО және ДКҰ-ның заңнамалық құжаттары зерделенді.

Мақаланың құрылымы келесідей: кіріспеде қолданыстағы ұлттық заңнама туралы қысқаша ақпарат берілген, оған сәйкес шекарада мемлекеттік бақылау,

оның ішінде кедендік бақылау жүзеге асырылады. Осы мақаланың бұл бөлімінде келесі бөлімдердегі реформаларды талдау кезінде қандай әдіснама мен деректер қолданылғаны, сондай-ақ осы талдауға негізделген қорытындылар көрсетіледі.

Нәтижелер мен пікірталас

Зерттеудің эмпирикалық бөлігін жүргізу үшін соңғы уақытта үлкен өзгерістерге ұшыраған технологиялық шешімдер мен физикалық инфрақұрылым сияқты салаларға талдау жасау қажет. ЕАЭО Кеден кодексінің 104-бабына сәйкес кедендік декларациялау электронды түрде жүзеге асырылады [22]. Қазіргі уақытта Қазақстан Республикасында кедендік реттеу саласында АСТАНА-1 және «Экспорттық-импорттық операциялардың бірыңғай терезесі» екі ақпараттық жүйесі жұмыс істейді, олар 2017 жылдан бастап кедендік бизнес-процестерді автоматтандыру деңгейін айтарлықтай ілгерілетіп, оң нәтижелер бергені сөзсіз.

«АСТАНА-1» АЖ барлық кедендік рәсімдер мен операцияларды қамтиды, Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігі Мемлекеттік кірістер комитетінің салық деректер базаларымен интеграцияның жоғары деңгейімен қатар, Қазақстан Республикасының және ЕАЭО елдерінің мемлекеттік органдарының басқа жүйелерімен ақпараттық өзара іс-қимылды жүзеге асырады. «АСТАНА-1» ақпараттық жүйесінде алғаш рет тауарларға арналған декларацияларды автоматты түрде тіркеу және шығару технологиясы енгізілді. Бұл жаңашылдық декларацияны тіркеуді, тәуекелдерді басқару жүйесімен

бақылауды, декларанттың жеке шоттарынан кедендік баждар мен салықтардың сомаларын есептен шығаруды, сондай-ақ тауарларды шығару туралы шешімді мемлекеттік кірістер органының лауазымды тұлғаның қатысуынсыз ақпараттық жүйенің өзі қабылдауды көздейді.

Электрондық өзара іс-қимыл процестері үшін «кері байланыс» қамтамасыз етіледі, яғни ақпараттық жүйелерді пайдалана отырып, кеден органдарына өтініш берген тұлғалар кеден қызметі қабылдаған шешімдер туралы хабардар етілетіндігін атап өткен жөн. Кедендік әкімшілендіруі дамыған елдердегі тәжірибеге ұқсас, кеден қызметкерлеріне транзиттік декларацияларды, жолаушыларға арналған кедендік декларацияларды, көлік құралдарына арналған декларацияларды, сондай-ақ тауарларды экспорттау рәсіміне жатқызу үшін ұсынылған тауарларға арналған декларацияларды толтыру мүмкіндігі енгізілді.

Осылайша, АСТАНА-1 АЖ енгізу арқылы келесі артықшылықтар алынды:

- жүйе пайдаланушыларға тегін ұсынылады;

- кедендік декларацияны мемлекеттік кірістер органына жөнелту құжаттарын қоса бермей-ақ беруге болады;

- тәуекелдерді басқару жүйесінен ұсынымдар болмаған жағдайда тауарларды автоматты түрде шығару.

«АСТАНА-1» АЖ іске асырудың нәтижесі:

- тәуекелдер болмаған жағдайда тауарларды кедендік ресімдеу уақытын 1 минутқа дейін қысқарту, бұл кедендік декларациялардың жалпы санынан кедендік декларациялардың шамамен 70%-ын құрайды, қалған 30%-ы шығару уақыты ТБЖ шығарған ұсынымдарды орындауға байланысты ТБЖ шеңберінде тәуекелдерді барынша азайту шаралары қолданылған кедендік декларациялар болып табылады;

- тауарларды декларациялау кезінде сыртқы саудаға қатысушылардың қаржылық шығындарын азайту;

- сыртқы сауда қызметіне қатысушылар мен кеден органдары арасындағы тікелей байланысты барынша азайту арқылы сыбайлас жемқорлық деңгейін төмендету.

Жалпы алғанда, тәжірибеде автоматты түрде берілетін тауарларға арналған декларациялардың ұлғаюы байқалды, сонымен қатар электрондық декларацияны енгізу ТБЖ шеңберінде субъектіге бағытталған тәсілді қолдану есебінен кедендік рәсімдерді жеделдетуге ықпал етеді, кедендік бақылау барынша азайтылды. «Астана-1» АЖ-да Ауыл шаруашылығы министрлігінің жүйелерімен интеграциялану арқылы қамтамасыз етілген ветеринариялық және фитосанитариялық бақылау үшін белгілер қойылады. Санитарлық-карантиндік және көліктік бақылауды мемлекеттік кірістер органдары жүзеге асырады [23]. Сауда рәсімдерін жеңілдету, сондай-ақ мемлекеттік қызметтерді көрсету инфрақұрылымын дамыту бойынша Қазақстанның міндеттемелерін орындау мақсатында 2019 жылдың наурыз айында экспорттық-импорттық операцияларға арналған «Біріңғай терезе» порталы енгізілді. Бұл портал халықаралық ұйымдардың ұсынымдары негізінде кезең-кезеңімен іске қосылды.

Осылайша, мемлекеттік қызметтерді автоматтандыру шеңберінде кеден ісі саласында келесі қызметтерді электронды түрде көрсетуге көшу бойынша жұмыстар жүргізілді:

- «Уақытша сақтау қоймалары иелерінің тізіліміне енгізу»;
- «Өз тауарларын сақтайтын қойма иелерінің тізіліміне енгізу»;
- «Кеден қоймалары иелерінің тізіліміне енгізу»;
- «Еркін қоймалар иелерінің тізіліміне енгізу»;
- «Кеден өкілдерінің тізіліміне енгізу»;
- «Уәкілетті экономикалық операторлардың тізіліміне енгізу»;
- «Бажсыз сауда дүкендерінің тізіліміне енгізу»;
- «Зияткерлік меншік объектілерінің кедендік тізіліміне енгізу»;
- «Кедендік тасымалдаушылардың тізіліміне енгізу».

2024 жылдың соңына қарай «Кедендік баждарды, салықтарды төлеуді қамтамасыз етуді тіркеуге өтініш беру» модулін іске қосу жоспарлануда.

Уәкілетті мемлекеттік органдармен бірлесе отырып, сәйкестікті растау құжаттарын (Қазақстан Республикасы Сауда және интеграция министрлігінің

Техникалық реттеу және метрология комитеті) CITES Конвенциясына енгізілген жабайы жануарлардың/өсімдіктердің тасымалдануына рұқсаттар (Қазақстан Республикасы Экология және табиғи ресурстар министрлігі), бағалы металдарға/тастарға мемлекеттік бақылау актілері (Қазақстан Республикасы Өнеркәсіп және құрылыс министрлігінің Өнеркәсіп комитеті) беру жүйесінің құрамдас бөліктері жүзеге асырылды. Сондай-ақ ЕАЭО-ға мүше мемлекеттердің бірыңғай кедендік тізілімдерін қалыптастырудың ортақ процестеріне қосылу бөлігінде Еуразиялық экономикалық комиссияның ақпараттық жүйесімен интеграция іске асырылды.

Сонымен қатар, «Біріңғай терезе» пайдаланушылары мыналарға қол жеткізе алады:

- ақпараттық бөлімдері бар «Біріңғай терезе» порталы;
- сыртқы экономикалық қатысушының тауар номенклатурасының классификациясы, шығарылған елі, құрастырылмаған/бөлшектелген тауарлар бойынша алдын ала шешімдерді алу;
- әкелінетін тауарлардың кедендік құнын анықтау әдістерін қолдану туралы алдын ала шешімді алу;
- тіркелмеген пестицидтерді әкелуге Қазақстан Республикасы Ауыл шаруашылығы министрлігінен рұқсат алу;
- сәйкестікті растау жөніндегі органдар берген сертификаттар мен сәйкестік туралы декларацияларды алу (Қазақстан Республикасы Сауда және интеграция министрлігінің Техникалық реттеу және метрология комитеті);
- Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрлігінің Санитарлық-эпидемиологиялық бақылау комитеті берген мемлекеттік тіркеу туралы куәліктерді алу;
- көлік құралдарын VIN коды бойынша кедендік ресімдеу фактісін тексеру.

Растайтын құжаттар мен ақпаратты қайталап тапсыру қажеттілігін жою үшін қазіргі уақытта үшінші тарап жүйелерімен 18 интеграция жүзеге асырылды. Жүргізілген интеграциялар мәлімделген ақпаратты және ұсынылған құжаттарды басқа жүйелерден автоматты түрде тексеруге мүмкіндік берді. Ыңғайлы болу үшін пайдаланушылар электрондық пошта және SMS хабарламалар арқылы қызмет

көрсету күйі туралы хабарламаларды ала алады [24]. «Қазақстан Республикасындағы кедендік реттеу туралы» Қазақстан Республикасы Кодексінің «Тыйым салулар мен шектеулерді сақтау» 8-бабына сәйкес тауарлар Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы арқылы өткізіледі және (немесе) тыйым салулар мен шектеулерді сақтай отырып, кедендік рәсімдермен орналастырылады. Тарифтік емес реттеу шараларын, оның ішінде біржақты тәртіппен енгізілетін тарифтік емес реттеу шараларының және техникалық реттеу шараларының сақталуы – Еуразиялық Экономикалық Одақ туралы шартқа сәйкес Комиссия айқындаған немесе Қазақстан Республикасының заңнамасында айқындалған жағдайларда және тәртіппен, ал өзіндік ерекшелігі бар тауарларды бақылау шараларының, оның ішінде әскери мақсаттағы өнімге қатысты шаралардың сақталуы Қазақстан Республикасының заңнамасына сәйкес айқындалған жағдайларда және тәртіппен осындай шаралардың сақталуын растайтын құжаттарды және (немесе) мәліметтерді ұсыну арқылы расталады [20].

«Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағында сәйкестікті міндетті бағалауға жататын өнімді Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағына әкелу тәртібі туралы» Еуразиялық экономикалық комиссия Кеңесінің 2021 жылғы 12 қарашадағы № 130 шешімімен Еуразиялық Экономикалық Одақ шеңберінде міндетті талаптарды бекітілді [25]. Бұл тәртіпке сәйкес мемлекеттік тіркеу немесе ветеринариялық-санитариялық сараптама нысанында сәйкестікті бағалау жүргізу көзделген әкелінетін (әкелінген) өнімге қатысты техникалық реттеу шараларының сақталуы Кеден одағы Комиссиясының 2010 жылғы 28 мамырдағы № 299 және 2010 жылғы 18 маусымдағы № 317 шешімдеріне сәйкес расталады [26, 27].

«Тарифтік емес реттеу шаралары туралы» Еуразиялық экономикалық комиссия Алқасының 2015 жылғы 21 сәуірдегі № 30 шешімінің 3-тармағына сәйкес сыртқы экономикалық қызметті лицензиялау арқылы және (немесе) оны реттеудің өзге де әкімшілік шараларын қолдану арқылы іске асырылады [28].

Тауар декларациясының 33-бағаның 2-бөлімшесіне «Жіктеуіштерді бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Қаржы министрінің 2018 жылғы 21 ақпандағы №

259 бұйрығына сәйкес тыйым салулар мен шектеулер бойынша жіктеуіштің коды көрсетіледі (2-кесте) [29].

2-кесте. Кедендік декларациялау кезінде қолданылатын тыйым салулар мен шектеулердің сақталуын растайтын кодтардың жіктеуіші

Код жіктеуіштері	Тыйым салулар мен шектеулердің атауы
A	Тауарларды әкелуге және (немесе) әкетуге тыйым салу
B	Тауарларды әкелуге және (немесе) әкетуге мөлшерлемелік шектеулер
C	Тауарларды әкелуге және (немесе) әкетуге рұқсат беру тәртібі
D	Техникалық реттеу
E	Санитарлық шаралар
F	Ветеринариялық-санитариялық шаралар
G	Карантиндік фитосанитариялық шаралар
H	Қосарлы және әскери қолданыстағы (мақсаттағы) тауарлар және технологиялар

*дереккөз: [29].

Кедендік ресімдеу кезінде сәйкестікті растау жөніндегі құжаттар мен тауарларға арналған декларациялар Еуразиялық экономикалық одаққа мүше мемлекеттердің уәкілетті органдарының ресми интернет-ресурстарында орналастырылған растайтын құжаттардың тізілімдерімен тексеріледі.

ЕАЭО-ға мүше елдерде жүзеге асырылатын сыртқы экономикалық қызметті реттеу жүйесіндегі ұлттық «біріңғай терезе» тетігінің эталондық үлгісі цифрлық кеденге көшу тенденцияларына сәйкес келеді.

Дегенмен, бүгінгі күннің мәселелері шешім қабылдауға адам факторының әсерін азайтуға және кедендік формальдылықты жеңілдетуге бағытталған неғұрлым икемді жүйелерді қолдануды талап етеді.

«Keden» жаңа ақпараттық жүйесі мемлекеттік органдармен өзара іс-қимылдың «бір терезе» қағидатын қамтамасыз етеді, тауарларды әкелу кедендік рәсімдерін, рұқсаттар алуды және тауарларды шығарғаннан кейінгі бақылауды айтарлықтай жеңілдетеді, сондай-ақ бизнес және үкімет арасындағы өзара іс-қимылдың тиімді экожүйесін құруға мүмкіндік береді. Ресурстардың жетіспеушілігі қолда бар ресурстарды оңтайландыру және дамуға ықпал ететін шараларды енгізу арқылы даму қажеттігін көрсетеді. Тиімді болу үшін бизнеспен де, әртүрлі органдармен де, соның ішінде мемлекеттік ведомстволармен, ұйымдармен және әртүрлі бірлестіктермен де өзара әрекеттесу қажет. Ең дұрысы,

ынтымақтастық үш түрлі деңгейде кеңейтілуі мүмкін: ведомствошілік, ұлттық деңгейдегі ведомствоаралық және халықаралық немесе аймақтық деңгейдегі ведомствоаралық.

2024 жылдың басынан бастап Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігінің Мемлекеттік кірістер комитеті «АСТАНА-1» және «Экспорт-импорт операцияларының бірыңғай терезесі» ақпараттық жүйелерінің қолданыстағы функционалдығын кезең-кезеңімен алмастыратын «Keden» жаңа кедендік ақпараттық жүйесін іске қосу бойынша жұмыстарды жүргізуде. Осы процестің шеңберінде 2024 жылдың қараша айында «Keden» АЖ-да кедендік баждарды, салықтарды төлеуді қамтамасыз ету куәлігін тіркеуге өтінімдерді беруді, сондай-ақ сертификаттың өзін қалыптастыруды қамтитын жаңа функцияны іске қосу жоспарлануда. Сонымен қатар, көрсетілген кезеңде «Keden» АЖ-де келесі функциялардың жұмысы басталады:

- тауарлар келген кезде алдын ала ақпарат беру және кедендік операцияларды өткізу.

- көлік, ветеринариялық, фитосанитарлық және санитарлық-эпидемиологиялық бақылауды өткізу.

- транзиттік декларацияны ұсыну, ресімдеу және шығару, сондай-ақ кедендік транзиттің аяқталуы.

- тауарларды уақытша сақтау бойынша кедендік операцияларды жүргізу.

- резидент емес жеке тұлғалар үшін бірегей сәйкестендіру нөмірлерін қалыптастыру [30].

2-сурет. Кедендік әкімшілендірудің қолданыстағы және енгізуге жоспарланған ақпараттық жүйелері

*дереккөз: [30]

3-сурет. «бір терезе» қағидаты бойынша кедендік ресімдеудің барлық рәсімдерін қамтитін бірыңғай кедендік әкімшілендіру жүйесі

*дереккөз: [30]

4-сурет – Кеден ақпараттық жүйесінің сипаттамасы

«Keden» ақпараттық жүйесі

*дереккөз: [30]

Кеден одағы комиссиясының 2011 жылғы 22 маусымдағы № 688 «Еуразиялық экономикалық одақ мемлекеттерінің кедендік шекарасы арқылы өткізу пункттерінде жүзеге асырылатын шекаралық, кедендік, санитарлық-карантиндік, ветеринариялық, карантиндік фитосанитариялық және көліктік бақылауды ұйымдастыру үшін қажетті ғимараттарды, үй-жайларды және құрылыстарды жабдықтауға және материалдық-техникалық жарақтандыруға, Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы арқылы өткізу пункттерінің сыныптамасына және Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы арқылы өткізу пункті паспортының нысанына қойылатын бірыңғай үлгілік талаптар туралы» шешімі Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы арқылы өткізу пункттерінде мемлекеттік бақылауды ұйымдастыру үшін қажетті ғимараттарды, үй-жайларды және құрылыстарды жабдықтауға және материалдық-техникалық жарақтандыруға Бірыңғай үлгілік талаптары және Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы арқылы өткізу пункттерінің сыныптамасы бекітілді [31]. Стандартты талаптарды ЕАЭО-ға мүше әрбір мемлекет жүзеге асыратындықтан, кедендік бақылаудың уақыты мен сапасына әсер ететін өткізу пункттерін жайластыру және жабдықтау деңгейінің айырмашылықтары анықталады. Кедендік бақылауды ұйымдастыру бойынша үзіліссіз жұмыс тек

кедендік бақылау технологияларымен ғана емес, сонымен қатар көршілес мемлекеттердің кеден органдарымен өзара әрекеттесу арқылы тиімділігін арттыруға болатын өткізу пункттерін орналастырумен де байланысты.

Жаңғырту Еуразиялық экономикалық одақтың сыртқы шекарасының қазақстандық учаскесіндегі автомобиль өткізу пункттерінің инфрақұрылымын жақсартады, шекарадан ыңғайлы өту және мемлекеттік бақылауды сапалы жүзеге асыру үшін барлық жағдай жасалады, тауарлар мен көліктер қозғалысының барлық циклін автоматтандыру арқылы өткізу қабілеттілігін 6 есеге арттыруға және шекарадан өту уақытын 30 минутқа дейін қысқартуға септігін тигізеді [32].

Осылайша, 2024 жылға арналған нысаналы индикатор – Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігі 2020-2024 жылдарға арналған Стратегиялық жоспарының «Бизнес пен халық үшін қолайлы бизнес-ортаны құру және әкімшілік кедергілерді азайту» 2.2-мақсатына сәйкес автомобиль өткізу пункттерінде кедендік операцияларды жүргізу уақытын 30 минутқа дейін қысқартуға қол жеткізілетін болады [33].

Шекарадан өтуге байланысты жүзеге асырылатын мемлекеттік бақылаудың көптеген түрлері орталықтандырылатын болады. Тауарлар мен көлік құралдарын шығару туралы шешім орталықтандырылған түрде және шектеулі уақыт ішінде қабылданады. Бұл сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін барынша толық

бақылау және азайту үшін жасалады. Өткізу пункттерін жаңғырту жұмыстары аяқталып, электрондық кезек жүйесі енгізілгеннен кейін өткізу пункттерінің барлық инфрақұрылымдық мәселелері шешіледі, шекарадан ыңғайлы өту және бақылауды жеделдету үшін барлық жағдай жасалады [32]. Сондай-ақ өткізу қабілеттілігін арттыру мақсатында ЕАЭО сыртқы шекарасының қазақстандық учаскесіндегі барлық автомобиль өткізу пункттерінде Қазақстан Республикасынан шығатын жүк көліктерінің өтуіне мүмкіндік беретін электрондық кезек жүйесі енгізілді. Жүйе республикалық маңызы бар жолдарда жүк көліктерінің физикалық жиналуын жоюға мүмкіндік берді және тасымалдау процесінің ашықтығын қамтамасыз етті. Электрондық кезек жүйесі шекарадағы көлік кептелісі жағдайын реттеудің негізгі құралы болып табылады, бұл көлік ағынын реттеуге де мүмкіндік береді.

Айта кетерлігі, Қытай Халық Республикасымен және Өзбекстан Республикасымен шекарада шетелдік рұқсат бланкілерін беру автоматтандырылған, бұл адам факторын, шетелдік рұқсат бланкілерін тікелей өткізу пункттерінде алу мүмкіндігін жойды. Сервисті пайдалану нәтижесінде Сервисті ақпараттық жүйелермен, оның ішінде автоматтандырылған электрондық кезек жүйесімен интеграциялау арқылы мемлекеттік қызметтерді көрсету үдерісі оңтайландырылды, шетелдік рұқсат бланкілерін тарату кезінде сыбайлас жемқорлық факторы жойылды. Бұрын компаниялар мұндай бланкілерді алу үшін сапарға шығып, тікелей уәкілетті органға жүгіну керек болса, енді шекарадан

Қорытындылар

Қазақстандағы «Keden» ақпараттық жүйесі кедендік процестерді автоматтандыру және сыртқы экономикалық қызметке қатысушыларды интеграциялау үшін әзірленген. Теориялық материалды шолу және Қазақстан Республикасы мен ЕАЭО кеден органдарының деректерін талдау негізінде «Keden» ақпараттық жүйесінің келесі артықшылықтары анықталды:

1. Модульдік архитектура: «Keden»-нің икемді модульдік құрылымы бар, бұл

өткеннен кейін тікелей рұқсат алуға болады. Бұл тасымалдаушыларға уақыт пен ақшаны үнемдеуге айтарлықтай мүмкіндік береді. Шетелдік рұқсат бланкілерін беру бүгінгі күні өткізу пункттерінде 1 АЕК үшін жүзеге асырылады [34]. Үшінші елдерге темір жол тасымалының кедендік бақылауын автоматтандыру мақсатында («өтпелі транзит») мемлекеттік кірістер органдары мен ұлттық темір жол тасымалдаушысының ақпараттық жүйелерін біріктіру кеңейтілді.

Транзитті декларациялау процесін автоматтандыру қағаз жеткізгіштегі құжаттарды беруді және оларға кедендік белгілерді қоюды жоюды, сондай-ақ транзиттік декларацияларды автоматты түрде тіркеу мен беруді енгізуді, тәуекелдерді басқару жүйесі талдау негізінде мемлекеттік бақылауды жүзеге асыруды көздейді. Бұл ретте бір контейнерлік пойызды ресімдеу уақыты 3 сағаттан 30 минутқа дейін қысқарады [35].

Осылайша, келесі мәселелерді шешуге мүмкіндік туады:

- 1) құжаттарды бір жерде және бір рет тапсыру;
- 2) құжаттарды/деректерді бірыңғай синхрондалған өңдеу;
- 3) барлық мемлекеттік органдар арасындағы уақтылы байланыс негізінде бірыңғай шешім қабылдау.

Бизнес үшін басты артықшылығы – жаңа ақпараттық жүйе сыртқы экономикалық қызметке қатысушыларды шекарада мемлекеттік бақылауды жүзеге асыратын барлық мемлекеттік органдарға құжаттаманы бір реттік тапсыру үшін бірыңғай арнамен қамтамасыз етеді

жаңа заң талаптарына бейімдеуге және басқа жүйелермен интеграцияны жақсартуға мүмкіндік береді.

2. Жетілдірілген функционалдылық: Астана-1-де секілді негізгі операциялардан басқа, «Keden» қосымша аналитикалық құралдарды және басқа мемлекеттік органдармен интеграцияны қамтамасыз етеді.

3. Өңдеу жылдамдығын арттыру: процесті оңтайландырудың арқасында жүйе деректерді жылдам өңдеуді және сыртқы саудаға қатысушылар мен кеден органдарының өзара әрекетін қамтамасыз етеді.

4. Тұрақтылық және ақауларға төзімділік: Жақсартылған техникалық сипаттамалар жүйе ақауларының қаупін азайтуға көмектеседі.

5. Кедендік процестермен терең интеграция: Бірыңғай терезеден айырмашылығы, «Keden» кедендік декларацияны өңдеумен, деректерді тексерумен және талдаумен тығыз байланысты.

6. Толық автоматтандыру: «Keden» әртүрлі көздерден деректерді автоматты түрде салыстыруды қамтамасыз етеді, ал «Бірыңғай терезе» көбінесе ақпаратты қолмен енгізуді қажет етеді.

7. Қауіпсіздікті арттыру: «Keden» заманауи шифрлау және деректерді қорғау технологияларын пайдаланады, бұл «Keden» жүйесі «Астана-1» және «Бірыңғай терезе» жүйелерімен оны Қазақстандағы кедендік операцияларды басқару және бақылау үшін тиімдірек етеді.

Мақалада сауда қарым-қатынасын, мемлекеттік органдар мен жеке мекемелердің өзара ықпалдастығын, сондай-ақ ұлттық және аймақтық үйлестіруді күшейту және тұтас көзқарас пен келісілген күш-жігер арқылы өміршең электрондық сауда экожүйесін дамыту арқылы сауда үдерістерін жеңілдету үшін инновациялық технологияларды

ақпараттың кетуін және кибершабуылдар қаупін азайтады.

8. Толық циклді цифрландыру: Жүйе кедендік операциялардың барлық кезеңдерін қамтиды, ал «Бірыңғай терезе» қатысушылар арасындағы ақпарат алмасуға ғана назар аударады.

9. Сыртқы жүйелермен интеграция: «Keden» халықаралық операцияларды жеңілдететін ұлттық және халықаралық жүйелермен белсенді әрекеттеседі.

10. Жақсартылған пайдаланушы интерфейсі: интуитивті түсінікті интерфейс пайдаланушының уақытын үнемдейді.

11. Жаңартулардың икемділігі: Жаңа модульдер мен функцияларды «Астана-1» және «Бірыңғай терезеге» қарағанда тезірек енгізуге болады.

салыстырғанда заманауи, икемді және технологиялық жағынан жетілдірілген, бұл пайдаланудың стратегиялық артықшылықтары зерттелді. Интеграцияланған кедендік бақылау механизмін іске асыру нәтижесінде мемлекеттік органдардың қызметі азаматтардың өтініштеріне және мемлекеттік шешімдердің тиімділігіне бағытталатын болады, бұл мемлекет пен қоғам арасындағы қарым-қатынастың бюрократиялық үлгісінен «халық үніне құлақ асатын» және «белсенді» үлгіге өтуге мүмкіндік береді.

Әдебиеттер тізімі

1. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2022 жылғы 1 қыркүйектегі Қазақстан халқына жолдауы. <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-18> (Жүгінген күні: 15.05.2023)

2. Дүниежүзілік кеден ұйымының ресмі сайты. https://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/partners/~/_/media/E499FF2278EE4FF792CBD6E9D19AD071.ashx (Жүгінген күні: 15.05.2023)

3. «Өткізу пункттерін ашу (жабу), олардың жұмыс істеуі (пайдаланылуы), оларды санаттарға бөлу, жіктеу, жайластыру қағидаларын, сондай-ақ техникалық жарақтандыру, жаңғырту және олардың жұмысын ұйымдастыру, сервистік инфрақұрылым жөніндегі талаптарды бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2013 жылғы 17 қыркүйектегі № 977 қаулысы. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000977> (Жүгінген күні: 15.05.2023)

4. «Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігінің Мемлекеттік кірістер комитеті туралы ережені бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Қаржы министрінің 2016 жылғы 14 маусымдағы № 306 бұйрығы // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G16E0000306> (Жүгінген күні: 15.05.2023)

5. В Казахстане вводится интегрированная система таможенного контроля. <https://profit.kz/news/3470/V-Kazahstane-vvoditsya-integrirovannaya-sistema-tamozhennogo-kontrolya/> (Жүгінген күні: 18.05.2023)

6. Рекомендация и руководящие принципы по созданию механизма «единого окна» Европейской экономической комиссии № 33 от 2004 г.

https://unece.org/DAM/cefact/recommendations/rec33/rec33_trd352r.pdf
15.05.2023)

(Жүгінген күні:

7. «Сыртқы экономикалық қызметті реттеу жүйесінде "Бірыңғай терезе" тетігін дамытудың негізгі бағыттарын іске асыру жөніндегі іс-шаралар жоспары туралы» Жоғары Еуразиялық экономикалық Кеңестің 2015 жылғы 8 мамырдағы № 19 шешімі. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/H15B0000019> (Жүгінген күні: 15.05.2023)

8. Elmane-Helmane K., Ketners K. Integrated customs control management in latvia: Lessons learned //Economics and Management. – 2012. – Т. 17. – №. 2. – С. 528-533.

9. Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 19 ноября 2010 года № 60 «О Концепции создания Интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза и первоочередных мерах по ее реализации» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H10E0000060> (Жүгінген күні: 03.06.2023)

10. Таможенная операция - предварительное информирование. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33905218&pos=11;-56#pos=11;-56 (Жүгінген күні: 19.05.2023)

11. Қазақстан Республикасының Қаржы министрлігі мен Қытай Халық Республикасының Бас кеден басқармасы арасындағы сыртқы сауданың кедендік статистикасы саласында әдіснамалық және ақпараттық өзара іс-қимыл туралы хаттама, 2019 жылғы 26 сәуір <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/O1900000003> (Жүгінген күні: 03.06.2023)

12. Қазақстан Республикасының Қаржы министрлігі мен Әзербайжан Республикасының Мемлекеттік кеден комитеті арасындағы Қазақстан Республикасы мен Әзербайжан Республикасы арасында өткізілетін тауарлар мен көлік құралдары туралы алдын ала мәліметтермен алмасуды ұйымдастыру туралы келісімге қол қою туралы келісім, 2017 жылғы 8 мамыр. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O1700000008> (Жүгінген күні: 03.06.2023)

13. Қазақстан Республикасының Қаржы министрлігі мен Грузия Қаржы министрлігі арасындағы Грузия мен Қазақстан Республикасы арасында өткізілетін тауарлар мен көлік құралдары туралы алдын ала мәліметтермен алмасуды ұйымдастыру туралы келісім, 2017 жылғы 7 маусым <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O1700000010> (Жүгінген күні: 03.06.2023)

14. Соглашение между Министерством финансов Республики Казахстан и Государственной фискальной службой Украины, об организации обмена предварительной информацией о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенную границу (г. Учжень, 18 апреля 2019 года) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32620493 (Жүгінген күні: 03.06.2023)

15. Қазақстан Республикасының Қаржы министрлігі мен Түрікменстанның Мемлекеттік кеден қызметі арасындағы Қазақстан Республикасы мен Түрікменстанның арасында өткізілетін тауарлар мен көлік құралдары туралы алдын ала мәлімет алмасуды ұйымдастыру туралы келісім. <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-i-gurbanguly-berdymuhamedov-proveli-dvustoronnie-peregovory-v-rasshirennom-formate-2593013> (Жүгінген күні: 03.01.2024)

16. Протокол между Министерством финансов Республики Казахстан и Таможенной администрацией Исламской Республики Иран об обмене предварительной информацией о товарах и транспортных средствах. <https://uchet.kz/news/protokol-ob-obmene-predvaritelnoy-informatsiey-o-tovarakh-i-transportnykh-sredstvakh-podpisali-rk-i-/> (Жүгінген күні: 03.06.2023)

17. Протокол между Министерством финансов Республики Казахстан и Государственным таможенным комитетом Республики Узбекистан об организации обмена предварительной информацией о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенную границу (г. Ташкент, 14 июня 2013 года) https://continent-online.com/Document/?doc_id=34237527 (Жүгінген күні: 03.06.2023)

18. Қазақстан Республикасының Үкіметі мен Түркия Республикасының Үкіметі арасындағы ақпарат алмасуды ұйымдастыру және кедендік бақылау рәсімдерін оңайлату туралы келісімге қол қою туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2022 жылғы 6 мамырдағы № 289 қаулысы. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000289> (Жүгінген күні: 03.08.2023)

19. Протокол между Министерством финансов Республики Казахстан и Таможенной службой при Правительстве Республики Таджикистан об организации обмена предварительными сведениями о товарах и транспортных средствах, перемещаемых между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан (г. Астана, 4 мая 2023 года) https://continent-online.com/Document/?doc_id=36398909 1. (Жүгінген күні: 03.06.2023)

20. Қазақстан Республикасындағы кедендік реттеу туралы Қазақстан Республикасының Кодексі 2017 жылғы 26 желтоқсандағы № 123-VI ҚРЗ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1700000123> (Жүгінген күні: 03.06.2023)

21. Мемлекеттік кірістер органдары лауазымды тұлғаларының тауарларды кедендік тазартуды жасау қағидаларын бекіту туралы. Қазақстан Республикасы Қаржы министрінің 2018 жылғы 26 қаңтардағы № 73 бұйрығы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1800016346> (Жүгінген күні: 04.06.2023)

22. Еуразиялық экономикалық одақтың Кеден кодексі туралы шартты ратификациялау туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2017 жылғы 13 желтоқсандағы № 115-VI ҚРЗ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1700000115> (Жүгінген күні: 05.06.2023)

23. Как самостоятельно декларировать товары в ИС «АСТАНА-1», не прибегая к услугам посредников Параграф online.zakon.kz https://online.zakon.kz/m/app/document?doc_id=36962429&pos=0%3B0%23pos%3D0%3B0 (Жүгінген күні: 17.07.2023)

24. Сыртқы экономикалық қызметті реттеу жүйесінде "Бірыңғай терезе" тетігін дамытудың негізгі бағыттарын іске асыру жөніндегі іс-шаралар жоспары туралы Жоғары Еуразиялық экономикалық кеңестің 2015 жылғы 8 мамырдағы № 19 шешімі. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/H15B0000019> (Жүгінген күні: 03.06.2023)

25. «Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағында сәйкестікті міндетті бағалауға жататын өнімді Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағына әкелу тәртібі туралы» Еуразиялық экономикалық комиссия Кеңесінің 2021 жылғы 12 қарашадағы № 130 шешімі. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/H21EV000130> (Жүгінген күні: 05.11.2023)

26. «О применении санитарных мер в таможенном союзе». Решение Комиссии таможенного союза от 28 мая 2010 года №299. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H10T0000299> (Жүгінген күні: 17.08.2023)

27. Решение Комиссии Евразийского экономического союза от 18 июня 2010 года № 317 «О применении ветеринарно-санитарных мер в Евразийском экономическом союзе». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H10T0000317> (Жүгінген күні: 17.08.2023)

28. «Тарифтік емес реттеу шаралары туралы» Еуразиялық экономикалық комиссия Алқасының 2015 жылғы 21 сәуірдегі № 30 шешімі. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/H15EK000030> (Жүгінген күні: 17.08.2023)

29. Жіктеуіштерді бекіту туралы Қазақстан Республикасы Қаржы министрінің 2018 жылғы 21 ақпандағы № 259 бұйрығы <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1800016512> (Жүгінген күні: 17.08.2023)

30. Жаңа «Keden» кедендік ақпараттық жүйесін іске қосу: СЭҚ-қа қатысушылар үшін маңызды өзгеріс. Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігі Мемлекеттік кірістер комитетінің ресми сайты // <https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/press/news/details/882458?lang=ru> (Жүгінген күні: 17.11.2024)

31. Решение Комиссии Таможенного союза от 22.06.2011 № 688 «О Единых типовых требованиях к оборудованию и материально-техническому оснащению зданий, помещений и сооружений, необходимых для организации пограничного, таможенного, санитарно-карантинного, ветеринарного, карантинного фитосанитарного и транспортного контроля, осуществляемых в пунктах пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза, Классификации пунктов пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза и форме Паспорта пункта пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H11T0000688/links> (Жүгінген күні: 02.08.2023)

32. Мәди Такиев: елдің транзиттік әлеуетін дамыту мақсатында шекарадағы өткізу пункттерін толыққанды жаңғырту жалғасады. Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігі Мемлекеттік кірістер комитетінің ресми сайты. <https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/press/news/details/842023?lang=ru> (Жүгінген күні: 15.09.2024)

33. 2020-2024 жылдарға арналған Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігінің Даму жоспары. <https://kgd.gov.kz/kk/section/otchety-ob-ispolnenii-strategicheskogo-plana> (Жүгінген күні: 23.08.2024)

34. «CarGoRuqsat» электрондық кезек бойынша. Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігі Мемлекеттік кірістер комитетінің ресми сайты. <https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/press/news/details/705741?lang=ru> (Жүгінген күні: 14.07.2023)

35. «Мемлекеттік кірістер органдары Қазақстан Республикасының ұлттық теміржол компаниясымен, теміржол көлігі саласындағы ұлттық тасымалдаушысымен, халықаралық әуежайларымен, теңіз және өзен порттарымен өзара іс-қимыл жасасу қағидаларын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Қаржы министрінің 2018 жылғы 15 наурыздағы № 372 және Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрінің 2018 жылғы 26 наурыздағы № 195 бірлескен бұйрығы. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016699/history> (Жүгінген күні: 18.06.2023)

References

1. Memleket basshysy Qasym-Zhomart Toqaevtyń 2022 zhylǵy 1 qyrkújektegi Qazaqstan halqyna zholdauy. [Message from the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan dated September 1, 2022]. <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-18> (Zhugingen kuni: 15.05.2023)

2. Dýniezhýzilik keden ýjymynyń resmi sajty. [World Customs Organization] https://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/partners/~/_/media/E499FF2278EE4FF792CBD6E9D19AD071.ashx (Zhugingen kuni: 15.05.2023)

3. «Ótkizu punktterin ashu (zhabu), olardyń zhymys isteui (pajdalanyluy), olardy sanattarǵa bėlu, zhikteu, zhajlastyru qafidalaryn, sondaj-aq tehnikalyq zharaqtandyru, zhańfyrty zhəne olardyń zhymysyn ýjymdastyru, servistik infraqýrylym zhənindegі talaptardy bekіtu turaly» Qazaqstan Respublikasy Ykimetiniń 2013 zhylǵy 17 qyrkújektegi № 977 qauly sy. [Rules for opening (closing), functioning (operation), categorization, classification, arrangement, as well as requirements for technical equipment and organization of work at checkpoints across the State Border of the Republic of Kazakhstan. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated September 17, 2013 No. 977]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000977> (Zhugingen kuni: 15.05.2023)

4. «Qazaqstan Respublikasy Qarzhy ministriginiń Memlekettik kirister komiteti turaly erezheni bekіtu turaly» Qazaqstan Respublikasy Qarzhy ministriniń 2016 zhylǵy 14 mausymdaǵy № 306 bújryǵy // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G16E0000306> (Zhugingen kuni: 15.05.2023)

5. V Kazahstane vvoditsja integrirovannaja sistema tamozhennogo kontrolja. [An integrated customs control system is being introduced in Kazakhstan]. <https://profit.kz/news/3470/V-Kazahstane-vvoditsya-integrirovannaya-sistema-tamozhennogo-kontrolya/> (Zhugingen kuni: 18.05.2023)

6. Rekomendacija i rukovodjashhie principy po sozdaniju mehanizma «edinogo okna» Evropejskoj jekonomicheskoi komissii № 33 ot 2004 g. [Economic Commission for Europe Recommendation and Guidelines for the Establishment of a Single Window No. 33 of 2004]. https://unece.org/DAM/cefact/recommendations/rec33/rec33_trd352r.pdf (Zhugingen kuni: 15.05.2023)

7. «Syrtyqy jekonomikalyq qyzmetti retteu zhyjesinde "Biryńfaj tereze" tetigin damytudyń negizgi baǵyttaryn iske asyru zhənindegі is-sharalar zhospary turaly» Zhoǵary Eurazijalyq jekonomikalyq Keńestіń 2015 zhylǵy 8 mamyrdaǵy № 19 sheshimi. [Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No. 19 of May 8, 2015 “On the action plan for the implementation of the main directions for the development of the “single window” mechanism in the system for regulating foreign economic activity.”]. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/H15B0000019> (Zhugingen kuni: 15.05.2023)

8. Elmane-Helmane K., Ketners K. Integrated customs control management in latvia: Lessons learned //Economics and Management. – 2012. – T. 17. – №. 2. – S. 528-533.

9. Reshenie Mezhsosudarstvennogo Soveta Evrazijskogo jekonomicheskogo soobshhestva ot 19 nojabrja 2010 goda № 60 «O Konceptcii sozdanija Integrirovannoj informacionnoj sistemy vneshnej i vzaimnoj trgovli Tamozhennogo sojuza i pervoocherednyh merah po ee realizacii» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H10E0000060> (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

10. Tamozhennaja operacija - predvaritel'noe informirovanie. .[Customs operation - preliminary information] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33905218&pos=11;-56#pos=11;-56 (Zhugingen kuni: 19.05.2023)

11. Қазақстан Республикасының Қарзhy министрлігі мен Қытай Halyқ Республикасының Bas keden basқarmasy arasyndaғы сыртқы saudanyң kedendik statistikasy salasynda әdisnamalyқ zhөne ақparattyқ өзara is-қimyl туралы hattama, 2019 zhylғы 26 сәuir <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/O1900000003> (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

12. Қазақстан Республикасының Қарзhy министрлігі мен Әзербайжан Республикасының Memlekettik keden komiteti arasyndaғы Қазақстан Республикасы мен Әзербайжан Республикасы arasynda өtkiziletin tauarlar men көlik қырaldary туралы aldyn ala мәlimettermen almasudy ұjymdastyru туралы kelisimge қол қоju туралы kelisim, 2017 zhylғы 8 мамыр. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O1700000008> (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

13. Қазақстан Республикасының Қарзhy министрлігі мен Грузия Қарзhy министрлігі arasyndaғы Грузия мен Қазақстан Республикасы arasynda өtkiziletin tauarlar men көlik қырaldary туралы aldyn ala мәlimettermen almasudy ұjymdastyru туралы kelisim, 2017 zhylғы 7 mausym <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O1700000010> (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

14. Soglashenie mezhdru Ministerstvom finansov Respubliki Kazahstan i Gosudarstvennoj fiskal'noj sluzhboj Ukrainy, ob organizacii obmena predvaritel'noj informaciej o tovarah i transportnyh sredstvah, peremeshhaemyh cherez tamozhennuju granicu (g. Uchzhen', 18 aprelja 2019 goda) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32620493 (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

15. Қазақстан Республикасының Қарзhy министрлігі мен Түрикmenstannyң Memlekettik keden қызmeti arasyndaғы Қазақстан Республикасы мен Түрикmenstannyң arasynda өtkiziletin tauarlar men көlik қырaldary туралы aldyn ala мәlimet almasudy ұjymdastyru туралы kelisim. <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-i-gurbanguly-berdymuhamedov-proveli-dvustoronnie-peregovory-v-rasshirennom-formate-2593013> (Zhugingen kuni: 03.01.2024)

16. Protokol mezhdru Ministerstvom finansov Respubliki Kazahstan i Tamozhennoj administraciej Islamskoj Respubliki Iran ob obmene predvaritel'noj informaciej o tovarah i transportnyh sredstvah. <https://uchet.kz/news/protokol-ob-obmene-predvaritel'noj-informatsiey-o-tovarakh-i-transportnykh-sredstvakh-podpisali-rk-i-/> (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

17. Protokol mezhdru Ministerstvom finansov Respubliki Kazahstan i Gosudarstvennym tamozhennym komitetom Respubliki Uzbekistan ob organizacii obmena predvaritel'noj informaciej o tovarah i transportnyh sredstvah, peremeshhaemyh cherez tamozhennuju granicu (g. Tashkent, 14 ijunja 2013 goda) https://continent-online.com/Document/?doc_id=34237527 (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

18. Қазақстан Республикасының Ykimeti мен Түrkija Республикасының Ykimeti arasyndaғы ақparat almasudy ұjymdastyru zhөne kedendik бақylau рәsimderin оңajlatu туралы kelisimge қол қоju туралы Қазақстан Республикасы Ykimetiniң 2022 zhylғы 6 мамыrдағы № 289 қаulyсы. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000289> (Zhugingen kuni: 03.08.2023)

19. Protokol mezhdru Ministerstvom finansov Respubliki Kazahstan i Tamozhennoj sluzhboj pri Pravitel'stve Respubliki Tadzhikistan ob organizacii obmena predvaritel'nyimi svedenijami o tovarah i transportnyh sredstvah, peremeshhaemyh mezhdru Respublikoj Kazahstan i Respublikoj Tadzhikistan (g. Astana, 4 maja 2023 goda) https://continent-online.com/Document/?doc_id=36398909 (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

20. Қазақстан Республикасындағы kedendik retteu туралы Қазақстан Республикасының Kodeksi 2017 zhylғы 26 zheltokсandaғы № 123-VI ҚRZ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1700000123> (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

21. Memlekettik kirister organdary lauazymdy тұлғalaryның tauarlardy kedendik tazartudy zhasau қаfidalaryn bekitu туралы. Қазақстан Республикасы Қарзhy ministriniң 2018 zhylғы 26 қаңtardaғы № 73 бұjрығы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1800016346> (Zhugingen kuni: 04.06.2023)

22. Eurazijalyқ jekonomikalyқ oдақтың Keden kodeksi туралы shartty ratifikacijalau туралы Қазақстан Республикасының Заһы 2017 zhylғы 13 zheltokсandaғы № 115-VI ҚRZ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1700000115> (Zhugingen kuni: 05.06.2023)

23. Kak samostojatel'no deklarirovat' tovary v IS «ASTANA-1», ne pribegaja k uslugam posrednikov
Paragraph online.zakon.kz
https://online.zakon.kz/m/app/document?doc_id=36962429&pos=0%3B0%23pos%3D0%3B0 (Zhugingen kuni: 17.07.2023)

24. Сыртқы жеконимикалық қызметті retteu зhyjesinde "Biryҥfaj tereze" tetigin damytudyҥ negizgi баҥыттaryн iske asyru zhөnindegі is-sharalar zhospary turaly Zhoҥary Eurazijalyқ jekonimikalyқ кеҥestiҥ 2015 zhyly 8 мамырдағы № 19 sheshimi. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/H15B0000019> (Zhugingen kuni: 03.06.2023)

25. «Eurazijalyқ jekonimikalyқ oдақтыҥ kedendik aumaҥында сәjkestikti mindetti баҥалауға zhatatyn өnimdi Eurazijalyқ jekonimikalyқ oдақтыҥ kedendik aumaҥына өkelu тәrtibi turaly» Eurazijalyқ jekonimikalyқ komissija Кеҥesiniҥ 2021 zhyly 12 қарашадағы № 130 sheshimi. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/H21EV000130> (Zhugingen kuni: 05.11.2023)

26. «O primenenii sanitarnyh mer v tamozhennom sojuze». Reshenie Komissii tamozhennogo sojuza ot 28 maja 2010 goda №299. [Decision of the Customs Union Commission of May 28, 2010 No. 299]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H10T0000299> (Zhugingen kuni: 17.08.2023)

27. Reshenie Komissii Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza ot 18 iyunja 2010 goda № 317 «O primenenii veterinarno-sanitarnyh mer v Evrazijskom jekonomicheskom sojuze». [Decision of the Commission of the Eurasian Economic Union of June 18, 2010 No. 317]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H10T0000317> (Zhugingen kuni: 17.08.2023)

28. «Tarifik emes retteu sharalary turaly» Eurazijalyқ jekonimikalyқ komissija Alқasynyҥ 2015 zhyly 21 сәuirdegi № 30 sheshimi <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/H15EK000030> (Zhugingen kuni: 04.08.2023)

29. Zhikteuishterdi bekitu turaly Қазақстан Respublikasy Қарзhy ministriniҥ 2018 zhyly 21 ақпандағы № 259 бjryly <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1800016512> (Zhugingen kuni: 17.08.2023)

30. Zhaҥa «Keden» kedendik ақparattyқ zhyjesin iske қosu: SJeҚ-қа қатысushylar үshin маҥызdy өзgeris. Қазақстан Respublikasy Қарзhy ministrligi Memlekettik kirister komitetiniҥ resmi sajty // <https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/press/news/details/882458?lang=ru> (Zhugingen kuni: 17.11.2024)

31. Reshenie Komissii Tamozhennogo sojuza ot 22.06.2011 № 688 «O Edinyh tipovyh trebovaniyah k oborudovaniyu i material'no-tehnicheskomu osnashheniju zdaniy, pomeshheniy i sooruzheniy, neobhodimyyh dlja organizacii pogranichnogo, tamozhennogo, sanitarno-karantinного, veterinarnogo, karantinного фитосанитарного i transportного kontrolja, osushhestvlyаемyyh v punktah propuska cherez tamozhennuju granicu Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza, Klassifikacii punktov propuska cherez tamozhennuju granicu Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza i forme Pasporta punkta propuska cherez tamozhennuju granicu Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza» [Elektronnyj resurs]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H11T0000688/links> (Zhugingen kuni: 02.08.2023)

32. Mөdi Takiev: eldiҥ tranzittik өleuetin damytu мақsatyнда shekaradaғы өtkizu punktterin tolyққandy zhaҥыrtu zhalғasady. Қазақстан Respublikasy Қарзhy ministrligi Memlekettik kirister komitetiniҥ resmi sajty. <https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/press/news/details/842023?lang=ru> (Zhugingen kuni: 15.09.2024)

33. 2020-2024 zhyldarға арналған Қазақстан Respublikasy Қарзhy ministrliginiҥ Damu zhospary. <https://kgd.gov.kz/kk/section/otchety-ob-ispolnenii-strategicheskogo-plana> (Zhugingen kuni: 23.08.2024)

34. «CarGoRuqsat» jelektrondyқ kezек bojynsha. Қазақстан Respublikasy Қарзhy ministrligi Memlekettik kirister komitetiniҥ resmi sajty. <https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/press/news/details/705741?lang=ru> (Zhugingen kuni: 14.07.2023)

35. «Memlekettik kirister organdy Қазақстан Respublikasynyҥ ұlttyқ temirzhol kompanijasymen, temirzhol көligi salasyndaғы ұlttyқ tasymaldaushysymen, halyқaralyқ өuezhajlarymen, teҥiz zhөne өzen porttarymen өзara is-қımyl zhasasu қaғıdalaryn bekitu turaly» Қазақстан Respublikasy Қарзhy ministriniҥ 2018 zhyly 15 nauryzdaғы № 372 zhөne Қазақстан Respublikasy Investicijalar zhөne damu ministriniҥ 2018 zhyly 26 nauryzdaғы № 195 birlesken бjryly. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016699/history> (Zhugingen kuni: 18.06.2023)

КАК ВНЕДРИТЬ МЕХАНИЗМ ИНТЕГРИРОВАННОГО ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ В КАЗАХСТАНЕ

Сария КАЗБЕКОВА, докторант Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан, kazbekova_88@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-9490-6740

Гүлмира ЕСЕНОВА, кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, начальник отдела образовательных программ частного учреждения «Центр педагогического мастерства» АО НИШ, Астана, Республика Казахстан, pavlodarsemey@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-4576-3920, Scopus Author ID: 56658696000

HOW TO IMPLEMENT THE INTEGRATED CUSTOMS CONTROL MECHANISM IN KAZAKHSTAN

Sariya KAZBEKOVA, doctoral student of the Academy of Public Administration under the President of Kazakhstan, Gabiden Mustafin street, 21/5, 434 flat, Astana, Republic of Kazakhstan, kazbekova_88@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-9490-6740

Gulmira YESSENOVA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Educational Programs of the private institution "Center of Pedagogical Excellence" NIS, Astana Republic of Kazakhstan, pavlodarsemey@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-4576-3920, Scopus Author ID: 56658696000

МОДЕЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

**Айгуль
КАЗАМБАЕВА**

кандидат экономических наук, доцент, Западно-Казахстанского аграрно-технического университета имени Жангир хана, г. Уральск, Республика Казахстан, aigul_km@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-4227>

**Зейн
АЙДЫНОВ**

кандидат экономических наук, и.о. ассоциированного профессора, Казахского агротехнического исследовательского университета имени С.Сейфуллина, г. Астана, Республика Казахстан, zein_ap@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-4927>

**Жанболат*
ДАУХАРИН**

кандидат экономических наук, профессор, академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан, Zhanbolat.Daukharin@apa.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3510-231X>

**Райлаш
ТУРЧЕКЕНОВА**

руководитель Data-Driven – Центра «YCG-Analytics» Yevniy Consulting Group, кандидат экономических наук, г. Астана, Республика Казахстан, railash91@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6150-0349>

Дата поступления рукописи в редакцию: 15/06/2024

Доработано: 09/12/2024

Принято: 10/12/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1277

УДК 332.02

МРНТИ 06.75.03

Аннотация. В статье рассматривается влияние государственной поддержки в виде субсидий на результаты сельскохозяйственного производства в Республике Казахстан. Цель исследования - анализ динамики субсидирования и моделирование корреляционной зависимости между объемом субсидий и валовой продукцией сельского хозяйства. В исследовании использованы данные о валовой продукции растениеводства и животноводства, а также о размере государственной поддержки за период с 2008 по 2022 годы. Анализ показал значительный рост валовой продукции сельского хозяйства и объема субсидий за исследуемый период, что свидетельствует о существенном развитии аграрного сектора и усилении государственной поддержки. Также выводы статьи подчеркивают важность продолжения и расширения программ государственной поддержки для обеспечения устойчивого роста аграрного сектора и повышения его конкурентоспособности. В статье также рассматриваются примеры успешных моделей государственной поддержки сельского хозяйства в развитых странах, что позволяет предложить рекомендации для оптимизации существующих программ поддержки в Казахстане.

Ключевые слова: государственная поддержка, субсидии, сельское хозяйство, валовая продукция, растениеводство, животноводство, корреляция, регрессионный анализ.

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасындағы ауыл шаруашылығы өндірісінің нәтижелеріне субсидиялар түріндегі мемлекеттік қолдаудың әсері қарастырылады. Зерттеудің мақсаты-субсидиялар динамикасын талдау және субсидиялар көлемі мен ауыл шаруашылығының жалпы өнімі арасындағы корреляциялық байланысты модельдеу. Зерттеуде өсімдік және мал шаруашылығының жалпы өнімі, сондай-ақ 2008-2022 жылдар аралығындағы мемлекеттік қолдау мөлшері туралы деректер пайдаланылды. Талдау ауыл шаруашылығының жалпы өнімінің және зерттелетін кезеңдегі субсидиялар көлемінің айтарлықтай өскенін көрсетті, бұл аграрлық сектордың елеулі дамуын және мемлекеттік қолдаудың күшеюін көрсетеді. Сондай-ақ, мақаланың қорытындылары аграрлық сектордың тұрақты өсуін қамтамасыз ету және оның бәсекеге қабілеттілігін арттыру үшін мемлекеттік қолдау бағдарламаларын жалғастыру мен кеңейтудің маңыздылығын көрсетеді. Мақалада сондай-ақ дамыған елдердегі ауыл шаруашылығын мемлекеттік қолдаудың мысалдары қарастырылады, бұл Қазақстандағы қолданыстағы қолдау бағдарламаларын оңтайландыру үшін ұсынымдар беруге мүмкіндік жасайды.

Түйін сөздер: мемлекеттік қолдау, субсидиялар, ауыл шаруашылығы, жалпы өнім, өсімдік шаруашылығы, мал шаруашылығы өнімдері, корреляция, регрессиялық талдау.

Abstract. The article examines the impact of state support through subsidies on the outcomes of agricultural production in the Republic of Kazakhstan. The purpose of the study is to analyze the dynamics of subsidies and model the correlation between the subsidy size and gross agricultural output. The study draws on gross crop and livestock production data, as well as on the amount of state support from 2008 to 2022. The analysis showed a significant increase in gross agricultural

* Автор для корреспонденции: Ж. Даухарин, Zhanbolat.Daukharin@apa.kz

output and the subsidy size over the specified period, which demonstrates a significant development of the agricultural sector and increased government support. Conclusion of the article also highlights the importance of continuing and expanding government support programs to ensure sustainable growth of the agricultural sector and increase its competitiveness. The article also examines successful cases of state support for agriculture in developed countries, which allows to offer recommendations for optimizing existing support programs in Kazakhstan.

Keywords: state support, subsidies, agriculture, gross output, crop production, livestock, correlation, regression analysis.

Введение

Одной из главных задач сельского хозяйства является обеспечение населения страны необходимыми видами продовольствия. Самообеспеченность продуктами питания снижает зависимость от импорта, что особенно важно в условиях глобальных экономических нестабильностей и возможных кризисов [1]. Сельское хозяйство вносит значительный вклад в валовой внутренний продукт (ВВП) многих стран, особенно развивающихся. Кроме того, этот сектор обеспечивает занятость для значительной части населения, что способствует снижению уровня безработицы и улучшению благосостояния граждан [2]. Производство и экспорт сельскохозяйственной продукции играют важную роль в формировании торгового баланса страны. Экспорт аграрных товаров приносит значительные валютные поступления, что положительно сказывается на экономике и укрепляет позиции страны на международных рынках. Также сельское хозяйство способствует развитию сельских и отдаленных регионов, где сосредоточены основные аграрные производства. Инвестиции в этот сектор помогают улучшать инфраструктуру, создавать рабочие места и повышать качество жизни в этих районах [3]. Сельское хозяйство оказывает значительное влияние на состояние окружающей среды. Устойчивое управление земельными и водными ресурсами помогает сохранять экосистемы и биологическое разнообразие. Государственная политика, направленная на экологически безопасное сельское хозяйство, играет ключевую роль в поддержании здоровья нации и окружающей среды. Сельское хозяйство обеспечивает продовольственную стабильность и доступность продуктов питания, что является важным фактором для социальной стабильности. Чтобы предотвратить дефицит продовольствия, государство постоянно оказывает финансовую поддержку этой отрасли [4].

Государственная поддержка играет ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности, оказывая прямое и косвенное влияние на сельскохозяйственное производство и доступность продовольствия. Рассмотрим основные аспекты этой роли: финансовая поддержка и субсидирование, государственные субсидии и финансовая поддержка помогают сельскохозяйственным производителям справляться с финансовыми рисками и нестабильностью. Эти меры включают: прямые субсидии на производство определенных культур или продукции животноводства, льготные кредиты и гранты на приобретение техники, семян, удобрений и других ресурсов, страхование урожая для защиты от природных катастроф и неблагоприятных погодных условий [5]. Государственные инвестиции в сельскую инфраструктуру способствуют улучшению условий для аграрного производства. Важными направлениями такой поддержки являются строительство и модернизация дорог, что улучшает доступность рынков и снижает транспортные издержки, а также развитие ирригационных систем для обеспечения стабильного водоснабжения. Кроме того, создаются и поддерживаются сельскохозяйственные кооперативы, которые помогают фермерам совместно использовать ресурсы и увеличивать свою конкурентоспособность [6]. Научно-исследовательская и образовательная поддержка также играет важную роль. Государственные программы, направленные на развитие научных исследований и образования в сельском хозяйстве, способствуют повышению производительности и устойчивости аграрного сектора. Это включает финансирование научных исследований для разработки новых технологий, сортов культур и методов управления, а также образовательные программы и тренинги для фермеров, что помогает повышать их квалификацию и внедрять инновационные практики [7]. Рыночная поддержка и

регулирование со стороны государства обеспечивают стабильность цен и защиту интересов как производителей, так и потребителей. Важными мерами в этом направлении являются установление минимальных цен на сельскохозяйственную продукцию, государственные закупки для создания стратегических резервов продовольствия и поддержка экспорта, а также импортозамещение, что способствует устойчивости внутреннего рынка [8]. Экологические программы, поддерживаемые государством, способствуют устойчивому развитию сельского хозяйства и охране окружающей среды. Это включает субсидии на экологически чистые технологии и методы производства, программы восстановления и сохранения плодородия почв, а также меры по защите водных ресурсов и биоразнообразия [9].

Наконец, государственные программы социальной поддержки улучшают качество жизни в сельских районах, что способствует удержанию и привлечению населения к сельскохозяйственной деятельности. Это выражается в поддержке молодых фермеров и программах развития семейных хозяйств, инвестициях в социальную инфраструктуру, такую как школы и медицинские учреждения, а также в создании рабочих мест и развитии альтернативных источников дохода для сельского населения.

Поэтому целью данного исследования является анализ влияния субсидирования на результаты сельскохозяйственного производства. Задачи: анализ динамики субсидирования, моделирование корреляции между субсидиями и валовой продукцией, оценка эффективности государственной поддержки.

Субсидирование сельского хозяйства является важным инструментом любой государственной политики, направленной на поддержку аграрного сектора и обеспечение продовольственной безопасности. Различные страны применяют разнообразные концепции и подходы к субсидированию, учитывая свои экономические, социальные и экологические условия [6].

Прямые и косвенные субсидии являются двумя основными формами поддержки.

Прямые субсидии включают выплаты фермерам для поддержки производства определенных культур или продукции животноводства, которые могут быть фиксированными или зависеть от объемов производства. Косвенные субсидии включают налоговые льготы, субсидированные кредиты, льготные тарифы на электроэнергию и воду, а также другие формы финансовой поддержки, которые снижают производственные издержки фермеров.

Целевые субсидии часто используются для поддержки определенных сегментов сельского хозяйства. Программы поддержки молодых и начинающих фермеров предоставляют гранты, льготные кредиты и обучение. Специальные программы для малых хозяйств помогают им конкурировать с крупными агропредприятиями. Субсидии также направляются на стимулирование использования экологически чистых технологий и методов производства.

Региональные и секторные субсидии предоставляются с учетом специфики определенных регионов или секторов сельского хозяйства. Региональные субсидии поддерживают регионы с неблагоприятными природными условиями, такими как засушливые районы или горные регионы. Секторные субсидии направлены на поддержку отдельных секторов, таких как животноводство, растениеводство или органическое земледелие [10].

Некоторые страны используют рыночные и ценовые механизмы для регулирования аграрного сектора. Установление минимальных цен на сельскохозяйственную продукцию гарантирует фермерам определенный доход. Государственные закупки излишков продукции помогают создавать стратегические резервы и стабилизировать рынок.

Инновационные и исследовательские субсидии также играют важную роль. Поддержка научных исследований и разработок в области сельского хозяйства направлена на повышение продуктивности и устойчивости. Программы субсидирования способствуют внедрению инновационных технологий и практик. Социальные субсидии направлены на создание и сохранение рабочих мест в

сельских районах и улучшение условий жизни и работы. Это включает программы, направленные на улучшение инфраструктуры и предоставление социальных услуг. Примеры различных стран иллюстрируют разнообразие подходов к субсидированию. В Европейском Союзе Программа Общей сельскохозяйственной политики включает прямые платежи фермерам, поддержку экологически устойчивых практик и меры по развитию сельских районов. В США федеральные программы субсидирования включают прямые выплаты, страхование урожая и поддержку исследовательских инициатив. В Японии субсидии направлены на поддержание продовольственной самодостаточности, включая минимальные цены на рис и поддержку малых хозяйств. В Бразилии программы субсидирования включают льготные кредиты для фермеров и меры по поддержке агроэкологических практик. Эти примеры показывают, как различные страны адаптируют свои подходы к субсидированию в зависимости от национальных приоритетов и специфики аграрного сектора. Государственная поддержка сельского хозяйства в развитых странах часто служит образцом для других наций благодаря своей эффективности и продуманности. Рассмотрим несколько успешных моделей. Программа Общей сельскохозяйственной политики (CAP) является одной из самых известных и масштабных систем поддержки сельского хозяйства. Она включает прямые выплаты фермерам, которые обеспечивают стабильный доход и поощряют производство определенных культур. Важной частью CAP являются меры по поддержке экологически устойчивых практик, что способствует охране окружающей среды и повышению качества продукции. CAP также направлена на развитие сельских районов, финансируя инфраструктурные проекты, обучение и инновации [11]. Федеральные программы субсидирования в США включают широкий спектр мер, таких как прямые выплаты, страхование урожая и поддержка исследовательских инициатив. Прямые выплаты фермерам обеспечивают финансовую стабильность, страхование урожая защищает от рисков, связанных с погодными условиями и колебаниями рынка, а финансирование

научных исследований способствует развитию новых технологий и методов производства. Кроме того, программы, такие как Conservation Reserve Program (CRP), поощряют фермеров сохранять и восстанавливать экологически важные земли [12].

В Японии государственная поддержка направлена на поддержание продовольственной самодостаточности и сохранение традиционных сельскохозяйственных методов. Система минимальных цен на рис гарантирует доход фермерам и способствует стабильности внутреннего рынка. Программы поддержки малых хозяйств и семейных фермеров включают субсидии на приобретение техники и материалов, а также меры по улучшению сельской инфраструктуры. Государственные гранты и льготные кредиты помогают фермерам внедрять современные технологии и методы производства [13].

Канада успешно применяет комбинированные подходы к поддержке сельского хозяйства. AgriInvest и AgriStability – это программы, направленные на помощь фермерам в управлении доходами и рисками. AgriInvest позволяет фермерам делать вклад в специальный сберегательный счет, который софинансируется государством, для использования в периоды низких доходов или на инвестиции в улучшение хозяйства. AgriStability компенсирует фермерам значительные убытки, связанные с падением доходов ниже исторического уровня. Эти меры помогают обеспечить устойчивость и финансовую стабильность фермеров [14].

В Австралии государственная поддержка включает программы по управлению засухами и природными катастрофами. Farm Household Allowance (FHA) – программа, предоставляющая финансовую помощь фермерским семьям, испытывающим финансовые трудности из-за засухи или других природных бедствий. Программа Rural Financial Counselling Service (RFCS) предоставляет консультационные услуги по финансовому управлению и планированию, помогая фермерам преодолевать экономические трудности и находить пути для устойчивого развития [15]. Примеры успешных моделей государственной поддержки сельского

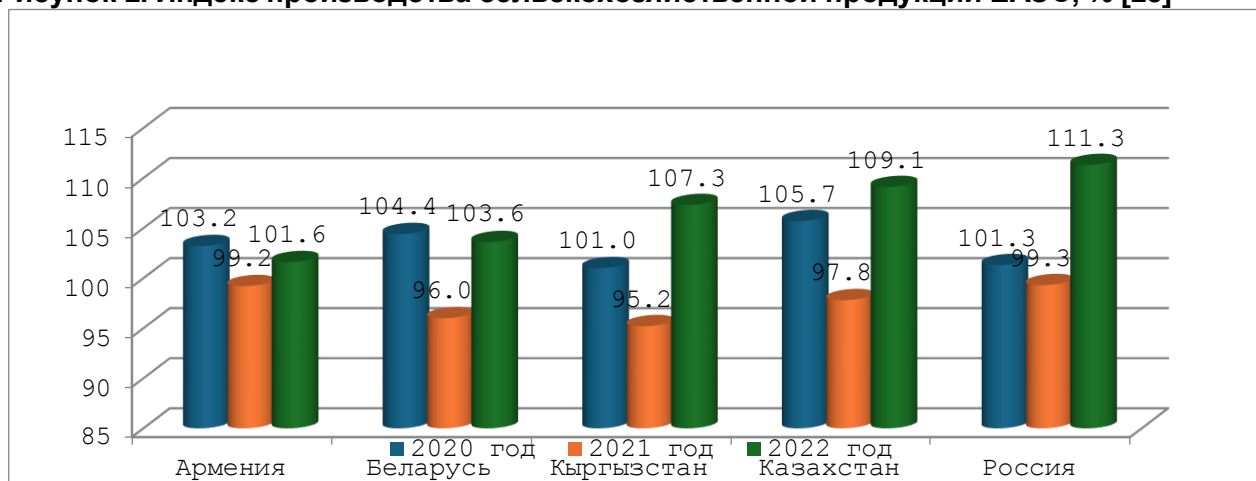
хозяйства из различных стран показывают, как комплексные меры могут способствовать устойчивому развитию аграрного сектора. Программы Общей сельскохозяйственной политики (CAP) в Европейском Союзе, федеральные программы субсидирования в США, государственные меры поддержки в Японии, комбинированные подходы в Канаде и программы по управлению природными катастрофами в Австралии служат отличными примерами для других стран. Эти меры включают прямые выплаты фермерам, страхование урожая, финансирование научных исследований, поддержку экологически устойчивых практик, развитие сельской инфраструктуры и социальную поддержку. Они помогают обеспечивать стабильный доход, снижать риски, внедрять инновации и улучшать условия жизни в сельских районах.

На фоне таких примеров важно рассмотреть, как аналогичные программы государственной поддержки реализуются в странах ЕАЭС (Евразийского экономического союза). Динамика индекса производства сельскохозяйственной продукции в странах ЕАЭС за последние годы отражает влияние различных факторов, включая государственную поддержку, на развитие аграрного сектора. Следующая диаграмма иллюстрирует

изменения индекса производства сельскохозяйственной продукции в странах ЕАЭС за 2020, 2021 и 2022 годы (рисунок 1). Все страны ЕАЭС показали рост индекса производства в 2020 году, что может быть связано с благоприятными экономическими условиями и мерами государственной поддержки. В 2021 году наблюдается спад производства во всех странах, что, вероятно, связано с экономическими (COVID19) и климатическими факторами, влияющими на сельское хозяйство. В 2022 году все страны продемонстрировали восстановление и рост производства. Особенно заметен рост в Казахстане и России, где индексы достигли 109,1% и 111,3% соответственно.

Казахстан показал устойчивый рост производства сельскохозяйственной продукции в 2020 году и продемонстрировал значительное восстановление в 2022 году после спада в 2021 году. В сравнении с другими странами ЕАЭС, Казахстан занимает второе место по уровню роста производства в 2022 году, уступая только России. Это подчеркивает эффективность государственной поддержки и способность аграрного сектора Казахстана быстро восстанавливаться после спадов, что свидетельствует о его устойчивости и потенциале для дальнейшего развития

Рисунок 1. Индекс производства сельскохозяйственной продукции ЕАЭС, % [16]

Примечание: составлено авторами

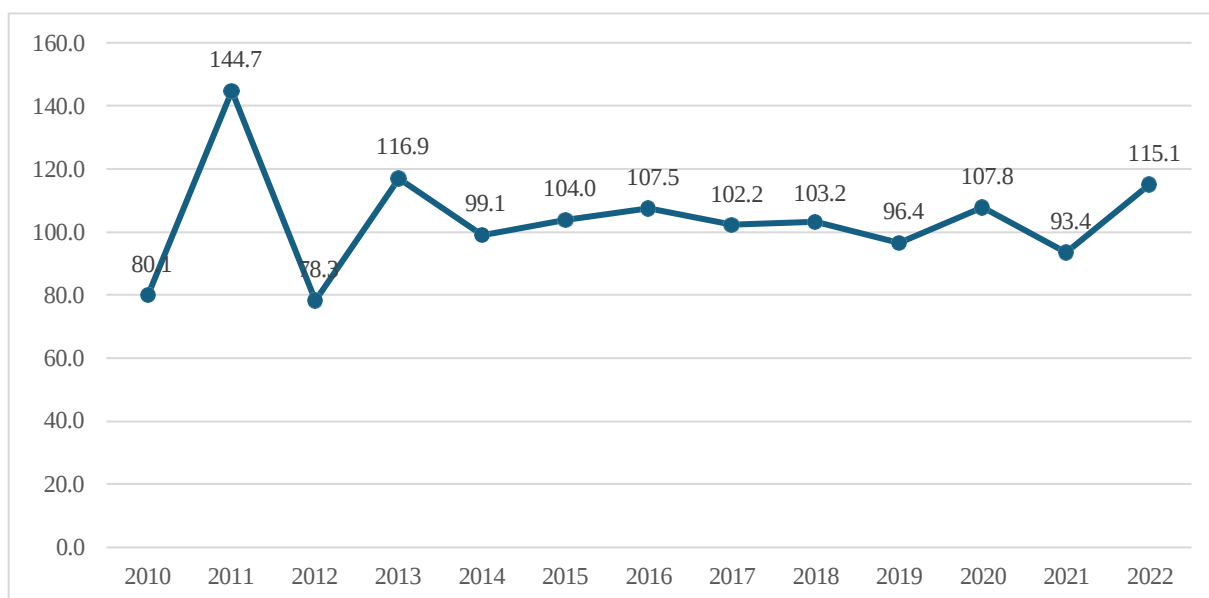
Рассмотрим более подробно динамику индекса физического объема валовой продукции растениеводства и животноводства Казахстана за последние годы.

Рисунок 2 иллюстрирует динамику индекса физического объема валовой продукции растениеводства в процентах за период с 2010 по 2022 годы. В 2011 году наблюдается значительный рост индекса

до 144,7%. Этот резкий скачок может быть обусловлен благоприятными погодными условиями, введением новых агротехнологий или увеличением посевных площадей. Такой рост также может свидетельствовать о значительных инвестициях в сектор растениеводства, которые привели к повышению продуктивности. В 2012 году индекс упал до 78,3%, что указывает на значительное снижение объемов производства. Это могло быть вызвано неблагоприятными погодными условиями, снижением урожайности из-за болезней или вредителей, а также экономическими трудностями. В 2019 году индекс снова снизился до 96,4%, что также указывает на спад в производстве. Причины могут включать природные катастрофы, экономические

факторы или снижение эффективности аграрных практик. С 2014 по 2022 годы индекс колеблется в пределах от 99,1% до 116,9%, показывая относительную стабильность производства. Небольшие колебания в эти годы могут быть вызваны незначительными изменениями в погодных условиях, рыночной конъюнктуре или изменениями в государственной поддержке. В 2022 году индекс достиг 115,1%, что свидетельствует о восстановлении и росте производства. Это может быть результатом улучшения экономических условий, внедрения новых технологий или усиленной государственной поддержки. Резкие колебания индекса могут быть связаны с изменениями погодных условий, такими как засухи, заморозки или наводнения, которые сильно влияют на урожайность.

Рисунок 2. Индекс физического объема валовой продукции растениеводства Казахстана, % [17]

Примечание: составлено авторами

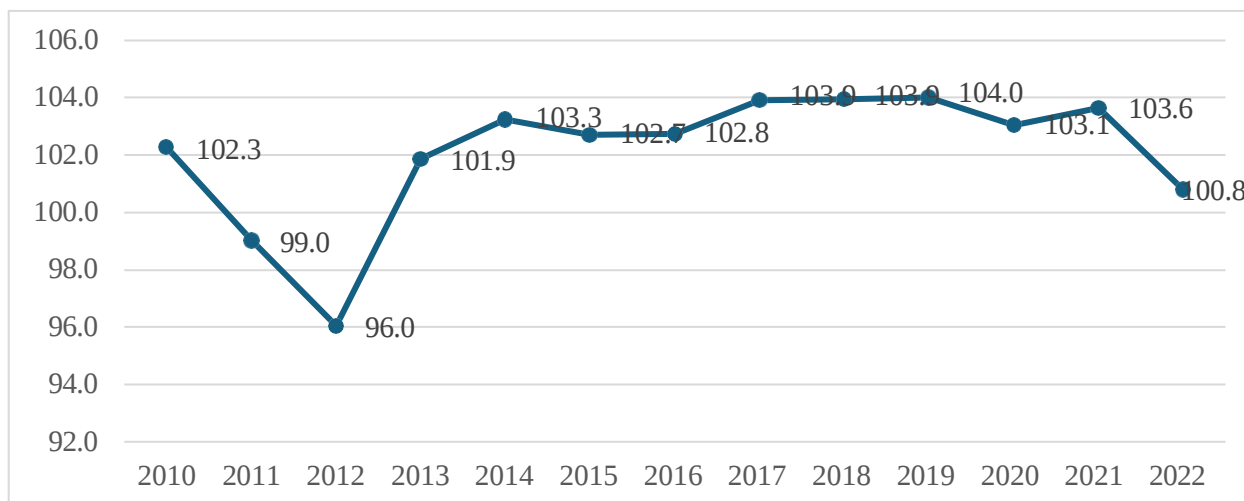
Программы субсидирования, льготные кредиты и другие меры государственной поддержки играют ключевую роль в стабилизации и росте сектора растениеводства. Глобальные и внутренние экономические условия, такие как колебания цен на сельскохозяйственную продукцию, стоимость сырья и топлива, также оказывают значительное влияние на объемы производства. Внедрение новых агротехнологий, сортов растений и

методов управления хозяйством способствует повышению продуктивности и устойчивости растениеводства. Анализ индекса физического объема валовой продукции растениеводства показывает, что отрасль сталкивается с периодическими колебаниями, вызванными как внешними факторами, так и внутренними условиями. Периоды роста указывают на эффективность применяемых агротехнологий и мер государственной поддержки, тогда как

спады свидетельствуют о необходимости дополнительных усилий для преодоления трудностей. Стабильные периоды

отражают сбалансированное развитие сектора.

Рисунок 3. Индекс физического объема валовой продукции животноводства Казахстана, % [17]

Примечание: составлено авторами

Рисунок 3 показывает динамику индекса физического объема валовой продукции животноводства в процентах за период с 2010 по 2022 годы. Этот индекс отражает изменения в объеме произведенной продукции животноводства без учета влияния ценовых факторов, позволяя объективно оценить физический объем производства. В 2011 году индекс упал до 99,0%, а в 2012 году снизился еще больше до 96,0%. Эти периоды спада могут быть связаны с неблагоприятными погодными условиями, вспышками болезней среди животных или экономическими трудностями, которые снизили производственные объемы. В 2014 году наблюдается восстановление до уровня 103,3%, что свидетельствует о восстановлении производства после спада. Вероятно, меры по улучшению условий содержания животных, вакцинация и другие ветеринарные меры способствовали этому восстановлению. С 2015 по 2020 годы индекс колебался в

пределах 102,7%-104,0%, что показывает относительную стабильность производства. Небольшие колебания могут быть связаны с сезонными изменениями и колебаниями в спросе и предложении на рынке. В этот период, особенно с 2017 по 2019 годы, индекс удерживался на уровне

около 102,7%-104,0%, что указывает на устойчивость отрасли животноводства и эффективность применяемых технологий и мер государственной поддержки.

В 2021 году индекс снизился до 103,6%, а в 2022 году еще больше до 100,8%. Эти изменения могут указывать на новые вызовы, с которыми столкнулась отрасль, такие как изменения в экономических условиях, новые вспышки заболеваний или другие внешние факторы, которые повлияли на производство. Колебания цен на корма, ветеринарные препараты и другие ресурсы оказывают значительное влияние на объемы производства. Экономические кризисы и изменения в торговой политике также играют важную роль. Программы субсидирования, гранты, налоговые льготы и другие меры государственной поддержки способствуют стабилизации и росту отрасли животноводства. Внедрение новых технологий в области разведения, кормления и ухода за животными способствует повышению продуктивности и снижению издержек, что положительно сказывается на объемах производства. Стихийные бедствия, эпидемии и другие природные факторы могут негативно влиять на объемы производства животноводческой продукции. Анализ индекса физического объема валовой продукции животноводства показывает, что

отрасль сталкивается с периодическими колебаниями, вызванными как внутренними, так и внешними факторами. Периоды роста и стабилизации свидетельствуют о позитивных изменениях и устойчивости отрасли, тогда как спады указывают на необходимость принятия дополнительных мер для преодоления трудностей. Вычисление коэффициента корреляции между субсидиями и валовой продукцией имеет существенное значение для анализа и управления сельскохозяйственным сектором. Этот коэффициент позволяет понять степень и характер взаимосвязи между объемом государственной поддержки и производственными результатами сельскохозяйственных предприятий. Рассмотрим, почему это важно и какие выводы можно сделать на основе этого анализа [18]. Коэффициент корреляции помогает определить, насколько эффективны меры государственной поддержки в виде субсидий для увеличения валовой продукции сельского хозяйства. Высокий коэффициент корреляции (близкий к 1) указывает на сильную положительную связь, что означает, что увеличение субсидий приводит к значительному росту производства. Это подтверждает, что инвестиции государства в эту область оправданы и способствуют достижению поставленных целей [19]. Знание степени корреляции между субсидиями и валовой продукцией позволяет принимать более обоснованные управленческие решения. Если выявлена сильная положительная связь, можно рекомендовать увеличение объема субсидий для дальнейшего стимулирования роста производства. В случае слабой или отсутствующей корреляции следует пересмотреть существующие программы поддержки и, возможно, изменить их структуру или направления финансирования. Анализ корреляции помогает оптимизировать распределение государственных ресурсов.

В условиях ограниченного бюджета важно направлять средства туда, где они приносят наибольшую отдачу. Понимание взаимосвязи между субсидиями и производственными результатами позволяет более эффективно распределять бюджетные средства, направленные на поддержку сельского хозяйства [20]. Вычисление коэффициента корреляции является важным инструментом для стратегического планирования в сельскохозяйственном секторе. Он позволяет прогнозировать возможные результаты различных сценариев государственной поддержки и разрабатывать долгосрочные стратегии развития. Это помогает обеспечить устойчивый рост сельского хозяйства и повысить его конкурентоспособность [21]. Анализ взаимосвязи между субсидиями и валовой продукцией может выявить области, требующие улучшения. Например, если коэффициент корреляции низкий, это может указывать на неэффективность текущих мер поддержки или на наличие других ограничивающих факторов, таких как недостаток технологий или инфраструктуры. Это знание может быть использовано для разработки более целенаправленных и эффективных программ поддержки. Вычисление коэффициента корреляции между субсидиями и валовой продукцией предоставляет важную информацию для оценки эффективности государственной поддержки, принятия обоснованных управленческих решений, оптимизации распределения ресурсов, поддержки стратегического планирования и выявления направлений для улучшения. Это позволяет создавать более эффективные программы поддержки, которые будут способствовать устойчивому развитию сельскохозяйственного сектора обеспечению продовольственной безопасности.

Таблица 1. Сведения о валовой продукции сельского хозяйства и государственной поддержке Республики Казахстан, млн. тенге.

Годы	Валовая продукция	Валовая продукция растениеводства	Валовая продукция животноводства	Всего господдержка
2008	1 404 492,6	770 239,6	628 601,0	41 411,8

2009	1 641 352,4	932 305,1	703 174,5	43 235,6
2010	1 822 074,1	895 425,2	920 777,3	56 438,1
2011	2 720 453,4	1 654 428,5	1 059 561,3	68 307,6
2012	2 393 619,0	1 241 517,0	1 145 437,3	90 036,9
2013	2 949 485,0	1 683 851,4	1 256 871,7	88 448,8
2014	3 143 678,1	1 739 436,4	1 393 762,0	146 882,9
2015	3 307 009,6	1 825 236,7	1 469 923,1	173 676,3
2016	3 684 393,2	2 047 580,8	1 621 541,4	220 730,7
2017	4 070 916,8	2 249 166,9	1 810 914,1	260 651,5
2018	4 474 088,1	2 411 486,7	2 050 455,8	226 179,7
2019	5 151 163,0	2 817 660,6	2 319 496,7	357 251,8
2020	6 334 668,8	3 687 310,3	2 637 460,7	387 416,6
2021	7 515 433,5	4 387 236,5	3 116 973,5	409 210,4
2022	9 481 179,8	5 808 259,8	3 658 757,6	404 266,8

Источник: <https://stat.gov.kz/>

Таблица 1 представляет данные о валовой продукции сельского хозяйства и объеме государственной поддержки в Казахстане за период с 2008 по 2022 годы. Валовая продукция сельского хозяйства в Казахстане показала значительный рост за исследуемый период, увеличившись с 1 404 492,6 млн тенге в 2008 году до 9 481 179,8 млн тенге в 2022 году. Это свидетельствует о существенном развитии аграрного сектора страны. Валовая продукция растениеводства также продемонстрировала значительный рост, увеличившись с 770 239,6 млн тенге в 2008 году до 5 808 259,8 млн тенге в 2022 году. Валовая продукция животноводства выросла с 628 601,0 млн тенге в 2008 году до 3 658 757,6 млн тенге в 2022 году. Объем государственной поддержки в форме субсидий также значительно увеличился за этот период. В 2008 году общий объем субсидий составил 41 411,8 млн тенге, а в 2022 году он достиг 404 266,8 млн тенге. Это указывает на усиление государственной поддержки аграрного сектора.

В 2014 году объем субсидий увеличился до 146 882,9 млн тенге по сравнению с 88 448,8 млн тенге в 2013 году. С 2016 по 2019 годы объем субсидий увеличился с 220 730,7 млн тенге до 357 251,8 млн тенге, что указывает на активное вмешательство государства в поддержку сельского хозяйства в этот период.

Из таблицы 1 видно, что объем производимой сельскохозяйственной продукции и объем субсидий государственной поддержки, имеют одинаковую динамику роста, поэтому имеет смысл изучить их корреляционную связь. Коэффициент корреляции составил $r=0.93$ что является значимым по статистике Стьюдента [21.22]. Следующим шагом моделирования является построение регрессионной модели. При построении экономико статистической моделей важную роль играет инструментarii вычисления. Все расчеты сделаны в программном пакете STATISTICA(рис.4).

Рисунок 4.Параметры регрессии

Regression Summary for Dependent Variable: Var1 (Spreadsheet)						
R= ,93112548 RI= ,86699465 Adjusted RI= ,85676347 F(1,13)=84,740 p<,00000 Std.Error of estimate: 8647E2						
N=15	b*	Std.Err. of b*	b	Std.Err. of b	t(13)	p-value
Intercept			945051,9	400542,7	2,359428	0,034612
Var4	0,931125	0,101149	15,4	1,7	9,205457	0,000000

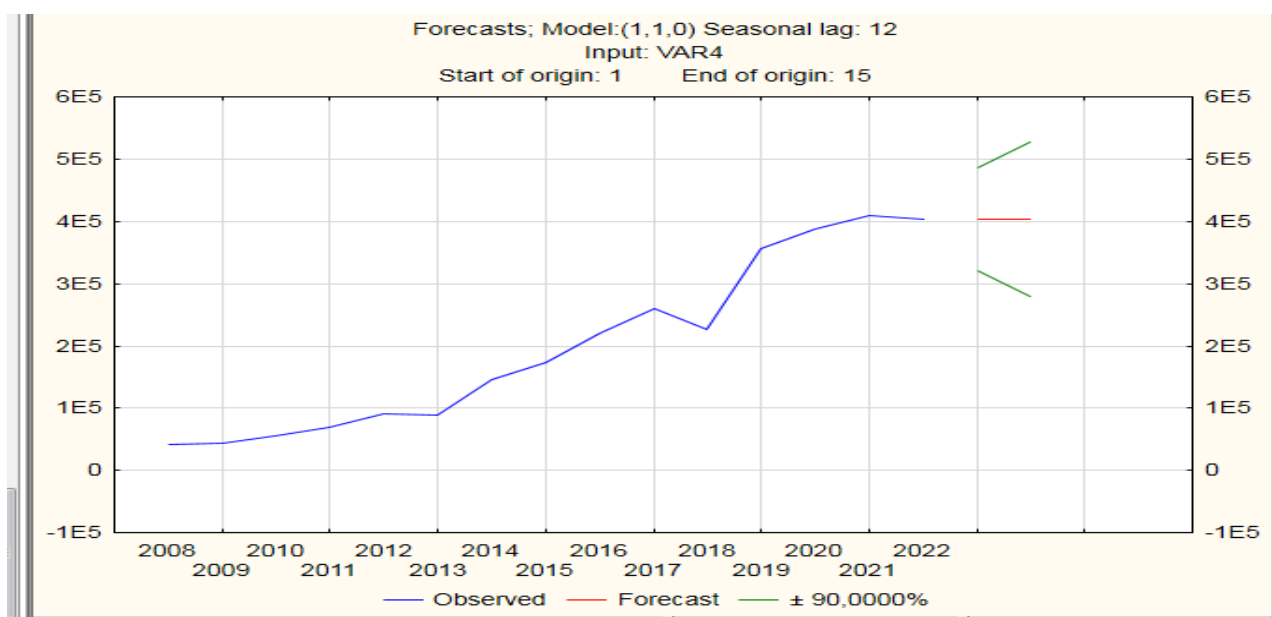
Примечание: рассчитано авторами

Из таблицы можно вывести модель
 $Y = 945052 + 15,43 X$ $R^2 = 0,86$
 где:
 Y- валовая продукция
 X- субсидия

Интерпретация коэффициента при X говорит о том, что при увеличении субсидии на 1 млн тенге валовая продукция в среднем увеличивается на 15,43 млн тенге. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,86$ значим по статистике Фишера следовательно данную модель можно использовать для анализа и принятия управленческих решения.

На основе трендовой модели можно прогнозировать государственную поддержку на следующие годы. Исходные данные имели явный тренд, что указывало на их нестационарность. На основе взятия разности показателей 1-го порядка данные стали стационарными и отвечали требованиям статистических критериев. При этом стационарность данных исследовались на основе автокорреляции и частной автокорреляции. Все это позволило идентифицировать трендовую модель(рис.5)

Рисунок 5. Прогнозная модель государственной поддержки

Примечание: составлено авторами

Исходя из рис.5. можно видеть при сохранении тенденции сложившиеся за изучаемый период можно ожидать что в 2023 году объем господдержки будет в пределах 403637 млн тенге и в 2024

остается примерно на таком уровне. Если так, то на основе выработанной регрессионной модели общий показатель валовой продукции сельскохозяйственной продукции ожидается в 2023-2024 гг. на

уровне 7176687 тенге.

Анализ показал, что государственная поддержка в виде субсидий оказывает значительное положительное влияние на результаты сельскохозяйственного производства в Казахстане. Высокий коэффициент корреляции и результаты регрессионного анализа подтверждают, что увеличение объема субсидий приводит к значительному росту валовой продукции.

Выводы подчеркивают важность продолжения и расширения программ субсидирования для поддержки и развития сельского хозяйства в стране.

Анализ данных о валовой продукции сельского хозяйства и государственной поддержке в Казахстане за период с 2008 по 2022 годы показал значительное увеличение объемов как сельскохозяйственной продукции, так и государственных субсидий. Это свидетельствует о существенном развитии аграрного сектора страны и усилении государственной поддержки.

За исследуемый период валовая продукция сельского хозяйства увеличилась с 1 404 492,6 млн тенге в 2008 году до 9 481 179,8 млн тенге в 2022 году. Это указывает на значительное развитие аграрного сектора, включая как растениеводство, так и животноводство. Объем государственной поддержки в виде субсидий также существенно вырос, достигнув 404 266,8 млн тенге в 2022 году по сравнению с 41 411,8 млн тенге в 2008 году. Это подчеркивает активное вмешательство государства в поддержку сельского хозяйства. Наблюдается параллельный рост валовой продукции и объема субсидий. Коэффициент множественной корреляции $r = 0.93$ указывает на сильную положительную

связь между этими показателями. Это подтверждает, что увеличение объема субсидий способствует росту валовой продукции сельского хозяйства. Учитывая положительное влияние субсидий на результаты сельскохозяйственного производства, рекомендуется продолжать и расширять программы государственной поддержки. Это поможет обеспечить устойчивый рост аграрного сектора и повысить его конкурентоспособность. Для максимальной эффективности следует оптимизировать распределение государственных субсидий, направляя средства в наиболее перспективные и нуждающиеся области сельского хозяйства.

Важно поддерживать внедрение инновационных технологий и методов производства, а также акцентировать внимание на экологически устойчивых практиках, что будет способствовать долгосрочному развитию аграрного сектора.

Государственная поддержка в виде субсидий оказывает значительное положительное влияние на результаты сельскохозяйственного производства в Казахстане. Высокий коэффициент корреляции и результаты регрессионного анализа подтверждают, что увеличение объема субсидий приводит к значительному росту валовой продукции. Эти выводы подчеркивают важность продолжения и расширения программ субсидирования для поддержки и развития сельского хозяйства в стране, что способствует обеспечению продовольственной безопасности и устойчивому развитию аграрного сектора.

Список литературы

1. Кошебаева Г. К., Алпысбаева Н. А., Бирюков В. В. АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2018. - № 4. - С. 57-69;
1. Шарапова Т.Н., and Фалина Н.В. "РОЛЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЭКСПОРТЕ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН" Экономика и социум, no. 2-5 (15), 2015, pp. 52-56.
2. Волков Игорь Викторович, Вожаева Нелля Григорьевна, Павлов Алексей Владимирович, Савруков Николай Тарасович, and Ионова Татьяна Александровна. "Формирование благоприятных условий для развития экспорта сельскохозяйственной продукции" Танырбердиева Э.В., and Танырбердиев М.В. "ЭКОЛОГИЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И

- ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ" Всемирный ученый, vol. 1, no. 8, 2023, pp. 64-68.27-9407-2022-1-112-123
3. Тюпаков К.Э., and Гарькуша О.Г. "ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ" Естественно-гуманитарные исследования, no. 3 (21), 2018, pp. 63-69.
 4. Сибиряев А. С.. "Государственная поддержка сельского хозяйства и развития сельских территорий: международный опыт" Вестник НГИЭИ, no. 2 (153), 2024, pp. 102-110.
 5. Прока Н.И.. "РАЗВИТИЕ СТИМУЛИРУЮЩЕЙ РОЛИ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ" Вестник аграрной науки, no. 2 (95), 2022, pp. 152-159.
 6. Легкая Л.А. "Роль государственного регулирования в рыночном механизме" Актуальные вопросы экономических наук, no. 29-1, 2013, pp. 17-23.
 7. Есекин Б. "ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ" Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований, vol. 1, no. 4, 2021, pp. 24-52.
 8. Об утверждении Правил субсидирования повышения урожайности и качества продукции растениеводства. Приказ Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 30 марта 2020 года № 107. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 31 марта 2020 года № 20209.
 9. Pe'er, Guy & Zinngrebe, Yves & Moreira, Francisco & Sirami, Clélia & Schindler, Stefan & Müller, Robert & Bontzorlos, Vasileios & Clough, Dagmar & Bezák, Peter & Bonn, Aletta & Hansjürgens, Bernd & Lomba, Ângela & Möckel, Stefan & Passoni, Gioele & Schleyer, Christian & Schmidt, Jenny & Lakner, Sebastian. (2019). A greener path for the EU Common Agricultural Policy. Science. 365. 449-451. 10.1126/science.aax3146.
 10. United States Department of Agriculture Economic Research Service, Farm Commodity Policy at <https://www.ers.usda.gov/topics/farm-economy/farm-commodity-policy/>. (дата обращения: 20.11.2024)
 11. Sekine, Kae & Hisano, Shuji. (2009). Agribusiness Involvement in Local Agriculture as a 'White Knight'? A case study of Dole Japan's fresh vegetable business. International Journal of Sociology of Agriculture and Food. 16. 70-89.
 12. Robert Fischer. How AgriInvest and AgriStability are changing. *Farm Series*. November 23, 2017, <https://www.bakertilly.ca/en/windsor-ontario/blog/how-agriinvest-and-agristability-are-changing>, (дата обращения: 20.11.2024).
 13. Carene Chong. Drought assistance for Australian farmers. Farmmachinerysales. 7 Aug 2018. https://www.farmmachinerysales.com.au/auth?memberdriver=editorial_newsletter&ret=https%3a%2f%2fwww.farmmachinerysales.com.au%2feditorial%2fdetails%2fdrought-assistance-for-australian-farmers-113987%2f%3fsignUpToNewsletter%3dtrue, дата обращения: 20.11.2024).
 14. Индекс производства продукции сельского хозяйства ЕАЭС. Динамические ряды. https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/series/, дата обращения: 20.11.2024).
 15. Индексы физического объема валовой продукции (услуг) сельского, лесного и рыбного хозяйства РК по ОКЭДу в % к предыдущему году (2010-2022гг.). <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-forrest-village-hunt-fish/dynamic-tables/>, дата обращения: 20.11.2024).
 16. Барышников Н. Г., and Самыгин Д. Ю. "Эконометрические модели анализа и оценки эффективности использования бюджетных ресурсов в сельском хозяйстве" Экономический анализ: теория и практика, no. 24, 2012, pp. 2-9.
 17. Пономаренко Т. В., and Проданова Н. А. "Степень влияния государственной поддержки на сельское хозяйство" Российское предпринимательство, no. 12-2, 2009, pp. 139-142.
 18. Мазлоев Виталий Зелимханович, and Кцоев Аслан Бимбулатович. "Механизм государственной поддержки: стимулы и ограничения в системе распределения субсидий" Агропродовольственная политика России, no. 2, 2012, pp. 61-6

19. Экономико-математические методы и прикладные модели / Под ред. В.В. Федосеева. - М.: ЮНИТИ, 2018, -390 с.
20. Кремер Н.Ш., Путко Б.А. Эконометрика. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015, -311 с.
21. Вестник НГИЭИ, no. 1 (128), 2022, pp. 112-123. doi:10.24412/22

References

1. Koshebaeva G.K., Alpysbaeva N.A., Biryukov V.V. ANALYSIS AND PROSPECTS OF FOOD SECURITY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. - 2018. – No. 4. – pp. 57-69;
2. Sharapova T.N., and Falina N.V. "THE ROLE OF AGRICULTURE IN EXPORTS OF DEVELOPING COUNTRIES" Economics and Society, No. 2-5 (15), 2015, pp. 52-56.
3. Volkov Igor Viktorovich, Vozhdaeva Nellya Grigoryevna, Pavlov Alexey Vladimirovich, Savrukov Nikolai Tarasovich, and Ionova Tatyana Alexandrovna. "Formation of favorable conditions for the development of agricultural exports" Bulletin of the NGIEI, No. 1 (128), 2022, pp. 112-123. doi:10.24412/22
4. Tanyrberdieva E.V., and Tanyrberdiev M.V.. "ECOLOGY AND AGRICULTURE: INTERDEPENDENCE AND DEVELOPMENT PROSPECTS" World Scientist, vol. 1, No. 8, 2023, pp. 64-68. 27-9407-2022-1-112-123
5. Tyupakov K.E., and Garkusha O.G. "STATE SUPPORT AS A FACTOR IN ENSURING FOOD SECURITY" Natural Sciences and Humanities Research, No. 3 (21), 2018, pp. 63-69.
6. Sibiryayev A. S. "State support for agriculture and rural development: international experience" Bulletin of RUSSIA, No. 2 (153), 2024, pp. 102-110.
7. Proka N.I. "DEVELOPMENT OF THE ANALYTICAL ROLE OF GEOGRAPHICAL SCIENCE", № 2 (95), 2022, pp. 152-159.
8. Light L.A. "The role of state regulation in the market mechanism", Official questionnaire, No. 29-1, 2013, pp. 17-23.
9. Yesekin B.. "GREEN ECONOMY FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN CENTRAL ASIA" Journal of Central Asian and Eurasian Studies, vol. 1, no. 4, 2021, pp. 24-52.
10. On the approval of the Rules for subsidizing the increase in yield and quality of crop production. Order of the Minister of Agriculture of the Republic of Kazakhstan dated March 30, 2020 No. 107. Registered with the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on March 31, 2020 No. 20209.
11. Peer, Guy and Zinngrebe, Yves and Moreira, Francisco and Sirami, Clelia and Schindler, Stefan and Muller, Robert and Bonzorlos, Vasileios and Klaf, Dagmar and Bezak, Peter and Bonn, Aletta and Hansurgens, Bernd and Lomba, Angela and Mekel, Stefan and Passoni, Joele and Schleyer., Christian and Schmidt, Jenny and Luckner, Sebastian. (2019). A greener path for the EU's common agricultural policy. Nauka. 365. 449-451. 10.1126/science.aax3146.
12. Economic Research Service of the United States Department of Agriculture, Agricultural Products policy in <https://www.ers.usda.gov/topics/farm-economy/farm-commodity-policy/>, (Date of access: 20.11.2024).
13. Sekine, Kae & Hisano, Shuji. (2009). Agribusiness Involvement in Local Agriculture as a 'White Knight'? A case study of Dole Japan's fresh vegetable business. International Journal of Sociology of Agriculture and Food. 16. 70-89.
14. Robert Fischer. How AgriInvest and AgriStability are changing. Farm Series. November 23, 2017, <https://www.bakertilly.ca/en/windsor-ontario/blog/how-agriinvest-and-agristability-are-changing>, (Date of access: 20.11.2024).
15. Carene Chong. Drought assistance for Australian farmers. Farmmachinerysales. 7 Aug 2018. https://www.farmmachinerysales.com.au/auth?memberdriver=editorial_newsletter&ret=https%3a%2f%2fwww.farmmachinerysales.com.au%2feditorial%2fdetails%2fdrought-assistance-for-australian-farmers-113987%2f%3fsignUpToNewsletter%3dtrue
16. The index of agricultural production of the EAEU. Dynamic series. https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/series/

17. Indices of the physical volume of gross output (services) of agriculture, forestry and fisheries of the Republic of Kazakhstan according to the OKED in% compared to the previous year (2010-2022). <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-forrest-village-hunt-fish/dynamic-tables/>, (Date of access: 20.11.2024).
18. Baryshnikov N.G., and Samygin D.Yu.. "Econometric models for analyzing and evaluating the efficiency of using budgetary resources in agriculture" *Economic Analysis: Theory and Practice*, No. 24, 2012, pp. 2-9.
19. Ponomarenko T.V., and Prodanova N.A. "The degree of influence of state support on agriculture" *Russian Entrepreneurship*, No. 12-2, 2009, pp. 139-142.
20. Mazloev Vitaly Zelimkhanovich, and Ktsoev Aslan Bimbulatovich. "The mechanism of state support:incentives and restrictions in the subsidy distribution system" *Agro-Food Policy of Russia*, No. 2, 2012, pp. 61-67.
21. *Economic and mathematical methods and applied models* / Edited by V.V.Fedoseev.-M.: UNITY, 2018, -390 p.
22. Kremer N.S.,Putko B.A. *Econometrics*. -Moscow: UNITY-DANA, 2015, -311 p.

АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫН МЕМЛЕКЕТТІК ҚОЛДАУЫН МОДЕЛЬДЕУ

Айгуль Казамбаева, экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, Жәңгір хан атындағы Батыс Қазақстан аграрлық-техникалық университетінің Технологиялық даму орталығының басшысы, Орал қ., Қазақстан Республикасы, aigul_km@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-4227>

Зейн Айдынов, экономика ғылымдарының кандидаты, С.Сейфуллин ат.Қазақ агротехникалық университетінің қауымдастырылған профессор м.а.,Астана қ. Қазақстан Республикасы, zein_ap@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-4927>

Жанболат Даухарин*, экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы. Астана қ., Қазақстан Республикасы, Zhanbolat.Daukharin@apa.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3510-231X>

Райлаш Турчекенова, Yevniy Consulting Group «YCG-Analytics» Data – Driven-орталығының басшысы, экономика ғылымдарының кандидаты, Астана қ., Қазақстан Республикасы, railash91@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6150-0349>

MODELING OF STATE SUPPORT FOR AGRICULTURE

Aigul KAZAMBAYEVA, candidate of economic sciences, Associate Professor, Head of the Center for Technological Development, West Kazakhstan Agrarian and Technical University named after Zhangir Khan, Uralsk, Republic of Kazakhstan, aigul_km@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-4227>

Zein AYDYNNOV, candidate of economic sciences, Acting Associate Professor, Kazakh Agrotechnical Research University named after S.Seifullin, Astana, Republic of Kazakhstan, zein_ap@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-4927>

Zhanbolat DAUKHARIN*, Candidate of Economic Sciences, Professor, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan. Astana, Republic of Kazakhstan, Zhanbolat.Daukharin@apa.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3510-231X>

Railash TURCHEKENOVA, Head of the Data-Driven Center «YCG-Analytics» Yevniy Consulting Group, Candidate of Economic Sciences, Astana, Kazakhstan, railash91@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6150-0349>

АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ДЕТЕРМИНАНТАМИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**Нариман
СЫЗДЫКОВ****докторант, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Институт управления, Астана, Казахстан; narimanermekuly@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9354-5726>; Scopus ID: 58671777800***Ане
ТЫНЫШБАЕВА***доктор социологических наук, профессор, Академия государственного управления при Президенте РК, Институт управления, Астана, Казахстан; a.tynyshbayeva@apa.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6209-727X>; Scopus ID: 57215878312*

Дата поступления рукописи в редакцию: 23/06/2024

Доработано: 31/10/2024

Принято: 01/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1281

УДК 351.77

МРНТИ 76.29.11

Аннотация. В статье проводится детальный анализ инструментов государственного управления социальными детерминантами здоровья на примере онкологической службы Республики Казахстан. Актуальность исследования обусловлена необходимостью улучшения методов управления для снижения заболеваемости и смертности от рака, а также повышения доступности и качества медицинских услуг. В качестве методов были использованы сравнительный анализ нормативных документов, изучены международные практики (Великобритания, США, Германия) по систематизации данных и контент-анализ. В статье рассматриваются ключевые аспекты развития здравоохранения, включая финансирование онкологических программ, обязательное медицинское страхование, развитие инфраструктуры и социальную поддержку уязвимых групп населения, дефицит медицинских кадров и пути его решения. Основное внимание уделяется необходимости внедрения телемедицины и межведомственного сотрудничества для улучшения координации медицинских услуг, особенно в удалённых районах.

Результаты исследования выявили необходимость усиления законодательного регулирования и адаптации успешных международных практик, таких как мультидисциплинарные команды и программы генетического тестирования. Практические рекомендации включают увеличение государственных и частных инвестиций в онкологические программы, разработку программ повышения квалификации для медицинских работников, внедрение телемедицины и мобильных клиник, а также обновление законодательных норм, регулирующих качество медицинских услуг. Статья подчёркивает важность комплексного подхода с участием государства, частного сектора и международных партнёров для эффективного управления социальными детерминантами здоровья. Ожидается, что предложенные меры могут привести к снижению смертности от онкологических заболеваний в Казахстане на 10% в течение ближайших 5 лет. Работа содержит представленные экспертные мнения ученых и практикующих специалистов в области государственного управления социальными детерминантами здоровья онкологической службы Республики Казахстан

Ключевые слова: государственное управление, социальные детерминанты здоровья, онкологическая служба, Казахстан, телемедицина, мультидисциплинарные команды, качество медицинских услуг.

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасындағы онкологиялық қызметтің мысалында денсаулықтың әлеуметтік детерминанттарын мемлекеттік басқару құралдарын талдау ұсынылған. Зерттеудің өзектілігі онкологиялық ауруларды азайту және өлім-жітімді төмендету, сондай-ақ медициналық қызметтердің қолжетімділігі мен сапасын арттыру мақсатында басқару әдістерін жетілдіру қажеттілігімен негізделеді. Зерттеуде нормативтік құжаттарды салыстырмалы талдау, халықаралық тәжірибені (Ұлыбритания, АҚШ, Германия) зерттеу, деректерді жүйелеу және контент-талдау әдістері қолданылды. Мақалада денсаулық сақтау жүйесінің дамуының негізгі аспектілері қарастырылған, соның ішінде онкологиялық бағдарламаларды қаржыландыру, міндетті медициналық сақтандыру, инфрақұрылымды дамыту және халықтың осал топтарын әлеуметтік қолдау. Әсіресе телемедицинаны енгізу және медициналық қызметтердің үйлестірілуін жақсарту үшін ведомствоаралық ынтымақтастық қажеттілігіне баса назар аударылады, әсіресе шалғай аймақтарда. Зерттеу нәтижелері заңнамалық реттеуді күшейту және халықаралық тәжірибені бейімдеу қажеттілігін көрсетті, мысалы, мультидисциплинарлық командалар мен генетикалық тестілеу бағдарламалары. Практикалық ұсыныстар мемлекеттік және жеке инвестицияларды онкологиялық бағдарламаларға ұлғайтуды, медицина қызметкерлерінің біліктілігін арттыру бағдарламаларын әзірлеуді, телемедицинаны және мобильді клиникаларды енгізуді, сондай-ақ медициналық қызметтердің сапасын реттейтін заңнамалық нормаларды жаңартуды қамтиды. Мақалада денсаулық сақтау детерминанттарын тиімді басқару үшін мемлекет, жеке сектор және халықаралық серіктестердің қатысуымен кешенді тәсілдің маңыздылығы атап өтіледі. Ұсынылған шаралар Қазақстандағы онкологиялық аурулардан болатын өлім-жітімді алдағы 5 жылда 10%-ға төмендетуге ықпал етуі мүмкін. Бұл жұмыста Қазақстан Республикасының онкологиялық қызметіндегі денсаулықтың әлеуметтік детерминанттарын мемлекеттік басқару саласындағы ғалымдар мен тәжірибелі мамандардың сараптамалық пікірлері қамтылған.

* Автор для корреспонденции: Н. Сыздықов, narimanermekuly@gmail.com

Түйін сөздер: Мемлекеттік басқару, денсаулықтың әлеуметтік детерминанттары, онкологиялық қызмет, Қазақстан, телемедицина, көпсалалы топтар, медициналық қызметтердің сапасы.

Abstract. The article provides a detailed analysis of state governance tools for the social determinants of health using the example of the oncology service in the Republic of Kazakhstan. The relevance of the study is justified by the need to improve management methods to reduce the incidence and mortality from cancer, as well as to improve the accessibility and quality of medical services. The methods used include comparative analysis of normative documents, study of international practices (UK, USA, Germany), data systematization, and content analysis. The article examines key aspects of healthcare development, including funding for oncology programs, mandatory health insurance, infrastructure development, and social support for vulnerable groups. Special attention is paid to the need for the introduction of telemedicine and interagency cooperation to improve the coordination of medical services, especially in remote areas.

The study results revealed the need to strengthen legislative regulation and adapt successful international practices, such as multidisciplinary teams and genetic testing programs. Practical recommendations include increasing public and private investments in oncology programs, developing professional training programs for healthcare workers, implementing telemedicine and mobile clinics, and updating legislative standards regulating the quality of medical services. The article highlights the importance of a comprehensive approach involving the participation of the state, private sector, and international partners for effective management of the social determinants of health. It is expected that the proposed measures could reduce cancer mortality in Kazakhstan by 10% within the next 5 years. The work contains expert opinions of scientists and practitioners in the field of public management of social determinants of health of the oncology service of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: Public administration, social determinants of health, oncology service, Kazakhstan, telemedicine, multidisciplinary teams, quality of medical services.

Введение

Онкологические заболевания являются одной из ведущих причин смертности в Казахстане. По данным Министерства здравоохранения, в 2022 году было зарегистрировано 18 876 новых случаев онкологических заболеваний, а смертность от рака составила 11 246 случаев, что на 5% больше по сравнению с предыдущим годом [1, с. 5].

Наиболее распространёнными видами рака в Казахстане являются рак молочной железы, рак лёгких и рак желудка. В динамике за последние 20 лет в стране заболеваемость онкологическими заболеваниями увеличилась на 25%. Сегодня онкологические заболевания занимают 7-е место в структуре всех заболеваний, а смертность от рака находится на 2-м месте после болезней системы кровообращения.

На данный момент в Казахстане на динамическом наблюдении состоят свыше 205 тыс. пациентов с онкологическими заболеваниями. Ежегодно выявляется более 37 тыс. новых случаев. Среди женщин заболеваемость выше, чем у мужчин (57% и 43% соответственно), что объясняется высокой долей рака молочной железы в общей структуре заболеваемости. Также стоит отметить, что 56% пациентов составляют лица трудоспособного возраста.

Управление социальными детерминантами здоровья в контексте онкологической службы представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую значительных ресурсов и усилий. Пример онкологической службы позволяет проиллюстрировать эффективность различных инструментов государственного управления, поскольку онкологическая служба включает комплексные меры по профилактике, диагностике, лечению и реабилитации, что делает её идеальной моделью для анализа.

Одним из серьёзных вызовов, стоящих перед

системой здравоохранения Казахстана, является нехватка квалифицированных медицинских кадров, что усугубляет неравенство в доступе к онкологической помощи.

Актуальность исследования обусловлена значимостью управления социальными детерминантами здоровья для улучшения качества общественного здоровья и сокращения неравенства в здравоохранении. В современных условиях в Республике Казахстан важно разработать эффективные инструменты и методы, которые позволят повысить качество жизни и здоровья населения.

Цель исследования – провести анализ существующих инструментов государственного управления социальными детерминантами здоровья на примере онкологической службы и предложить пути их совершенствования.

Литературный обзор

Вопрос управления социальными детерминантами здоровья (СДЗ) имеет особое значение в современной системе здравоохранения. СДЗ охватывают такие факторы, как доход, образование, занятость, доступ к медицинской помощи и условия проживания, которые существенно влияют на здоровье населения. Исследования неоднократно подтверждают, что неравенство в этих детерминантах ведёт к значительным различиям в состоянии здоровья среди различных слоёв общества (Marmot, 2010). В странах с высокоразвитыми системами здравоохранения управление социальными детерминантами реализуется через комплексные программы социальной поддержки и профилактических мер, что позволяет улучшить общие показатели здоровья и снижает уровень смертности (Brown & Jones, 2019). В Казахстане же управление СДЗ требует особого подхода, учитывая неравномерный доступ к медицинским услугам и высокий уровень заболеваемости и

смертности от онкологических заболеваний (Nurmagambetov, 2020). Несмотря на введение таких программ, как обязательное медицинское страхование и социальная поддержка уязвимых групп, проблемы неравенства сохраняются, что требует внедрения новых управленческих решений для улучшения ситуации. Международный опыт в управлении онкологическими службами показывает, что эффективные практики включают мультидисциплинарный подход и активное использование современных технологий. В Великобритании национальная программа скрининга на протяжении последних десяти лет позволила снизить смертность от рака на 15%, что подчеркивает важность раннего выявления и профилактики (UK Department of Health, 2018). В США мультидисциплинарные команды, объединяющие специалистов разных областей, а также применение генетического тестирования и персонализированной медицины в онкологических центрах повысили качество лечения и выживаемость пациентов (Lee & Wang, 2021; National Cancer Institute, 2019). Германия разработала систему специализированных онкологических центров, которые обеспечивают координацию лечения и предоставляют высококвалифицированную помощь, что позволило сократить среднее время ожидания лечения на 30% и значительно улучшить исходы для пациентов (German Cancer Research Center, 2020). Тем не менее, внедрение подобных программ в Казахстане сталкивается с определенными трудностями, включая дефицит кадров и неравномерное распределение ресурсов. Эти аспекты указывают на необходимость дальнейших исследований и внедрения инновационных подходов, чтобы повысить качество и доступность онкологических услуг.

Дефицит медицинских кадров – одна из самых значимых проблем, сказывающихся на эффективности онкологической службы. По данным Всемирной организации здравоохранения, в странах с ограниченными ресурсами недостаток кадров ухудшает качество медицинских услуг и повышает уровень смертности (WHO, 2019). В Казахстане эта проблема особенно остра в удаленных районах, где квалификация специалистов зачастую недостаточна, а доступ к медицинской помощи ограничен (Ministry of Health, 2022). Опыт таких стран, как США и Германия, показывает, что внедрение программ финансового стимулирования и образовательных инициатив помогает привлечь специалистов в сельские и удаленные регионы, тем самым увеличивая доступ к медицинским услугам (Smith & Brown, 2020). Подобные программы могли бы стать важным шагом и для Казахстана. Нехватка специалистов, таких как онкологи, радиологи и хирурги, ограничивает доступ к диагностике и лечению, что, в свою

очередь, снижает качество медицинской помощи. По данным Министерства здравоохранения Казахстана, в 2022 году нехватка онкологов превысила 20% от необходимого уровня, особенно остро ощущаясь в сельских районах. Высокая нагрузка на оставшихся специалистов приводит к профессиональному выгоранию и снижению эффективности работы. Влияние дефицита кадров на доступ к медицинским услугам очевидно, особенно в отдаленных регионах, где ожидание консультации или лечения может затянуться на месяцы, что влечет за собой позднюю диагностику и снижает шансы на выздоровление.

Недостаток квалифицированных специалистов также ухудшает координацию между этапами лечения и усложняет разработку комплексных планов терапии. Для решения этой проблемы Казахстан может воспользоваться международным опытом, например, программами финансовой поддержки для специалистов, готовых работать в сельских регионах США или программами профессионального роста, которые широко используются в Германии для привлечения и удержания специалистов в онкологических центрах. В США такие программы предоставляют врачам, работающим в сельской местности, финансовые стимулы и образовательные гранты, а в Германии аналогичные инициативы нацелены на повышение квалификации специалистов в онкологических центрах.

Таким образом, успешное управление социальными детерминантами здоровья и развитие онкологических служб требуют комплексного подхода, охватывающего законодательные, экономические и образовательные меры. Для Казахстана внедрение международных практик и их адаптация к национальным условиям может стать основой для повышения доступности и качества медицинских услуг.

Материалы и методы

В настоящей статье исследование основывается на комплексном подходе, направленном на всесторонний анализ инструментов государственного управления социальными детерминантами здоровья в Казахстане, с фокусом на онкологическую службу.

Ключевым методом стал сравнительный анализ нормативных документов [2, с. 12-15], охватывающий как национальное законодательство, так и международные стандарты в сфере здравоохранения. Этот анализ позволил оценить сильные и слабые стороны существующих управленческих инструментов, а также определить области, в которых можно заимствовать эффективные

решения. Особое внимание было уделено успешным практикам Великобритании, США и Германии, чьи системы здравоохранения демонстрируют высокую результативность в управлении факторами, влияющими на здоровье населения.

Для расширения картины исследования был привлечен анализ международного опыта управления онкологическими службами [4, с. 42-50]. Этот подход дал возможность глубже понять такие перспективные методы, как мультидисциплинарные команды, внедрение телемедицины и использование генетического тестирования, и оценить их применимость в условиях Казахстана. Таким образом, данный этап исследования помог очертить пути для совершенствования координации и повышения качества медицинских услуг в стране.

Целью создания целостной картины действующих инструментов управления стало использование метода систематизации и обобщения данных [3, с. 30-35]. Были рассмотрены правовые документы, программы и стратегии, такие как программа "Денсаулық", что позволило выделить лучшие практики и выявить пробелы, требующие дальнейшего улучшения.

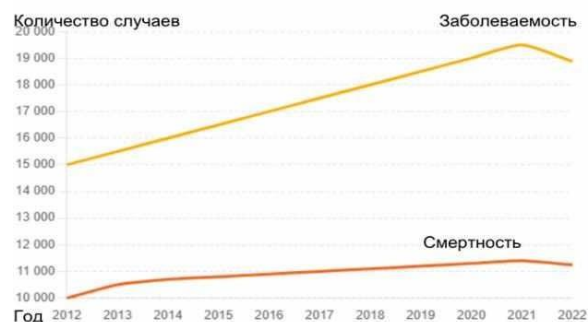
Наконец, качественный контент-анализ нормативных актов и отчетов государственных органов [5, с. 55-60] позволил глубже исследовать существующие политики и их эффективность. Этот метод способствовал выявлению текущих проблем в управлении онкологическими службами, а также помог сопоставить результаты применяемых политик с поставленными целями.

Использование такого многоуровневого подхода дало возможность создать всестороннее понимание текущих вызовов и выявить эффективные направления для повышения качества и доступности онкологических услуг в Казахстане.

Результаты

В стране онкологические заболевания занимают 7-е место в структуре всех заболеваний, смертность после болезней системы кровообращения – 2-е место, а также наблюдается рост и заболеваемости, и смертности, изображено на рисунке 1.

Рисунок 1- Рост и заболеваемости, и смертности от онкологических заболеваний в РК

Источник: Рассчитано на основании данных Национального бюро по статистике АСПУР РК

Теоретические аспекты государственного управления социальными детерминантами здоровья, раскрывают, что социальные детерминанты здоровья включают такие важные факторы, как образование, благосостояние, доступ к медицинской помощи, условия жилья и социальная поддержка, оказывая значительное влияние на общее состояние здоровья населения [6, с. 70-75]. Управление этими детерминантами требует комплексного подхода, включающего законодательные, экономические, образовательные и социальные меры (диаграмма 2).

Законодательные инструменты направлены на создание нормативной базы, способствующей улучшению здоровья населения. К ним относятся введение обязательного медицинского страхования [7, с. 80] и контроль за ценами на жизненно необходимые лекарства [8, с. 85]. Разработка и внедрение таких законов помогает создавать условия для повышения качества жизни и здоровья населения.

Экономические инструменты включают финансирование программ патронажа [9, с. 90] и предоставление социальных выплат и пособий [10, с. 95]. Использование финансовых стимулов позволяет поддерживать население и расширять доступ к медицинским услугам, способствуя улучшению их качества.

Образовательные инструменты играют важную роль в повышении осведомленности населения о вопросах здоровья. Это включает программы обучения и информационные кампании [11, с. 100], нацеленные на повышение знаний о профилактике заболеваний и ведении здорового образа жизни [12, с. 105].

Социальные инструменты направлены на поддержку общественного здравоохранения и защиту наиболее уязвимых слоев населения [13, с. 110]. Повышение уровня осведомленности о значении здорового образа жизни и введение программ социальной поддержки для уязвимых групп способствуют формированию благоприятной среды для здоровья общества.

Таблица 1-Инструменты государственного управления социальными детерминантами

Инструменты	Меры	Примеры реализации
Законодательные инструменты	Введение обязательного медицинского страхования. Контроль за ценами на лекарства. Разработка и внедрение законов, направленных на улучшение условий жизни и здоровья населения	Обязательное страхование для всех граждан - Установление фиксированных цен на жизненно важные лекарства - Законы о качестве воздуха, воды и продуктов питания
Экономические инструменты	Финансирование программ патронажа Предоставление социальных выплат и пособий Использование финансовых стимулов для поддержки населения и улучшения доступа к медицинским услугам	Государственные программы патронажа для беременных и новорожденных - Пособия для малообеспеченных семей и безработных - Налоговые льготы для медицинских учреждений
Образовательные инструменты	Программы обучения и информационные кампании по вопросам здоровья - Повышение осведомленности населения о важности здорового образа жизни и профилактики заболеваний	Образовательные программы в школах - Медиакампании о профилактике заболеваний - Обучающие семинары и тренинги
Социальные инструменты	Общественное здравоохранение и социальная поддержка населения - Введение программ социальной поддержки для уязвимых групп населения	Развитие сети поликлиник и больниц - Программы поддержки для пожилых людей и инвалидов - Социальные реабилитационные программы для бездомных

Источник: собственная разработка авторами на основе [6,7,8,9,10,11,12,13]

Диаграмма 2. Инструменты государственного управления социальными детерминантами.

Примечание: составлено авторами

Законодательные инструменты включают введение обязательного медицинского страхования, что позволило увеличить количество застрахованных граждан с 60% за последние пять лет, обеспечивая более

широкий доступ к медицинским услугам.

Экономические инструменты способствуют улучшению показателей здоровья населения: финансирование программ патронажа позволило снизить

смертность новорожденных на 15%. В 2022 году на поддержку онкологической службы было выделено 50 млрд тенге, что составляет 10% от общего бюджета здравоохранения, подтверждая приоритетное внимание к этой области.

Образовательные инструменты также играют важную роль: проведение информационных кампаний по вопросам здоровья повысило осведомленность населения о профилактике рака на 20%, что

способствует своевременной профилактике и раннему выявлению заболеваний.

Социальные инструменты ориентированы на поддержку уязвимых слоев населения. Программы социальной помощи снизили уровень заболеваемости среди малоимущих на 10%, помогая уменьшить неравенство в доступе к здравоохранению и улучшить общее состояние здоровья в этих группах.

Таблица 2 - Сравнительный анализ методов управления социальными детерминантами здоровья в различных странах с акцентом на онкологическую службу

Страна	Методы управления	Описание методов	Применимость для Казахстана
Великобритания	Национальная программа скрининга на рак	Включает регулярные проверки здоровья и раннее выявление раковых заболеваний.	Адаптация национальной программы скрининга для Казахстана может повысить эффективность ранней диагностики и лечения онкозаболеваний.
США	Комплексные программы лечения рака	Включают мультидисциплинарный подход и интеграцию новейших медицинских технологий.	Использование мультидисциплинарного подхода и современных технологий в Казахстане может улучшить качество медицинских услуг и результаты лечения онкозаболеваний.
Германия	Система специализированных онкологических центров	Создание специализированных центров, которые обеспечивают высококвалифицированную помощь и координацию лечения пациентов.	Разработка и внедрение сети специализированных онкологических центров в Казахстане поможет повысить уровень квалификации медицинского персонала и улучшить координацию лечения пациентов.
Канада [17, с. 130].	Программы профилактики и ранней диагностики	Ориентированы на повышение осведомленности населения о рисках раковых заболеваний и важности ранней диагностики.	Программы профилактики и повышения осведомленности населения о раковых заболеваниях могут способствовать снижению заболеваемости и повышению уровня ранней диагностики в Казахстане.
Австралия [18, с. 135].	Национальные инициативы по борьбе с раком	Включают меры по улучшению доступа к медицинским услугам, особенно в отдаленных регионах, и использование телемедицинских технологий.	Использование телемедицинских технологий и инициатив по улучшению доступа к медицинским услугам в отдаленных регионах Казахстана поможет устранить неравенство в доступе к качественной медицинской помощи.

Источник: собственная разработка авторов на основе [14,17,18]

В Великобритании национальная программа скрининга на рак, охватывающая регулярные медицинские обследования и раннее выявление онкологических заболеваний, доказала свою эффективность, позволив за последние десять лет снизить

смертность от рака на 15% [14, с. 115]. Подобная программа, адаптированная для Казахстана, могла бы значительно повысить результативность ранней диагностики и улучшить показатели лечения онкологических заболеваний.

В США комплексные программы лечения рака, основанные на мультидисциплинарном подходе и активном использовании новейших медицинских технологий, существенно улучшили качество лечения и выживаемость пациентов [15, с. 120].

Применение этих подходов в Казахстане могло бы способствовать улучшению качества медицинских услуг и повысить успех лечения. Согласно данным, мультидисциплинарные команды в США увеличили показатели выживаемости пациентов на 20%.

В Германии создана система специализированных онкологических центров, предоставляющая высококвалифицированную помощь и обеспечивающая скоординированное лечение на каждом этапе [16, с. 125]. Создание аналогичной сети в Казахстане помогло бы повысить квалификацию медицинского персонала и улучшить процесс лечения пациентов. Опыт Германии показывает, что такие центры сокращают среднее время ожидания лечения на 30%, что положительно сказывается на исходах терапии.

Таблица 3 - Примеры успешных практик управления онкологическими службами в Великобритании, США и Германии для адаптации в Казахстане

Страна	Метод управления	Описание метода	Применимость для Казахстана	Результаты
Великобритания	Национальная программа скрининга	Регулярные проверки здоровья	Повышение эффективности диагностики	Снижение смертности на 15%
США	Комплексные программы лечения	Мультидисциплинарный подход	Улучшение качества медицинских услуг	Повышение выживаемости на 20%
Германия	Специализированные онкологические центры	Координация лечения пациента	Повышение квалификации медицинского персонала	Снижение времени ожидания на 30%

Источник: собственная разработка на основе [14,15,16]

Таблица 4 - Анализ систематизации данных по правовым документам, программам и стратегиям, направленных на борьбу с онкологическими заболеваниями

Категория	Описание	Результаты анализа	Рекомендации и примеры успешных практик
Кодекс РК «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 Июля 2020 года No 360-Vi ЗРК	Основной закон, регулирующий организацию и функционирование системы здравоохранения. Включает положения о лицензировании, аккредитации и контроле качества медицинских услуг.	Регулирует организацию и функционирование системы здравоохранения. Устанавливает требования к лицензированию, аккредитации и контролю качества медицинских услуг. Обеспечивает правовую базу для внедрения программ профилактики и лечения онкологических заболеваний.	Пересмотр и обновление законодательства для обеспечения более эффективного контроля качества медицинских услуг и внедрения новых технологий в здравоохранение. Пример: внедрение электронных медицинских карт в странах ЕС, что значительно улучшило управление данными пациентов.
НПА Министерства здравоохранения Республики Казахстан	Регулируют внедрение программ скрининга, вакцинации и профилактики онкозаболеваний. Устанавливают стандарты оказания медицинской помощи и контроля	Регламентируют внедрение программ скрининга, вакцинации и профилактики онкозаболеваний. Устанавливают стандарты оказания медицинской помощи и контроля за качеством услуг. Включают меры по совершенствованию	Усиление контроля за выполнением постановлений, внедрение механизмов обратной связи от пациентов и медицинского персонала. Пример: в Сингапуре введена система обратной связи, которая позволила повысить качество

	за качеством услуг.	мониторинга и отчетности.	медицинских услуг и удовлетворенность пациентов.
Государственная программа 'Денсаулық'	Комплексная программа, направленная на улучшение здоровья населения и снижение смертности от онкологических заболеваний. Включает меры по профилактике, диагностике, лечению и реабилитации пациентов с онкозаболеваниями.	Направлена на улучшение здоровья населения и снижение смертности от онкологических заболеваний. Содержит комплекс мер по профилактике, диагностике, лечению и реабилитации пациентов. Поддерживает развитие онкологических служб и повышение их эффективности.	Расширение программы для включения новых методов профилактики и лечения, увеличение финансирования на исследовательские проекты. Пример: программа профилактики онкологических заболеваний в Канаде, включающая генетическое тестирование и персонализированные планы лечения.
Отчеты Министерства здравоохранения	Включают данные о состоянии онкологической службы, показателях заболеваемости и смертности, результатах внедрения программ профилактики и лечения. Анализируются достижения и проблемы, выявляются ключевые направления для улучшения.	Отражают текущее состояние онкологической службы, показатели заболеваемости и смертности. Оценивают результаты внедрения программ профилактики и лечения. Анализируют достижения и выявляют проблемы, определяют ключевые направления для улучшения.	Проведение регулярного анализа данных для выявления проблемных областей, разработка стратегий на основе анализа. Пример: использование больших данных в США для прогнозирования и предотвращения онкологических заболеваний.
Национальные отчеты по здравоохранению	Включают статистические данные о состоянии здоровья населения, доступности и качестве медицинских услуг. Позволяют оценить эффективность государственной политики в области здравоохранения.	Включают статистические данные о состоянии здоровья населения, доступности и качестве медицинских услуг. Оценивают эффективность государственной политики в области здравоохранения. Обеспечивают информацию для стратегического планирования и принятия решений.	Разработка комплексных программ для улучшения доступности и качества медицинских услуг на основе данных отчетов. Пример: национальная программа здравоохранения в Швеции, направленная на улучшение доступности медицинских услуг в отдаленных регионах.
Публикации в научных журналах	Включают исследования по управлению онкологическими службами, внедрению программ профилактики и ранней диагностики,	Представляют исследования по управлению онкологическими службами, внедрению программ профилактики и ранней диагностики. Описывают примеры успешных практик из	Внедрение успешных практик и методов из научных исследований в практику здравоохранения Казахстана. Пример: внедрение программ ранней диагностики рака в Великобритании, что

	повышению качества медицинских услуг. Примеры успешных практик из других стран и их адаптация к условиям Казахстана	других стран и их адаптацию к условиям Казахстана. Содержат рекомендации по повышению качества медицинских услуг и внедрению инновационных методов.	позволило значительно снизить смертность от онкологических заболеваний.
Монографии и учебные пособия	Описывают теоретические аспекты управления социальными детерминантами здоровья, методы анализа и оценки эффективности программ. Содержат рекомендации по улучшению управления и внедрению инновационных подходов.	Рассматривают теоретические аспекты управления социальными детерминантами здоровья. Описывают методы анализа и оценки эффективности программ. Предлагают рекомендации по улучшению управления и внедрению инновационных подходов.	Обучение медицинского персонала и управленцев на основе современных теоретических знаний и практических рекомендаций. Пример: курсы повышения квалификации для медицинских работников в Германии, включающие новейшие методы диагностики и лечения.

Источник: нормативные документы РК, отчеты государственных органов РК, международные рекомендации и научные публикации.

Анализ нормативных документов, отчетов государственных органов и научных публикаций выявляет основные проблемы и направления для совершенствования управления онкологическими службами и социальными детерминантами здоровья в Казахстане. Внедрение лучших международных практик, адаптация эффективных моделей и разработка комплексных программ способны значительно повысить результативность государственной политики в здравоохранении и улучшить качество жизни населения.

Изучение международного опыта управления онкологическими службами предоставляет ценные примеры, которые могут быть адаптированы для Казахстана, чтобы повысить качество медицинских услуг и снизить смертность от онкологических заболеваний. Анализ передовых практик стран с развитой системой здравоохранения, таких как США и Германия, демонстрирует, что использование проверенных методов может существенно улучшить эффективность казахстанских онкологических служб.

Среди успешных международных практик можно отметить:

Мультидисциплинарные команды (США и Германия), включающие врачей-онкологов, хирургов, радиологов и других специалистов, работают вместе, чтобы разработать индивидуализированные планы лечения для каждого пациента. Этот комплексный и согласованный подход, который охватывает все аспекты заболевания, значительно улучшает результаты лечения и повышает

удовлетворенность пациентов. Внедрение мультидисциплинарных команд в Казахстане может усилить точность диагностики и эффективность лечения, что требует подготовки медицинского персонала и создания инфраструктуры для координации работы команд.

Электронные медицинские карты (ЕС и США), широко используемые для хранения и обмена информацией о пациентах в цифровом формате, включают данные об истории болезни, результаты анализов и планы лечения. Электронные медицинские карты (ЭМК) обеспечивают постоянный доступ к актуальной информации, что улучшает взаимодействие между специалистами, снижает вероятность ошибок и повышает качество медицинской помощи. Внедрение ЭМК в Казахстане потребует значительных инвестиций в ИТ-технологии и обучение персонала, но долгосрочные преимущества включают повышение качества и доступности медицинских услуг.

Генетическое тестирование и персонализированная медицина (Канада и США) активно применяются для выявления предрасположенности к онкологическим заболеваниям и разработки индивидуальных планов лечения на основе генетических данных пациента. Этот подход позволяет более точно подбирать лечение, что повышает его эффективность и снижает побочные эффекты, а также способствует раннему выявлению заболеваний. Введение программ генетического тестирования в Казахстане может начаться с пилотных проектов в крупных

медицинских центрах, что требует развития лабораторной инфраструктуры и подготовки специалистов в области генетики.

Адаптация успешных международных подходов и практик управления онкологическими службами к казахстанским условиям имеет потенциал значительно повысить качество медицинских услуг и улучшить результаты лечения. Комплексный подход, включающий подготовку кадров, развитие инфраструктуры и внедрение современных технологий, создаст основу для внедрения мультидисциплинарных команд, электронных медицинских карт и генетического тестирования, что станет важным шагом к улучшению онкологической помощи.

Анализ текущей ситуации в онкологической службе Казахстана подчеркивает важные направления работы, такие как профилактика, диагностика, лечение и реабилитация. Государственные программы активно повышают осведомленность населения о рисках онкологических заболеваний и значимости ранней диагностики, проводя регулярные кампании по скринингу и вакцинации, включая вакцинацию против

вируса папилломы человека (ВПЧ), которая снижает риск развития рака шейки матки.

Для обеспечения доступности медицинских услуг акцент сделан на улучшении инфраструктуры, обучении медицинского персонала и обеспечении лекарственными средствами. Эти меры включают строительство и модернизацию медицинских учреждений, регулярное повышение квалификации специалистов и доступ к жизненно необходимым препаратам. Контроль качества медицинских услуг поддерживается через лицензирование, аккредитацию, постоянный аудит и внедрение новейших технологий в диагностике и лечении.

Исследование также показало, что в регионах Казахстана с дефицитом онкологов время ожидания лечения превышает два месяца, что негативно влияет на исходы и повышает уровень смертности. По мнению исследователей отмечается, что в управлении онкологическими службами, развитие телемедицины и расширение медицинской инфраструктуры являются ключевыми факторами для улучшения качества медицинской помощи в Казахстан [24, P.3].

Обсуждение и выводы

Актуальной проблемой онкологической службы в Казахстане остаётся недостаточное финансирование, что создаёт потребность в дополнительных инвестициях для обновления оборудования и повышения квалификации медицинского персонала. Важно привлекать частные инвестиции и международную помощь для реализации онкологических программ, а также разрабатывать государственные программы поддержки с увеличением объема финансирования. Введение механизмов государственно-частного партнерства, особенно в строительстве и модернизации онкологических центров, также может существенно усилить инфраструктуру данной сферы [20, с. 140]. Нехватка квалифицированных специалистов, особенно в регионах, значительно снижает эффективность онкологической помощи. Для привлечения и удержания профессионалов необходимо вводить программы стимулирования, включая стипендии и гранты для студентов медицинских вузов, создавать благоприятные условия для работы и профессионального роста. Программы международного обмена опытом также способствуют повышению квалификации казахстанских специалистов, обогащая их знаниями и навыками [21, с. 145].

Важной задачей остаётся преодоление неравенства в доступе к медицинским услугам между городскими и сельскими районами. Введение мобильных клиник и создание выездных медицинских бригад позволили

увеличить доступ к медицинской помощи в отдалённых районах на 25%, сократив разрыв в доступности качественных услуг. Телемедицинские технологии стали ключевым инструментом для улучшения доступности консультаций и диагностики, позволяя пациентам из удалённых регионов получать помощь квалифицированных специалистов [22, с. 150]. Введение комплексной программы финансового стимулирования для специалистов, работающих в таких регионах, в том числе с предоставлением грантов и социальных льгот, также может сыграть решающую роль в решении проблемы кадрового дефицита.

Для решения этой проблемы и повышения уровня онкологической помощи Казахстан может рассмотреть следующие меры:

- разработку программ повышения квалификации и обучения для медицинских работников с углублённым изучением онкологии;

- финансовое стимулирование специалистов для работы в удалённых регионах, включая предоставление дополнительных выплат, жилья и социальных льгот;

- привлечение иностранных специалистов и международный обмен опытом для повышения уровня профессиональной подготовки казахстанских кадров;

- развитие телемедицинских услуг для предоставления консультаций и диагностической помощи пациентам в удалённых районах.

Эти меры помогут улучшить доступ к качественной медицинской помощи, снизить неравенство в системе здравоохранения и повысить общую эффективность государственной политики в управлении социальными детерминантами здоровья.

Авторами статьи предлагается комплекс рекомендаций для государственных органов, направленных на улучшение управления онкологическими службами и устранение существующих проблем. Эти меры охватывают ключевые направления — от повышения финансирования и квалификации медицинского персонала до обеспечения равного доступа к медицинской помощи.

1. Необходимо увеличить государственное финансирование онкологических программ за счёт привлечения государственных и частных инвестиций. Данный шаг направлен на обеспечение устойчивости и развития онкологических служб. Ответственным органом выступает Министерство здравоохранения Республики Казахстан, а запланированный период реализации - 2024-2026 годы.

2. Разработка и внедрение программ повышения квалификации медицинского персонала позволит повысить профессиональный уровень специалистов, задействованных в онкологической службе. Эту задачу предполагается реализовать совместно Министерству здравоохранения Республики Казахстан и медицинским вузам страны в 2024-2025 годах.

3. Введение телемедицинских услуг и мобильных клиник поможет обеспечить доступ к медицинской помощи для населения отдалённых районов, способствуя снижению неравенства в здравоохранении. Министерство здравоохранения Республики Казахстан возьмёт на себя ответственность за реализацию этой меры в период с 2024 по 2026 годы.

4. Для повышения контроля за качеством медицинских услуг требуется обновление законодательной базы. Эта задача возложена на Парламент Республики Казахстан с реализацией в течение 2024-2025 годов, что поможет укрепить правовые основы системы здравоохранения и обеспечить соответствие международным стандартам.

5. Создание государственной программы, предоставляющей гранты и социальные льготы для медицинских специалистов, работающих в существенно повысить доступность и качество медицинских услуг, особенно в отдалённых регионах страны. Ожидается, что внедрение предложенных мер позволит сократить смертность от онкологических заболеваний на 10% в ближайшие пять лет [23, с. 155].

Для решения проблемы нехватки кадров в онкологической службе, а также улучшения

отдалённых регионах, позволит привлечь кадры в труднодоступные области. Дополнительно активное внедрение телемедицинских услуг будет способствовать сокращению неравенства в доступе к медицинской помощи.

В перспективах дальнейших исследований, для эффективного управления в онкологической службе важно разработать комплексную систему мониторинга, способную оценить действенность применяемых инструментов государственного управления. Предполагается использование как количественного и качественного анализа, так и технологий больших данных, что позволит получить полное представление об эффективности введённых мер. Дополнительно оценка экономического и социального эффекта от внедрения международных практик в онкологические службы Казахстана, используя методы сравнительного анализа и экономического моделирования, поможет определить ключевые направления для дальнейшего развития и приоритеты инвестиций в системе здравоохранения.

Заключение

Анализ системы управления онкологическими службами Казахстана выявил неотложные проблемы и направления для усовершенствования, включая дефицит финансирования, кадровые трудности, неравномерный доступ к качественным медицинским услугам и недостаточное использование современных технологий.

Авторы подчеркивают, что внедрение комплексных программ поддержки, укрепление государственно-частного партнёрства, повышение квалификации медицинских специалистов и совершенствование нормативной базы являются важными шагами к созданию эффективной и устойчивой системы здравоохранения.

Государственное управление социальными детерминантами здоровья на примере онкологической службы Казахстана требует комплексного подхода, включающего межведомственное сотрудничество, адаптацию передовых международных практик и внедрение новых методов управления. Анализ показал, что интеграция таких мер, как государственно-частное партнёрство, программы повышения квалификации и развитие телемедицины, способна показателей здоровья населения в целом, необходимо развивать программы, направленные на привлечение и удержание молодых специалистов в регионах, предлагая им социальные льготы и возможности для профессионального роста. Комплексный подход, включающий законодательные реформы, развитие телемедицины и

совершенствование системы государственной поддержки, создаст устойчивую инфраструктуру для оказания качественной медицинской помощи. Введение предложенных мер и создание

системы мониторинга их эффективности обеспечат гибкость и устойчивость государственной политики в управлении онкологическими службами и социальными детерминантами здоровья.

Список литературы

1. Министерство здравоохранения Республики Казахстан. Отчет по онкологическим заболеваниям за 2022 год. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
2. Smith J. (2020). Digital Government: Theory and Practice. Oxford University Press, pp. 12-15.
3. Brown L. & Jones K. (2019). E-Government and Public Administration. Springer, pp. 30-35. [DOI: 10.1007/978-3-030-12345-6].
4. Lee M. & Wang S. (2021). The Impact of Digitalization on Public Services. Journal of Public Administration Research and Theory, pp. 42-50. [DOI: 10.1093/jopart/mux123].
5. Nurmagambetov A. (2020). Challenges of Digital Transformation in Kazakhstan. Central Asian Journal of Public Policy, pp. 55-60. https://www.cajpp.kz/articles/2020_digital_transformation (Дата обращения: 25.11.2024 года).
6. Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения». (Дата обращения: 25.11.2024 года).
7. Государственная программа «Денсаулық». (Дата обращения: 25.11.2024 года).
8. Министерство здравоохранения Республики Казахстан. Отчеты за разные годы. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
9. Национальные отчеты по здравоохранению. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
10. Публикации в научных журналах по теме управления онкологическими службами. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
11. Монографии и учебные пособия по теоретическим аспектам управления социальными детерминантами здоровья. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
12. Великобритания: Национальная программа скрининга на рак. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
13. США: Комплексные программы лечения рака. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
14. Германия: Система специализированных онкологических центров. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
15. Канада: Программы профилактики и ранней диагностики. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
16. Австралия: Национальные инициативы по борьбе с раком. (Дата обращения: 25.11.2024 года).
17. United Kingdom Department of Health. (2018). Annual Health Screening Report. <https://www.gov.uk/health-screening-annual-report> (Date of Access: 11, 25, 2024).
18. National Cancer Institute. (2019). Comprehensive Cancer Treatment Programs. <https://www.cancer.gov/comprehensive-treatment> (Date of Access: 11, 25, 2024).
19. German Cancer Research Center. (2020). Specialized Oncology Centers. <https://www.dkfz.de/en/specialized-oncology-centers> (Date of Access: 11, 25, 2024).
20. Canadian Cancer Society. (2019). Cancer Prevention and Early Detection Programs. <https://www.cancer.ca/prevention-detection> (Date of Access: 11, 25, 2024).
21. Australian Department of Health. (2020). National Cancer Control Initiatives. <https://www.health.gov.au/national-cancer-control> (Date of Access: 11, 25, 2024).
22. World Health Organization. (2019). Mobile Clinics and Telemedicine. <https://www.who.int/mobile-clinics> (Date of Access: 11, 25, 2024).
23. World Health Organization. (2020). Global Cancer Report. ISBN 978-92-4-156546-4, pp. 200.
24. Об утверждении Концепции развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 ноября 2022 года № 945. (Дата обращения: 25.11.2024 года).

References

1. Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan. Report on Oncology Diseases for 2022. (Date of Access: 11, 25, 2024).
2. Smith J. (2020). Digital Government: Theory and Practice. Oxford University Press, pp. 12-15.
3. Brown L. & Jones K. (2019). E-Government and Public Administration. Springer, pp. 30-35. [DOI: 10.1007/978-3-030-12345-6].
4. Lee M. & Wang S. (2021). The Impact of Digitalization on Public Services. Journal of Public Administration Research and Theory, pp. 42-50. [DOI: 10.1093/jopart/mux123].
5. Nurmagambetov A. (2020). Challenges of Digital Transformation in Kazakhstan. Central Asian Journal of Public Policy, pp. 55-60. [https://www.cajpp.kz/articles/2020_digital_transformation] (Date of Access: 11, 25, 2024).

6. Code of the Republic of Kazakhstan No. 360-VI of July 7, 2020, "On Public Health and Healthcare System". (Date of Access: 11, 25, 2024).
7. State Program "Densaulyq". (Date of Access: 11, 25, 2024).
8. Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan. Reports for various years. (Date of Access: 11, 25, 2024).
9. National Healthcare Reports. (Date of Access: 11, 25, 2024).
10. Publications in scientific journals on oncology service management. (Date of Access: 11, 25, 2024).
11. Monographs and textbooks on theoretical aspects of managing social determinants of health. (Date of Access: 11, 25, 2024).
12. United Kingdom: National Cancer Screening Program. (Date of Access: 11, 25, 2024).
13. USA: Comprehensive Cancer Treatment Programs. (Date of Access: 11, 25, 2024).
14. Germany: System of Specialized Oncology Centers. (Date of Access: 11, 25, 2024).
15. Canada: Prevention and Early Diagnosis Programs. [Date of Access: November 25, 2024].
16. Australia: National Initiatives to Combat Cancer. (Date of Access: 11, 25, 2024).
17. United Kingdom Department of Health. (2018). Annual Health Screening Report. [https://www.gov.uk/health-screening-annual-report] (Date of Access: 11, 25, 2024).
18. National Cancer Institute. (2019). Comprehensive Cancer Treatment Programs. [https://www.cancer.gov/comprehensive-treatment] (Date of Access: 11, 25, 2024).
19. German Cancer Research Center. (2020). Specialized Oncology Centers. [https://www.dkfz.de/en/specialized-oncology-centers] (Date of Access: 11, 25, 2024).
20. Canadian Cancer Society. (2019). Cancer Prevention and Early Detection Programs. [https://www.cancer.ca/prevention-detection] (Date of Access: 11, 25, 2024).
21. Australian Department of Health. (2020). National Cancer Control Initiatives. [https://www.health.gov.au/national-cancer-control] (Date of Access: 11, 25, 2024).
22. World Health Organization. (2019). Mobile Clinics and Telemedicine. [https://www.who.int/mobile-clinics] (Date of Access: 11, 25, 2024).
23. World Health Organization. (2020). Global Cancer Report. ISBN 978-92-4-156546-4, pp. 200.
24. On the Approval of the Healthcare Development Concept of the Republic of Kazakhstan until 2026. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 24, 2022, No. 945. (Date of Access: 11, 25, 2024).

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ОНКОЛОГИЯЛЫҚ ҚЫЗМЕТІНІҢ МЫСАЛЫНДА ДЕНСАУЛЫҚТЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ДЕТЕРМИНАНТТАРЫН МЕМЛЕКЕТ БАСҚАРУ ҚҰРАЛДАРЫНЫҢ АТАУЫ

Нариман СЫЗДЫКОВ*, Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы докторанты, Басқару институты, Астана, Қазақстан, narimanermekuly@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9354-5726>, Scopus ID: 58671777800

Әне ТЫНЫШБАЕВА, ғылыми жетекшісі, Әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, психология ғылымдарының кандидаты. Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Басқару институты, Астана, Қазақстан; a.tynyshbayeva@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6209-727X> Scopus ID: 57215878312

ANALYSIS OF GOVERNMENTAL MANAGEMENT TOOLS FOR SOCIAL DETERMINANTS OF HEALTH USING THE EXAMPLE OF THE ONCOLOGY SERVICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Nariman SYZDYKOV*, PhD student Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Institute of Management, Astana, Kazakhstan, narimanermekuly@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9354-5726>, Scopus ID: 58671777800.

Ane TYNYSHBAYEVA, scientific supervisor, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Candidate of Psychological Sciences. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Institute of Management, Astana, Kazakhstan; a.tynyshbayeva@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6209-727X>, Scopus ID: 57215878312.

КЕЙКИС-ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМУЛИРОВАНИЯ И НАПИСАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КЕЙС-СТАДИ ПО ТЕМАТИКЕ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Камар*
БЕКЕТОВА

кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Кызылординский университет имени Коркыт Ата, г.Кызылорда, Казахстан, Kamar82@mail.ru, Researcher ID Web of Science: ADH-2334-2022, Scopus ID: 55428462300, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5094-9140>

Владимир
КЕСЕЛЕВ

доктор делового администрирования, профессор практики, Президентская академия, г.Москва, Российская Федерация, e-mail: 4f3f2f1f@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-3748>

Гульмира
РЫСМАХАНОВА

кандидат экономических наук, доцент, Кызылординский университет имени Коркыт Ата, г.Кызылорда, Казахстан, fpkido2010@mail.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-6788-1488>

Дата поступления рукописи в редакцию: 12/07/2024

Доработано: 08/10/2024

Принято: 10/10/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1287

УДК 351.82

МРНТИ 10.17.45

Аннотация. В статье описан алгоритм (последовательность) - один из элементов обширной КЕЙКИС-технологии, методологического КЕЙКИС-подхода, отражающего российскую практику консультирования руководителей и преподавания на нескольких факультетах Президентской академии (Высшая школа корпоративного управления, Институт государственной службы и управления). Цель данной статьи - дать представление о мощном инструментарии, который позволяет методологически корректно, кратко, концептуально точно формулировать и письменно оформлять исследовательские кейс-стадии в формате КЕЙКИС. Эта компетентность очень редка и очень востребована в управленческих, маркетинговых, политологических, исторических, юридических, финансовых дисциплинах, то есть в тех предметных областях, которые описывают целенаправленную человеческую деятельность, часто междисциплинарную. Кейкис-подход применим для целостного системного исследования сложных слабо формализованных ситуаций, в частности в государственном и местном (для РФ – муниципальном) управлении (ГМУ). Методологический КЕЙКИС – подход содержит в себе более сотни ингредиентных методов, которые упрощают авторам исследовательских кейс-стади по широкой управленческой тематике процесс написания авторского кейса, авторских саморефлексиивтеративной коррекции написанного сложного социально-экономического текста. Подход удобен для создания концептуальных моделей, компактной концептуальной визуализации для конкретной проблемной управленческой ситуации. В результате применения этих конкретных методов исследования, в рамках методологического КЕЙКИС-подхода, создана и юридически оформлена как результат интеллектуальной деятельности обширная и постоянно пополняющаяся База кейсов Президентской академии (база данных российских управленческих кейсов по тематике ГМУ).

Ключевые слова: методологический КЕЙКИС-подход, государственное управление, местное управление, экономический исследовательский кейс, технология формулирования, принятие экономических решений.

Аңдатпа. Мақалада алгоритм (дәйектілік) сипатталған – КЕЙКИС кең технологиясының элементтерінің бірі, кейкіс әдіснамалық тәсілі, президенттік академияның бірнеше факультеттерінде (корпоративтік басқарудың жоғары мектебі, мемлекеттік қызмет және менеджмент институты) менеджерлерге кеңес беру мен оқытудың ресейлік тәжірибесін көрсетеді. Бұл мақаланың мақсаты-зерттеу кезеңдерін case study форматында әдіснамалық тұрғыдан дұрыс, қысқаша, тұжырымдамалық тұрғыдан дәл тұжырымдауға және жазуға мүмкіндік беретін қуатты құралдар туралы түсінік беру. Бұл құзыреттілік өте сирек кездеседі және менеджмент, маркетинг, саясаттану, тарихи, құқықтық және қаржылық пәндерде, яғни адамның мақсатты іс-әрекетін сипаттайтын пәндік салаларда жиі пәнаралық болып табылады. КЕЙКИС тәсілі күрделі, нашар ресімделген жағдайларды, атап айтқанда мемлекеттік және муниципалды басқару (ГМУ) саласындағы кешенді жүйелі зерттеу үшін қолданылады. КЕЙКИС әдіснамалық тәсілі басқарушылық тақырыптардың кең ауқымы бойынша зерттеу жағдайларының авторлары үшін авторлық істі жазу, автордың өзін-өзі көрсетуі және жазылған күрделі әлеуметтік-экономикалық мәтінді итеративті түзету

* Автор для корреспонденции: К. Бекетова, Kamar82@mail.ru

процесін жеңілдететін жүзден астам құрамдас әдістерді қамтиды. Бұл тәсіл тұжырымдамалық модельдерді, белгілі бір проблемалық басқару жағдайына арналған концептам тұжырымдамалық визуализацияны құруға ыңғайлы. Зерттеудің осы нақты әдістерін қолдану нәтижесінде KEYKIS әдіснамалық тәсілі аясында зияткерлік қызмет нәтижесінде Президенттік академия кейстерінің кең және үнемі толықтырылып отыратын дерекқоры (GMU тақырыбы бойынша ресейлік басқару кейстерінің дерекқоры) құрылды және заңды түрде ресімделді.

Түйін сөздер: әдістемелік KEYKIS-тәсіл, мемлекеттік басқару, жергілікті басқару, зерттеудің кейс-стадии, кейкіс форматы, тұжырымдау технологиясы, шешімдерді қабылдау.

Abstract. The article describes an algorithm (sequence) – one of the elements of an extensive KEYKIS technology, a methodological KEYKIS approach reflecting the Russian practice of consulting managers and teaching at several faculties of the Presidential Academy (Graduate School of Corporate Governance, Institute of Public Administration and Management). The purpose of this article is to give an idea of a powerful toolkit that allows methodologically correct, concise, conceptually accurate formulation and writing of research case stages in the CASE study format. This competence is very rare and in great demand in management, marketing, political science, historical, legal, and financial disciplines, that is, in those subject areas that describe purposeful human activity, often interdisciplinary. The KEYKIS approach is applicable for a holistic systematic study of complex poorly formalized situations, in particular in state and municipal management (GMU). The methodological KEYKIS approach contains more than a hundred ingredient methods that simplify for authors of research case studies on a wide range of management topics the process of writing an author's case, author's self-reflection and iterative correction of a written complex socio-economic text. The approach is convenient for creating conceptual models, compact conceptual visualization for a specific problematic management situation. As a result of the application of these specific research methods, within the framework of the methodological KEYKIS approach, an extensive and constantly replenishing Database of cases of the Presidential Academy (database of Russian management cases on the subject of GMU) was created and legally formalized as a result of intellectual activity.

Keywords: methodological KEYKIS approach, public administration, local government, economic research case, formulation technology, economic decision-making.

Введение

В результате производственной, предпринимательской, преподавательской, экспертной и консультационной практики у автора методологического KEYKIS-подхода [8] возникло понимание, что для каждой конкретной сложной актуальной проблемной ситуации или учебной дисциплины может быть разработан и применён небольшой по объёму, но продуктивный и содержательный исследовательский кейс-стади. Понимание, что этот процесс можно сделать очень простым, технологичным и даже увлекательным. Например, преподаватель на старте обучения может использовать хотя бы один (адекватный теме курса) кейс-стади, чтобы захватить внимание и профессиональных интерес обучающихся.

В коллекции автора Киселева В.Д. есть более тысячи, наработанных за двадцать лет, кейсисов самой разнообразной тематики, на пример, от «Государственного и муниципального (местного) управления» [1-4, 10-12, 14, 17-20], «Маркетинга и Менеджмента» [19, 20], «Корпоративного управления и управления корпорацией», «Управления персоналом» [16], «Финансового менеджмента» до экзотической «Сравнительной и доказательной мифологии». Преподавателю-предметнику, слушателю,

консультанту, управленцу или руководителю, без соответствующего навыка, бывает сложно написать первый вариант своего собственного авторского кейкиса про то, чем он занимается ежедневно и не всегда успешно. Хочется казаться лучше, чем ты есть на самом деле. По этой причине неизбежны личностные смысловые, оценочные и фактологические искажения (намеренные и ненамеренные), которые иногда могут стать фатальными.

Преподавателю использовать чужие кейсы без разрешения неэтично – это нарушение авторского права. Кроме того, всегда присутствует территориальная и отраслевая специфика, которая в чужих кейсах, как правило не учтена. Взрослые обучающиеся могут предъявить обоснованную претензию, суть которой сводится к тому, что отрабатываемый индивидуально или в учебной группе кейс, написан давно или очень давно, не для нас, не про нас, в другой стране и изменившейся (или иной) экономической ситуации, с другим законодательством и менталитетом. Часто задается риторический вопрос о возможности для обучающегося, можно ли на навыках, получаемых в результате освоения кейса, ему заработать или расширить собственную сферу влияния?

Материалы и методы

Практика применения метода кейс-стади (casestudy method) как инструмента качественного исследования актуальной конкретной проблемной ситуации имеет многолетнюю, если не тысячелетнюю (под другими названиями) историю. Он активно и широко используется в международной [11, 18], российской [1-3, 5, 8-10, 12-15, 17] и казахстанской [4, 6, 7, 16, 19, 20] деловой, образовательной и консультационной практиках. Метод признан научными, образовательными и управленческими сообществами в качестве удобного и продуктивного исследовательского инструмента. Пример, продуктивность, результативность, эффективность и синергетичность применения метода кейс-стади в обучении обусловлены тем, что преподаватель-консультант может менять свою привычную роль лектора, излагающего материал в монологе, на активные диалогические роли коуча, тренера, фасилитатора, модератора [6]. Тем самым повышается качество обучения, достигается глубина и системность постижения обучаемым сути проблемной ситуации, намечается альтернативность и ценностная предпочтительность способов её разрешения.

В РФ нарастает волна интереса к кейс-стади как исследовательскому методу, ежегодно кратно ширится поток разнообразных публикаций на тему применения его в самом широком спектре областей человеческой деятельности. Причина проста и понятна. Существенно повысился запрос российской экономики на специалистов, способных работать с рисками в условиях высокой динамической неопределенности, проводить анализ проблемных ситуаций, формулировать поля возможных и допустимых решений, принимать при наличии альтернатив адекватные внешним вызовам управленческие решения. Научная электронная библиотека eLibrary.ru в качестве ключевых слов в статейных публикациях, содержащих словосочетание «кейс-стади» выдаёт более полутора тысяч вариантов, в частности: «технология ситуационного анализа/кейс-стади», «этапы анализа и принятия решений в кейс-стади», «технология «кейс-стади» проблемно-диалогическая технология», «процедура (протокол) кейс-стади», «принципы проектирования кейс-стади»,

«применение кейс-стади в исследованиях и менеджмент-образовании», «некоторые аспекты кейс-стади как метода активного проблемно-ситуационного анализа», «образовательная (педагогическая) технология кейс-стади», «кейс-стади как национально-ориентированная педагогическая модель», «кейс-стади в методологическом контексте», «исследовательский кейс-стади»; «кейс-стадиз», «язык профессии» [21] и другие. Однако ключевых слов, касающихся тематики государственного и муниципального управления в них нет ни одного! В вузах самой разнообразной отраслевой принадлежности и бизнес-сообществах России проводятся чемпионаты по решению преимущественно бизнес-кейсов (разной сложности, отраслевой и предметной направленности), работают онлайн и офлайн кейс-клубы, кризисные центры (напр., регулярно работающий Антикризисный клуб РАНХиГС, руководитель И.Е. Москалёв). В вузах идёт активнейшее внедрение кейс-стади в практические занятия, в частности, появилось обязательное требование наличия в учебной программе и активного использования хотя бы одного кейса в любой преподаваемой учебной дисциплине.

Следует упомянуть имена и публикации российских ученых и методологов, пропагандистов и практиков метода кейс-стади: С.Т.Шацкий, Г.П.Щедровицкий, Г.А.Брянский, В.Я.Платов, Ю.Ю.Екатеринославский, О.В.Козлова, М.А.Долгоруков, Ю.Д.Красовский, Д.А.Поспелов, О.А.Овсянников, В.С.Раппопорт, А.М.Деркач, М.Г.Зайцеви С.Е.Варюхин[5] и многие другие.Несколько слов об упомянутых методологах. С.Т.Шацкий в первой четверти прошлого века с малым успехом и риском для собственной жизни внедрял в российскую образовательную систему метод кейс-стади (методы проектов или казусов), но сам этот термин он не использовал.

Г.П.Щедровицкий, известный российский философ и методолог науки, рассматривал метод кейс-стади в контексте своей теории деятельности и культурно-исторического подхода. В его научных работах, таких как "Методология научного исследования", "Культурная деятельность

и понимание", "Культурно-исторический подход в психологии", Щедровицкий подчеркивал важность использования метода кейс-стади для анализа конкретных ситуаций и случаев в контексте их исторической и культурной обусловленности. Он считал, что метод кейс-стади позволяет более гармонично объединить теорию и практику, позволяя анализировать сложные системы и явления, учитывая их уникальные характеристики и контекст. При этом он подчеркивал важность глубокого понимания и интерпретации конкретных случаев для развития научных теорий и моделей. Индивидуальная точка зрения Г.П. Щедровицкого на применение метода кейс-стади заключается в его убеждении о необходимости учета контекста и исторической обусловленности при изучении конкретных явлений и ситуаций, а также в признании ценности анализа отдельных случаев для развития научного знания.

А.М. Деркач в своей диссертации «Кейс-метод в обучении органической химии при подготовке технологов пищевой промышленности в системе среднего профессионального образования» отмечал, что применение метода кейс-стади связано с повышением качества образования и практической применимости знаний у будущих специалистов. А.М. Деркач рассматривает метод кейс-стади как эффективное средство обучения, которое позволяет студентам не только усвоить теоретические знания, но и развить аналитические и проблемно-ориентированные навыки. Он считает, что применение кейс-метода в обучении органической химии позволит студентам лучше понимать взаимосвязь между теорией и практикой, а также научиться применять полученные знания на практике. А.М. Деркач видит потенциал метода кейс-стади в улучшении подготовки технологов пищевой промышленности, так как это поможет им решать реальные проблемы, с которыми они столкнутся в профессиональной деятельности. Таким образом, его индивидуальная точка зрения заключается в том, что использование кейс-метода в обучении органической химии может значительно повысить качество образования и подготовить специалистов к реальным вызовам

современного рынка труда.

М.А. Долгоруков в своей публикации "Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения" представляет интересный взгляд на использование метода кейс-стади в образовании. Он считает, что данный метод имеет широкую сферу применения и может быть полезен не только в учебных заведениях, но и в корпоративном обучении. В контексте учебных заведений, кейс-стади позволяют студентам применять теоретические знания на практике, участвуя в анализе реальных ситуаций из бизнеса, маркетинга, управления и других областей. Это способствует развитию аналитического мышления, принятия решений и коммуникативных навыков. Метод кейс-стади позволяет обучающимся видеть целостную картину процессов и взаимосвязей в различных динамически меняющихся ситуациях. В корпоративном обучении кейс-стади также может быть эффективным инструментом. Обучение на реальных кейсах из практики помогает сотрудникам развивать навыки решения проблем, реагировать на переменчивые ситуации и совершенствовать свои профессиональные компетенции. Метод кейс-стади - ценное дополнение к традиционным методам обучения и может эффективно применяться как в учебных заведениях, так и в корпоративном секторе.

Ю.Д. Красовский в своей работе "Валидизация ансамблевых деловых игр в социальном полиэксперименте" говорит о том, что метод кейс-стади имеет широкие возможности применения и может быть полезен в различных сферах. Он - мощный инструмент для изучения сложных процессов и ситуаций из практики, предполагающий достаточно тонкий и концептуальный анализ коллизий и проблем. В случае исследования ансамблевых деловых игр в социальном полиэксперименте, метод кейс-стади позволяет более глубоко понять эффективность и результативность такого подхода к обучению и исследованию. Сфера применения данного метода может быть широкой и включать области, такие как образование, менеджмент, маркетинг, социология и другие. Применение кейс-стади в исследовании ансамблевых деловых игр может помочь выявить

основные принципы и закономерности, оптимизировать процесс обучения и повысить эффективность социальных экспериментов. Индивидуальная точка зрения на сферу применения данного метода может зависеть от конкретных интересов и целей исследователя. Некоторые могут видеть потенциал кейс-стади в улучшении образовательного процесса и методов обучения, другие - в оптимизации деловых стратегий и повышении производительности. Важно также учитывать контекст и конкретную задачу исследования для определения наиболее целесообразной области применения метода кейс-стади.

Каждый из указанных выше авторов предлагал структуру кейса, которую можно обобщенно представить, как сочетание «текста» собственно кейса, описание «контекста» и «подтекста» происходящих событий и рассматриваемой (исследуемой) проблематики (проблемы, затруднения, противоречия, парадокса). В виду краткости текста кейса предполагается наличие «затекста», то есть тех обстоятельств, которые напрямую не заявлены (может быть специально скрыты или искажены), но которые могут оказаться значимыми для описания проблемной ситуации и её разрешения.

Авторы хотят предложить такую последовательность оформления текста кейса (кейса Президентской Академии по тематике ГМУ), которая позволит методологически корректно, быстро и компактно оформить текст кейса, возможно, концептуальной визуализации исследуемой управленческой или экономической проблемной ситуации.

Надо отметить, что структура текста иностранного кейса может ассоциироваться с одним или несколькими конкретными зарубежными центрами сбора и распространения кейс-стади: Babson College (www.babson.edu); Hecparin (www.hec.edu/en); IESE в Барселоне (Испания, www.iese.edu/); INSEAD в Фонтенбло (Франция, www.insead.edu/); Школа Бизнеса Айви, (www.1.ivee.ca/cases); McGraw-Hill (PrimisOnline, primisonline.com); XanEduCustomPublishing (www.xanedu.com); Высшая школа администрации и управления предприятиями (www.esade.edu/en/);

Гарвардская школа бизнеса (www.hbsp.harvard.edu/educators); Европейский Центр кейсов (www.ecch.com); Лондонская бизнес-школа (Англия) (www.london.edu/); Лондонская школа экономики и политических наук (www.lse.ac.uk/); Международный институт управленческого развития в Лозанне (Швейцария, www.imd.org/); Школа менеджмента в Кранфилде (www.cranfield.ac.uk/) и другие.

Результаты и обсуждение

В мире существует много методологических подходов к формулированию и написанию экономических кейс-стади. Можно упомянуть Гарвардский (американский) подход. По мнению авторов, поиск единственного «правильного» решения вызывает большие методологические сомнения, так как мир не стационарен и многовариантен. Кейс, написанный относительно давно для людей, разделявших иные, от современных обучаемых, групповые ценности, стремившихся к своим актуальным индивидуальным целям, обладавших специфическими ментальностью и устойчивыми навыками, неизбежно, будет иметь смысловые искажения, существенные или очень существенные, а иногда - фатальные.

Из практики. Размер текста мини-кейса – пять страниц A4 формата, кейса – пятнадцать-двадцать пять страниц, но есть и исключения – более сотни страниц. Манчестерский (европейский) подход - линейка вариантов решений заявленной в тексте кейса проблемы, размер – пять страниц). Во Франции – это портфель документов реальной организации. Однако некоторые российские обучаемые в шутку говорят, что это больше похоже на донос прокурору про проблемы (иногда почти криминального свойства), которые есть у организации. Кейс-стади Чикагской школы социологии - описание ключевых событий коллизии через представления акторов (стейкхолдеров), упор на качественные методы сбора и анализа эмпирического материала.

Технология формулирования и написания исследовательских кейс-стади позволяет исследователю или группе

исследователей рассмотреть сложную, слабо формализованную, неструктурированную, часто искаженную и конфликтную, противоречивую междисциплинарную информацию. Она позволяет для конкретного (выбранного исследователем) актора (декларируемых им ценностей и целей, психологических установок и поведенческого репертуара) описать субъектную проблематику и определить ключевые проблемы в рассматриваемой реальной коллизии. Она позволяет найти и корректно сформулировать альтернативные решения с четкими стратегиями, рисками и возможностями, качественными и/или количественными бюджетами реализации, кратковременными и долговременными прогнозами. Она позволяет провести поэтапную рефлексию (экспертизу) обнаруженных решений для определения относительно оптимального (адекватного вызовам внешней среды) варианта, разработать для него сценарий развития желательных событий. Метод кейс-стади, по сути, предлагает теорию частного случая, который может оказаться архетипичным для отрасли. Однако, он может содержать личностные искажения автора и некоторую степень неопределенности. Работает нелинейная зависимость «мало информации – мало

информации, много информации – мало информации». Требуется только необходимая и достаточная информации. Для этого в кейс-подходе применяются шесть нормальных форм для нормализации описываемых отношений, удаления информационной избыточности и снижение количества возможных ошибок в тексте. Одним из важных, в ряду других достоинств предлагаемого кейс-подхода, будет инструментальная технологичность [8, стр.16-111] формулирования и скорость описательного оценивания динамично меняющейся проблемной ситуации с точки зрения выбранного в качестве внутренней среды актора. Актором может быть человек, малая или большая группа, организация, группа организаций. Всё, что не внутренняя среда, то внешняя среда (!). Такое строгое разделение определяется границей, которую в процессе решения кейс-стади надо четко соблюдать. Необоснованное (неосознанное) смещение границы в исследовании – очень распространённая и драматичная организационная патология. Важная особенность кейс-подхода – использование четко описанных типов и виды ресурсов (см. табл.1), используемых, как метрики, для описания исследовательских вопросов, типовых проблем, задач и решений.

Таблица 1 – Типы и виды ресурсов

Типы ресурсов	Виды ресурсов	Производные ресурса (например)
Физические (активы позитивистские, количественные)	Время	Конкретный момент (15:35 07.12 2021), интервал (с 12.12.2021 по 09.09.2022), частотность (раз в неделю) и др.
	Пространство	Привязка к месту (точка, пункт А), путь (отрезок, из А в Б), ландшафт и территория (часть плоскости) и др.
	Материалы, предметы	Любые полезные ископаемые, недвижимость, оборудование, производство, продукты и вещи и др.
	Физические драйверы изменений. Энергии (запускает процессы изменений)	Все виды известных энергий, в т.ч. деньги (так как рассматриваем социально-экономические явления)
Психологические (активы феноменологические, качественные)	Человеческие (социальные)	Роль и статус, влияние и власть, организационные культуры и структуры и др.
	Информационные	Базы данных и знаний, сведения, факты, оценки и др.
	Технологические	Конкретные технологии, например колесо, книга, искусственный интеллект

	Психологические драйверы изменений, (запускают процессы изменений)	Деятельность, действия, мотивация, ценности и целичеловеческой активности
--	--	---

Примечание - составлена авторами на основании источника [8, стр.42]

Другая важная особенность кейс-подхода - обязательное использование для обеспечения структурированности

экономического исследовательского кейса укрупненной морфологической матрицы (см.табл.2 и рис.1).

Таблица 2 –морфологическая матрица «Обобщенная структура кейкиса»

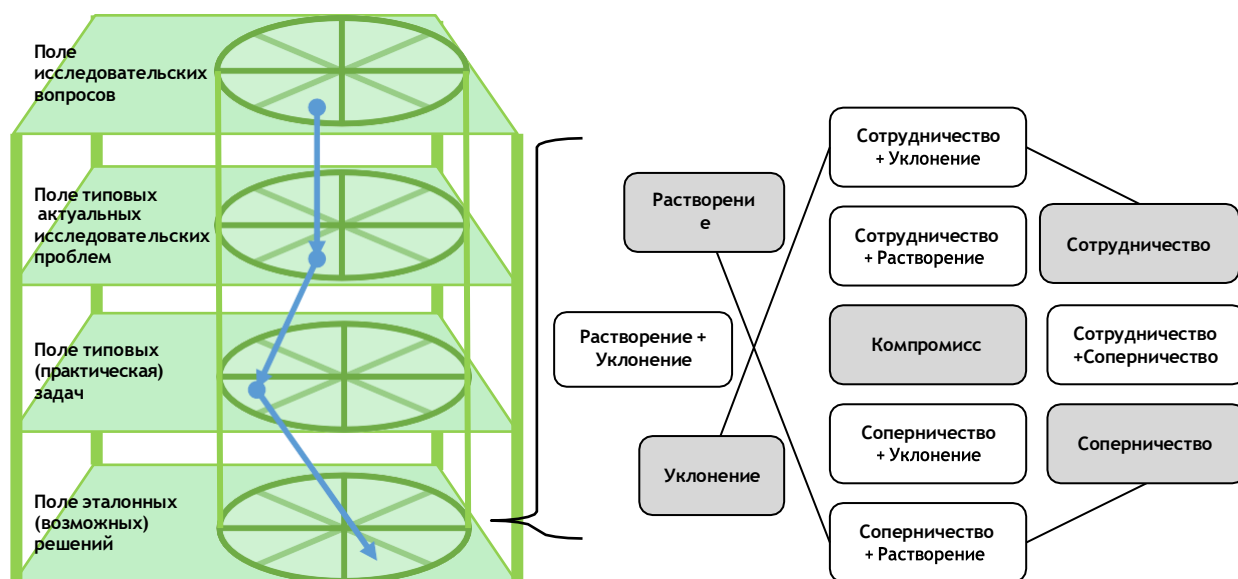
Информационное поле	Пример формулировки содержания информационного поля (относительно субъекта/объекта исследования, внутренней среды)
Поле исследовательских вопросов	«Ведет ли эта дорога к храму?», «Есть ли жизнь на Марсе?», «Можем ли мы заработать, занимаясь этим видом деятельности?», «Надо ли проводить реконструкцию, чтобы расширить денежный поток?» Формулировка одного выбранного исследовательского вопроса
Поле типовых актуальных исследовательских проблем	Поставщик должен поставлять, а он этого не делает. Потребитель должен потреблять, а он этого не делает. Производитель должен производить, а он этого не делает. Формулировка одной выбранной проблемы.
Поле типовых задач	Надо что-то поставить такому-то сотруднику, к такому-то сроку, оттуда туда-то, в таком-то объеме, тем-то способом, в соответствии с такими-то требованиями и проинформировать о результате Формулировка одной выбранной задачи
Поле(я) эталонных решений	Поставил всё – частично поставил - не поставил ничего. (Можно эту фразу усложнить, добавив параметры: время, место, материалы, люди, технологии, информация и т.д.) Формулировка одного выбранного решения

Примечание - составлена авторами на основании источника [8, стр. 19]

Важно отметить психологичность и проективность экономических исследовательских кейсов. Для включения и глубокого погружения исследователя (консультируемого, обучаемых в учебной группе) в ситуацию, текст пишется от лица конкретного актора, с учетом его реальных целей и ценностей, компетенций и компетентностей, с учетом наполнения его реальной продуктовой матрицы (товары, работы, услуги, мемы) в рамках основной, проектной и обеспечивающей

деятельностей [8, стр.40]. Загадочные, но часто встречающиеся в нашей устной практике формулировки типа «Министерство решило или считает» недопустимы! В Министерстве думают и решают конкретные люди или малые группы. Только они, и никто другой! Такой психологический приём значительно повышает корректность формулировок, интерес, мотивацию участников сложного межпредметного игрового взаимодействия.

Рисунок 1. Структура экономического исследовательского кейса. В правой части рисунка дан пример для поля эталонных (возможных) решений

Примечание - составлена авторами на основании источника [8, стр.19 и 46]

Этические проблемы использованию той или иной инсайдерской (личной и конфиденциальной) информации решаются просто, по желанию соавтора кейкис либо не придается огласке и не публикуется, в тексте используются фамилии – Иванов, Петров, Сидоров или не упоминаются вовсе, а даётся обозначение должностной позиции, роли или статуса. Место действия и время событий-как правило, «здесь и сейчас».

Далее приведена структура (алгоритм, последовательность) для простого несетевого варианта экономического исследовательского кейса. Применимость ниже приведенной последовательности для казахстанской практики можно оценить на конкретных опубликованных кейкисах, написанных на казахстанских реалиях [4, 6, 7, 16, 19, 20].

1. Заголовок кейкиса- по своей сути, исследовательский вопрос.

2. Аннотация. Пишется в два приема: в начале работы и при её завершении.

3. Ключевые слова. Пишутся в процессе написания кейкиса.

4. Теоретическая часть (инструментальная). Описание использованных в данном кейкисе методологий, методов и методик, в том числе авторских.

5. Калибровка исследовательского вопроса для разделения ситуации на внутреннюю и внешнюю среды, четкое проведение разделительной между ними границы. Описание списочного состава

основных акторов (субъектов), предложенного к обсуждению затруднения (ситуации, сложной коллизии, системы отношений). Может быть надо уточнить формулировку исследовательского вопроса?

6. Определение во внутренней среде ключевых субъектов (акторов) и объектов, на которых они влияют. Добавить/оставить/убавить значимых субъектов (акторов)и значимые объекты? Всё лишнее и избыточное убрано?

7. Для внутренней среды. Краткое описание деятельности субъекта. Выбран ключевой актор для исследуемой ситуации? Корректно описана его ключевая деятельность («продуктовая матрица» [8, стр.40], значимая для исследуемой ситуации (системы отношений)? Есть ли бизнес-модель деятельности субъекта, которая расширяет его ресурсную базу

8. Определение во внешней среде ключевых для ситуации субъектов и объектов. Надо оставить/добавить только значимых субъектов (проверив на «карте типов эталонных отношений» [8, стр.30]. Всё лишнее и избыточное убрать.

9. Для внешней среды. Описание деятельности для всех ключевых (значимых) субъектов. Рефлексия достаточного качества и количества описания внешних участников исследуемой ситуации (системы отношений). Дано ли описание их парных (не всех, а значимых для исследуемой ситуации) сложившихся отношений и их динамики? Есть ли описание

экономической модели деятельности для ключевых субъектов отношений.

10. Концептуальная визуализация (в виде графа и/или веерной матрицы) содержания взаимоотношений ключевых участников внешней и внутренней сред. Обязательная рефлексия визуального и текстового описаний исследуемой ситуации (на необходимость и достаточность). Визуализация в виде кругов Эйлера, максимальный размер, на одну страницу формата А4. Рефлексия наглядности и логики её прочтения. Убрать лишние стрелки, штриховки, заливки, цвета и слова.

11. Окончательный список акторов (персонажей данного кейкиса). Рефлексия корректности и необходимой достаточности визуализации относительно ключевых персонажей и их взаимоотношений.

12. Поле исследовательских проблем (формулируется на основе визуализации). Каждый актор создает вокруг себя и описывает поле индивидуально сформулированных и субъективных проблем. Полнота полей значимых проблем (в рамках заявленного исследовательского вопроса)? Рефлексия, предложенные формулировки проблем являются ли проблемами? Формулировка каждой заявленной проблемы - менее чем из 24 слов? Коррелирует ли описание поля проблем с описанием бизнес-моделей из эт.9?

13. Фокусировка на одной ключевой проблеме. Выбрана самая злободневная проблема(боль)? Выбранная для анализа проблема – проблема, заявлено ли четко противоречие, коллизия? Рефлексия формулировки и уточнение в терминах восьми типовых ресурсов (см. табл.1).

14. Поле задач (декомпозиция выбранной проблемы). Предложенные задачи по формулировке - задачи и имеют несколько типовых решений? Декомпозиция проблемы проведена корректно? Нет ли перекосов?

15. Фокусировка на одной задаче. Предложенная задача по формулировке - действительно задача? Значима ли она?

16. Уточнение времени и места действий. Для этого уточнения по этапам 15.

23. которых может быть

24. Используемая литература и

17. Формулирование ключевых личных ценностей и целей основного актора из внутренней среды. Рефлексия целей (и их динамики) и ценностей. Возможно цели и ценности надо заявить/уточнить/снять? Требуются ли уточнения по этапам 1-16?

18. «Поле(я) возможных и допустимых решений (в рамках одной или нескольких учебных дисциплин). Рефлексия стратегий и их персональной направленности, оценка рисков и возможностей, необходимых для реализации бюджетов, желательной/не желательной степени инновационности, прогнозов дальнейшего развития событий. Рефлексия заявленным в эт.17 целям и ценностям. Они в рамках эталонных наборов решений для данной учебной дисциплины (дисциплин)? Цели и ценности надо уточнить?

19. Итоговая матрица решений основного автора из внутренней среды (выбранного персонажа). Рефлексия акцентуаций всех предложенных (или не предложенных) решений, их адекватности целям и ценностям из эт.17, проработанность по стратегиям и направленности на других акторов (персонажей). Цели и ценности надо уточнить? Матриц для рефлексии, полученных (сформулированных) в кейкисе решений может быть несколько (маркетинговая, менеджерская, финансовая и т.д.)

20. Фокусировка на одном решении. Рефлексия соответствия решения заявленным в эт.17 целям и ценностям. Цели и ценности надо уточнить?

21. Рефлексия выбранного решения по количественным и качественным метрикам на предмет степени его наблюдаемости, контролируемости, управляемости для персонажа, который сформулировал данное решение, принял его и будет реализовывать.

22. Заключение по кейкису. Итоговое заявление по финальному и другим возможным способам разрешения предложенной проблемной ситуации, а также заявление об использованных в тексте методах и методиках. Перечисление учебных дисциплин и курсов, в рамках использован данный кейкис. другие источники. Рефлексия на прямой и

косвенный плагиат. Рефлексия корректных заимствований и ссылка на них. Выражение благодарностей всем, помогавшим при написании кейкиса».[8, стр.67-70]

Выводы

Для того, чтобы более полно и корректно использовать экономический кейс как мощный учебно-исследовательский инструмент надо рекомендовать разработчика в обязательном порядке разрабатывать для преподавателей методические указания (не менее пяти страниц), в которых, в частности, могут быть даны конкретные и рекомендации (может быть, желательные методологические походы, методы, методики) по конкретным экономическим дисциплинам или их разделам. Могут быть даны методические рекомендации по целевой аудитории; целям процесса обучения (основным и вспомогательным); по литературе, которую надо предварительно изучить. Могут быть прописаны технологии и варианты сценариев проведения самих занятий, стратегии преподавания и способы обработки полученных экономических и не только экономических результатов, варианты подведения итогов, вопросы для обсуждения и задания обучаемым. Отдельная тема – реализация предложенных групповых решений.

В Президентской академии (РАНХиГС) регулярно проводятся образовательные программы дополнительного профессионального образования повышения квалификации. На пример. Двухнедельный курс: «Актуальные вопросы высшего образования по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление». Состав слушателей (примерно 40 человек): 4 декана, 13 заведующих кафедрами, профессора и доценты, половина на половину - доктора и кандидаты наук. В результате групповой работы написано (почти в публикационной форме) и блестяще защищено двенадцать исследовательских кейс-стади в формате кейкис. Эти авторские аттестационные работы в последствии были апробированы в учебном процессе в соответствующих преподаваемых дисциплинах, некоторые

25. Приложения. В приложение надо вынести все материалы, которые своим объемом или единообразием «утяжеляют» восприятие текст кейса.

кейсы опубликованы в журналах из списка ВАК. База кейсов президентской Академии имеет объем около тысячи кейсов и постоянно обновляется. Часть кейсов периодически публикуется в сборниках и коллективных монографиях [2, 8]. Автор технологии рекомендует читателям для качественного освоения описанного выше кейкис-подхода написать самостоятельно или в соавторстве свой собственный исследовательский кейс по интересующей вас актуальной тематике, по которой пока нет однозначно корректных и общепринятых решений. У автора методологического Кейкис-подхода было несколько возможностей поработать с казахстанскими молодыми чиновниками и коллегами-преподавателями. Так, в частности, им было проведено обучение в Кызылординском областном Акимате по разработке сетевого кейса «Цифровая экономика города». В Кызылординском университете им. Коркыт Ата были прочитаны студентам, аспирантам и преподавателям два курса лекций о методологическом КЕЙКИС-подходе. Надеюсь (В.Д.), что это положительно повлияло на повышение компетентностей действующий и будущих государственных служащих, а также вузовских преподавателей. Уникальность ситуации заключается в том, что ранее методологический Кейкис-подход использовался преимущественно для бизнес-ситуаций. Теперь он успешно применен к сложной, а иногда очень противоречивой, проблематике государственного и муниципального (местного) управления.

В РФ на базе Института государственного служб и управления (ИГСУ) Президентской академии на регулярной основе ежегодно проводится Всероссийский кейс-чемпионат по государственному и муниципальному управлению (сейчас - для бакалавров и магистров, в ближайшем будущем, отдельно – для действующих государственных чиновников и всех желающих). Зарегистрировано несколько РИД (результатов интеллектуальной

деятельности). Проводятся (по приглашению губернаторов) для команд победителей Всероссийского кейс-чемпионата по государственному и муниципальному управлению научно-практические экспедиции (напр., полуостров Камчатка, город Калининград).

В рамках Чемпионата ежегодно

проводится конкурс авторских кейсов для преподавателей вузов и экспертов. Создана методологическая база для нового культурного и экономического явления – исследовательские кейсы Президентской академии по государственному и муниципальному управлению.

Список литературы

1. Голишевский М., Киселев В. Может ли муниципальный чиновник легитимно убрать нелегитимный рынок из центра города? // Государственная служба, 2016, №4 (102), с. 23-29.
2. Государственное и муниципальное управление: Методологический подход и сборник кейсов в формате кейкис. Монография / Под общ. ред. Овчаренко Р.К., Киселева В.Д., Москалева И.Е., Герасимова Г.Б. - Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИУ - филиал РАНХиГС, 2024. – 345 с., с илл.
3. Деев А.А., Киселев В.Д. Муниципальный чиновник – стратег, учитывающий инфраструктурные особенности бизнес-среды? [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). – 2017. № 4 (12). С. 98-104. // http://cs.journal-mirbis.ru/-/wF9hjEyz7C2vJ88lhl1pw/sv/document/78/d5/56/521295/226/4_2017_VM.pdf?1517909660#page=98
4. Ерсейтова Ж.К., Киселев В.Д. Возможно ли организовать успешные экологические ГЧП? // Государственно-частное партнерство, Астана; 2020, № 4, стр. 56-72;
5. Зайцев М.Г., Варюхин С.Е. Методы оптимизации управления и принятия решений: примеры, задачи, кейсы: учебное пособие - М.: Издательский дом «Дело», 2017 - 641 с.
6. Киселев В. Д., Герасимов Г. Б., Накипова М. Б., Ерсейтова Ж. К. Субъект-объектное мерцание при удаленной синхронной и асинхронной работе студента ДПО и научного руководителя над выпускной работой – Международная научно-практическая интернет-конференция «Цифровое общество – Цифровое образование: проблемы, опыт и перспективы», 9 июня 2020 года, Кызылорда.
7. Киселев В.Д. Дилемма подрядчика — победа в конкурсе или качество исполнения проекта / В. Д. Киселев, Ж. К. Ерсейтова // Вестник МИРБИС. 2020. № 3 (23). С. 181-198. // <https://cs.journal-mirbis.ru/-/meaObPt6nP0CVh4q0150UA/sv/document/28/1b/0f/521295/876/3-20-181-198.pdf?1603210024&fbclid=IwAR3PDOeROKdbyEMM6UHGrkGDJWOuYfLzPwrz3W6f1ZvgulD7lDCQ3udqk9Q>
8. Киселев В.Д. Как написать авторский проектный социально-экономический кейс в формате Кейкис. Методика и сборник деловых игр. - Москва: КТК «Галактика». 2018, 320 с. // <http://doi.org/10.5281/zenodo.4009065>
9. Киселев В.Д., Герасимов Г.Б. Поля эталонных проблем в динамике взаимоотношений корпораций и государства [Электронный ресурс] // Вестник МИРБИС. 2019. № 1 (17). С. 163-178. // <http://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.1.20>
10. Киселев В.Д., Ерёмин, А.В. Проблема бездомных собак»: собаки – сыты, а люди - целы. // Вестник МИРБИС, 2017, 3(11), 35-47. // <http://doi.org/10.5281/zenodo.4007949>
11. Киселев, В.Д. Методика на формулиране и решаване на случаи в подхода кейкис (Теория на частния случаи), «Литера принят», 2020, 320 с. <http://doi.org/10.5281/zenodo.4009473> (на болгарском языке)
12. Лазичева Е.А., Герасимов Г.Б., Киселев В.Д. Может ли мэр организовать качественный ремонт дорог [Электронный ресурс] // Вестник МИРБИС. 2019. № 3 (19). С. 109-128. // <http://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.3.14>
13. Лебедев П.В. Использование кейсов и кейс-метода в образовательном процессе. Учеб. Пособие. - М.: НГПК, 2017. - 114 с.
14. Матвеев А., Киселев В. Возможно ли продолжить успешную карьеру чиновника после спорно? // Государственная служба, 2016, №5 (103), с. 80-83.

15. Музыкант, В. Л. Коммуникативное общество: культурный код экономического поведения / В. Л. Музыкант, В. Д. Киселев. - Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. - 333 с. - ISBN 978-5-4499-1613-6. - EDN RRSRES.

16. Накипова М.Б., Киселёв В.Д., Мотивация новаторской деятельности специалистов и функциональных руководителей при внедрении технологических нововведений [Электронный ресурс] // Вестник МИРБИС. 2019. № 4 (20). С. 126-142. <http://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.4.14>

17. Потапова Е.П., Потапов И.В., Киселев В.Д., Букалова С.В. Доступны ли услуги МФЦ в условиях цифрового неравенства? [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). - 2017. №3(11). С. 48-58. - Библиогр.: с. 57 (10 назв.). // http://cs.journal-mirbis.ru/-/z3qDoO03L3ek8F0cc6_Y1g/sv/document/6c/9d/34/521295/181/48-58.pdf?1508940113

18. Стойкова Ж., Кисельов В.Д. Основы на КЕЙКИС консултирането. - Академично издателство Тракийский университет, Стара Загора, 2022, 242 с.(на болгарском языке)

19. Сыпабеков С.Ж., Киселев В.Д. Кейкис "Матрица: Перегрузка" // Маркетинг услуг. 2014. № 3. С. 236-244.

20. Цой А.В., Киселев В.Д. Кейкис "Поможет ли безрисковая дорогая медицина клиенту" // Маркетинг услуг. 2015. № 1. С. 40-51.

21. <https://www.elibrary.ru/keywords.asp>

References

1. Golishevsky M., Kiselyov V. Can a municipal official legitimately remove an illegitimate market from the city center? // Civil Service, 2016, No. 4 (102), pp. 23-29.

2. State and municipal management: A methodological approach and a collection of cases in the keykis format. Monograph / Under the general ed. Ovcharenko R.K., Kiseleva V.D., Moskaleva I.E., Gerasimova G.B. – Rostov-on-Don: Publishing House YURIU – branch of RANEPa, 2024. – 345 p., with fig.

3. Deev A.A., Kiselev V.D. Is a municipal official a strategist who takes into account the infrastructural features of the business environment? [Electronic resource] // Bulletin of the Moscow International Higher School of Business (MIRBIS). – 2017. No. 4 (12). pp. 98-104. // http://cs.journal-mirbis.ru/-/wF9hjEyre7C2vJ88lhl1pw/sv/document/78/d5/56/521295/226/4_2017_VM.pdf?1517909660#page=98

4. Yerseitova Zh.K., Kiselev V.D. Is it possible to organize successful environmental PPPs? // Public-Private Partnership (Astana); 2020, No. 4, pp. 56-72;

5. Zaitsev M.G., Varyukhin S.E. Methods of optimizing management and decision-making: examples, tasks, cases: textbook – M.: Publishing house "Delo", 2017 - 641 p.

6. Kiselev V. D., Gerasimov G. B., Nakipova M. B., Yerseitova Zh. K. Subject-object flickering during remote synchronous and asynchronous work of a DPO student and a supervisor on a graduate paper - International scientific and practical Internet conference "Digital Society- Digital Education: problems, experience and prospects", June 9, 2020 of the year, Kyzylorda.

7. Kiselev V.D. Contractor's dilemma — winning a competition or the quality of project execution / V. D. Kiselev, Zh. K. Yerseitova // Herald of MIRBIS. 2020. No. 3 (23). pp. 181-198. // <https://cs.journal-mirbis.ru/-/meaObPt6nPocVh4qo150UA/sv/document/28/1b/0f/521295/876/3-20-181-198.pdf?1603210024&fbclid=IwAR3PDOeROKdbyEMM6UHGrkGDJWOuYfLzPwrz3W6f1ZvgulD7IDCQ3udqk9Q>

8. Kiselev V.D. How to write an author's project socio-economic case in the Keykis format. Methodology and collection of business games. – Moscow: CPC Galaktika. 2018, 320 p. // <http://doi.org/10.5281/zenodo.4009065>

9. Kiselev V.D., Gerasimov G.B. Fields of reference problems in the dynamics of relations between corporations and the state [Electronic resource] // Herald of MIRBIS. 2019. No. 1 (17). pp. 163-178. // <http://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.1.20>

10. Kiselyov V.D., Eremin, A.V. The problem of stray dogs": dogs are well fed, but people are safe. // MIRBIS Bulletin, 2017, 3(11), 35-47. // <http://doi.org/10.5281/zenodo.4007949>

11. Kiselyov, V.D. Methodology on the formulation and the solution for cases in the keikis

approach (Theory for a particular case), Literatura, 2020, 320 p. <http://doi.org/10.5281/zenodo.4009473> (in Bulgarian)

12. Lazicheva E.A., Gerasimov G.B., Kiselyov V.D. Can the mayor organize high-quality road repairs [Electronic resource] // Herald of MIRBIS. 2019. No. 3 (19). pp. 109-128. // <http://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.3.14>

13. Lebedev P.V. The use of cases and the case method in the educational process. Studies. The manual. - M.: NGPK, 2017. - 114 p.

14. Matveev A., Kiselyov V. Is it possible to continue a successful career as an official after a controversial disciplinary action? // Civil Service, 2016, No.5 (103), pp. 80-83.

15. Musician, V. L. Communicative society: the cultural code of economic behavior / V. L. Musician, V. D. Kiselyov. - Moscow-Berlin : Direct Media, 2020. - 333 p. - ISBN 978-5-4499-1613-6. - EDN RRSRES.

16. Nakipova M.B., Kiselev V.D., Motivation of innovative activity of specialists and functional managers in the implementation of technological innovations [Electronic resource] // Herald of MIRBIS. 2019. No. 4 (20). pp. 126-142. <http://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.4.14>

17. Potapova E.P., Potapov I.V., Kiselev V.D., Bukalova S.V. Are MFC services available in conditions of digital inequality? [Electronic resource] // Bulletin of the Moscow International Higher School of Business (MIRBIS). - 2017. No.3(11). pp. 48-58. - Bibliogr.: p. 57 (10 titles). // http://cs.journal-mirbis.ru/-/z3qDoO03L3ek8F0cc6_Y1g/sv/docu-ment/6c/9d/34/521295/181/48-58.pdf?1508940113

18. Stoykova Zh., Kiselyov V.D. Fundamentals Of stickers With consultiraneto. - Academic publishing house Trakian University, Stara Zagora, 2022, 242 p. (in Bulgarian)

19. Syabekov S.Zh., Kiselyov V.D. Keykis "Matrix: Reboot" // Marketing of services. 2014. No. 3. pp. 236-244.

20. Tsoi A.V., Kiselyov V.D. Keykis "Will risk-free expensive medicine help the client" // Marketing of services. 2015. No. 1. pp. 40-51.

21. <https://www.elibrary.ru/keywords.asp>

«МЕМЛЕКЕТТІК ЖӘНЕ ЖЕРГІЛІКТІ БАСҚАРУ» ТАҚЫРЫПТАРЫ БОЙЫНША КЕЙС-ТҰЖЫРЫМДАУ ЖӘНЕ ЖАЗУ ТЕХНОЛОГИЯСЫ ЗЕРТТЕУ КЕЙС-СТАДИЛЕРІ

Камар БЕКЕТОВА*, экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан, Kamar82@mail.ru, ID Web of Science: ADH-2334-2022, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5094-9140>

Владимир КИСЕЛЕВ, іскерлік әкімшілендіру докторы, практика профессоры, Президенттік академия, Мәскеу, Ресей Федерациясы, 4f3f2f1f@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-3748>

Гульмира РЫСМАХАНОВА, экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан, fpkido2010@mail.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-6788-1488>

KEYKIS-TECHNOLOGY FOR FORMULATION AND WRITING ECONOMIC RESEARCH CASE STUDIES ON THE TOPIC OF «STATE AND LOCAL GOVERNMENT»

Kamar BEKETOVA*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan, Kamar82@mail.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5094-9140>

Vladimir KISELEV, Doctor of Business Administration, Professor of Practice, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation, 4f3f2f1f@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-3748>.

Gulmira RYSMAKHANOVA, candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kyzylorda, Kazakhstan, fpkido2010@mail.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-6788-1488>

**ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ИНТЕРКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В КАЗАХСТАНЕ: (ОПЫТ ГОСУПРАВЛЕНИЯ В
ЖАМБЫЛСКОЙ ОБЛАСТИ)****Кайратбек
ДЖАМАНГУЛОВ***кандидат социологических наук, Центр социальных исследований
Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек,
Кыргызстан, kdzhamangulov@gmail.com, ORCID <https://orcid.org/0009-0009-3108-4466>***Жанар*
НАКИПБАЕВА***постдокторант кафедры социологии Евразийского национального
университета им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан, zhan.n.a@yandex.kz,
ORCID 0000-0003-3422-841X*

Дата поступления рукописи в редакцию: 08/08/2024

Доработано: 06/12/2024

Принято: 09/12/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1308

УДК 316.455

МРНТИ 04.41.41

Аннотация. В данной статье изложены результаты полевого исследования, проведенного среди казахов, а также представителей дунганской и курдской этнических групп в Жамбылской области. Исследование было осуществлено в рамках проекта «Интеркультурализм и толерантность в полиэтническом Казахстане в условиях глобализации и новых миграционных вызовов» КН МНВО РК. Собранные данные позволили провести анализ содержания этнической толерантности, ее факторов и выявить перспективы развития интеркультурной среды в регионе.

Особое внимание уделялось роли государственного управления в Жамбылской области, которое оказывает существенное влияние на межэтнические отношения. В рамках государственной политики поддерживаются программы, направленные на улучшение взаимопонимания между различными этническими группами, развитие инфраструктуры для межкультурных коммуникаций и организации культурных мероприятий, которые способствуют укреплению этнической толерантности.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что толерантность населения в регионе обусловлена множеством факторов. Позитивное проявление толерантности коррелирует с такими аспектами, как характер расселения, наличие межкультурных контактов и коммуникаций в обществе. В то же время, развитие интолерантных отношений может быть связано не только с ограниченностью межэтнических взаимодействий, но и с языковой дифференциацией. Важную роль в формировании толерантности играют исторический опыт этносов, многолетняя совместная жизнь, историческая память, а также восприятие их местным населением.

Ключевые слова: этническая толерантность, этнические группы, дунгане, казахи, курды, интеркультурализм, Жамбылская область

Аңдатпа. Бұл мақалада қазақтар, сондай-ақ Жамбыл облысындағы дүнген және күрд этникалық топтарының өкілдері арасында жүргізілген далалық зерттеу нәтижелері баяндалған. Зерттеу «Жаһандану және көші-қон сын-қатерлері жағдайындағы полиэтникалық Қазақстандағы интеркультурализм және толеранттық» жобасы аясында жүзеге асырылды. Жиналған деректер этникалық толеранттылықтың мазмұнын, оның факторларын талдауға және аймақтағы мәдениетаралық ортаның даму перспективаларын анықтауға мүмкіндік берді.

Мақалада этносаралық қатынастарға елеулі әсер ететін Жамбыл облысындағы мемлекеттік басқарудың рөліне ерекше назар аударылды. Мемлекеттік саясат шеңберінде әртүрлі этникалық топтар арасындағы өзара түсіністікті жақсартуға, мәдениетаралық коммуникациялар үшін инфрақұрылымды дамытуға және этникалық толеранттылықты нығайтуға ықпал ететін мәдени іс-шараларды ұйымдастыруға бағытталған бағдарламаларға қолдау көрсетіледі.

Зерттеу нәтижелері аймақтағы халықтың төзімділігі көптеген факторларға байланысты екенін көрсетеді. Толеранттықтың оң көрінісі қоныстану сипаты, қоғамдағы мәдениетаралық байланыстар мен коммуникациялардың болуы секілді аспектілермен байланысты. Сонымен бірге, интолерантты қатынастардың дамуы этносаралық өзара іс-қимылдың шектелуімен ғана емес, сонымен қатар тілдік саралаумен де байланысты. Толеранттылықты қалыптастыруда этностардың тарихи тәжірибесі, көп жылдық бірлескен өмірі, тарихи жады, сондай-ақ оларды жергілікті халықтың қабылдауы маңызды рөл атқарады.¹

* Автор для корреспонденции: Ж.Накипбаева zhan.n.a@yandex.kz

Түйінді сөздер: этникалық толеранттылық, этникалық топтар, дүнгендер, қазақтар, күрдтер, интермәдениет, Жамбыл облысы

Annotation. This article presents the results of a field study conducted among Kazakhs, as well as representatives of Dungan and Kurdish ethnic groups in Zhambyl region. The study was carried out within the framework of the project «Interculturalism and Tolerance in Multiethnic Kazakhstan in the Context of Globalization and Migration Challenges». The collected data made it possible to analyze the content of ethnic tolerance, its factors and identify prospects for the development of the intercultural environment in the region.

Special attention should be paid to the role of public administration in the Zhambyl region, which has a significant impact on interethnic relations. The State policy supports programs aimed at improving mutual understanding between different ethnic groups, developing infrastructure for intercultural communications and organizing cultural events that promote ethnic tolerance.

The results of the study indicate that the tolerance of the population in the region is due to many factors. The positive manifestation of tolerance correlates with such aspects as the nature of settlement, the presence of intercultural contacts and communications in society. At the same time, the development of intolerant relations may be associated not only with the limited interethnic interactions, but also with linguistic differentiation. An important role in the formation of tolerance is played by the historical experience of ethnic groups, long-term life together, historical memory, as well as the perception of their local population.

Key words: ethnic tolerance, ethnic groups, Dungans, Kazakhs, Kurds, interculturalism, Zhambyl region

Введение

Этническая толерантность остается одной из актуальных тем для Казахстана. Со дня обретения независимости для страны, где проживают представители более чем 100 этнических групп [1], было важно сформировать успешную политику управления многообразием, основанную на обеспечении единства и согласия, уважении культур и ценностей всех этнических групп и предупреждении напряженности.

Актуальность межэтнической толерантности отмечалась и на сессии АНК 2023 года, где президент РК К.К. Токаев особо подчеркнул, что тесное переплетение традиций, межэтническое и межконфессиональное согласие, толерантность к другим культурам является нашим бесценным достоянием, национальным брендом [2].

Постоянное изучение и анализ характера и уровня толерантности в казахстанском обществе важно не только в интересах его полиэтнической структуры, но и в силу того, что Казахстан позиционируется как страна, активно участвующая в глобальных процессах и придерживающаяся политики открытости и согласия на мировом уровне. В этом контексте особую роль в поддержании межэтнической гармонии играет эффективное государственное управление, в том числе в Жамбылской области. Местные органы власти играют ключевую роль в реализации государственной программы по укреплению этнического согласия и толерантности, в том числе через

внедрение образовательных инициатив, культурных обменов и развитие инфраструктуры для межкультурных взаимодействий. Кроме того, исследование и понимание факторов, влияющих на толерантность, важно для формирования интеркультурной среды, что также является частью государственной политики, направленной на развитие полиэтнического общества.

Интеркультурализм в государственной политике впервые был официально закреплён в Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 годы, утверждённой 15 сентября 2022 года Президентом РК К.К. Токаевым и определён одним из основных принципов в достижении её целей [1].

В данной статье представлены результаты полевого исследования, проведённого среди казахов, а также представителей дунганской и курдской этнических групп Жамбылской области. Полевое исследование было проведено в рамках проекта «Интеркультурализм и толерантность в полиэтническом Казахстане в условиях глобализации и новых миграционных вызовов» КН МНВО РК. Полученные данные позволили проанализировать содержание этнической толерантности, её факторы и определить перспективы развития интеркультурной среды в Жамбылской области.

Цель статьи – понять природу этнической толерантности в Жамбылской области, выявить факторы, оказывающие на неё положительное и отрицательное влияние, а также выявить значимые характеристики формирования интеркультурной среды.

Материалы и методы

Методология данного исследования основана на качественном подходе. Качественный подход в социологии применяется в тех случаях, когда исследовательских работ по рассматриваемому вопросу недостаточно или не имеются в доступе. Он носит когнитивный характер и поэтому полезен, когда исследователь не знает, какие переменные следует учитывать в отношении изучаемой проблемы. Кроме того, качественный подход важен при изучении новых, никогда не изученных проблем, в которых невозможно применить очевидные теории, относящиеся к определенным группам и выборкам [3].

Принимая во внимание, что предмет предлагаемого исследования не был полностью и систематически изучен в Казахстане, а также небольшую численность объектов и их компактное расположение, было принято решение использовать глубинные интервью как качественный метод исследования в данном полевом исследовании.

Объектом исследования выступили представители курдского и дунганского этносов Жамбылской области старше 18 лет. В качестве контрольной группы в объект исследования были включены казахи данного региона.

Согласно выводам Kasara [4, С. 923] при изучении толерантности в различных группах необходимо уделять внимание на тип их расселения. Таким образом, в целях определения характера толерантности и ее факторов было решено рассматривать в качестве объекта исследования население в полиэтнических и моноэтнических населенных пунктах. В связи с этим в Жамбылской области исследование проводилось в населенных пунктах, где казахи, дунгане и курды проживают компактно и смешанно.

В качестве основного метода исследования был использован метод глубинного интервью. Данный метод позволяет исследователю глубже изучить проблему, сосредотачивая внимания на новых и важных вопросах, которые возникают во время разговора с собеседником, при необходимости

отклоняясь от заранее подготовленного гайда [5, с. 61].

Петр Штомпка в своем труде «Визуальная социология» отмечает, что визуальные символы описывают социальную жизнь, то есть реальность данного общества, поэтому любая визуальная информация достойна анализа [6]. В связи с этим в данном исследовании наравне с основным методом использовался метод визуального наблюдения. В ходе наблюдения основной фокус был направлен на символы, определяющие информантов и населенных пунктов. Метод наблюдения позволяет определить, соответствуют ли данные, полученные в ходе беседы, достоверными и более критически подходить к нарративам собеседников.

Особенностью качественного исследования является то, что оно не основано на конкретной выборке. В качественном исследовании исследователь обращает внимание на полноту и всесторонность информации, а не на сохранность конкретной, заранее определенной выборки. В данном случае исследователь придерживался данного принципа. Таким образом, в исследовании приняли участие более чем 40 информантов. В ходе исследования, чтобы обеспечить всесторонность общественного мнения было уделено внимание на следующие социально-демографические параметры информантов: пол, возраст, этническая принадлежность, уровень образования, социально-экономическое положение.

Исследование с представителями дунганской этнической группы проведено в полиэтническом с. Жалпактобе (Жамбылский район) и моноэтническом с. Масанчи (Кордайский район); с представителями курдской этнической группы в полиэтническом с. Гродеково (Жамбылский район), в моноэтническом с. Каскабулак (Таласский район); с казахами - в полиэтническом с. Жалпактобе (Жамбылский район) и моноэтническом с. Каракемер (Кордайский район).

Результаты исследования

По данным Национального бюро статистики, на начало 2023 года население Жамбылской области составляет 1 218 158 человек. Несмотря на то, что основную

часть населения составляют казахи (их доля составляет 74,5%), этнодемографический состав области является полиэтническим, так как здесь проживают представители около 70 этносов.

Дунгане являются третьей по численности крупной группой в регионе, а курды – седьмой. В области дунгане составляют 4,88% от общей численности населения, а курды – 1,25%. Большая часть дунган проживает в Кордайском (48 967) и Жамбылском (7 463) районах, а курды – в Жамбылском (5 244), Шуском (2 576), Таласском (1 990) районах, а также в городе Тараз (2 828). Тем не менее, хотя эти этнические группы проживают дисперсно во всех указанных районах, их компактное расселение наблюдается в с. Масанчи Кордайского района (дунгане) и с. Каскабулак Таласского района (курды) [7]. В данных селах они составляют абсолютное большинство.

Толерантность в полиэтнических населенных пунктах. Село Жалпактобе в данном исследовании было выбрано в качестве полиэтнического населенного пункта для изучения взаимоотношений между казахами и дунганской этнической группой. Оно расположено между городом Тараз и границей с Кыргызстаном.

Согласно данным паспорта села, большинство населения составляют дунгане, их доля в селе составляет 77,8%. Всего в селе проживает 9935 человек, из них 7734 – дунгане, 1467 – казахи, 122 – русские, остальные более 600 человек – представители других этносов.

Село Гродеково было выбрано в качестве полиэтнического населенного пункта для исследования курдской этнической группы. Это село расположено ближе к казахстанско-кыргызской границе, чем с. Жалпактобе.

Согласно данным администрации сельского округа Гродеково, общая численность населения составляет 6896 человек. Из них 3101 человек – представители курдской этнической группы, 2107 – казахи, 749 – русские, 262 – турки, 677 – представители других этнических групп.

В ходе исследования было выявлено, что уважение и признание культуры друг друга у жителей выражалось не только в словах, но и в поступках. Например, в ходе наблюдения в школе

села Жалпактобе было замечено, что учителя вне зависимости от этнической принадлежности носили казахскую национальную одежду, особенно жилеты, абайки и тюбетейки с национальными узорами. Учителя отметили, что весной, особенно в период празднования Наурыза, национальный костюм становится повседневным выбором для многих учеников и жителей села.

Жителей полиэтнических населенных пунктов можно охарактеризовать как открытых людей, готовых к межкультурному взаимодействию. Они готовы принимать в своих населенных пунктах мигрантов из других стран и регионов Казахстана как соседей, друзей, коллег. Среди них не наблюдается разделения культур, так как они придерживаются принципа «нет плохих наций, есть плохие люди». В Жалпактобе существует хорошо развитая культура знакомства с новыми соседями, выражающаяся в гостеприимстве, приглашении в гости, угощении чаем и выпечкой.

Исследование выявило несколько факторов, положительно влияющих на развитие толерантности в полиэтнических селах Жалпактобе и Гродеково.

Один из них – наличие бизнес партнерства. Было установлено, что совместное предпринимательство широко распространено среди всех этнических групп, однако особенно хорошо развито в сельскохозяйственной сфере среди казахов и дунган.

У нас 90% земледелием занимается. Вот сейчас наши ребята сажают в с. Асар, там полностью казахи. В Байдыбеке сажают, в Акыртобе, а там же чисто казахское население, бизнес конечно делают, это их земли. Вместе продают, вместе ищут клиентов, и они там вместе сажают. У нас земель мало. Поэтому многие арендуют или покупают у соседей других сел.

Д2, 60 л., сфера образования, Жалпактобе

Регулярное совместное празднование государственных и национальных праздников, таких как Наурыз и Курбан айт, а также совместное переживание семейных радостей и горестей среди представителей различных

этнических групп в исследуемых населенных пунктах способствует формированию устойчивых социальных связей, укреплению чувства общности и, как следствие, развитию толерантности.

В качестве третьего фактора можно отметить наличие общих культурных традиций среди населения. Одной из таких традиций является традиция приглашения на первое блюдо, приготовленного после согыма. В казахской культуре данных населенных пунктов, как и в других регионах Казахстана, хорошо развита традиция забивать скот на зиму и готовить из первого мяса куырдак или бешбармак. В этот период у казахов сложилась традиция приглашать на первый куырдак и бешбармак соседей, знакомых, независимо от их этнической принадлежности. Эта традиция чаще упоминалась участниками интервью из числа курдов, чем дунган. Кроме того, в ходе опроса было установлено, что в настоящее время эту традицию продолжают соблюдать представители старшего поколения курдской этнической группы.

У нас нету дележки, казахи приезжают к нам домой и папины друзья, мы их называем родственниками. Да и нас на согым обязательно каждый год зовут, папа их тоже всех зовет, и мы ездим к ним, и русские тоже. На куырдаки бешбармаки. Это наши, они давно дружат с папой, приезжают к нам, мы ездим, и у мамы столько друзей из других национальностей.

К5, 29 л., предприниматель, Гродеково

Еще одним проявлением общих культурных кодов, способствующим формированию толерантных отношений, является освоение представителями различных этнических групп национальных блюд и этнических языков друг друга. В ходе интервью выяснилось, что среди жителей двух населенных пунктов, хотя и редко, встречаются люди, достаточно хорошо владеющие не только государственным языком и русским, но и дунганским и курдским языками. Также было отмечено, что национальные блюда дунган пользуются высоким спросом среди казахов и курдов, а также курды и дунганы хорошо освоили приготовление казахских национальных блюд (куырдак, ет асу или бешбармак).

Мы тоже сейчас научились мясо солить сами. Сами лучше беш можем

приготовить. Да, и, нашу кухню они все любят. Наша кухня, лагман. Эти всякие салаты наши дунганские, острые. Они обожают, скажем, лагманы.

Д1, 40 л., сфера медицины, Жалпактобе

В ходе исследования было установлено, что в селах Жалпактобе и Гродеково возродились спортивные игры, в том числе национальная игра көкпар. Эта игра, в которой участвуют представители разных этнических групп, объединяет людей, способствует взаимному знакомству, уважению и установлению дружеских отношений, выступая в качестве объединяющего культурного фактора.

Четвертым фактором, формирующим толерантные отношения, являются межэтнические браки. Наличие межэтнических браков, согласно результатам исследования, может быть охарактеризовано двояко. С одной стороны, они служат индикатором толерантности в обществе, а с другой – сами по себе являются фактором толерантности, объединяя людей и формируя между ними взаимопонимание и уважение.

Информанты из дунганской и курдской групп отметили положительное отношение к таким бракам, поскольку они способствуют укреплению родственных связей между различными этническими группами и, косвенно, влияют на развитие межэтнических отношений в регионе.

У нас молодежь дружит, хорошо. Очень много таких браков. Вот, например, старшая сестра замужем за казахом. Вообще в каждой семье почти есть смешанные браки.

Д2, 60 л., сфера образования, Жалпактобе

Пятым фактором, влияющим на толерантность, является деятельность Ассамблеи народа Казахстана и ее региональных институтов. Особенно положительные отзывы были выражены в отношении Совета аксакалов, который играет значительную роль в позитивном развитии межэтнических отношений.

Шестым важным фактором, положительно влияющим на развитие толерантности, является широкое распространение религии в обществе. Основываясь на информации, предоставленной участниками интервью, можно сказать, что в последние годы,

особенно среди молодежи, роль религии стала возрастать. Распространение религии среди населения было оценено участниками положительно. По их мнению, религия призывает человека к дисциплине, терпению и милосердию, формируя у него толерантное поведение. Кроме того, в ходе исследования было установлено, что мужчины из обоих сел массово собираются в мечетях на пятничную молитву. Этот факт также был положительно оценен участниками в контексте межэтнических отношений, поскольку, по их мнению, представители разных этносов, собираясь в одной мечети, во-первых, знакомятся друг с другом, устанавливают контакты, а во-вторых, духовно развиваются, участвуя в проповедях после пятничной молитвы. Кроме того, было установлено, что имамы мечетей, учитывая полиэтнический состав населенных пунктов, часто произносят проповеди на темы межэтнической дружбы, толерантности и братства.

Седьмым фактором, способствующим укреплению толерантности среди курдской этнической группы и объединяющим людей, является их историческая память. В ходе интервью с представителями курдской этнической группы стало ясно, что они напрямую связывают межэтнические отношения с историей депортации. Взрослые участники этой этнической группы слышали от своих родителей и бабушек-дедушек о тяжелых временах депортации в Казахстан в 1937 году, поэтому у них сформировалось представление об этом периоде, о трудностях, которые пережили их предки, и о великодушии казахского народа, который протянул им руку помощи. Поэтому, рассказывая о межэтнических отношениях, участники с благодарностью вспоминали о том, как в 30-е годы, в условиях социально-экономического кризиса, казахи, несмотря на свои собственные трудности, приняли депортированных с открытыми объятиями, поделились с ними продовольствием и проявили великодушие.

Я честно скажу, я очень сильно благодарен казахскому народу, который в 1937 году принял нас репрессированных, благодаря им мы сейчас есть, живы. Благодаря им у нас все хорошо. Они могли и не принять же... им самим было холодно, голодно. Но они, однако... вы же видели историю, где куртом кидаются?

К1, 35 л., сфера права, Гродеково

Несмотря на то, что в селах Жалпактобе и Гродеково широко распространены проявления толерантности и факторы, способствующие ее развитию, было выявлено также наличие негативных факторов, препятствующих ее развитию.

Одним из факторов, влияющих на развитие толерантности, является языковая коммуникация. Результаты исследования показали, что в этом регионе в качестве межэтнического языка используется русский язык. При этом характерной особенностью этих сел является то, что казахи преимущественно говорят на казахском языке, а большинство представителей дунганской и курдской этнических групп – на русском. Эти особенности не вызывают трудностей или недопонимания среди населения села. Это объясняется тем, что в селах с многолетним опытом совместной жизни люди относятся друг к другу с пониманием и нашли эффективные способы решения этой проблемы. Например, в общении каждый может выражать свои мысли и потребности на удобном для себя языке, и это не вызывает недовольства у собеседника.

В отношении государственного языка в этих сообществах сложилось устойчивое мнение. Все представители этнических групп, понимают необходимость владения государственным языком, поскольку знают, что знание языка важно для устройства на работу на государственную службу или в другие государственные учреждения. Поэтому они предпринимают усилия для изучения государственного языка. Старшее поколение представителей этнических групп объясняет свои трудности в овладении государственным языком советским периодом. По их мнению, отсутствие широкого использования казахского языка в качестве государственного языка в то время, а также обучение в средней школе на русском языке препятствовали овладению государственным языком членами этого общества. Несмотря на то, что в настоящее время у них есть интерес к изучению государственного языка, возрастные особенности затрудняют этот процесс.

Исходя из результатов исследования, следует отметить особенности владения государственным

языком представителями двух этнических групп. Среди молодежи дунганской этнической группы наблюдается стремление изучать государственный язык, они также начали активно отдавать своих детей в классы с обучением на государственном языке.

Среди представителей курдской этнической группы наблюдается положительная динамика в овладении государственным языком. Если среди представителей курдской этнической группы среднего и старшего возраста преобладают те, кто свободно выражает свои мысли на русском языке, то среди молодежи заметно увеличилось количество людей, свободно владеющих государственным языком.

Результаты исследования показали, что языковой вопрос не является наиболее острым в этих двух полиэтнических населенных пунктах. Однако вероятность возникновения проблем, связанных с языком, возрастает при выезде представителей этнических групп в город или другие населенные пункты региона. В городе языковой барьер может возникнуть при общении на рынках, в общественном транспорте. Кроме того, по мнению респондентов, языковые различия не создают препятствий при общении с местным населением города, чаще трудности возникают при контактах с людьми из других регионов или моноэтнических населенных пунктов.

Следующим фактором, влияющим на интолерантность в обществе, являются разногласия среди молодежи. Было установлено, что в этих населенных пунктах между молодыми людьми разных этнических групп изредка возникают незначительные разногласия. Некоторые из них происходят в школьной среде. Однако учителя и родители не рассматривают эти разногласия как фактор, подрывающий этнические отношения, они оценивают их как проявление подростковой психологии, в том числе подросткового максимализма. Кроме того, в ходе исследования было выявлено, что даже такие незначительные разногласия не остаются без внимания администрации села, школы и совета старейшин. В случае возникновения любого конфликта или недоразумения администрация села, школы и члены совета старейшин принимают оперативные

меры по их разрешению, проводя разъяснительную и воспитательную работу среди молодежи.

Несмотря на усиление религиозных убеждений среди молодежи, в ходе исследования было выявлено, что проблема употребления алкоголя среди сельского населения, хотя и редко, но все же встречается. По мнению информаторов, отдельные индивиды, употребляющие алкоголь, могут в некоторых случаях затрагивать этнические вопросы. Однако, как показывают результаты исследования, администрация села, аксакалы и активисты предпринимают усилия для решения данной проблемы.

События в Кордай в 2020 году также повлияли на настроение дунганской этнической группы в селе Жалпактобе. Хотя здесь люди исключают вероятности повторения подобных ситуаций, они выражают сожаление по поводу того, что такие события произошли в независимом государстве. Однако в ходе интервью встречались и те, кто отмечал положительное влияние этих событий. По их мнению, в день происшествия произошел процесс межэтнической консолидации и взаимопомощи среди населения, что, в свою очередь, укрепило внутригрупповые и межгрупповые отношения.

Толерантность в моноэтнических населенных пунктах следует рассматривать отдельно на примере сел Каскабулак, Масанчи и Каракемер. Социально-культурные, экономические, исторические и географические особенности трех сел не позволяют рассматривать их в одной категории.

В качестве ареала исследования среди курдской этнической группы было выбрано с. Каскабулак, являющееся моноэтническим населенным пунктом. Согласно данным администрации села на 2022 год, в нем проживает 1188 человек. Расположенное в горной местности Таласского района, с. Каскабулак с 1937 года населено исключительно представителями курдской этнической группы.

Село Каскабулак, находясь на значительном расстоянии из-за своих географических особенностей, взаимодействует с представителями других этнических групп в основном во время работы, учебы или при личных

делах, когда жители отправляются в районный центр — город Каратау. Тот факт, что село расположено в горной местности и между селом и городом отсутствует общественный транспорт, не затрудняет процесс передвижения жителей в город: они имеют возможность приезжать в любое время, когда это необходимо. Таким образом, связь населения с городом осуществляется на ежедневной основе.

Проведенное исследование в данном селе показало, что, несмотря на географическую изоляцию, население не испытывает культурной изоляции. Позитивному проявлению этнической толерантности в данном селе способствуют следующие факторы:

- В селе сформировалось позитивное отношение к межэтническим и межкультурным отношениям. Отсутствие негативного отношения к культурам других этнических групп является характерной чертой местных жителей. Анализ интервью с жителями показал, что изолированное проживание в горной местности привело не к закрытости общества, а, наоборот, к формированию общества, нуждающегося в межкультурных и межкультурных взаимодействиях.

- Между жителями села и соседних населенных пунктов сложились прочные партнерские отношения в сфере предпринимательства. Несмотря на территориальную удаленность от других сел, в Каскабулаке, как и в Жамбылском районе, наблюдается развитие предпринимательских объединений. Предпринимательские сообщества в данном селе выступают одновременно как позитивное проявление этнической толерантности и как фактор, способствующий ее развитию. Исследование показало, что жители села поддерживают дружественные отношения с жителями соседнего моноэтнического села и совместно развивают предпринимательство.

- Как и в случае с курдской этнической группой в селе Гродеково, результаты исследования показали, что политика депортации оказала

существенное влияние на толерантность курдов села Каскабулак. Жители этого села также поделились тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю их предков во время переселения, и выразили благодарность казахскому народу. Из их рассказов следует, что эти события сформировали у курдов позитивное отношение к казахам, которое транслируется из поколения в поколение.

Результаты исследования позволяют охарактеризовать жителей села Каскабулак как этническую группу, открытую для межкультурного и межэтнического диалога. Отсутствие негативного отношения к другим культурам объясняется историческим опытом миграции и адаптации в различных регионах Казахстана. Жители села не замечают проявлений этнической дискриминации, позитивно оценивают отношения с соседями и не разделяют этнических стереотипов. Они выражают поддержку государственной политики и гордятся достижениями Казахстана.

В качестве ареала исследования среди дунганской этнической группы было выбрано с. Масанчи, являющееся моноэтническим населенным пунктом.

Согласно данным администрации села Масанчи на начало января 2021 года, в селе проживает 19 356 человек. Дунгане составляют подавляющее большинство населения — 93% (17 993 человек). Казахи составляют 6,7% (1217 человек), русские — 0,07% (61 человек), кыргызы — 0,03% (42 человека), другие этнические группы — 0,20% (43 человека).

Исследование в селе Масанчи также показало, что межэтнические взаимодействия стали неотъемлемой частью повседневной жизни его жителей. Эти взаимодействия осуществляются в процессе трудовой деятельности, торговли и совместного предпринимательства.

Поскольку с. Масанчи традиционно занималось сельским хозяйством, его жители, с целью развития данной отрасли, установили партнерские отношения с жителями соседних населенных пунктов. Для реализации сельскохозяйственной продукции они также наладили партнерские связи с предпринимателями из различных регионов Казахстана.

Делают совместный бизнес. Вместе скидываются, совместно сажают большие поля, сажают с нашими соседями. Скидывается на совместный бизнес. Скажем, наши откармливают скот, бычков, наши братья казахи покупают их и отвозят в Алматы и продают там.

Д10, 68 л., общественный активист,
Масанчи

Кроме того, было установлено, что в администрацию села, образовательные учреждения привлекаются специалисты из соседних моноэтнических сел. Этот факт является важным фактором, способствующим формированию толерантности среди населения. По мнению респондентов, между коллегами складываются не только деловые, но и дружеские отношения. Они участвуют в семейных праздниках друг друга, разделяют радости и трудности. Представители дунганской этнической группы отметили, что при возникновении трудностей с государственным языком они всегда получают поддержку от казахских коллег и активно совершенствуют свои языковые навыки в процессе общения.

У нас хорошие отношения. Мы просим коллег по работе, чтобы они разговаривали с нами на казахском.

Д8, 27 л., сфера госслужбы,
Масанчи

Исследование показало, что события 2020 года в Кордае оказали существенное влияние на общественное настроение. Однако, различные меры, предпринятые центральными и местными исполнительными органами по улучшению межэтнических отношений и укреплению единства, начали оказывать положительное воздействие на общественное сознание. Усиленное внимание государства к данным вопросам привело к укреплению доверия населения к государственным органам и установлению взаимопонимания между соседними населенными пунктами.

Местное население осознает важность укрепления межэтнических отношений и активно участвует в данном процессе. Ярким примером совместных действий является опыт жителей соседних сел во время январских событий. По словам информантов, жители объединились, установили блокпосты на въездах в село и совместно обеспечивали

охрану. Также они сообща оказывали помощь пострадавшим от землетрясения в Турции. Информанты отметили, что подобные действия способствуют укреплению единства народа.

Во время январских событий, мы построили пост и дежурили, чтобы у нас не было беспорядков. Я считаю, что эти события нас сблизили.

Д10, 68 л., общественный активист,
Масанчи

Информанты также отметили, что в районе начали проводиться мероприятия, направленные на ознакомление населения с различными культурными ценностями. В качестве примера они приводили ярмарку, организованную в центре Кордайского района накануне праздника Наурыза, где гости проявляли большой интерес к культуре, традициям и обычаям дунганского этноса.

Одним из факторов, способствующих укреплению толерантности и развитию межэтнических отношений, информанты назвали смешанные браки. Анализ результатов исследования показал, что в последние годы в практике смешанных браков дунганской этнической группы наблюдаются новые тенденции. Например, если ранее такие браки заключались преимущественно с жителями Карагандинской, Мангистауской и Атырауской областей, то в последнее время все чаще стали заключаться браки с молодежью из близлежащих населенных пунктов. Местные жители связывают брачные связи с жителями Карагандинской, Мангистауской и Атырауской областей с миграцией молодежи в данные регионы для получения образования или работы. Увеличение числа браков с жителями соседних населенных пунктов объясняется притоком специалистов из данных сел в Масанчи.

В целом, жители села Масанчи позитивно относятся к смешанным бракам, считая, что они дают новый импульс межэтническим отношениям и укрепляют дружбу между населением.

Межэтнических браков очень много становится в последние годы. В основном берут из Карагандинской области, с Атырау. Может потому что наши дети там работают, учатся. Это сближает отношения.

Д11, 60 л., общественный деятель,
Масанчи

Помимо смешанных браков, в данном сообществе наблюдается тенденция к возрождению национальных спортивных игр, что также способствует укреплению толерантности и сближению этнических групп. Было установлено, что в этих играх активно участвует молодежь из соседних населенных пунктов.

Для жителей Масанчи вопрос освоения государственного языка является одним из наиболее актуальных. Практически все участники интервью подчеркнули важность владения государственным языком. Результаты исследования свидетельствуют о растущем интересе и спросе на изучение государственного языка, а также о предпринимаемых населением активных шагах в этом направлении. Так, местные жители отмечают рост спроса на языковые курсы, детские сады с государственным языком обучения, казахские классы. Кроме того, обеспеченные родители прибегают к услугам квалифицированных специалистов для обучения государственному языку себя и своих детей.

У меня дочка ходит в казахский садик. Сейчас желающих очень много, они все хотят отдать детей в казахский садик, так как сами не понимают на казахском, хотят, чтобы дети с детства знали.

Д9, 31 г., сфера дошкольного
воспитания, Масанчи

Я не знаю казахского, но нас в школе не учили, я об этом сильно сожалею. Но, сейчас мои внуки знают казахский язык.

Д10, 68 л., общественный активист,
Масанчи

Анализ, направленный на изучение проявлений и факторов, влияющих на межэтническую толерантность в селе Масанчи, выявил в первую очередь положительные факторы, способствующие развитию толерантности. К ним относятся: развитие совместного предпринимательства, формирование межэтнических отношений и совместные мероприятия государственных органов и этнокультурных объединений по развитию межэтнических отношений.

Несмотря на то, что Кордайские события первоначально оказали

негативное влияние на общественное настроение, в настоящее время они воспринимаются как реальность. Население детально анализирует причины и последствия этих событий, осознавая необходимость совместных усилий для развития межэтнических отношений и предотвращения подобных ситуаций в будущем. В этом направлении население активно сотрудничает с государственными органами и этнокультурными объединениями.

Вопрос государственного языка в настоящее время рассматривается дунганским населением как актуальный и требующий скорейшего решения. Об этом свидетельствует растущий спрос на государственные детские сады, классы с государственным языком обучения и квалифицированных специалистов по языкам.

В качестве объекта исследования среди казахов было выбрано с. Каракемер. Оно расположено в непосредственной близости от села Масанчи, разделенного лишь небольшой рекой. Село находится в 59 км от города Кордай.

Согласно данным сельской администрации, по состоянию на январь 2023 года, численность населения села составила 3867 человек, из которых 95,4% (3825 человек) - казахи, 0,3% (10 человек) - русские, 1,9% (61 человек) - узбеки, 2,2% (86 человек) - кыргызы, 0,40% (16 человек) - балкары, 0,2% (8 человек) - дунгане, 0,01% (4 человека) - татары.

Как показывает статистика, преобладающее население этого села составляют казахи. Жители Каракемера ежедневно приезжают в Масанчи на работу, посещают рынки и магазины, приобретают необходимые товары для быта, сельского хозяйства и животноводства. Благодаря этому у жителей Каракемера сложилось определенное мнение о дунганах. Например, они характеризуют дунган как трудолюбивый народ, который с утра до вечера работает в поле. Также жители этого села отмечают особенности воспитания детей в дунганских семьях, подчеркивая, что трудовое воспитание с раннего детства является положительной чертой этого этноса.

Кроме того, в ходе исследования было установлено, что значительная часть жителей Каракемера занимается

совместным бизнесом с представителями дунганской этнической группы. При этом многие отмечают надежность и честность дунган в совместном предпринимательстве.

Мен өзім істеп жатырмын, бір отбасымен. Мен өзім картоп ектім ғой. Бұл кісілер сондайға жақсы ғой. Бұл кісілерге мен бұрын арендаға бердім. Ал қазір енді бірге. Олар өздері ұсынды осы жолы. Сенетін адамдар ғой. Отбасын танымын, әке-шешесін. Жақсы адамдар (перевод: Я сам работаю с дунганами. С одной семьей посадили картошку. Они такие хорошие люди. Раньше я им этот участок сдавал в аренду, а теперь вот вместе работаем. Они сами предложили. Люди надежные, я знаю всю их семью, родителей. Очень хорошие люди).

Кз13, 21 г., предприниматель, Каракемер

Исследование показало, что, несмотря на преобладание казахов в селе Каракемер, местные жители вступают в межэтнические браки, женившись на девушках из дунганской этнической группы. Однако, согласно результатам исследования, такие браки чаще заключаются не с жителями соседнего села Масанчи, а с представителями дунганской этнической группы из других сел Кордайского района. В целом, в обществе сложилось положительное отношение к подобным бракам. Жители верят, что межэтнические браки способствуют развитию межэтнических отношений и поддерживают их.

Исследование показало, что Кордайские события также оказали влияние на настроение жителей Каракемера. Они характеризовали эти события как негативное явление для межэтнических отношений и выразили сожаление по поводу того, что подобное произошло в соседних населенных пунктах. Однако, среди участников исследования были и те, кто отметил отсутствие этнической дистанции и значительных изменений в общественном сознании между двумя соседними селами, несмотря на произошедшие события. По их мнению, торговые отношения между двумя населенными пунктами не прервались, между жителями не возникло вражды и розни. В качестве доказательства жители приводили тот факт, что жители обоих сел

могут свободно посещать друг друга и занимаются торговлей.

Мал сатамыз, олар алады. Ортамызда сауда-саттық болады ары-бері. Енді тыныш. Ал, енді «өшпенділік деген жоқ» деп ойлаймын өзімше. Неге десеңіз біз оларға кіріп-шығып, олар бізде жүреді. Мысалы, ауылдың ішін аралайды, мысалы, машиналарына көксөптерін салып, сигнал беріп жүреді. Көксөп алыңыздар дегендей. Мысалы, өшпенділік болса, ұрып кетер еді ғой. Мысалы мен мал қараймын, олар соғым сатып алады (перевод: Мы продаем скот, они покупают. Между нами идет торговля, обмен товарами. Сейчас все спокойно. Я считаю, что никакой вражды нет. Почему? Потому что мы ходим друг к другу в гости, они ходят к нам. Например, они ездят по селу, грузят зелень в машины и сигналият, предлагая купить. Если бы была вражда, они бы, подверглись нападению. Например, я пасу скот, а они покупают у меня согым).

Кз10, 34 г., самозанятый, Каракемер

Исследование показало, что жители села активно поддерживают все инициативы местных властей, общественных организаций и сельских активистов, направленные на развитие межэтнических отношений и повышение толерантности.

Обсуждение результатов и заключение

Резюмируя межэтнические отношения в Жамбылской области в контексте толерантности и межкультурных взаимоотношений, можно сказать, что проявления толерантности и ее факторы в Жамбылской области в первую очередь зависят от этнического состава населенных пунктов. Kasara [4, с. 923], изучая особенности совместной и раздельной жизни различных культур в населенных пунктах, исследовал уровень доверия между ними и измерял таким образом толерантность между этническими группами. По его мнению, в населенных пунктах с различным этническим составом люди больше доверяют друг другу, а в местах сегрегации уровень доверия и, соответственно, толерантности ниже. Результаты полевых исследований подтверждают выводы Kasara [4], поскольку в полиэтнических

населенных пунктах Жамбылской области факторы толерантности проявляются в большей степени, а негативных факторов, характерных для моноэтнических населенных пунктов, меньше. В полиэтнических населенных пунктах люди доверяют друг другу, что проявляется как в важных вопросах жизни, таких как вступление в брак и в повседневных ситуациях, как открытые двери и т.д.

Проживание в полиэтнической среде способствует развитию межэтнических связей [8], а межэтнические связи, в свою очередь, способствуют формированию толерантной среды. Развитые этнические связи, выявленные в полиэтнических населенных пунктах, могут быть объяснены теорией Thomsen. Согласно этой теории, межэтнические связи снижают восприятие других как угрозы и повышают толерантность между индивидами [9, с. 160]. В Жамбылском районе установлены межкультурные связи через совместный бизнес, взаимопомощь и поддержку, дружбу между семьями, заключение межэтнических браков, организацию государственных и религиозных праздников, проведение различных мероприятий, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии положительной толерантности в этом регионе. Межкультурные связи в моноэтнических населенных пунктах не так выражены, как в полиэтнических. В этих населенных пунктах люди компактно проживают в соответствии с этническим происхождением, поэтому они в основном устанавливают трудовые и предпринимательские отношения, а развитие близких отношений встречается реже. В ходе исследования было выявлено наличие межэтнических браков в селах Масанчи и Каракемер, однако роль этих браков в установлении тесных связей не была определена.

Matthews L. и Wilson L. [10, с. 55] обнаружили связь между участием в совместных праздниках и такими явлениями, как межэтнические браки, дружба и толерантность. Эти связи более характерны для полиэтнических населенных пунктов, в то время как в моноэтнических они встречаются реже. В селе Масанчи межэтнические браки ранее заключались с жителями других регионов, однако в настоящее время наблюдается тенденция к заключению подобных браков

с жителями соседних населенных пунктов. Тем не менее, влияние этого процесса на межэтнические отношения, включая уровень толерантности, пока не было точно установлено.

Hindriks, Verkuyten и Coenders [11, с. 56] утверждают, что если люди сильно идентифицируют себя со своей религиозной группой, то можно ожидать, что они будут с уважением относиться к группам с аналогичными взглядами. Результаты исследования показали, что одним из факторов, способствующих формированию толерантной среды в полиэтнических населенных пунктах Жамбылской области, является роль религиозных институтов.

Kasara [4] в своей работе ссылается на исследование Bowyer [12], который показал, что белые американцы, проживающие в районах с большой концентрацией бангладешцев, демонстрируют более высокую степень нетерпимости, чем те, кто живет по соседству с афроамериканцами, несмотря на существующие стереотипы в отношении последних. Kasara [4] объясняет этот факт влиянием локального исторического и политического контекста и подчеркивает важность учета этих факторов при изучении толерантности.

В исследовании также была выявлена связь между толерантностью и историческим опытом этнических групп в регионе. Курды в Казахстане являются этнической группой, сформировавшейся в результате политической депортации. Согласно интервью с представителями данной группы, условия их переселения в Казахстан и отношение к ним местного населения сохранились в их исторической памяти. Результаты исследования показали, что курды являются одной из наиболее толерантных групп в Жамбылской области. Они с благодарностью вспоминают о поддержке, которую оказали им казахи в период их переселения. Исходя из этого, можно сделать вывод, что позитивное восприятие общества и трансляция положительного исторического опыта могут стать важнейшей основой для формирования толерантной среды.

Толерантность рассматривается как признак высокого духовного и интеллектуального развития личности, групп и общества в целом [13, с. 132].

Результаты исследования демонстрируют, что толерантность населения Жамбылской области зависит от множества факторов. Если на позитивное проявление толерантности влияют особенности расселения населения, межэтнические связи и коммуникации в обществе, то на развитие интолерантности, помимо слабых межэтнических связей и коммуникаций, влияют и языковые различия. На формирование толерантности большое влияние оказывают история этносов, многолетний опыт совместного проживания, историческая память и ее проявление в локальных сообществах. Важную роль в этом процессе играет и государственное управление, которое способствует поддержанию межэтнического мира и гармонии через разработку и внедрение эффективных политик, направленных на укрепление взаимопонимания и сотрудничества между различными этническими группами.

Опыт полевых исследований показал, что при изучении толерантности в различных этнических населенных пунктах необходимо проводить детальный анализ нарративов и поведения людей. В случае с казахами и дунганями Кордайского района необходимо учитывать не только многолетний опыт их взаимодействия, но и последствия Кордайских событий, что требует внимательного подхода со стороны властей для предотвращения дальнейших вопросов и развития долгосрочной социальной стабильности.

В мировой науке и практике толерантность трактуется по-разному. Классическое определение толерантности подразумевает пассивное принятие других и готовность мириться с их отличиями. Согласно неоклассическому определению, толерантность предполагает признание равенства всех людей, их идей и поведения [14, с. 265].

Толерантность населения в моноэтнических населенных пунктах Жамбылской области больше раскрывается в классическом понимании, в котором население не переступает границы допустимых норм для сохранения толерантной среды, но строящих большие надежды на межкультурную интеграцию. В полиэтнических сообществах толерантность можно описать в соответствии с неоклассической

интерпретацией, где существует понимание о равенстве людей, отличающихся в культурном отношении, а также признание их разнообразного образа жизни, традиций, обычаев, идей, верований и т.д.

В заключении следует отметить, что создание условий для развития интеркультурной среды, которая включает в себя межкультурный диалог, гибкость единства и идентичности, взаимодействие, взаимное уважение, понимание, социальную интеграцию, приверженность общим ценностям, позицию межкультурной гражданственности, плюралистическое мышление, выражающее чувствительность к этнокультурному разнообразию и неприятию любой дискриминации по признаку различий, в Жамбылской области необходимо усилить работу по повышению толерантности среди населения, с учетом вышеуказанных факторов и триггеров.

Наконец, стоит отметить важность развития этнопсихологической и этнополитической наук, которые в совокупности с этносоциологической наукой позволят проанализировать и понять даже самые чувствительные вопросы этносов Казахстана.

Источник финансирования исследования

Проект AP14972677 «Интеркультурализм и толерантность в полиэтническом Казахстане в условиях глобализации и новых миграционных вызовов» реализован в рамках гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на финансирование исследований молодых ученых «Жас ғалым».

Список литературы

1. Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 2022 года № 1014 «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 годы» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014> (Дата обращения: 15.09.2022)
2. Выступление Главы государства К.К. Токаева на XXXII сессии Ассамблеи народа Казахстана «Справедливый Казахстан: единство, стабильность, развитие» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-xxxii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-edinstvo-stabilnost-razvitie-273234> (Дата обращения: 15.09.2022)
3. Morse J. M. Approaches to qualitative-quantitative methodological triangulation // *Nursing Research*. – 1991. №40(1). - P. 120–123
4. Kasara K. Separate and Suspicious: Local Social and Political Context and Ethnic Tolerance in Kenya // *The Journal of Politics*, - 5(4). - 2013. - P. 921–936
5. Социологические измерения этнополитики в Казахстане. Методическое пособие / Нур-Султан: Институт прикладных этнополитических исследований, 2021. – С. 81
6. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/ пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. — М.: Логос, 2007. — С. 168
7. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2023 года. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/spreadsheets/?year=2022&name=18633&period=&type=> (Дата обращения: 15.09.2022)
8. Blau Peter M. Structural Contexts of Opportunities. - Chicago: University of Chicago Press, 1994
9. Frølund Thomsen J. P. How does Intergroup Contact Generate Ethnic Tolerance? The Contact Hypothesis in a Scandinavian Context // *Scandinavian Political Studies*, - 35(2). - 2012. - P. 159–178
10. Matthews L., Wilson L. Ethnic tolerance in urban Guyana: a conceptual and empirical analysis // *International Review of Modern Sociology*, - 29(1). – 1999. - P. 55– 75
11. Hindriks P., Coenders M. & Verkuyten, M. Interethnic attitudes among minority groups: the role of identity, contact, and multiculturalism // *Social Psychology Quarterly*, - vol. 77, no. 1. - 2014. - P. 54–74
12. Bowyer Benjamin T. The Contextual Determinants of Whites Racial Attitudes in England // *British Journal of Political Science*, - №39 (03). – 2009. - P. 559–86
13. Машанов А. А. Толерантность и межэтническая толерантность / А. А. Машанов // *Современные вызовы и психологические ресурсы: колл. монограф.* - Ульяновск: Зебра, 2021. - С. 132–161
14. Korol L. D. Is the Association Between Multicultural Personality and Ethnic Tolerance Explained by Cross-Group Friendship? // *The Journal of General Psychology*, - 144(4). – 2017. – P. 264–282

References

1. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 15 sentjabrja 2022 goda № 1014 «Ob utverzhdenii Konceptii razvitija Assamblei naroda Kazahstana na 2022-2026 gody»

- [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan about on approval of the Concept of Development of the Assembly of People of Kazakhstan for 2022-2026 dated September 2022, 15 No. 1014] [Electronic resource] - URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2200001014> (Data obrashcheniya: 15.09.2022) (In Rus.)
2. Vystuplenie Glavy gosudarstva K.K. Tokaeva na XXXII sessii Assamblei naroda Kazakhstana «Spravedlivyj Kazahstan: edinstvo, stabil'nost', razvitie» [Speech by the Head of State K.K. Tokayev at the XXXII session of the Assembly of People of Kazakhstan "Fair Kazakhstan: unity, stability, development"] [Electronic source] - URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-xxxii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-edinstvo-stabilnost-razvitie-273234> (Data obrashcheniya: 15.09.2022) (In Rus.)
 3. Morse J. M. Approaches to qualitative-quantitative methodological triangulation // *Nursing Research*. – 1991. №40(1). - P. 120–123
 4. Kasara K. Separate and Suspicious: Local Social and Political Context and Ethnic Tolerance in Kenya // *The Journal of Politics*, - 5(4). - 2013. - P. 921–936
 5. Sociologicheskie izmereniya ehtnopolitiki v Kazakhstane. Metodicheskoe posobie [Sociological dimensions of ethnopolitics in Kazakhstan. Methodical manual] / Nur-Sultan: Institut prikladnykh ehtnopoliticheskikh issledovaniy, 2021. – S. 81
 6. Shtompka P. Vizual'naya sociologiya. Fotografija kak metod issledovaniya: uchebnik/ per. s pol'sk. [Visual sociology. Photography as a research method: textbook/ translated from Polish] N.V. Morozovoj, avt. vstup. st. N.E. Pokrovskij. — M.: Logos, 2007. — C. 168
 7. Chislennost' naselenija Respubliki Kazahstan po otdel'nyh jetnosam na nachalo 2023 goda. Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan [The population of the Republic of Kazakhstan by individual ethnic groups at the beginning of 2023. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan] [Electronic resource] - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/spreadsheets/?year=2022&name=18633&period=&type=> (Data obrashcheniya: 15.09.2022) (In Rus.)
 8. Blau Peter M. Structural Contexts of Opportunities. - Chicago: University of Chicago Press, 1994
 9. Frølund Thomsen J. P. How does Intergroup Contact Generate Ethnic Tolerance? The Contact Hypothesis in a Scandinavian Context // *Scandinavian Political Studies*, - 35(2). - 2012. - P. 159–178
 10. Matthews L., Wilson L. Ethnic tolerance in urban Guyana: a conceptual and empirical analysis // *International Review of Modern Sociology*, - 29(1). – 1999. - P. 55– 75
 11. Hindriks P., Coenders M. & Verkuyten, M. Interethnic attitudes among minority groups: the role of identity, contact, and multiculturalism // *Social Psychology Quarterly*, - vol. 77, no. 1. - 2014. - P. 54–74
 12. Bowyer Benjamin T. The Contextual Determinants of Whites Racial Attitudes in England // *British Journal of Political Science*, - №39 (03). – 2009. - P. 559–86
 13. Mashanov A. A. Tolerantnost' i mezhehtnicheskaya tolerantnost' / A. A. Mashanov // *Sovremennye vyzovy i psikhologicheskie resursy: koll. monograf.* [Tolerance and interethnic tolerance / A. A. Mashanov // *Modern challenges and psychological resources: coll. monograph.*] - Ul'yanovsk: Zebra, 2021. - S. 132–161
 14. Korol L. D. Is the Association Between Multicultural Personality and Ethnic Tolerance Explained by Cross-Group Friendship? // *The Journal of General Psychology*, - 144(4). – 2017. – P. 264–282

**ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭТНИКАЛЫҚ ТОЛЕРАНТТЫЛЫҚ ЖӘНЕ ИНТЕРМӘДЕНИ ОРТАНЫҢ
ДАМУ ПЕРСПЕКТИВАСЫ (ЖАМБЫЛ ОБЛЫСЫНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ
ТӘЖІРИБЕСІ)**

Кайратбек ДЖАМАНГУЛОВ, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, Қырғыз Республикасы Ұлттық Ғылым академиясының әлеуметтік зерттеулер орталығы, Бішкек, Қырғызстан, kdzhamangulov@gmail.com, ORCID <https://orcid.org/0009-0009-3108-4466>

Жанар НАҚЫПБАЕВА*, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің әлеуметтану кафедрасының постдокторанты, Астана, Қазақстан, zhan.n.a@yandex.kz, ORCID 0000-0003-3422-841X

**ETHNIC TOLERANCE AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT INTERCULTURAL
ENVIRONMENT IN KAZAKHSTAN (THE PUBLIC ADMINISTRATION EXPERIENCE IN THE
ZHAMBYL REGION)**

Kairatbek DZHAMANGULOV, Center for Social Research of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Candidate of Sociological Sciences, Bishkek, Kyrgyzstan, kdzhamangulov@gmail.com, ORCID <https://orcid.org/0009-0009-3108-4466>

Zhanar NAKIPBAYEVA*, Postdoctoral fellow of the Department of Sociology of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, zhan.n.a@yandex.kz, ORCID 0000-0003-3422-841X

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

**Максат
АРГЫНБЕКОВ***

докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан, tax19870512@mail.ru,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4348-2006>

**Алтай
ЗЕЙНЕЛЬГАБДИН**

доктор экономических наук, профессор Академии государственного управления при Президенте РК, г.Астана, Казахстан, a.zeinelgabdin@apa.kz, H-index- 2, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1103-0550>, Scopus Author ID: 57218620273

Дата поступления рукописи в редакцию: 10/05/2024

Доработано: 16/10/2024

Принято: 17/10/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1242

УДК 338.48

МРНТИ 06.01.05

Аннотация. Последние несколько лет Правительство Республики Казахстана активно продвигает новое для Казахстана направление под названием креативная индустрия или креативная экономика. Рассмотрение вопроса развития креативной индустрии в повестке дня Правительства Казахстана означает, что страна пытается, отойти от сырьевой экономики и построить индустриальную экономику.

Целью данной статьи является определение применимости универсальной Дорожной карты ЮНЕСКО по развитию креативной экономики. Анализ показал что рекомендаций ЮНЕСКО применимы в условиях развития экономики Республики Казахстан и помогает структурировать креативную индустрию страны, определять слабые и сильные стороны развития, а также представить рекомендаций. Данный вопрос был рассмотрен через призму рекомендаций ЮНЕСКО, которая состоит из трех политических действий.

Эта статья разделена на три раздела. В первом разделе излагается теоретическая основа этого исследования. Руководство ЮНЕСКО по политическим действиям для создания креативной экономики, помогла нам структурировать наш анализ. Во втором разделе через призму Руководства ЮНЕСКО мы рассмотрели потенциал Республики Казахстан в креативной экономике. Последни раздел заканчивается рекомендациями по созданию креативной экономики в будущем.

Ключевые слова: креативная индустрия, государственная поддержка, налоговые льготы, креативная экономика, культурная политика.

Аңдатпа. Соңғы жылдары Қазақстан Республикасының Үкіметі Қазақстан үшін креативті индустрия немесе креативті экономика деп аталатын жаңа бағытты белсенді түрде ілгерілетуде. Қазақстан Үкіметінің күн тәртібінде креативті индустрияларды дамыту мәселесін қарау елдің шикізат экономикасынан алыстап, индустриялық экономика құруға тырысып жатқанын білдіреді.

Бұл мақаланың мақсаты ол креативті экономиканы дамыту бойынша ЮНЕСКО-ның әмбебап жол картасының қолданылуын анықтау. Талдау көрсеткендей, ЮНЕСКО ұсынымдары Қазақстан Республикасының экономикасын дамыту жағдайында қолданылады және елдің креативті индустриясын құрылымдауға, дамудың әлсіз және күшті жақтарын анықтауға, сондай-ақ ұсынымдарды ұсынуға көмектеседі. Бұл мәселе үш саяси әрекеттен тұратын ЮНЕСКО ұсынымдарының призмасы арқылы қаралды.

Бұл мақала үш бөлімге бөлінген. Бірінші бөлімде осы зерттеудің теориялық негізі көрсетілген. Шығармашылық экономиканы құру үшін ЮНЕСКО-ның саяси іс-қимыл жөніндегі нұсқаулығы талдауымызды құрылымдауға көмектесті. Екінші бөлімде ЮНЕСКО басшылығының призмасы арқылы біз Қазақстан Республикасының креативті экономикадағы әлеуетін қарастырдық. Соңғы бөлім болашақта креативті экономика құру бойынша ұсыныстармен аяқталады.

Түйін сөздер: креативті индустрия, мемлекеттік қолдау, салықтық жеңілдіктер, креативті экономика, мәдениет саясаты.

Abstract. Over the past few years, the Government of the Republic of Kazakhstan has been actively promoting a new direction for Kazakhstan called the creative industry or creative economy. Considering the issue of the development of creative industries on the agenda of the Government of Kazakhstan means that the country is trying to move away from the raw material economy and build an industrial economy.

* Автор для корреспонденции: М. Аргынбеков, tax19870512@mail.ru

The purpose of this article is to identify the prerequisites for the development of the creative economy in Kazakhstan. The purpose of this article is to determine the applicability of the UNESCO universal Roadmap for the development of the creative economy. The analysis showed that the UNESCO recommendations are applicable in the context of the development of the economy of the Republic of Kazakhstan and helps to structure the country's creative industry, identify weaknesses and strengths of development, as well as provide recommendations.

This article is divided into three sections. The first section outlines the theoretical basis of this study. UNESCO's Guide to Political Action to Create a Creative Economy helped us structure our analysis. In the second section, through the prism of the UNESCO Leadership, we considered the potential of the Republic of Kazakhstan in the creative economy. The last section ends with recommendations for creating a creative economy in the future.

Keywords: creative industry, government support, tax benefits, creative economy, arts policy.

Введение

Креативная индустрия охватывает экономическую сферу, связанную с производством и распространением культурного и творческого контента, включая кино, музыку, литературу, телевидение, радио, видеоигры, дизайн, архитектуру, искусство и театр. Обсуждение роли культурных и креативных индустрий в социально-экономическом развитии находится в центре дискуссий как среди ученых, так и политических деятелей. [1]. Например, Организация Объединённых Наций акцентирует внимание на креативной экономике в контексте необходимости нахождения творческих решений для решения глобальных проблем и утверждает, что креативная экономика вносит разносторонний вклад в достижение Целей устойчивого развития [2]. Этот сектор становится все более значимым в мировой экономике благодаря быстрому прогрессу цифровых технологий и расширению доступа к культурным и творческим продуктам через интернет и мобильные устройства [3].

Мировой экспорт товаров культурной сферы возрос с 419 миллионов долларов США в 2010 году до 524 миллионов долларов США в 2020 году, а экспорт креативных услуг вырос за тот же период с 487 миллиардов до почти 1,1 триллиона долларов США [2].

Республика Казахстан как и все другие развивающиеся страны пытаются отойти от сырьевой экономики и развивать индустриальную экономику. В своем Послании народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев от 1 сентября 2023 года особо отмечает, что «Мы должны создать все условия для масштабного развития креативной экономики в нашей стране. В том числе

правовыми инструментами защитить интеллектуальную собственность. Это принципиально важный момент. Интеллектуальная собственность – такое же имущество, как оборудование или технологии»[4].

Согласно данным, Министерства национальной экономики Республики Казахстан на сегодняшний день в креативных индустриях занято 95 тысяч человек, объем инвестиций в основной капитал составляет 33,3 млрд тенге, а количество действующих предприятий насчитывает 32 тысячи. Вклад креативных индустрий в экономику Казахстана составляет примерно 2,7% от ВВП [5]. Определение культурных и креативных индустрий остается предметом обсуждений среди ученых, и до сих пор нет единого мнения о том, какие именно отрасли должны входить в культурный сектор экономики. Кроме того, для эффективного формирования политики необходимо систематическое понимание структуры культурной экономики и того, как ее различные элементы взаимодействуют между собой [6]. Креативные товары и услуги занимают значимое место в современной экономике, способствуя повышению конкурентоспособности компаний и их выделению на рынке. Создание таких товаров и услуг требует инновационного и творческого подхода, гибкости и персонализированного взаимодействия с каждым клиентом. Только так можно разработать уникальные и эффективные продукты, которые привлекут внимание потребителей, удовлетворят их потребности и обеспечат бизнесу конкурентное преимущество.

Креативный товар - это продукт, который выделяется своей уникальностью, оригинальным дизайном, формой, функциональностью или другими отличительными свойствами [7]. Такие товары могут быть созданы вручную или с использованием современных технологий.

Креативные изделия могут служить как элементами декора, так и повседневными предметами, будь то одежда, аксессуары, игрушки или бытовые вещи. Они могут быть изготовлены из различных материалов, включая дерево, металл, керамику, текстиль и другие. Креативные товары ценятся выше обычных благодаря своей оригинальности. Они могут стать отличным подарком, дополнением интерьера или использоваться в повседневной жизни. Креативные услуги, в свою очередь, представляют собой услуги, отличающиеся нестандартным подходом и оригинальностью [7]. Они могут охватывать различные области, такие как дизайн, маркетинг, разработка программного обеспечения и многое другое. Креативная индустрия пока не признана и не определена как отдельный сектор ни в национальных планах развития, ни в международных стандартах сбора и анализа статистических данных. Отсутствие международных стандартов для сбора данных по культурным отраслям создает значительные препятствия для правительств, стремящихся отслеживать экономическое и социальное влияние креативных индустрий. Первые шаги по определению креативности экономики сделал в 2002 году известный американский социолог и экономист Ричард Флорид своей научно-популярной книгой «The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life» [8]. Он оценил вклад креативных индустрий в региональное развитие с помощью Индекса креативности, который включает три основных компонента: креативный класс (талант), толерантность и высокие технологии (3Т).

В 1998 году Департамент культуры, медиа и спорта Великобритании внедрил термин «картирование» («mapping») в методологию оценки экономической значимости креативных индустрий [9]. Главной целью этой методологии является определение текущего состояния, структуры и динамики творческих индустрий на местном и региональном уровнях [10].

В 2007 году ЮНЕСКО представило исследование под названием «Статистика по отраслям культуры: основа для разработки национальных проектов по наращиванию потенциала», в котором была разработана методология сбора и

анализа данных, способствующая стимулированию и отслеживанию роста в креативных индустриях [11].

Вместе с тем, в честь объявления 2021 года годом креативной экономики ЮНЕСКО разработало единую универсальную дорожную карту для развития креативной экономики. Дорожная карта состоит из трех политических действий, которые необходимо реализовать.

Учитывая пробелы отсутствия международных стандартов для сбора данных по культурным отраслям, целью данной статьи является определение применимости универсальной Дорожной карты ЮНЕСКО по развитию креативной экономики. Анализ показал что рекомендаций ЮНЕСКО применимы в условиях развития экономики Республики Казахстан и помогает структурировать креативную индустрию страны, определять слабые и сильные стороны развития, а также представить рекомендаций.

Материалы и методы

В данной статье теоретической основой использовалась Руководство ЮНЕСКО по политическим действиям для создания креативной экономики. Это дало возможность нам понять и структурировать процесс и попытки Правительства Казахстана развития сектора креативной экономики. В анализе использовали качественный метод и различные официальные и неофициальные первоисточники, включая новостные репортажи из средств массовой информации, правительственные документы и статьи, написанные экспертами.

Развитие креативной индустрии было рассмотрено через призму Руководство ЮНЕСКО [12]. В свою очередь, данное Руководство основано на Модели концентрических кругов в индустрии культуры Дэвида Сросби (David Throsby) [6].

Модель концентрических кругов основывается на предположении, что культурное содержание возникает благодаря включению творческих идей в процесс производства или представления звука, текста и изображения, причем эти идеи берут начало в областях первичного художественного творчества. Эта модель

отдаёт приоритет художественным, а не научным, процессам, что объясняет, почему творческие искусства — такие как музыка, драма, танец, изобразительное искусство и литература — находятся в центре модели.

Руководство ЮНЕСКО состоит из трех политических действий. Каждое политическое действие состоит из трех действий, которые нужно реализовать: Пересмотр статуса артистов и работников культуры, которое включает их социальную защиту и художественную свободу; Создание благоприятных условий для устойчивого развития; Адаптация культурной политики к вызовам и возможностям цифровой трансформации. В данной работе проанализированы меры, принятые в республике по вышеуказанным политическим действиям.

Результаты

Первое политическое действие 1: Пересмотр статуса артистов и работников культуры

1.1 Статус артиста

Статус артиста очень важен для его творческой личности и социальная защита артиста дает им основу для создания креативного продукта. В этой связи, Правительство Республики Казахстан Законом Республики Казахстан «О культуре» пп.5 ст.1 определил статус работников культуры «работник культуры - физическое лицо, профессиональная деятельность которого связана с сохранением, развитием, распространением, использованием культурных ценностей и приобщением к ним граждан» [13].

Данный статус позволяет работнику культуры пользоваться теми или иными привилегиями. Например, законом «О государственных наградах Республики Казахстан» творческим деятелям присваиваются почетные звания «Қазақстанның халық әртісі» (Заслуженный артист Казахстана) и «Қазақстанның халық жазушысы» (Народный писатель Казахстана) [14]. Согласно постановлению правительства «О системе оплаты труда гражданских служащих, работников организаций, содержащихся за счет средств государственного бюджета, работников казенных предприятий», размер надбавки за почетное звание

«Народный артист» равен 100% от базового должностного оклада (БДО) [15]. БДО – это минимальный размер заработной платы, используемый для определения размера должностных окладов и тарифных ставок бюджетных работников. Он равен 17 697 тенге на 2024 год [16]. То есть, статус артиста четко определен законом и есть мотивирующие предпосылки для развития творческой деятельности.

1.2 Социальная защита артистов и работников культуры

Один из механизмов реализации справедливой социальной политики - это система социальной защиты населения, представляющая собой совокупность законодательно установленных экономических, социальных и юридических гарантий, которые обеспечивают соблюдение основных социальных прав и достижение приемлемого уровня жизни граждан [17]. Она представляет собой общественные отношения между индивидом и государством, государством и обществом, направленные на предотвращение и компенсацию последствий социальных рисков, а также на поддержание жизнедеятельности и воспроизводства населения. Таким образом, система социальной защиты обеспечивает реализацию социальных гарантий для граждан. Например, в случае потери трудоспособности по разным причинам (например, несчастный случай, старость, болезни, безработица) и, как следствие, потери дохода, общество и государство обеспечивают работнику определенный уровень дохода, что позволяет поддерживать необходимый уровень жизни. Согласно статье 9 Социального Кодекса Республики Казахстан «Обеспечение минимальными социальными стандартами в сферах труда, социального обеспечения, образования, семьи и детей, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, оказания гарантированной государством юридической помощи осуществляется в соответствии с Законом Республики Казахстан «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях» [18].

Законом «О культуре» статьей 15 предусмотрено социальная защита творческих работников и работников культуры. Данная статья обеспечивает

работников культуры страхованием жизни от вредной работы, повышенным риском и угрозой профессиональных заболеваний [13].

Также, законом «О культуре» предусмотрена государственная стипендия в области культуры для особо одаренных молодых творческих работников [13]. Согласно Правилам присуждения государственной стипендии в области культуры лица, которые имеют право на соискание это: имеющие государственные награды Республики Казахстан, народного артиста, народного художника, почетные звания народного писателя, заслуженный деятель Казахстана или являющиеся лауреатами государственной премии в области литературы и искусства, международных и республиканских конкурсов, фестивалей и выставок [19]. Вместе с тем, в законе «О культуре» предусмотрена норма о государственной социальной поддержке артистов организаций культуры со специфической особенностью профессии. К таким профессиям отнесены только артисты балета. Учитывая, что у артистов балета карьера начинается и заканчивается очень рано, правительство Казахстана осуществляет социальную поддержку артистам им в виде специальных ежемесячных денежных выплат в размере шестидесяти процентов от среднемесячной заработной платы артиста балета за последние три года [13]. Такая помощь осуществляется им до выхода на пенсию. На такую выплату имеют право только те артисты у кого есть стаж 20 лет. Необходимо отметить, что данная мера охватывает не все профессий, которые должны получать аналогичную помощь от государства это: работники цирка, духовики с оркестров, танцоры. Такая политика, конечно, очень поощряется людьми искусства, однако вызывает большой резонанс среди представителей других отраслей. Они предлагают справедливую социальную политику, и переобучить представителей балета для рынка труда, не создавая иждивенческое настроение среди работников культуры.

1.3 Художественная свобода

Свобода личности является фундаментом современных обществ, а свобода выражения мнений считается одним из ключевых прав в любой

либеральной демократии. Ранее правовая защита свободы выражения мнений была сосредоточена на политической речи и печати, но сегодня она охватывает широкий спектр форм выражения, включая устные и письменные слова, изображения, звуки, мимику, жесты, действия, а также воздержание от выражения мнений. Искусство, с другой стороны, остается одной из самых значимых и в то же время наиболее сложно определяемых ценностей современного общества. Существуют многочисленные описания и попытки сформулировать суть искусства в одном предложении, однако общепринятого определения до сих пор не существует [20].

Согласно Всемирному индексу свободы прессы (WPI), Казахстан опустился в мировом рейтинге с 122-го на 134-е место. Рейтинг, составляемый организацией RSF на основе данных из 180 стран, формируется по результатам опросов экспертов и оценивает ситуацию по пяти критериям: политический, экономический, социокультурный контексты, правовая основа и безопасность. За год индекс WPI для Казахстана снизился с 48,28 до 45,87 баллов из 100 возможных, что свидетельствует об ухудшении ситуации [21].

В Казахском законодательстве, в частности, в законе «О культуре» не существует определения «художественная свобода». Статьей 3 Закона «О культуре» обеспечены принципы государственной политики в области культуры и одним из принципов деятельности в обеспечение прав и свобод граждан Республики Казахстан в области культуры [13].

Задачи государства в области культуры, согласно закону, это обеспечение реализации прав граждан на охрану и развитие национальной и культурной самобытности, включая свободу участия в национально-культурных объединениях, создание организаций культуры, участие в расширении культурных связей с соотечественниками за рубежом в соответствии с законами Республики Казахстан.

Театры и цирки свободны в выборе художественных направлений, репертуара, принятии решения о создании, публичном исполнении и (или) публичном показе

театральных постановок, а также осуществлении иной деятельности, необходимой для эффективного творческого и производственного развития, не противоречащей законам Республики Казахстан.

Политическое действие 2: Создание благоприятных условий для устойчивого развития

2.1 Сбор данных.

В Республике Казахстан сбором данных занимается Бюро национальной статистики, подведомственное Агентству по стратегическому планированию и реформам. Его задачей является разработка методологии, проведение статистических исследований в соответствии с принципами государственной статистики, а также удовлетворение запросов общества, государства и международного сообщества по официальной статистической информации.

Надежная и своевременная статистическая информация об отрасли необходима для мониторинга экономического развития любой сферы, включая креативные индустрии, а также для разработки стратегий, политики и программ, направленных на устойчивое развитие этой отрасли.

В ходе исследования выяснилось, что Бюро национальной статистики не готовит отчеты по креативной индустрии. Оно только готовит отчеты по отраслям и исследователям для анализа необходимо вручную делать выборку по общему классификатору видов экономической деятельности.

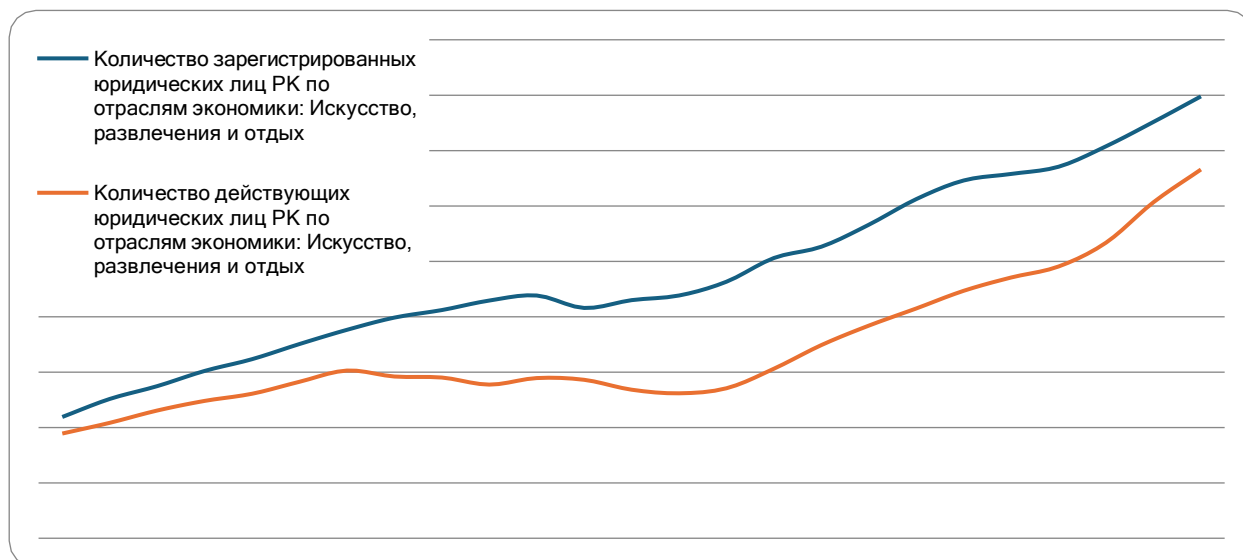
В этой связи, Правительству в целях развития и принятия правильного решения по креативной индустрии необходимо разработать методологию по изучению отрасли и использования статистических данных. Также, подготавливать аналитически отчет на ежеквартальной

основе. Данная мера, позволит сэкономить бюджет, выделенный государственным заказом на исследование креативной индустрий.

Так, например, Институтом экономического исследования при поддержке АО «Национальный управляющий холдинг «Байтерек», была подготовлена аналитическая статья на основе исследования Министерства национальной экономики Республики Казахстан [22]. Согласно данным исследования с 2010 по 2020 годы объем государственного финансирования креативных индустрий составил 18,2 млрд тенге, включая субсидии по ставкам вознаграждения по займам и гарантирование кредитов. Большую часть этой поддержки, почти 97%, получили четыре основных сегмента: искусство, образование, кино и телевидение, а также издательское дело и журналистика. В то время такие отрасли как Big data, IT, перевод, архитектура, маркетинг и коммуникации, которые демонстрируют более высокие темпы роста и приносят значительный доход бюджету, получают всего лишь немногим более 3%. Креативные предприятия в этих сферах получают в 5 раз меньше финансовой поддержки от государства, чем предприятия МСБ в других отраслях. В результате существующая система поддержки пренебрегает потенциально перспективными направлениями, которые могли бы приносить более высокий экономический эффект.

Если анализировать сферу культуры, согласно статистическим данным Бюро национальной статистике РК на 1 января 2023 года в Республике Казахстан действовало: 3924 общедоступных библиотек, 369 культурно-досуговых организаций, 275 музеев, 230 парков развлечений и отдыха, 113 кинотеатров, 74 театра, 43 концертные организации, 11 зоопарков и 3 цирка [23].

Количество зарегистрированных и действующих юридических лиц РК по отраслям экономики: Искусство, развлечения и отдых (Рисунок 1).

Источник: составлено на основании источника [24].

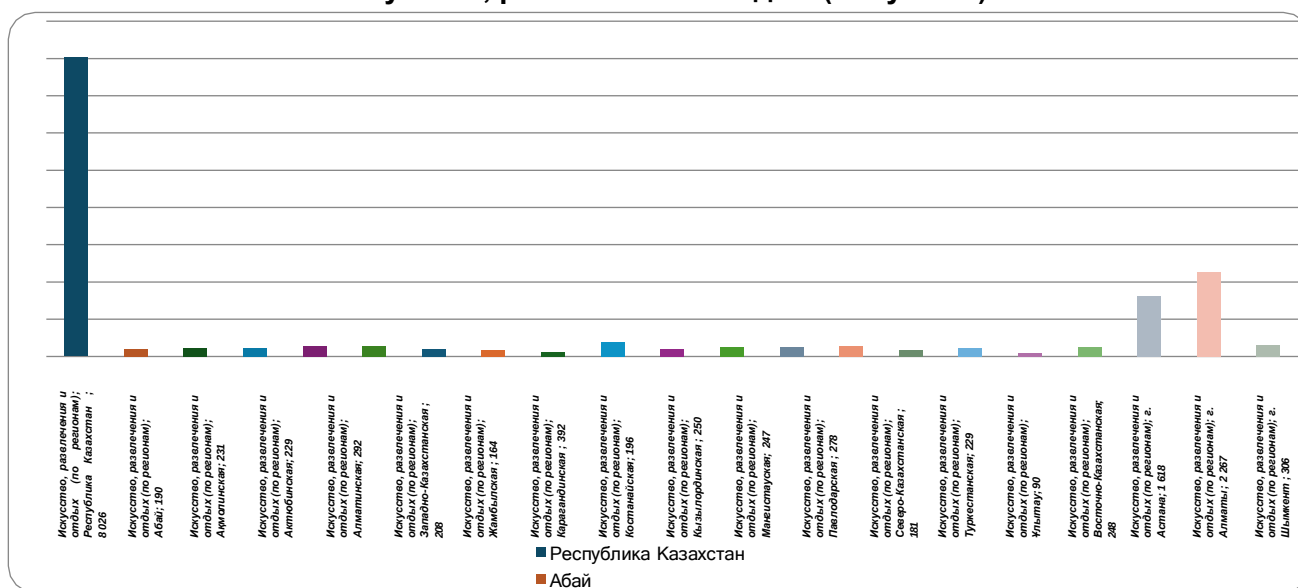
Количество зарегистрированных юридических лиц по отрасли «Искусство, развлечения и отдых» в 2023 году составило 7978 единиц, из них 1524 единицы государственной формой собственности. Однако, количество действующих юридических лиц в 2023 году составило 6658 единиц.

Креативные индустрии, как правило, сосредоточены в городах, что подтверждают статистические данные. Это связано с несколькими факторами,

включая:

- потребность в доступе к большому и разнообразному рынку;
- присутствие в городах «якорных» организаций, таких как киностудии и телестудии;
- наличие учебных заведений, которые предлагают образование в творческих сферах;
- разнообразие доступной недвижимости.

Количество юридических лиц РК по отраслям экономики: Искусство, развлечения и отдых (Рисунок 2).

Источник: составлено на основании источника по состоянию 01.09.2024 [24]

В региональном разрезе лидирует Алматы и Астана по количеству зарегистрированных юридических лиц. Однако необходимо отметить и регионы как: Карагандинская область, город Шымкент и Алматинскую область.

Министерство культуры и информации Республики Казахстан в перечне видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии определило IT и геймдевелопмент как приоритетное направление. Поэтому есть потребность изучения потенциала данного рынка (Таблица 1).

Таблица 1- Объем оказанных IT услуг по видам в разрезе регионов за 2023 год (тыс.тенге)

Наименование	Создание компьютерных игр	Разработка программного обеспечения
Республика Казахстан	21 274 667,3	383 941 135,3
Абай	-	958 880,4
Ақмолинская	69 000,0	426 627,8
Ақтөбінская	-	1 312 943,3
Алматынская	52 537,0	241 858,5
Атырауская	-	2 561 357,1
Западно-Казахстанская	110 764,0	10 867 091,0
Жамбылская	-	282 773,7
Жетісу	-	1 118 895,1
Карагандинская	-	5 402 113,5
Костанайская	-	2 489 085,7
Қызылординская	-	37 998,0
Мангистауская	3 409,0	523 631,5
Павлодарская	16 196,0	904 326,6
Северо-Казахстанская	101 749,0	4 374 190,5
Түркістанская	-	1 369,0
Ұлытау	-	7 902,4
Восточно-Казахстанская	-	5 148 195,3
г. Астана	17 106 475,6	150 067 516,5
г. Алматы	3 814 536,7	196 485 948,3
г. Шымкент	-	728 431,1

Источник: составлено на основании источника [24] Бюро национальной статистики.

В 2023 году IT сферой было разработано компьютерные игры на общую сумму 21,2 млрд.тенге, тогда как разработка программного обеспечения составило 383,9 млрд. тенге. Как показывает статистика IT сфера очень капитала ёмки рынок. В разрезе регионов лидером являются города Астана и Алматы, что было предсказуемо. Однако интересный факт, что данная сфера очень хорошо развивается в Западно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областях соответственно.

2.2 Схемы государственной поддержки художников и творческих предпринимателей.

Отсутствие общепринятого понятийного аппарата и неразвитая методология для развития креативной индустрий подтолкнуло Правительство Казахстана разработать Концепцию развития креативных индустрий на 2021-2025 годы утвержденного Постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2021 года, в которой определено

видения, основные принципы и подходы к развитию, а также ожидаемые результаты реализации государственной политики в отношении креативных индустрий

Казахстана [25].

В Концепции указаны основные принципы и подходы развития креативной индустрий (Рисунок 3):

Источник: составлено на основании источника [25].

Изучая принципы Концепции, возникает вопрос касательно принципа национальной идентичности. В определении национальной идентичности в Казахстане отсутствует универсальный, единый ответ, который бы подходил всем его гражданам. Некоторые люди идентифицируют себя как «казахи», в то время как другие предпочитают определение «казахстанцы». Из-за этого исследователи поднимают вопрос о существовании двух различных национальных идентичностей в стране. Одна из этих идентичностей можно описать

как казахскую, поскольку она основана на понятии "мы - казахи". В то же время, другая идентичность может быть охарактеризована как казахстанская, поскольку она базируется на понятии «мы – казахстанцы» [26]. В этой связи, данный принцип может существенно ограничивать развитие креативной индустрии Казахстана в случае его однобокого толкования. Если Правительство, чрезмерно увлечется продвижением только «казахской идентичности», то это может повлечь за собой межэтнические конфликты.

Таблица 2 - Картирование креативной индустрии Казахстана

№	Наименование участника	Цели
1.	Министерство культуры и информации, Департамент креативных индустрий	Создание благоприятных условий для креативной индустрии путем разработки законодательной базы
2.	Высшие учебные заведения	Подготовка кадров для рынка креативной индустрий
3.	Предприниматели	Создание продукта
4.	Финансовые институты, банки, инвесторы	Инвестирование в стартапы с целью получения коммерческой выгоды
5.	Неправительственные организации	помощь креативным предпринимателям в создании продукта
6.	Творческие люди	Создание творческого продукта

Источник: составлено на основании источника [8,9,10]

В целях развития креативной индустрии Правительство Республики Казахстан законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам реализации отдельных поручений Главы государства», утвержденного 30 декабря 2022 год внесла поправки в Предпринимательский кодекс и закон о культуре.

В статье 1 закона «О культуре» определены понятия креативные индустрии «креативные индустрии – индустрии по созданию, производству, воспроизводству и массовому распространению результатов креативной деятельности физических и юридических лиц», а также креативная деятельность «креативная деятельность – виды экономической деятельности, связанные с коммерциализацией результатов творческой деятельности» [13].

Необходимо отметить, что в законе «О культуре» пп.18-1) ст.1, также определен понятийный аппарат коммерциализации результатов творческой деятельности, который направлен на извлечение дохода, что позволяет творческим работникам получать выгоды [13]. Также, с экономической точки зрения важную по правку внесли в статью 92

Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, где креативная индустрия включена в основные направления государственной поддержки частного предпринимательства, что дает возможность государству разработать специальные программы для поддержки сферы креативной индустрий [27].

Участники в креативной индустрии часто не обладают залоговым обеспечением или навыками ведения бизнеса. Создание культурных продуктов и их успешное внедрение на рынок - это две разные задачи. Правительство должно одновременно стимулировать у населения интерес к потреблению культурных продуктов, таким образом, создавая спрос на рынке.

Разработав законодательную основу развития креативной индустрии Правительство Казахстана определило перечень видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии и критерии отнесения субъектов частного предпринимательства к субъектам креативных индустрий.

В перечень видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии, вошли 43 вида от общего классификатора экономической деятельности [28].

Таблица 3 - Бизнес-модели в креативных индустриях

Направление	Примеры трендов, реализуемых в бизнес-моделях	Код ОКЭД в Республике Казахстан	Реализуемое конкурентное преимущество
Телевидение	Платное телевидение (контент по запросу, рейтинги, онлайн-покупки новинок)	60.20.0	Персонализация выбора
Визуальное искусство	Музейные инсталляции, совмещающие звук, видео, 3D-проекции	91.02.0 74.20.0	Усиленное эмоциональное воздействие
Газеты и журналы Доступность,	Цифровизация	Не включены	скорость распространения информации
Реклама	Цифровизация и персонализация (SMM)	Не включены	Персонализация, сокращение расходов на распространение
Архитектура	Новые материалы и 3D-печать	71.11.2	Инновации в визуальных решениях
Книгопечатание	Цифровизация, работа с сообществами (сетевые модели)	Не включены	Сокращение затрат на процессы, диверсификация доходов
Театры и перформанс	Растущий спрос, монетизация	90.01.1 90.01.3 93.29.3 90.02.0	Создание готовых рыночных продуктов, тиражирование, связь с туристическим рынком
Видеоигры	Мобильные, облачные,	58.21.0	Расширение рынков

	сетевые игры		(решение проблемы выходного дня), доступность
Кино	Цифровые платформы, домашний кинотеатр (Netflix)	59.11.0 59.12.0	Цифровизация, персонализация
Музыка	Мобильные, облачные, сетевые решения для доступа, изготовление инструментов	59.20.0 32.20.0	Цифровизация, персонализация, доступность
Радио	Локализация - поддержка местных сообществ	Не включены	Цифровизация, нишевые решения
Ремесло	Локализация - поддержка местных сообществ, сетевые решения для продвижения	16.29.2 16.24.0 16.29.1 23.19.9 14.19.9 32.99.3 13.99.2 13.95.0 13.93.0 13.92.0 15.12.2 32.40.0 14.39.0 23.49.0 25.71.0 26.52.1 25.50.1 23.70.0 23.41.1 23.41.2	Создание готовых рыночных продуктов, тиражирование, связь с туристическим рынком

Источник: составлено на основании источника [29]

Как мы видим из бизнес-модели в креативных индустриях в перечень видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии не включены такие отрасли как: газеты и журналы, радио, реклама, книгопечатание.

Правительство не анонсировало, по какому принципу определены данные виды креативной индустрии и представители неправительственных организаций, как например Альянс Креативных Индустрий были неудовлетворены количеством видов общего классификатора экономической деятельности. В этой связи они представили дополнение к существующим видам [30]:

Индустрия развлечений, организация культурных мероприятий;

Кураторская деятельность (современное искусство);

Создание и управление креативными кластерами, выставочными пространствами и хабами;

Исследования в области креативной

экономики;

Неформальное предпринимательское образование в области креативных индустрий

Вместе с тем, критериями отнесения субъектов частного предпринимательства к субъектам креативных индустрий являются [31]:

1) осуществление экономической деятельности субъектами частного предпринимательства согласно перечню видов экономической деятельности, относящихся к креативным индустриям;

2) подтверждение имущественных прав на объект авторских и (или) смежных прав;

3) осуществление коммерциализации результатов творческой деятельности, включая результаты интеллектуальной деятельности и извлечение дохода от такой деятельности.

С точки зрения экономической целесообразности самым главным шагом Правительства в помощи

предпринимателям в области креативной индустрии стало определение им единого льготного налога. С 2024 года 43 видов предпринимательской деятельности в сфере креативной индустрии смогут начать работу в рамках специального налогового режима розничного налога [32]. Эти изменения были внесены в Постановление Правительства по поручению Главы государства, который призвал разработать пакет мер поддержки креативной индустрии в сотрудничестве с Министерством культуры и информации, а также с Министерствами национальной экономики и финансов. Благодаря этим изменениям предприниматели, занятые в указанных сферах, освобождаются от уплаты корпоративного подоходного налога, индивидуального подоходного налога и налога на добавленную стоимость. Вместо этого они будут платить единый налог в размере от 2% до 4% для индивидуальных предпринимателей и 8% для юридических лиц.

2.3 Образование

В данном разделе мы решили фокусировать исследование в области дефицита кадров креативной индустрий. Согласно информации Министерства культуры и информации Республики Казахстан, дефицит кадров сложился в следующих отраслях [33]:

Музейное дело

В 271 музеях страны работают 4,1 тыс. музейных работников, в том числе в республиканских музеях – 1,1 тыс. человек, из них 20 докторов наук, 27 кандидатов наук, 7 докторов Phd и 132 специалиста со степенью магистра.

Крайне низким остается уровень обеспечения музеев специалистами-реставраторами.

В целях обеспечения музеев страны качественным профессиональным кадровым составом, необходимо предусмотреть увеличение количества государственного заказа по специальности «Музейное дело и охрана памятников». Вместе с тем необходимо отметить, что в музеях страны отмечается острая нехватка специалистов музейного дела.

На сегодняшний день 52 ВУЗа обеспечивают подготовку кадров по программам высшего и послевузовского образования по направлению

«Гуманитарные науки», объединяющей 10 специальностей (философия, история, религиоведение, археология и этнология, востоковедение, теология, тюркология, исламоведение, музейное дело и охрана памятников). Однако, подготовку кадров по специальности «Музейное дело и охрана памятников» осуществляют лишь 3 ВУЗа (Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Казахский национальный университет искусств, Южно-Казахстанский университет имени Мухтара Ауэзова).

Специалистов-реставраторов готовят в 2 ВУЗах Казахской национальной академии искусств имени Темирбека Жургенова по образовательной программе «Декоративное искусство», специальность «Реставрация» (в 2023 году выпустились 4 специалиста, набор производится 1 раз в 4 года), и Казахском национальном университете искусств по образовательной программе «Изобразительное искусство», специальность «Живопись-реставрация» (в 2023 году выпустились 2 специалиста).

Ввиду низкой заинтересованности абитуриентов обучением по специальности «Музейное дело и охрана памятников», в 2023 году обучение завершили только 3 выпускника Южно-Казахстанского университета имени Мухтара Ауэзова.

Кинематография

На сегодня согласно информации киносообщества, имеется дефицит специалистов дубляжа фильмов (режиссер дубляжа, редактор дубляжа, укладчик текстов).

Сегодня, лишь Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова раз в 5 лет принимает абитуриентов по специальности «режиссер дубляжа».

В целях решения вопроса предлагается увеличить образовательные гранты по специальностям режиссер дубляжа, редактор дубляжа, укладчик текстов в творческих ВУЗах (Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова, Казахский национальный университет искусств).

Театральная деятельность

Также, имеется дефицит кадров в производственно-техническом составе театров, а именно бутафоры, осветители (художники по свету), механики сцены, декораторы, гримеры, которых можно готовить на базе колледжей Казахского

национального университета искусств и Казахской национальной академии искусств имени Т.Жургенова, сократив актерские курсы. Вместе с тем дефицит кадров в части профессиональных драматургов, которые могли бы также в театрах осуществлять функции заведующих литературных частей.

Кроме того, необходимо учесть избыток выпускаемых актеров, которых готовят как средне-специальные учебные заведения, так и высшие. Более того, актеров выпускают не только в Алматы и Астане, но и в регионах таких как г. Караганда, Уральск, Шымкент, Кокшетау. Несмотря на отсутствие дефицита кадров в области театральной критики, многие театры утратили контакты с театроведами. В настоящее время в Казахстане 146 человек имеют специальность «Театровед», что полностью покрывает потребность в данных специалистах при функционировании 55 государственных театров.

Политическое действие 3: Адаптировать культурную политику к вызовам и возможностям цифровой трансформации.

В наше время основой креативной индустрий являются цифровые технологии, как социальные сети, поисковые системы и другие цифровые платформы, которые играют ключевую роль в создании новых продуктов и услуг, которые зависят от высоко креативных талантов. Также известно, что многие «цифровые» компании тесно интегрированы в цепочки создания стоимости в творческих индустриях, что является еще одним доказательством их принадлежности к этой сфере. Это прослеживается на всех уровнях – от производства, где цифровые инструменты трансформируют творческий процесс, до распространения (с использованием новых платформ) и потребления (через различные устройства).

Музыкальная индустрия за последние 20 лет сильно изменилась. Создатели музыки раньше зависли от продаж своих альбомов на кассетах или CD дисках, но сегодня они уже зависят от количества просмотров и прослушивания на цифровой платформе.

К примеру, можем рассмотреть самую известную в мире цифровую платформу «YouTube». Сумма денег, которую YouTuber зарабатывает за просмотр, сильно варьируется и зависит от нескольких факторов, таких как тип рекламы, местоположение зрителя и бюджет рекламодателя. В среднем YouTube платит от 0,01 до 0,03 доллара за просмотр. Это означает, что за каждые 1000 просмотров ютубер может рассчитывать на заработок от 10 до 30 долларов. Однако это всего лишь оценка, и фактическая сумма может быть выше или ниже. Также стоит отметить, что YouTube получает 45% дохода от рекламы, а оставшиеся 55% достаются создателю контента. Это означает, что за каждый доллар, заработанный на рекламе, YouTube удерживает 0,45 доллара, а автор получает 0,55 доллара [34].

Такие, кардинальные изменения не только в музыкальной индустрии, но и в других отраслях. Amazon уже продает больше электронных книг, чем книги в мягкой обложке. Рекламодатели тратят больше денег в Интернете, чем в оффлайне. Вещательные компании управлять услугами цифрового потокового вещания, доступ к которым можно получить на компьютерах, смартфонах, планшеты и игровые консоли.

Цифровизация культурной деятельности помогла бы избежать плагиат в этой сфере. В настоящее время интеллектуальная собственность является ядром бизнес сделок с творениями, сотворенными, в том числе людьми искусства. В Казахстане многие права людей искусства не защищены. Республиканская общественная организация «КазАК», которая занимается организацией по управлению имущественными правами авторов на коллективной основе. Основной задачей КазАК является:

1. выдача от имени авторов разрешений на использование их произведений,

2. сбор, распределение и выплата собранного авторского вознаграждения.

В Алматы 24 апреля 2023г. в здании Союза писателей прошло внеочередное общее собрание Республиканского Общества «КазАК», на котором выбрали новое руководство [35]. Причина внеочередного собрания это недоверие к

председателю, которая встала у руля РОО «КазАК» в 2019 году. Музыканты и потомки композиторов жалуются, что 4 года не получают авторские гонорары.

Необходимо отметить, что музыкальная индустрия может быть драйвером экономики. Например, направление «K Pop» активно развивается по примеру Южной Кореи. Южно Корейская группа «BTS» ежегодно приносит экономике страны порядка 3,6 миллиарда долларов — почти такой же вклад вносят 26 компаний [36]. Разнообразная продукция с лейблом BTS (косметика, атрибутика) приносит еще по 1,1 миллиарда долларов. Есть польза и для туризма: только в 2017 году каждый 13-й турист приехал в страну из-за BTS [18].

Казахстан не обделен креативной молодежью, которые уже прославились на весь мир и которые могли бы генерировать идеи и приносить доходы в экономику. Например: певец Димаш Кудайберген, музыкальный продюсер Иманбек Зейкенов, Айсултан Сеитов, Алишер Утев (с фильмом 5:32), Ninety one (K Pop) и т.д. Следовательно, в этом направлении необходимо разработать новые инструменты поддержки креативной молодежи.

В 2017 году Постановлением Правительства Республики Казахстан № 827 была утверждена государственной программа «Цифровой Казахстан». Программа была направлена на ускорение экономического роста страны и повышение качества жизни населения с помощью цифровых технологий в среднесрочной перспективе. Также она ставила своей целью создание условий для перехода экономики Казахстана на новую траекторию развития, что обеспечит формирование цифровой экономики будущего в долгосрочной перспективе.

Пять основных направлений реализации Программы:

Цифровизация отраслей экономики

Переход на цифровое государство

Реализация цифрового Шелкового пути

Развитие человеческого капитала - направление преобразований, охватывающее создание так называемого креативного общества для обеспечения перехода к новым реалиям - экономике знаний.

Создание инновационной экосистемы

Итогом этой программы стало, что

Казахстан занимает почетное 28-е место в мире по уровню развития электронного правительства, 31-е место по уровню кибербезопасности и 15-е место в рейтинге электронного участия граждан, что является одним из самых высоких показателей в мире. Также, Казахстан занял 20-е место в рейтинге Digital Intelligence Index по темпам цифровизации и вошел в число самых перспективных стран для дальнейшего роста цифрового благополучия [37].

Обсуждение и выводы

Анализ развития креативных индустрий показал наличие нескольких системных барьеров, препятствующих их эффективному развитию:

В Республике в стратегических документах отрасли культуры нет показателей по созданию креативной индустрий. Необходимо унифицировать Концепцию культурной политики и Концепцию развития креативных индустрий на 2021-2025, в целях определения совместных задач.

В систему образования в области культуры необходимо внедрять элементы рыночной экономики в целях монетизации культурного продукта. Дефицит кадров в этой отрасли складывается по причине низкой доходности.

- На государственном уровне не предусмотрены отдельные инструменты

поддержки для субъектов предпринимательства в креативных индустриях. Необходимо разработать отдельные программы с кредитованием по низкой процентной ставкой и на длительный срок. Для аккумуляции креативных идей необходимо создать креативные хабы. Креативный хаб должен работать по принципу цона, то есть идея должна получить всю необходимую помощь как финансовую, так и юридическую.

- Проведение акселератора и питчингов творческих (креативных) индустрий в городах РК. Программа, должна быть направлена на получение участниками новых знаний в сфере управления творческим бизнесом. В рамках программы участники должны найти точки роста проектов, необходимые ресурсы для их реализации, и получить возможность представить проекты потенциальным инвесторам.

- В республике по обеспечению венчурного финансирования необходимо создание венчурного фонда поддержки креативных индустрий с возможностью привлечения иностранных инвестиций. Создать национальные группы правительственных чиновников, представителей частного сектора и организаций гражданского общества. Данная группа необходима для выработки предложений по созданию условий для креативной индустрии. Провести аудит положений торговых соглашений, которые оказывают влияние на культурный и креативный секторы в цифровой среде.

По итогам анализа можно резюмировать, что Руководство ЮНЕСКО по развитию креативной индустрии применимы в Республике Казахстан. Оно позволило:

Структурировать развитие креативной экономики;

Определить слабые и сильные стороны развития;

Представить рекомендаций.

Рассмотрение вопроса через призму Руководство ЮНЕСКО позволило определить, что за период независимости Республики Казахстан разработаны существенные нормативные правовые акты, которые регламентируют деятельность работников культуры. Законом «О культуре» определен статус артистов, также законом «О государственных наградах Республики Казахстан» присваиваются почетные звания «Қазақстанның халық әртісі» (Заслуженный артист Казахстана) и «Қазақстанның халық жазушысы» (Народный писатель Казахстана). Осуществляются надбавки за почетное звание "Народный артист", который равен 100% от базового должностного оклада. Предусмотрена государственная стипендия в области культуры для особо одаренных молодых творческих работников, а также пенсия для представителей балета. На законодательном уровне обеспечена художественная свобода работников культуры. В первые, было дано определение креативной индустрии и определены 43 вида предпринимательской деятельности. Предприниматели, занятые в определенных сферах, освобождаются от уплаты корпоративного подоходного налога, индивидуального подоходного налога и налога на добавленную стоимость. Вместо этого они платят единый налог в размере от 2% до 4% для индивидуальных предпринимателей и 8% для юридических лиц.

Конечно данные государственные меры по развитию креативной индустрии не идеальны и требуют доработки с учетом тенденции развития мировой экономики.

Список литературы

- Dellisanti R. Cultural and Creative Industries and Regional Development, Springer Cham, 2023, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-29624-6> - URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-29624-6> (date of access: 25.10.2024).
1. Организаций объединенных наций, Перспективы креативной экономики в 2022 году, - URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_overview_ru.pdf (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 2. McIntyre P., Fulton J., Kerrigan S., Meany M., Entrepreneurship in the Creative Industries, Palgrave Macmillan Cham, 2023, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-19455-9>

- URL: https://books.google.kz/books/about/Entrepreneurship_in_the_Creative_Industr.html?id=OBNhzwEACAAJ&redir_esc=y (date of access: 25.10.2024).
3. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс, Справедливого Казахстан» - Официальный сайт Президента Республики Казахстан (akorda.kz) от 1 сентября 2023 г., - URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 4. Министерство национальной экономики Республики Казахстан, О развитии креативной экономики в Казахстане рассказал министр нацэкономики. 2023, - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/571451?lang=ru> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 5. Throsby D., The concentric circles model of the cultural industries, Cultural Trends, 17:3, 147-16., 2008, - URL: https://www.researchgate.net/publication/248952696_The_concentric_circles_model_of_the_cultural_industries (date of access: 25.10.2024).
 6. Игнатьева, А. А. Креативные товары и креативные услуги: понятие и особенности создания / А. А. Игнатьева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 11 (458). — С. 83-84. — URL: <https://moluch.ru/archive/458/100821/> (дата обращения: 01.10.2024).
 7. Флорида Р., Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2005. 421с. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2013-01-039-florida-r-kreativnyy-klass-lyudi-kotorye-menyayut-budushee-m-klassika-xxi-2011-430-s> (дата обращения: 14.10.2024).
 8. Department for Culture Media and Sport, United Kingdom (DCMS). Creative Industries Economic Estimates Methodology, 1998, 28 p. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a8039af40f0b62302692413/CIEE_Methodology.pdf (date of access: 25.10.2024).
 9. Темербулатова, Ж.С., Жупарова, А.С., Нусюпаева А.А., / Экономика: стратегия и практика, № 4 (15), 2020 г. / 132-140. — URL: https://www.researchgate.net/publication/349333082_Statistics_in_the_field_of_creative_industries_review_of_methodological_basis (date of access: 25.10.2024).
 10. UNESCO, Statistics on Cultural Industries: Framework for the Elaboration of National Data Capacity Building Projects, 2007, Bangkok, xvi, 110 p. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000154956> (date of access: 25.10.2024).
 11. UNESCO. UNESCO POLICY ACTION GUIDE TO CELEBRATE THE CREATIVE ECONOMY YEAR, 2021, - URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/guide-member-states_en_final_0.pdf (date of access: 25.10.2024).
 12. Закон Республики Казахстан «О культуре» от 15 декабря 2006 г., № 207, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 13. Закон Республики Казахстан «О государственных наградах Республики Казахстан» от 12 декабря 1995 г. №2676., - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002676> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 14. Постановление Правительства Республики Казахстан «О системе оплаты труда гражданских служащих, работников организаций, содержащихся за счет средств государственного бюджета, работников казенных предприятий» от 31 декабря №1193, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001193> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 15. Информационная система бухгалтера. Расчетные показатели на 2024 год. - URL: <https://cdb.kz/sistema/page/raschetnye-pokazateli-nalogi-otchisleniya/> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 16. Хромойкина А.Н., Социальная защита населения в механизме реализации социальной политики// Актуальные проблемы и современные тенденции социально-экономического развития региона и страны// Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. 2018. - URL:

- <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?rpage=https://www.elibrary.ru/item.asp?id=3534734> 9 (дата обращения: 25.10.2024 г.).
17. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК., - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 18. Приказ и.о. Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 10 августа 2023 года № 221. «Об установлении Правил присуждения государственной стипендии в области культуры» Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 21 августа 2023 года № 33311., - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033311> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 19. Tanasescu S. Artistic Freedom and Its Limitations //Rom. J. Comp. L. - 2011. - Т. 2. - С. 9. — URL: https://www.researchgate.net/publication/264782388_Freedom_in_art_paper (date of access: 25.10.2024).
 20. Ranking.kz, Не свободная журналистика. Казахстан опустился в рейтинге стран по свободе прессы, 1 апреля 2024, — URL: <https://ranking.kz/reviews/socium/ne-svobodnaya-zhurnalistika-kazahstan-opustilsya-v-reytinge-stran-po-svobode-pressy.html> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 21. Институт экономических исследований. От искусства до Big data: что Казахстан может предложить в креативной экономике, от 4 марта 2022 г., - URL: https://economy.kz/ru/Novosti_instituta/id=4183/arch=2022_17 (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 22. Бюро национальной статистики. Культура в Республике Казахстан. 2023 г., - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-culture/publications/6115/#.> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 23. Бюро национальной статистики. Статистика предприятий. - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 24. Постановление Правительства РК «Об утверждении Концепции креативных индустрий на 2021-2025 годы» от 30 ноября 2021 года №860, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 25. Кадыржанов Р. Национальная идентичность Казахстана и этнокультурный символизм, 13 октября 2012 г., - URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/news/266> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 26. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г., № 375-V ЗРК., - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 27. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении перечня видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии» от июня 2023 г., № 448. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000448> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 28. Ангелова О. Ю., Подольская Т. О, Чепьюк О. Р., Цифровая креативная индустрия: на пути к экономике "эмоций" // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. №2 (54). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kreativnaya-industriya-na-puti-k-ekonomike-emotsiy> (дата обращения: 09.10.2024).
 29. Альянс Креативных Индустрий Казахстана, Манифест, 2023. — URL: <https://ciaq.kz/#rec701217717> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 30. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении критериев отнесения субъектов частного предпринимательства к субъектам креативных индустрий», от 6 июня 2023 г., № 447, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000447> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
 31. Постановление Правительства Республики Казахстан О внесении изменения в постановление Правительства Республики Казахстан от 22 мая 2023 года № 393 «Об определении видов деятельности для целей применения специального налогового режима розничного налога и признании утратившим силу постановления Правительства Республики Казахстан от 17 ноября 2022 года № 912 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан от 2 февраля

- 2021 года № 30 «Об определении видов деятельности для целей применения специального налогового режима розничного налога», от 29 декабря 2023 г., №1240, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001240> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
32. Письмо Министерства культуры Республики Казахстан от 13 марта 2024 г. №28-04-28/270
33. IFTT, How much does YouTube pay per view, 2024. — URL: <https://ifttt.com/explore/how-much-does-youtube-pay-per-view#:~:text=The%20amount%20of%20money%20a,earn%20between%20%2410%20and%20%2430> (date of access: 25.04.2024).
34. Скопион М., В крупнейшем казахстанском обществе по защите авторских прав – двоевластие. 25 апреля 2025 года, - URL: <https://orda.kz/bitva-za-prava-v-krupnejshej-kazahstankoj-kompanii-po-avtorskim-pravam-dvoevlastie/#part=1> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
35. Щукин П., Подсчитаны потери Южной Кореи от отправки группы BTS в армию. 19 октября 2022 г., - URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/19/btspoter/> (дата обращения: 25.10.2024 г.).
36. Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан, Багдат Мусин провел встречу с Послом Саудовской Аравии, 7 декабря 2023, — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/news/details/667210?lang=ru> (дата обращения: 25.10.2024 г.).

References

1. Dellisanti R. Cultural and Creative Industries and Regional Development, Springer Cham, 2023, DOI <https://doi.org/10.1007/978-3-031-29624-6> (date of access: 01.10.2024).
2. Organizacij ob"edinennyh nacij, Perspektivy kreativnoj ekonomiki v 2022 godu, - URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_overview_ru.pdf (date of access: 01.10.2024).
3. McIntyre P., Fulton J., Kerrigan S., Meany M., Entrepreneurship in the Creative Industries, Palgrave Macmillan Cham, 2023, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-19455-9> , - URL:https://books.google.kz/books/about/Entrepreneurship_in_the_Creative_Industr.html?id=OBNhzwEACAAJ&redir_esc=y (date of access: 25.10.2024).
4. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana «Ekonomicheskij kurs, Spravedlivogo Kazahstan» - Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan (akorda.kz) ot 1 sentyabrya 2023 g., - URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (date of access: 01.10.2024).
5. Ministerstvo nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan, O razvitii kreativnoj ekonomiki v Kazahstane rasskazal ministr nacekonomiki. - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/571451?lang=ru> (date of access: 01.10.2024).
6. Throsby D., The concentric circles model of the cultural industries, Cultural Trends, 17:3, 147-16., 2008, - URL: https://www.researchgate.net/publication/248952696_The_concentric_circles_model_of_the_cultural_industries (date of access: 01.10.2024).
7. Ignat'eva, A. A. Kreativnye tovary i kreativnye uslugi: ponyatie i osobennosti sozdaniya / A. A. Ignat'eva. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2023. — № 11 (458). — S. 83-84. — URL: <https://moluch.ru/archive/458/100821/> (date of access: 01.10.2024).
8. Florida R., Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee / R. Florida. M.: Izdatel'skij dom «Klassika-XXI», 2005. 421s. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2013-01-039-florida-r-kreativnyy-klass-lyudi-kotorye-menyayut-budushee-m-klassika-xxi-2011-430-s> (date of access: 01.10.2024).
9. Department for Culture Media and Sport, United Kingdom (DCMS). Creative Industries Economic Estimates Methodology, 1998, 28 p. — URL:

- https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a8039af40f0b62302692413/CIEE_Methodology.pdf (date of access: 01.10.2024).
10. Temerbulatova, Zh.S., Zhuparova, A.S., Nussyupayeva A.A., / *Ekonomika: strategiya i praktika*, № 4 (15), 2020 g. / 132-140. — URL: https://www.researchgate.net/publication/349333082_Statistics_in_the_field_of_creative_industries_review_of_methodological_basis (date of access: 25.10.2024).
 11. UNESCO, *Statistics on Cultural Industries: Framework for the Elaboration of National Data Capacity Building Projects*, 2007, Bangkok, xvi, 110 p. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000154956> (date of access: 25.10.2024).
 12. UNESCO. UNESCO POLICY ACTION GUIDE TO CELEBRATE THE CREATIVE ECONOMY YEAR, 2021, - URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/guide-member-states_en_final_0.pdf (date of access: 25.10.2024).
 13. Zakon Respubliki Kazakhstan «O kul'ture» ot 15 dekabrya 2006 g., № 207, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207> (date of access: 01.10.2024).
 14. Zakon Respubliki Kazakhstan «O gosudarstvennyh nagradah Respubliki Kazakhstan» ot 12 dekabrya 1995 g. №2676., - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002676_ (date of access: 01.10.2024).
 15. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan «O sisteme oplaty truda grazhdanskikh sluzhashchih, rabotnikov organizacij, soderzhashchihsy za schet sredstv gosudarstvennogo byudzheta, rabotnikov kazennyh predpriyatij» ot 31 dekabrya №1193, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001193> (date of access: 01.10.2024).
 16. Informacionnaya sistema buhgaltera. Raschetnye pokazateli na 2024 god. - URL: <https://cdb.kz/sistema/page/raschetnye-pokazateli-nalogi-otchisleniya/> (date of access: 01.10.2024).
 17. Hromojkina A.N., *Social'naya zashchita naseleniya v mekhanizme realizacii social'noj politiki// Aktual'nye problemy i sovremennye tendencii social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona i strany// Sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchno- prakticheskoy konferencii.* 2018., - URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?rpage=https://www.elibrary.ru/item.asp?id=3534734> 9 (date of access: 01.10.2024).
 18. Social'nyj kodeks Respubliki Kazakhstan ot 20 aprelya 2023 goda № 224-VII ZRK., URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (date of access: 01.10.2024).
 19. Prikaz i.o. Ministra kul'tury i sporta Respubliki Kazakhstan ot 10 avgusta 2023 goda № 221. «Ob ustanovlenii Pravil prisuzhdeniya gosudarstvennoj stipendii v oblasti kul'tury» Zaregistririvan v Ministerstve yusticii Respubliki Kazakhstan 21 avgusta 2023 goda № 33311., - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033311> (date of access: 01.10.2024).
 20. Tanasescu S. *Artistic Freedom and Its Limitations //Rom. J. Comp. L.* - 2011. - T. 2. - C. 9. — URL: https://www.researchgate.net/publication/264782388_Freedom_in_art_-_paper (date of access: 01.10.2024).
 21. Ranking.kz, *Ne svobodnaya zhurnalistika. Kazakhstan opustilsya v rejtinge stran po svobode pressy*, 1 aprelya 2024, — URL: <https://ranking.kz/reviews/socium/ne-svobodnaya-zhurnalistika-kazakhstan-opustilsya-v-rejtinge-stran-po-svobode-pressy.html> (date of access: 01.10.2024).
 22. Institut ekonomicheskikh issledovaniy. *Ot iskusstva do Big data: chto Kazakhstan mozhet predlozhit' v kreativnoj ekonomike*, ot 4 marta 2022 g., - URL: https://economy.kz/ru/Novosti_instituta/id=4183/arch=2022_17 (date of access: 01.10.2024).
 23. Byuro nacional'noj statistiki. *Kul'tura v Respublike Kazakhstan. 2023 g.*, - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-culture/publications/6115/#:~:> . (date of access: 01.10.2024).
 24. Byuro nacional'noj statistiki. *Statistika predpriyatij.* - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/> (date of access: 01.10.2024).
 25. Postanovlenie Pravitel'stva RK «Ob utverzhdenii Konceptii kreativnyh industrij na 2021-2025 gody» ot 30 noyabrya 2021 goda №860, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860> (date of access: 01.10.2024).

26. Kadyrzhanov R. Nacional'naya identichnost' Kazahstana i etnokul'turnyj simbolizm, 13 oktyabrya 2012 g., - URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/news/266> (date of access: 01.10.2024).
27. Predprinimatel'skij kodeks Respubliki Kazahstan ot 29 oktyabrya 2015 g., № 375-V ZRK., - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (date of access: 01.10.2024).
28. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan «Ob utverzhdenii perechnya vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti, odnosyashchihsya k kreativnoj industrii» ot iyunya 2023 g., № 448. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000448> (date of access: 01.10.2024).
29. Angelova O. Yu., Podol'skaya T. O., Chep'yuk O. R., Cifrovaya kreativnaya industriya: na puti k ekonomike "emocij" // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2019. №2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kreativnaya-industriya-na-puti-k-ekonomike-emotsiy> (date of access: 09.10.2024).
30. Al'yans Kreativnyh Industrij Kazahstana, Manifest, 2023. — URL: <https://ciaq.kz/#rec701217717> (date of access: 01.10.2024).
31. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan «Ob utverzhdenii kriteriev otneseniya sub"ektov chastnogo predprinimatel'stva k sub"ektam kreativnyh industrij», ot 6 iyunya 2023 g., № 447, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000447> (date of access: 01.10.2024).
32. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan O vnesenii izmeneniya v postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 22 maya 2023 goda № 393 «Ob opredelenii vidov deyatel'nosti dlya celej primeneniya special'nogo nalogovogo rezhima roznichnogo naloga i priznanii utrativshim silu postanovleniya Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 17 noyabrya 2022 goda № 912 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 2 fevralya 2021 goda № 30 «Ob opredelenii vidov deyatel'nosti dlya celej primeneniya special'nogo nalogovogo rezhima roznichnogo naloga», ot 29 dekabrya 2023 g., №1240, - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001240> (date of access: 01.10.2024 r.).
33. Pis'mo Ministerstva kul'tury Respubliki Kazahstan ot 13 marta 2024 g. №28-04-28/270
34. IFTT, How much does YouTube pay per view, 2024. — URL: <https://ifttt.com/explore/how-much-does-youtube-pay-per-view#:~:text=The%20amount%20of%20money%20a,earn%20between%20%2410%20a,nd%20%2430> (date of access: 01.10.2024).
35. Skopion M., V krupnejšem kazahstanskom obshchestve po zashchite avtorskih prav – dvoevlastie. 25 aprelya 2025 goda, - URL: <https://orda.kz/bitva-za-prava-v-krupnejšej-kazahstankoj-kompanii-po-avtorskim-pravam-dvoevlastie/#part=1> (date of access: 01.10.2024).
36. Shchukin P., Podschitany poteri Yuzhnoj Korei ot otpravki gruppy BTS v armiyu. 19 oktyabrya 2022 g., - URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/19/btspoter/> (date of access: 01.10.2024).
37. Ministerstvo cifrovogo razvitiya, innovacij i aerokosmicheskoy promyshlennosti Respubliki Kazahstan, Bagdat Musin provel vstrechu s Poslom Saudovskoj Aravii, 7 dekabrya 2023, — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/news/details/667210?lang=ru> (date of access: 01.10.2024).

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ КРЕАТИВТІ ЭКОНОМИКАНЫ ДАМУ МӘСЕЛЕРІ

Мақсат **АРҒЫНБЕКОВ**, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының докторанты, Астана қ., Қазақстан, tax19870512@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4348-2006>.

Алтай ЗЕЙНЕЛЬГАБДИН, Экономика ғылымдарының докторы, ҚР Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының профессоры, Астана қ., Қазақстан, a.zeinelgabdin@apa.kz, H-index – 2, <https://orcid.org/0000-0002-1103-0550>, Scopus Author ID: 57218620273.

ISSUES OF DEVELOPMENT OF THE CREATIVE ECONOMY IN THE REPUBLIC OF

KAZAKHSTAN

Maxat ARGYNBEKOV, *doctoral student of the Academy of Public Administration under the president of the Republic of Kazakhstan, max19870512@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4348-2006>.*

Altay ZEYNELGABDIN, *Doctor of Economics, Professor Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, a.zeinelgabdin@apa.kz, Hirsch Index-2, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1103-0550>, Scopus ID: 57218620273.*

ЭКОНОМИКА

ECONOMY

ЭКОНОМИКА

FISCAL DECENTRALIZATION: A BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF FIFTY YEARS OF STUDY

Francis AMAGOH*	<i>Doctor of Public Administration and International Development; Professor; Department of Public Administration; College of Social Sciences, KIMEP University; Republic of Kazakhstan, famagoh@kimep.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3935-3375</i>
Nadeem NAQVI	<i>Doctor of Economics, U.S.A., Professor KIMEP University, Almaty, Kazakhstan, naqvi@kimep.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-5546-1568</i>

Manuscript received: 08/08/2024

Revised: 16/08/2024

Accepted: 30/08/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1338

UDC 328.185

CICSTI 82.13.01

Abstract. This study presents a bibliometric analysis of research on fiscal decentralization over the past fifty years (1974-2024), based on data from the Scopus database. By employing bibliometric tools, such as VOSviewer, we analyze publication trends, key topics, prominent authors, and countries contributing to the literature. The results indicate significant research growth in fiscal decentralization, with China emerging as a leading research hub. Our analysis also uncovers thematic connections between fiscal decentralization and governance, environmental policy, and public health, suggesting the broad relevance of this topic across various disciplines. These findings offer valuable insights for both policymakers and scholars aiming to understand the evolving discourse on fiscal decentralization.

Keywords: fiscal decentralization, bibliometric analysis, economic performance, VOSviewer

Аңдатпа. Бұл зерттеу Scopus дерекқорындағы деректерге негізделген соңғы елу жылдағы (1974-2024) фискалдық децентрализация бойынша зерттеулердің библиометриялық талдауын ұсынады. VOSviewer сияқты библиометриялық құралдарды қолдана отырып, біз жарияланымдардың тенденцияларын, негізгі тақырыптарды, көрнекті авторларды және әдебиетке үлес қосатын елдерді талдаймыз. Нәтижелер фискалдық децентрализация бойынша зерттеулердің айтарлықтай өскенін көрсетеді, Қытай жетекші зерттеу орталығы ретінде пайда болды. Біздің талдауымыз фискалдық децентрализация мен басқару, экологиялық саясат және қоғамдық денсаулық арасындағы тақырыптық байланыстарды да анықтайды, бұл тақырыптың әртүрлі пәндер бойынша кең маңыздылығын көрсетеді. Бұл тұжырымдар саясаткерлер мен ғалымдарға фискалдық децентрализация бойынша дамып келе жатқан дискурсты түсінуге арналған құнды түсініктерді ұсынады.

Түйін сөздер: фискалдық децентрализация, библиометриялық талдау, экономикалық тиімділік, VOSviewer

Аннотация. В данном исследовании представлен библиометрический анализ исследований по фискальной децентрализации за последние пятьдесят лет (1974-2024), основанный на данных из базы данных Scopus. С помощью библиометрических инструментов, таких как VOSviewer, мы анализируем тенденции публикаций, ключевые темы, выдающихся авторов и страны, вносящие вклад в литературу. Результаты показывают значительный рост исследований по фискальной децентрализации, при этом Китай становится ведущим исследовательским центром. Наш анализ также выявляет тематические связи между фискальной

* Corresponding author: F. Amagon, famagoh@kimep.kz

децентрализацией и управлением, экологической политикой и общественным здоровьем, что свидетельствует о широкой значимости этой темы в различных дисциплинах. Эти выводы предоставляют ценные инсайты как для политиков, так и для ученых, стремящихся понять развивающийся дискурс по фискальной децентрализации.

Ключевые слова: фискальная децентрализация, библиометрический анализ, экономическая эффективность, VOSviewer

Introduction

Fiscal decentralization, defined as the transfer of fiscal authority from central to sub-national governments, has garnered substantial scholarly attention due to its potential to enhance good governance, economic growth, and efficient public service delivery [1]. According to Tiebout (1961), fiscal decentralization ensures that subnational governments are closer to the people, and thus have better and more detailed information about their constituents. Through fiscal decentralization, the alignment of the preferences of local communities and local governments will occur as a result of competition between local governments and community mobilization [2]. Additionally, when appropriately calibrated, fiscal decentralization has been shown to enhance economic growth, improve environmental performance, reduce corruption, and enhance the internally generated revenues of sub-national governments [3], [4], [5].

Despite all its purported benefits, fiscal decentralization is not without its critics. Some studies have outlined the limits of fiscal decentralization, such as the fact that the size of a country, as measured by geographical land size has limiting effects on the benefits of fiscal decentralization. Additionally, the quality of regulation and the rule of law have significant implications on its effectiveness. It was also found that while fiscal decentralization deterred corruption in developed countries, greater autonomy in spending for subnational tiers of government increased various forms of malfeasance in developing countries [6].

Since fiscal decentralization has been a major area of interest for researchers and practitioners for decades, this study examines the scope of research conducted on the subject. Recent studies explore its multifaceted impact, extending beyond economic outcomes to include environmental sustainability, healthcare, and social capital [7].

This study conducts a bibliometric analysis of scholarly literature on fiscal

decentralization for the past 50 years (1974 to 2024) by using information from Scopus database and VOSviewer software. Such an analysis is important in order to appreciate key trends in fiscal decentralization research. Furthermore, bibliometric analysis constitutes an important method used to identify the latest developments on a topic and can be utilized to analyze the indicators in a field of study [8], [9], [10], [11]. This paper aims to provide a comprehensive bibliometric analysis, identifying key research trends and gaps in the literature, and contributing to the evolving understanding of fiscal decentralization's role in modern governance.

Materials and methods

This study adopts a performance analysis method, utilizing bibliometric data from Scopus to analyze research papers in fiscal decentralization. The dataset covers a period of 50 years (1974 -August 29, 2024). The decision to use Scopus was motivated by its robust indexing of peer-reviewed journals, ensuring the inclusion of high-quality academic sources [12]. A total of 1844 publications were retrieved from the Scopus database by inputting the words "Fiscal Decentralization" in the search prompt. Scopus data analytics was first used to analyze the dataset by clicking on the "Analyze results" prompt on the Scopus page. The dataset was further processed using VOSviewer to generate network and density visualizations, which reveal key research clusters, author collaborations, thematic trends, and so on. VOSviewer can manage large amounts of data and provide aesthetically appealing visual images that help the researcher appreciate the intricate linkages between research papers and authors in a very significant way (Van Eck and Waltman, 2023).

Among the depictions in VOSviewer are network visualization and density visualization. In network visualization, items are depicted by their label and also by a circle (node). The size of a label and the corresponding circle is determined by the

weight of the item. The higher the weight of an item, the larger the label and the circle of the item. The color of an item is represented by the label to which it belongs, and lines between items represent links between them. In the case of density visualization, items are also represented by their labels and each point has a color that indicates the density of the item. The colors range from blue to green to yellow, and the larger the number of items around a point and the higher the weights of the neighboring items, the closer the color of the point is to yellow color. On the other hand, the smaller the number of items around a point and the lower the weights of the neighborhood items, the closer the color of the point is to blue color [13].

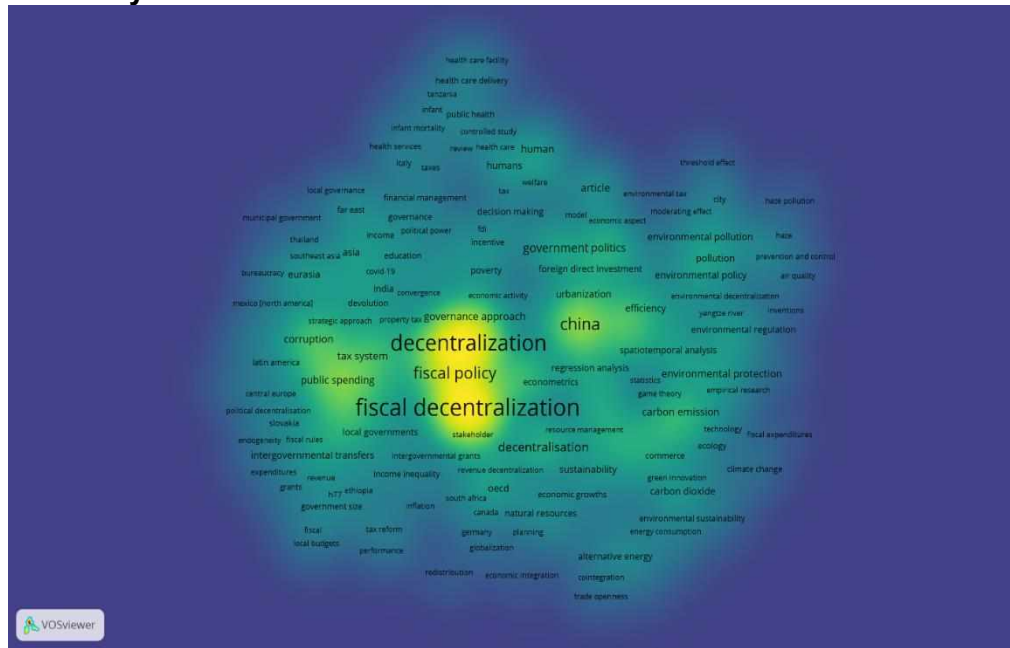
Results

Figures 1 and 2 show the density and network visualizations respectively of all keywords associated with fiscal decentralization. The results from Figure 1 highlight that the four most prominent keywords in fiscal decentralization research are “fiscal decentralization,” “decentralization,” “fiscal policy,” and “China.” This demonstrates the centrality of China in fiscal decentralization research, particularly in the context of governance and public policy.

This means that these 4 keywords are most prominent in fiscal decentralization research. The network visualization in Figure 2 has 6 clusters with different colors. The biggest node has red color with the keywords: “decentralization” and “fiscal decentralization”. There is also a smaller node in red color with the words “fiscal policy”. This means that there is a strong association of these 3 keywords in the study of fiscal decentralization. The next larger node with blue color has the keyword “China”. This means that many fiscal decentralization studies were conducted in China. Clicking on the node shows the number of occurrences of the items on that node. From Figure 2, we can see these four keywords and how many times they occur in the network.

The keyword with the highest occurrence is “fiscal decentralization” with 749 occurrences and a total link strength of 3,709. The second keyword in terms of occurrence is “decentralization” which occurred 623 times, with a total link strength of 5,108. This means that even though the word “decentralization” occurred fewer times than “fiscal decentralization”, it is more connected (linked) to other words in the network. The third item in terms of the number of occurrences is “fiscal policy”, which appeared 257 times with a total link strength of 2,262. Similarly, the word “China” appears 296 times in the network with a total link strength of 2,726. Other keywords in both Figure 1 and Figure 2 include environmental policy, environmental pollution, sustainability, green innovation, intergovernmental transfers, public health, governance, COVID-19, government, politics, and so on. This shows the strong linkages between fiscal decentralization and such topics and reveals the broader application of fiscal decentralization in addressing societal challenges beyond economic growth and governance. 3,709. The second keyword in terms of occurrence is “decentralization” which occurred 623 times, with a total link strength of 5,108. This means that even though the word “decentralization” occurred fewer times than “fiscal decentralization”, it is more connected (linked) to other words in the network. The third item in terms of the number of occurrences is “fiscal policy”, which appeared 257 times with a total link strength of 2,262. Similarly, the word “China” appears 296 times in the network with a total link strength of 2,726. Other keywords in both Figure 1 and Figure 2 include environmental policy, environmental pollution, sustainability, green innovation, intergovernmental transfers, public health, governance, COVID-19, government, politics, and so on. This shows the strong linkages between fiscal decentralization and such topics and reveals the broader application of fiscal decentralization in addressing societal challenges beyond economic growth and governance.

Figure 1. Density Visualization of links

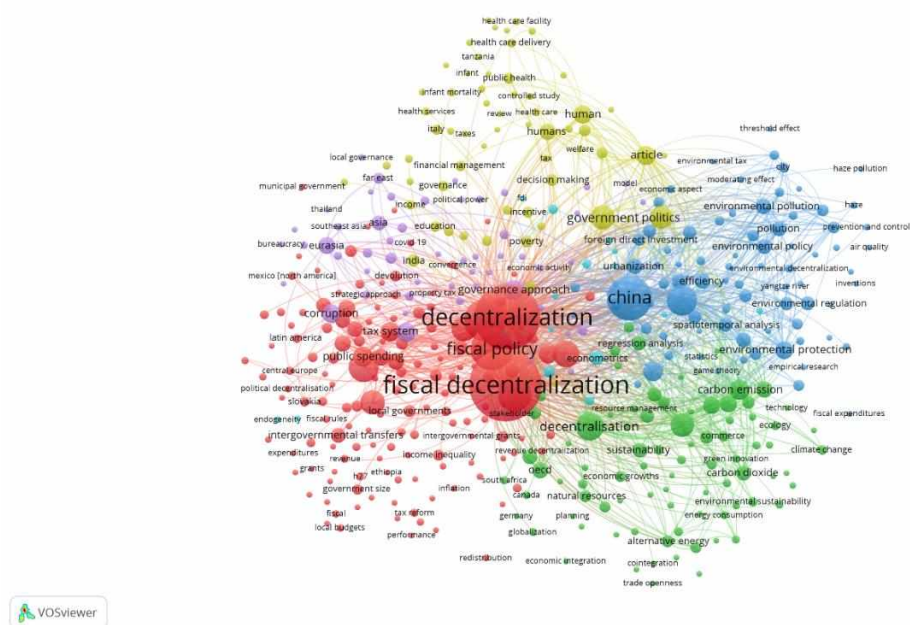

Source: Compiled by authors based on Scopus Database

Figure 3 and Table 1 show the number of publications on fiscal decentralization, and for the most part indicate an increasing trend from 1974 until August 29, 2024. It is shown that the highest number of publications on fiscal decentralization occurred in 2023 with a

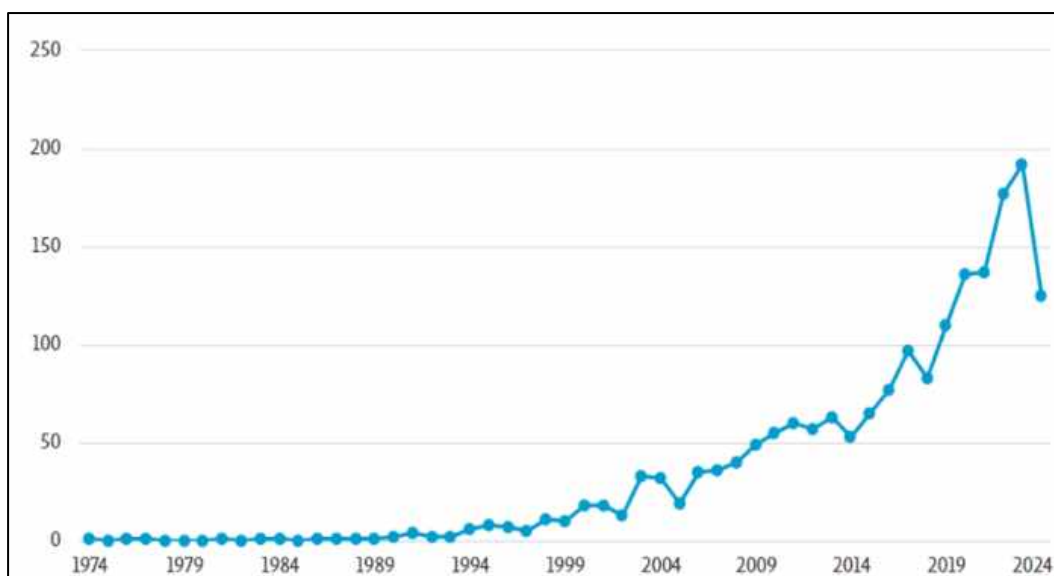
total number of 192 publications, followed by 177 publications in 2022. From 1974 to 1997 the numbers of yearly publications were in single digits, with zero publications in 1975, 1978, 1979, 1980, 1982, and 1985.

Figure 2. Network Visualization of all Keywords

Source: Compiled by authors based on Scopus Database

Figure 3. Number of Publications in Fiscal Decentralization (1974-August 29, 2024)

Source: Scopus Database

Table 1. Number of yearly publications on the theme of fiscal decentralization (1974-August 29, 2024)

Year	Number of publications	Year	Number of publications
2024	122	1997	5
2023	192	1996	7
2022	177	1995	8
2021	137	1994	6
2020	136	1993	2
2019	110	1992	2
2018	83	1991	4
2017	97	1990	2
2016	77	1989	1
2015	65	1988	1
2014	53	1987	1
2012	57	1986	1
2011	60	1985	0
2010	55	1984	1
2009	49	1983	1
2008	40	1982	0
2007	36	1981	1
2006	35	1980	0
2005	19	1979	0
2004	32	1978	0
2003	33	1977	1
2002	13	1976	1
2001	18	1975	0
2000	18	1974	1
1999	10		
1998	11		

Source: Compiled by Authors based on Scopus Database

Number of Publications by Country

Figure 4 shows the network visualization of the number of studies on fiscal decentralization by country. The network visualization shows the color-coded clusters, with the size of each node indicating the volume of research output for each country in

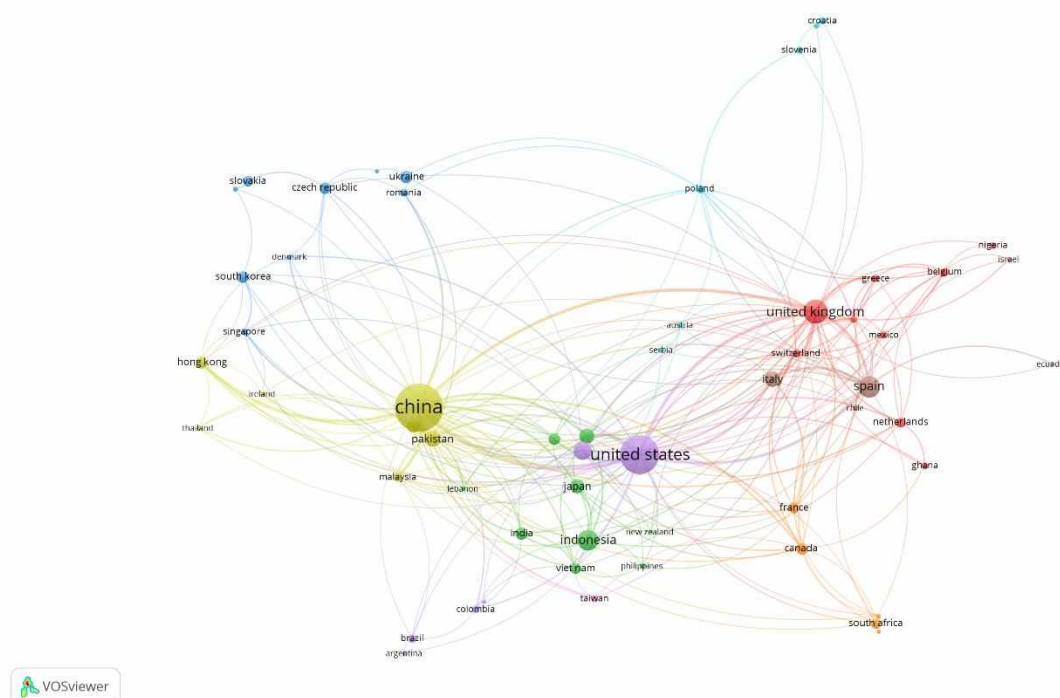
the network. China is shown with the largest node and has 523 publications on fiscal decentralization. This is followed by the United States with 342 publications on the subject. The United Kingdom has 133 publications on fiscal decentralization, while Spain has 112

publications. Indonesia and Italy have relatively smaller nodes with 102 and 78 publications respectively. The lines that connect the nodes show the extent of collaborative research between countries, and the thickness of the lines shows the intensity of the collaboration. Thicker lines can be seen to connect the United States with the United Kingdom and China, indicating robust research collaborations between the countries. The network visualization thus

provides an overview of the global landscape of fiscal decentralization studies and underscores the level of international cooperation in addressing the topic.

The ten countries with the highest number of publications on the topic of fiscal decentralization are shown in Table 2. It can be seen that the top 10 countries produced 1,504 publications on fiscal decentralization, which constitutes 81.6 percent of the 1,844 total number.

Figure 4. Network Visualization of Authorship and Countries

Source: Compiled by authors based on Scopus Database

Table 2. Countries with the highest number of publications on Fiscal Decentralization (1974-August 29, 2024)

Country	Number of publications
China	523
United States	342
United Kingdom	133
Spain	112
Indonesia	102
Italy	78
Pakistan	61
India	57
Australia	50
Japan	46
TOTAL	1,504

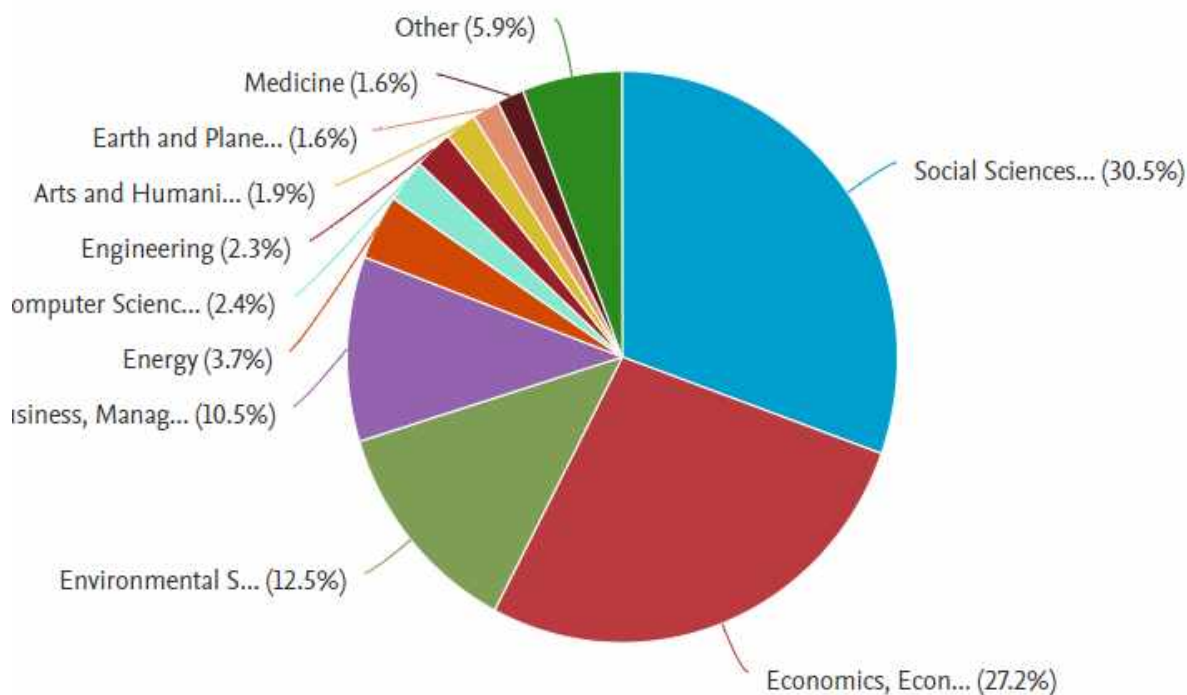
Source: Compiled by Authors based on Scopus Database

Publications by Subject Area

Figure 5 shows the subject areas with the topic of fiscal decentralization. The three subject areas with the highest number of articles on fiscal decentralization are Social Sciences (30.5%), Economics, Econometrics and Finance (27.2%), and Environmental Science (12.5%). It is also noted from Figure 5

that the theme of fiscal decentralization was covered in various subject areas, such as energy, computer science, arts and humanities, engineering, earth and planetary science, and medicine. This indicates that fiscal decentralization is relevant in virtually all disciplines of human endeavor.

Figure 5. Subject Areas with Theme in Fiscal Decentralization

Source: Compiled by the authors based on Scopus database

Publications by Document Types

Various types of documents contain research works on the theme of fiscal decentralization as shown in Table 3. There were significantly more publications on fiscal decentralization in journal articles than in other types of publications. While there were 1,537 publications in articles, the second most

popular medium of publication was book chapters which have 149 publications on fiscal decentralization. Other types of documents have relatively fewer publications on the subject. For example, reviews have 53 publications, conference papers have 49 publications, books have 26 publications, and so on.

Table 3. Types of Documents with Research in Fiscal Decentralization

Type of document	Number of publications
Articles	1,537
Book Chapters	149
Reviews	53
Conference Papers	49
Books	26
Editorials	10
Erratum	8
Notes	6
Data Papers	2
Retracted	2
Conference Reviews	1
Letter	1
TOTAL	1,844

Source: Compiled by the authors based on Scopus database

Publications by Journal Types

Journals with the highest number of articles on the theme of fiscal decentralization are presented in Table 4 below. The three journals with the highest number of published research in the area of fiscal decentralization are Environmental Science and Pollution Research (46 articles), Sustainability

Switzerland (45 articles), and Lex Localis (26 articles). We can see from Table 4 that journals with articles on the theme of fiscal decentralization comprise a variety of fields, ranging from the environment to regional studies, public administration and development, economics, resources policy, economic modelling, sustainability, and so on.

Table 4. Most Productive Documents in Fiscal Decentralization Research

Source	Number of publications
1. Environmental Science and Pollution Research	46
2. Sustainability Switzerland	45
3. Lex Localis	26
4. World Development	25
5. Regional Studies	24
6. Public Finance Review	22
7. Resources Policy	19
8. Public Choice	18
9. Frontiers in Environmental Science	17
10. China Economic Review	16
11. Environment and Planning C Government and Policy	16
12. European Journal of Political Economy	16
13. Applied Economic Letters	14
14. International Journal of Environmental Research and Public Health	14
15. International Tax and Public Finance	14
16. Public Administration and Development	14
17. Applied Economics	13
18. Economic Modelling	13
19. Economic Letters	12
20. Journal of Cleaner Production	12
TOTAL	396

Source: Compiled by the authors based on Scopus database

Most Published Authors, their Citations, and Affiliations

Table 5 shows the ten most published authors in the field of fiscal decentralization, their number of citations, and organizational affiliations. Most prominent among the authors is Rodriguez-Pose, Andres with a total of 287 publications, 11 of which are indexed in the

Scopus database. Rodriguez-Pose also has 18,007 citations on fiscal decentralization research and is affiliated with the London School of Economics and Political Science, London, United Kingdom. The second most published author on fiscal decentralization is Martinez-Vazquez, Jorge with 157 publications, and 3,247 citations. Martinez-

Vazquez has 26 publications on fiscal decentralization indexed in the Scopus database and is affiliated with Georgia State University, United States. The third most published author on fiscal decentralization is Nemec, Juraj with 121 publications, 10 of which are indexed in the Scopus, and has 351 citations on the topic. Nemec, Juraj is affiliated with Masaryk University, Brno, Czech Republic.

It is also shown that the most published authors published in the area of fiscal decentralization have affiliations with institutions of higher learning mostly in Europe and the United States. For example, Ochraňa, Frantisek is affiliated with Charles University, Prague, Czech Republic; Sacchi, Agnese affiliated with Università degli Studi di Urbino Carlo Bo Urbino, Italy; and Malicka, Lenka affiliated with Technická Univerzita v Košiciach, Kosice, Slovakia.

Table 5. Most Published Authors in Fiscal Decentralization and Their Affiliations

Author	Total No. of Publications in Fiscal Decentralization	Number of Publications in Scopus	Number of Citations n Fiscal Decentralization
1. Rodriguez-Pose, Andres (London School of Economics and Political Science, London, United Kingdo)	287	11	18,007
2. Martinez-Vazquez, Jorge (Georgia State University, Atlanta, United States)	157	26	3,247
3. Nemec, Juraj (Masaryk University, Brno, Czech Republi)	121	10	1,351
4. Ochraňa, Frantisek (Charles University, Prague, Czech Republi)	74	11	445
5. Placek, Michal (Národní Muzeum, Prague, Prague, Czech Republi)	74	10	304
6. Bahl, Roy (Georgia State University, Atlanta, United States)	49	10	1,040
7. Pucek, Milan Jan (Vysoká škola regionálního rozvoje , Prague, Czech Republi)	44	9	222
8. Neyapti, Bilin (Bilkent Üniversitesi , Ankara, Turkey)	34	10	1,478
9. Sacchi, Agnese (Università degli Studi di Urbino Carlo Bo Urbino , Italy)	33	12	644
10. Malicka, Lenka (Technická Univerzita v Košiciach, Kosice, Slovakia)	27	11	45

Source: Compiled by the authors based on Scopus database

Most Cited Articles

The bibliometric analysis shows that the most cited articles on fiscal decentralization are not necessarily from the most cited authors on the subject. As shown in the network visualization in Figure 6, the network visualization indicates that the article on fiscal decentralization with the highest number of citations is: “Decentralization and Corruption:

Evidence Across Countries”. This article was written by Fisman, R. and Ghatti, R. and has 701 citations. The article was published in 2002 in the Journal of Public Economics, 83(3), 325-2345

The article with the second highest number of citations is: “Regional Decentralization and Fiscal Incentives: federalism, Chinese Style”. The article has

699 citations and was authored by Jin, Hehui; Quian, Yingyi; and Weingast, Barry. It was published in 2005 in Journal of Public Economics, 89(1), 1719-1742.

With 637 citations, “Federalism and the Soft Budget Constraint” is ranked as the third most cited article on fiscal decentralization. Authored by Quian, Yingyi; and Roland, Gerald in 1998, the article was published in the American Economic Review, 88(5), 1143-1162.

The fourth most cited article on fiscal decentralization with 474 citations is “Fiscal Decentralization, Public Spending, and Economic Growth in China”. The article was written by Zhang, Tao; and Zou, Heng-Fu in 1998 and published in Journal of Public Economics, 67(2), 221-240.

Finally, with 458 citations, the fifth most cited article is “Fiscal Decentralization and Economic Growth: A Cross-country Study” written by Davoodi, Hamid; Zou, Heng-Fu in 1998 and published in the Journal of Urban Economics, 43(2), 244-257.

Other cited articles in the top-10 category of citations include: “How does Fiscal Decentralization Affect CO2 Emissions? The Roles of Institutions and Human Capital” by Khan, Zheeshan; Ali, Shahid; Dong, Kangyin; and Li, Rita in 202, published in Energy Economics, 94(C) (444 citations);

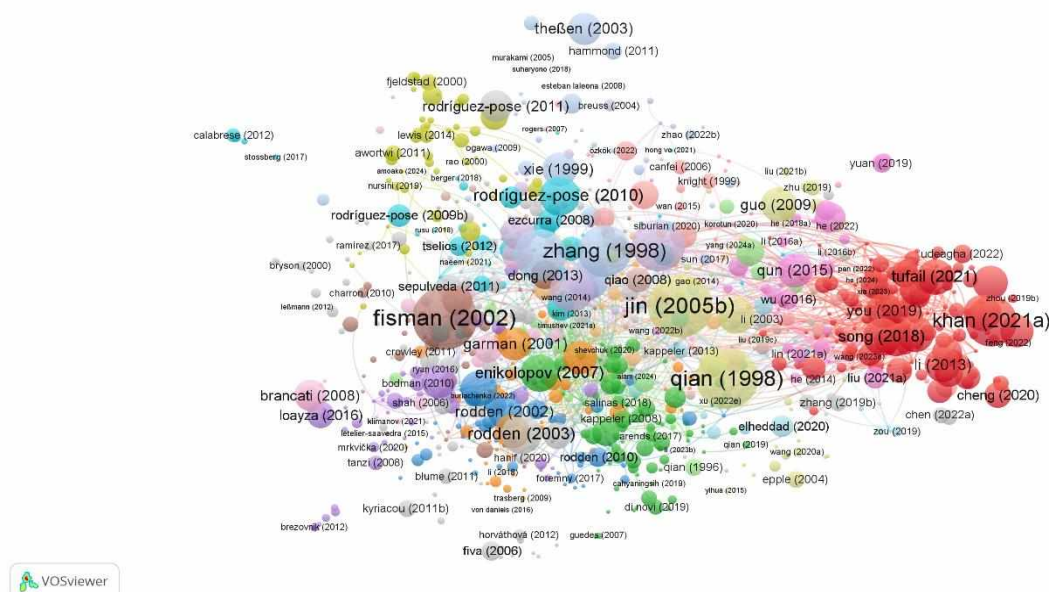
“Reviving Leviathan: Fiscal Federalism and the Growth of Government” by Rodden, Jonathan in 2023, and published in International Organization, 57(4), 695-729 (271 citations);

“Does Decentralization Matter for Regional Disparities? A Cross-Country Study” by Rodriguez-Pose, Andres; Ezcurra, Roberto in 2010 published in Journal of Economic Geography, 10(5), 619-644 (261 citations);

“Impact of Fiscal Decentralization on Green Total Factor Productivity” by Song, Malin; Du, Juntao; Tan, Kim Hua in 2018 published in International Journal of Production Economics, 205, 359-367 (246 citations); and “Decentralization and Political Institutions” by Enikolopov, Ruben; Zhuravskaya, Ekaterina published in 2007 in Journal of Public Economics, 91(12), 2261-2290 (241 citations).

It can be seen that a significant number of cited articles on fiscal decentralization occurred mostly in economics journals. Additionally, topics covered by the authors regarding fiscal decentralization cover various topics, from corruption to fiscal incentives, economic growth, the role of institutions and human capital, the environment (CO2 emission), and so on.

Figure 6. Network Visualization of Cited Articles

Source: Compiled by authors based on Scopus Database

Discussion and Conclusion

Fiscal decentralization has been a central theme in governance research due to its potential to address inefficiencies in

governance and enhance economic growth. This bibliometric analysis reveals an increasing scholarly interest in fiscal decentralization from 1974 to 2024, particularly in the areas of economic performance, environmental governance, and social welfare. Bibliometric indicators such as keywords, number of publications by countries, types of documents with research in fiscal decentralization, most productive documents, patterns of collaborations, subject areas, and so on were parts of the results of the analysis.

Based on Scopus dataset, the analysis has shown with very few exceptions, a significant upward trend in fiscal decentralization studies from 1974 to 2024, with the highest number of research outputs on the topic occurring in 2023. While some of the studies identify the limitations of fiscal decentralization by indicating that it is not a panacea to solve all societal ills, understanding such limitations can help in designing better decentralization systems that mitigate some of the shortcomings. The analysis underscores the dominance of China and the United States in this field, as well as the multidisciplinary nature of the topic, which spans social sciences, economics, and environmental studies. Interestingly, while Rodriguez-Pose, Andres was identified as having the highest number of publications in fiscal decentralization, no publication from the author is among the top ten most cited publications.

The analysis further revealed that most of the studies on fiscal decentralization were conducted in the social sciences. Consequently, the bibliometric analysis enhances the body of knowledge in fiscal decentralization by providing a comprehensive analysis of various studies on the topic for about 50 years. Moving forward, it is essential for future research to explore fiscal decentralization's impact in developing

countries and to assess its role in digital governance and climate change mitigation policies.

Conclusion

A comprehensive understanding of fiscal decentralization through bibliometric analysis highlights its increasing relevance in addressing global governance challenges. The findings indicate that research on fiscal decentralization is not limited to economic governance but extends to environmental policy, public health, and social welfare. The findings from this analysis highlight the vital role played by key regions such as the United China, the United States, and the United Kingdom, not only in terms of the quantity of publications but also in their involvement in global collaborative research networks. The analysis shows that journals with the highest number of published articles in the field tend to be within the economics discipline.

The dominance of specific journals such as the *Journal of Public Economics* within the citation landscape illustrates the influence of specific research outputs in shaping public understanding of the topic. Despite certain limitations, such as the focus on articles that were only indexed in the Scopus database, the insights garnered from this study should help to provide a valuable resource for practitioners and researchers in formulating strategies that are aimed at enhancing better societal outcomes through the allocation of limited resources. Future research should focus on the practical application of fiscal decentralization in developing countries, particularly in addressing issues of corruption, inequality, and sustainability. The insights from this analysis provide a valuable resource for researchers and policymakers aiming to improve governance systems and societal outcomes through more effective decentralization.

References

1. Thiessen, U. Fiscal Decentralization and Economic Growth in High-income OECD Countries // Fiscal Studies. – 2005. – Vol. 24. – № 3. – P. 237-274.
2. Tiebout, C. An Economic Theory of Fiscal Decentralization. – Volume Publisher. – Princeton University Press. – 1961. – P. 31-56

3. Sacchi, A., Salotti, S. How Regional Inequality Affects Fiscal Decentralization: Accounting for the Autonomy of Subcentral Governments // Environment and Planning C: Government and Policy. – 2014. – Vol. 32, – № 1. – P. 144-162.
4. Qiao, B., Martinez-Vazquez, J., Xu, Y. The Tradeoff between Growth and Equity in Decentralization Policy: China's Experience // Journal of Development Economics. – 2008. – Vol. 86. № – 1. – P. 112-128.
5. Song, M., Du, J., Tan, K. Impact of Fiscal Decentralization on Green Total Factor Productivity // International Journal of Production Economics. – 2018. – No. 205. P. 359-367.
6. Wang, T., Peng, J., Wu, L. Heterogeneous Effects of Environmental Regulation on Air Pollution: Evidence from China's Prefecture-level Cities // Environmental Science and Pollution Research. – 2021. – Vol. 28. – № 20. – P. 25782-25797.
7. Bojanic, A. The Empirical Evidence on the Determinants of Fiscal Decentralization // Revista Finanzas y Política Económica. – 2020. – Vol. 12. – № 1. – P. 271-302.
8. Prima, S. Financial Performance of Banten Province Before and During the Covid-19 Pandemic // Journal of Financial and Behavioral Accounting. – 2022, – Vol. 2, – № 1. – P. 26-34.
9. Firmansyah, I. Ten Years of Jurnal Akuntansi Dan Keuangan Indonesia: A Bibliometric Study // Jurnal Akuntansi Dan Keuangan Indonesia. – 2021. – Vol. 18. – № 1. – P. 75-88.
10. Aria M., Cuccurullo, C. Bibliometrix: An R-tool for Comprehensive Science Mapping Analysis // Journal of Informetrics. – 2017. – Vol. 11. – № 4. – P. 959-975.
11. Donthu, N., Kumar, S., Mukherjee, D., Pandey, N., Lim, W. How to Conduct a Bibliometric Analysis: An Overview and Guidelines // Journal of Business Research. – 2021. – No. 133. – P. 285-296.
12. Linnenluecke, M., Marrone, M., Singh, A. Conducting Systematic Literature Reviews and Bibliometric Analysis // Australian Journal of Management. – 2020. – Vol. 45. – № 2. P. 175-194.
13. Li, J., Burnham, J., Lemley, T., Britton, R. Citation Analysis: Comparison of Web of Science, SCOPUSTM, SciFinder, and Google Scholar // Journal of Electronic Resources in Medical Libraries. – 2010. – Vol. 7. – № 3. – P. 196-217.
14. Van Eck, N. and Waltman, L. VOS viewer Manual. – 2023.

ФИСКАЛДЫ ОРТАЛЫҚСЫЗДАНДЫРУ ЕЛУ ЖЫЛДЫҚ ОҚУДЫҢ БИБЛИОМЕТРИЯЛЫҚ ТАЛДАУЫ

Francis AMAGON, Мемлекеттік басқару және халықаралық даму докторы, АҚШ профессоры, КИМЭП университеті, Қазақстан, famagoh@kmer.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3935-3375>

Nadeem NAQVI, экономика ғылымдарының докторы, АҚШ профессоры, КИМЕР Университеті, Алматы, Қазақстан, naqvi@kimer.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-5546-1568>.

ФИСКАЛЬНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Francis AMAGON, доктор государственного управления и международного развития, профессор США, кафедра государственного управления университета КИМЭП, Казахстан, famagoh@kmer.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3935-3375>

Nadeem NAQVI, доктор экономических наук, профессор США, кафедра экономики Университета КИМЭП, Алматы, Казахстан, naqvi@kimer.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-5546-1568>.

IMPLEMENTATION OF THE 'POLLUTER PAYS' PRINCIPLE IN KAZAKHSTAN'S STATE ENVIRONMENTAL REGULATION

Lyaila MUKHAMETRAKHIMOVA*	<i>DPA candidate at the Institute of Management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, l.mukhametrakhimova@apa.kz, ORCID: 0009-0004-3664-7479</i>
Raushan DULAMBAYEVA	<i>Doctor of Economics, Professor at the Institute of Management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, r.dulambayeva@apa.kz, ORCID: 0000-0003-3942-8875</i>
Arman UTEPOV	<i>Head of the PF "Center for Ecosystem Solutions EcoMind", Astana, Republic of Kazakhstan, utepov.arman@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7794-6473</i>

Manuscript received: 08/06/2024

Revised: 07/10/2024

Accepted: 31/10/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1268

UDC 504.06

CICSTI 10.60.

Abstract. Protection of atmospheric air from pollution remains a critical issue for public administration in Kazakhstan, as evidenced by the deteriorating environmental conditions in several major cities. Atmospheric air pollution results in adverse health effects, diminishes the quality of life for the population, and disrupts ecosystem stability. This study aims to assess the effectiveness of the "Polluter Pays" Principle in the legal regulation of environmental relations. To achieve this objective, authors employed a mixed-method research approach. This involved the analysis of secondary data on atmospheric air quality and a comprehensive examination of regulations pertaining to the implementation of the legal principle under consideration. The findings indicated that, despite some positive trends in atmospheric air quality from 2017 to 2022, emissions of certain pollutants, including arsenic, copper, and hydrocarbons, saw significant increases. Concurrently, Kazakhstan remains in the international rankings as one of the countries where permissible pollution standards are exceeded by 3 to 5 times. The analysis of the legislative framework supporting the "Polluter Pays" Principle revealed several weaknesses and legislative gaps that hinder the achievement of the strategic goal of reducing harmful atmospheric emissions.

Keywords: ecology, air pollution, principle, polluter pays, environmental regulation, emissions, Kazakhstan

Аңдатпа. Атмосфералық ауаны ластанудан қорғау Қазақстандағы мемлекеттік басқарудың өзекті мәселелері болып қала береді, бұған елдің бірқатар ірі қалаларындағы экологиялық жағдайдың нашарлауы дәлел. Атмосфералық ауаның ластануы адам денсаулығына теріс әсер етеді, халықтың өмір сүру сапасын төмендетеді, экожүйенің тұрақтылығын бұзады. Бұл зерттеудің мақсаты "ластаушы төлейді" экологиялық қатынастарды құқықтық реттеу принципінің тиімділігін бағалау болып табылады. Осы мақсатқа жету үшін аралас зерттеу әдісі қолданылды. Атмосфералық ауа сапасының жай-күйі бойынша қайталама деректерге талдау, сондай-ақ жоғарыда аталған құқықтық реттеу қағидатын іске асыруға байланысты нормативтік-құқықтық актілерге талдау жүргізілді. Нәтижелер 2017-2022 жылдардағы атмосфералық ауа жағдайының оң динамикасына қарамастан, мышьяк, мыс, көмірсутектер сияқты жекелеген ластаушы заттардың шығарындылары айтарлықтай өскенін көрсетті. Бұл ретте, атмосфералық ауаның сапасы бойынша халықаралық рейтингте Қазақстан ластану бойынша рұқсат етілген нормативтерден 3-5 есе асатын елдер арасында өз орнын сақтайды. "Ластаушы төлейді" қағидатын енгізу бойынша заңнамалық базаны талдау атмосфераға зиянды шығарындыларды азайту жөніндегі стратегиялық мақсатқа қол жеткізуге кедергі келтіретін бірқатар әлсіздіктер мен заңнамалық олқылықтарды ашты.

Түйін сөздер: экология, ауаның ластануы, принципі, ластаушы төлейді, Экологиялық реттеу, шығарындылар, Қазақстан

Аннотация. Защита атмосферного воздуха от загрязнения продолжает оставаться актуальным вопросом государственного управления в Казахстане, о чем свидетельствует ухудшающаяся экологическая обстановка в

*Corresponding author: L. Mukhametrakhimova, l.mukhametrakhimova@apa.kz

ряде крупных городов страны. Загрязнение атмосферного воздуха приводит к негативным последствиям для здоровья человека, снижает качество жизни населения, нарушает устойчивость экосистемы. Целью данного исследования является оценка эффективности принципа правового регулирования экологических отношений «загрязнитель платит». Для достижения данной цели, был применен смешанный метод исследования. Проведен анализ вторичных данных по состоянию качества атмосферного воздуха, а также анализ нормативно-правовых актов, связанных с реализацией вышеуказанного принципа правового регулирования. Результаты показали, что несмотря на положительную динамику состояния атмосферного воздуха за 2017-2022 годы, значительно возросли выбросы отдельных загрязняющих веществ, таких как мышьяк, медь, углеводороды. При этом, в международном рейтинге по качеству атмосферного воздуха Казахстан сохраняет позицию среди стран с превышением допустимых нормативов по загрязнению в 3-5 раза. Анализ законодательной базы по внедрению принципа «загрязнитель платит» раскрыл ряд слабостей и законодательных пробелов, препятствующих достижению стратегической цели – снижения вредных выбросов в атмосферу.

Ключевые слова: экология, загрязнение воздуха, принцип, загрязнитель платит, экологическое регулирование, выбросы, Казахстан.

Introduction

The issue of air quality has gained particular relevance over the past decade, as evidenced by the United Nations (UN) 2030 Agenda for Sustainable Development. Within the framework of Goal 11, “Sustainable cities and communities,” one of the indicators is “reducing the adverse per capita environmental impact of cities, including by paying special attention to air quality and municipal and other waste management, by 2030” [1]. According to some estimates, problems caused by air pollution result in up to 7 million deaths annually [2]. Air pollution levels in Asia far exceed acceptable levels for human health. The situation is slightly better in Europe, where a large part of the population is also exposed to air pollution concentrations that significantly exceed the parameters recommended by the World Health Organization (WHO) [3].

In general, poor air quality significantly reduces the quality of life, especially in large metropolitan areas where most of the world's population is concentrated. Moreover, polluted air is the main trigger of global warming, which has much more serious consequences for all humanity [4].

In Kazakhstan, the air quality situation continues to be alarming and requires immediate action. This is especially true for industrial regions and centers of labor resource attraction. Among the regions with the most polluted air are the cities of Astana, Karaganda, and Zhezkazgan. Morbidity indicators associated with poor air quality in these regions also show negative dynamics (Beisenova et al., 2023) [5]. Other risk regions include the oil and gas producing areas of Kazakhstan. Analyzing the medical indicators of the population and qualitative and quantitative air parameters in one of the villages in the Aktope region, Aitmaganbet et

al. (2020) identified correlations. In particular, a relationship has been established between certain air pollutants and diseases among the population [6]. Additionally, the cities of Almaty and Shymkent suffer from air pollution due to high industrial and transport loads. Examining data for the regions of Kazakhstan from 1990 to 2022, Kanat et al. (2024) found that energy consumption and air quality were inversely related to long-term life expectancy [7].

Thus, the relevance of ensuring adequate air quality in Kazakhstan is beyond doubt. The health of the nation, the country's main strategic resource, as well as the prosperity and well-being of Kazakhstani citizens, depend on this.

Today, the government of Kazakhstan is taking measures to improve the mechanisms of state environmental management. One of the recent initiatives designed to improve air quality and reduce atmospheric emissions is the “polluter pays” principle of legal regulation of environmental relations. The Polluter Pays Principle (PPP) is an economic and environmental principle that states that the costs of preventing, managing, and eliminating environmental pollution should be borne by those who cause it. The principle also covers other environments susceptible to pollution (soil, water). PPP is fundamental in the environmental policies and legislation of many countries and international organizations. In theory, it means that the agent causing the pollution must compensate all other agents who suffer from such pollution [8].

In practice, things are not so straightforward, and it is often difficult to determine who the polluter and the affected party are. Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) countries use PPP in many of its forms. Some developing countries also use it, although more as a government responsibility rather than a polluter's responsibility [9]. Aspects

such as the economic responsibility of the polluter and incentives to reduce pollution can characterize the application of PPP. In addition, society does not bear the financial burden in the form of taxes for damage caused to the environment by the polluter. In practice, the implementation of PPP is carried out through the development and implementation of environmental taxes, fees, fines, emission quotas, and other economic instruments for state environmental management. However, the introduction of regulatory instruments does not guarantee their effectiveness.

Thus, in environmental law, where regulatory impact assessment and PPP coexist, contradictions may arise. These contradictions (system errors) are due to preliminary restrictions on possible participants, opportunistic behavior, management problems, and a number of other multiple factors (Schmidtchen et al., 2021) [10].

Since 2018, the Government of Kazakhstan has been implementing the Polluter Pays Principle (PPP) initiative as part of an agreement with the United Nations (UN) under the project “Reforming the Environmental Payment System: Analysis of Compliance with the Polluter Pays Principle in Kazakhstan” for 2018-2019 [11]. The principles of PPP have been considered when amending the Environmental Code. Currently, the Environmental Code is the primary legislative act regulating environmental issues in Kazakhstan. It includes provisions that obligate enterprises and organizations to comply with environmental standards and bear responsibility for pollution.

The purpose of this study is to assess the effectiveness of the legislative regulation of the PPP principle in Kazakhstan. Such an analysis of effectiveness concerning this subject has not been previously conducted. Assanov et al. (2021), examining emission limit data from power plant and smelter permits, concluded that the current emission permitting system had not reduced emissions as of 2019. The authors attribute this to loopholes in the legislation, and a lack of monitoring and enforcement [12]. Chursina (2023), considering individual cases of compensation for environmental damage within the framework of PPP, points to the strengthening of the procedure for recognizing the presence of excess emissions into the environment in connection with the adoption of new environmental legislation [13].

This article aims to contribute to the study of this issue. The authors analyze the effectiveness of the measures taken in terms of their impact on air quality and analyze legislative gaps.

Materials and methods

This article employs a mixed research method using an exploratory sequential design, based on the classification by Creswell and Plano Clark (2011) [14].

At the first stage, the authors use secondary data to study the dynamics of the environment. The AirVisual information platform, managed by a Swiss company specializing in air quality technology, provided air quality data for Kazakhstan from 2017 to 2023. IQAir's air quality information platform leverages artificial intelligence (AI) to calibrate and validate data from numerous governmental and non-governmental air quality monitoring stations.

Additionally, official statistical data for 2017-2022 on the indicator “Pollutant emissions” were obtained from the website of the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan [15]. This indicator is compiled following the approved methodology for forming environmental statistics indicators [16].

In the second stage, a regulatory analysis was conducted to contextualize the results obtained from the quantitative data. The information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan, “Adilet,” served as the source of qualitative data.

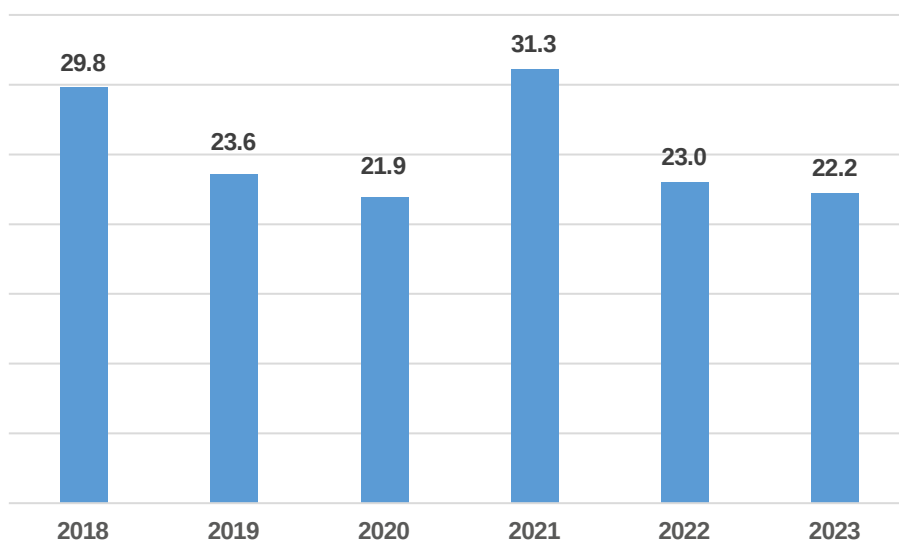
Results

Air Pollution in the Republic of Kazakhstan

IQAir annually surveys 134 countries and territories, rating them on a scale from 0 to 100 based on air pollution levels, with 0 indicating no pollution and 100 indicating maximum pollution. The highest rankings are occupied by the most polluted countries, while the least polluted, environmentally friendly countries are ranked lower on the list.

In the 2023 survey, Kazakhstan was ranked 40th, where 1st place represents the highest level of pollution and the last place indicates the lowest. Figure 1 illustrates the dynamics of air pollution levels in Kazakhstan from 2017 to 2023.

Figure 1. Trends in Air Pollution Levels in Kazakhstan (2017-2023)

Source: <https://www.iqair.com/ru/world-most-polluted-countries>

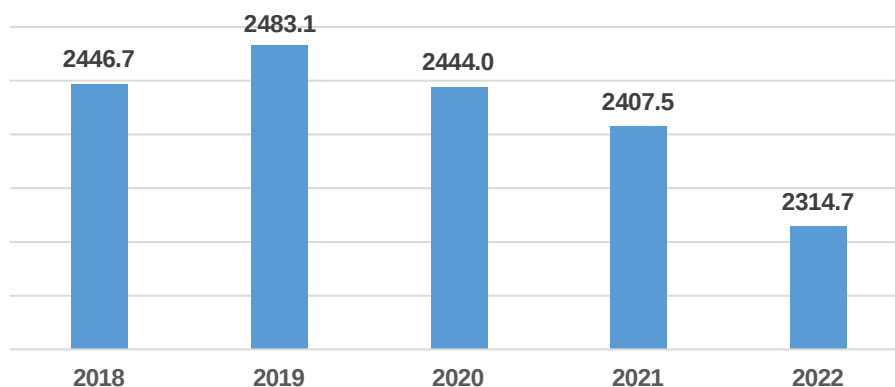
As can be seen from Figure 1, the dynamics of air pollution levels in Kazakhstan over the period under review are not stable. The decline to 21.9 can be attributed to the COVID-19 period, after which the situation worsened again in 2021, reaching a record level of 31.1. According to the IQAir classification, this level of pollution corresponds to exceeding permissible standards by 3-5 times. This group includes 38 countries (ranked from 33 to 70), primarily developing nations in Europe, Asia, Africa, South America, and the Middle East. Countries with air quality closest to

Kazakhstan include Malaysia, Mongolia, Montenegro, and Madagascar.

The main indicators of atmospheric air quality reported by the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan include emissions of pollutants into the air, air quality in cities, and consumption of ozone-depleting substances. The total volume of pollutant emissions into the atmosphere is calculated as the sum of emissions from both stationary and mobile sources, based on primary reports from enterprises.

Figure 2 shows the dynamics of pollutant emissions into the atmospheric air in the Republic of Kazakhstan.

Figure 2. Pollutant Emissions into the Atmosphere in the Republic of Kazakhstan (thousand tons)

Source: <https://stat.gov.kz/ru/industries/environment/stat-eco/>

Overall, Figure 2 illustrates a gradual reduction in emissions starting from 2019. However, the emission levels during this period are comparable to those of 2009-2010, when annual emissions amounted to

approximately 2200-2300 thousand tons. Regionally, the highest volumes of atmospheric pollutants in the Republic of Kazakhstan were recorded in the Pavlodar and Karaganda regions (Table 1).

Table 1. Pollutant Emissions from Stationary Sources into the Atmosphere (thousand tons)

	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Kazakhstan	2 357.8	2 446.7	2 483.1	2 441.0	2 407.5	2 314.8
Pavlodar	609.8	709.3	721.5	723.0	736.1	724.2
Karaganda	598.7	587.5	641.3	627.7	569.7	469.0
Aktobe	169.5	158.1	136.6	135.1	137.4	136.5
Atyrau	177.0	172.3	164.5	153.9	160.3	132.1
Kostanay	114.8	124.0	130.5	123.4	137.9	121.4
Ulytau						105.0
East Kazakhstan	129.3	130.7	128.8	127.2	128.1	83.3
Mangystau	62.6	65.5	64.5	72.5	75.2	78.7
Akmola	86.9	84.5	76.7	77.2	77.3	69.5
Astana	59.2	56.4	65.1	62.4	62.2	57.7
Zhambylskaya	51.9	52.1	55.8	55.0	55.8	52.9
North Kazakhstan	76.4	75.5	74.7	76.0	61.2	52.7
Almaty	41.1	43.0	46.1	44.5	40.8	41.5
Abai						39.0
Shymkent		33.4	29.8	29.6	33.2	35.0
Almaty	43.4	50.2	48.1	46.3	47.9	28.8
West Kazakhstan	41.5	48.2	41.2	30.8	26.0	25.8
Turkestan		30.0	33.5	28.1	29.0	25.2
Kyzylorda	27.5	26.0	24.4	28.3	29.2	23.4
Zhetisu						13.1
South Kazakhstan	68.2					

Source: <https://stat.gov.kz/ru/industries/environment/stat-eco/>

Between 2017 and 2022, emissions from stationary installations into the atmospheric air saw significant increases in arsenic (6.8 times), copper (3.1 times), hydrocarbons (3 times), and non-methane volatile organic compounds (NMVOCs) (1.8

times). Conversely, emissions of cadmium decreased by 5 times, while benzo pyrene decreased by 2 times. Additionally, there were notable reductions in dichloroethane emissions (by 36.4%) and naphthalene emissions (by 32.7%) (Table 2).

Table 2. Dynamics of Emissions of Specific Pollutants into the Atmospheric Air in the Republic of Kazakhstan from Stationary Installations, 2017-2022

Types of chemical compounds	%, 2022 / 2017
Arsenic	677.4
Copper	312.1
Hydrocarbons (CH)	296.5
Non-methane volatile organic compounds (NMVOCs)	179.8
Naphthalene	67.3
Dichloroethane	63.6
Benz(a)pyrene	48.6
Cadmium	21.5

Source: https://stat.gov.kz/ru/ecologic-indicators/28426/air_pollutant_emissions/

The industrial sector accounts for the majority of pollution, constituting 88.6% of the total emissions. Within this sector, nearly 40% of emissions originate from enterprises engaged in electricity, heat, steam, and water production and distribution, while over 30% stem from manufacturing industries. Contributions from other sectors of the economy to the overall pollution volume are minimal, collectively amounting to less than 5% [17].

Regulatory Framework of the Republic of Kazakhstan in the Implementation of the PPP

As part of the agreement signed in 2018 between the Government of the Republic of Kazakhstan and the OECD on the implementation of the project “Reforming the Environmental Payment System: Analysis of Compliance with the ‘Polluter Pays’ Principle in Kazakhstan” for 2018-2019, a goal was set

to improve the economic mechanism of environmental management by reforming the system of environmental payments. The project involves both Kazakhstani and international parties. On behalf of Kazakhstan, the Ministry of Energy acted as the coordinator, with the Ministries of Finance and National Economy and the National Board of Entrepreneurs “Atameken” as interested parties. One of the project's outcomes was the development of a roadmap for introducing legislative changes and additions based on the results of an analytical report [11].

Between 2019 and 2021, the Government of the Republic of Kazakhstan introduced several changes and additions to the legislation regulating environmental issues [18]. Some of these changes and additions pertain specifically to the implementation of the “polluter pays” principle, particularly regulatory instruments concerning air emissions (Table 3).

Table 3. Amendments and Additions to the Environmental Legislation of the Republic of Kazakhstan

Regulatory legal act	Amendments / Additions
Environmental Code, Article 5	The conceptual framework of the “polluter pays” principle was introduced. According to this definition, any individual or entity that has caused or is capable of causing environmental damage in any form is responsible for bearing all costs associated with preventing, controlling, and mitigating these consequences.
Environmental Code, Article 136	The responsibility of the polluter to remediate the components of the natural environment that have caused environmental damage has been established.
Environmental Code, Article 339	The responsibility of the polluter is established for the management of waste before it is transferred into the possession of the person responsible for disposal.
Tax code, Articles 573-579	The categories of payers, payment rates, and the procedure for calculating and paying for negative impacts on the environment have been determined.

Note: compiled by authors based on [20] and [21]

All amendments regarding the “polluter pays” principle were incorporated into the new Environmental Code adopted in 2021 [19]. Additionally, the current Tax Code of 2021

includes adjustments to the section on payments for negative environmental impact, effective from January 1, 2022 [20].

Discussion and Conclusion

An analysis of atmospheric air quality and harmful substance emissions in the Republic of Kazakhstan over the past five years reveals no significant improvements. While emissions of certain pollutants do not

critically exceed permissible standards, the overall dynamics remain concerning. Regulatory Framework and Key Issues in Environmental Policy. A review of the regulations underpinning PPP in environmental regulation highlights several key issues.

1. Terminology Issues

In global practice, a primary challenge in implementing PPP is accurately defining the polluter, the nature of pollution, and the extent of financial liability for the polluter. Bleeker (2009) identified difficulties in both defining the polluter and ensuring the proportionality of punishment for environmental damage through judicial interpretation of the "polluter pays" principle in EU countries [22]. Similarly, Yang et al. (2015) stressed the importance of clearly identifying pollutants and ensuring that polluters bear the full costs of pollution control [24].

In the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan, the "polluter pays" principle is introduced, but a polluter is defined not as an entity causing pollution, but as a "substance or group of substances harmful to the environment, life, or human health due to their properties and as a result of their introduction into the environment." These substances are listed for reporting by industry under rules for maintaining a register of releases and transfers of pollutants [19]. This definition creates ambiguity regarding the entities responsible for compensating environmental damage. Ambec and Ehlers (2016) argue that agents can be polluters, victims of pollution, or both, complicating the quantitative assessment of emission impacts for all stakeholders [20]. Without a clear definition of stakeholders, achieving fair and adequate compensation for environmental damage remains challenging.

2. Compensation for Negative Impacts

Conceptually, emissions taxes should reflect the true cost of environmental damage, known as a Pigouvian tax, as noted by Khan (2015) [9]. However, accurately assessing environmental damages, particularly from greenhouse gas emissions, is complex. Consequently, many countries adopt a pragmatic approach, setting tax rates designed to influence taxpayer behavior as an economic incentive rather than precisely reflecting damage costs [9].

This analysis highlights the necessity for more precise regulatory definitions and effective economic instruments to address air quality issues and ensure fair compensation for environmental damages in Kazakhstan.

Considering the changes and additions made to the tax legislation of the Republic of Kazakhstan in connection with the implementation of PPP, it becomes evident that only a nominal adjustment of the wording

occurred. Paragraph 4 of the Tax Code, "Payment for negative impact on the environment," has not undergone substantial changes in terms of tax payment rates. Until 2021, these rates were referred to as "environmental emissions charges." The economic component of PPP does not serve as a sufficient and effective incentive to reduce the negative impact on the environment because the payment amounts are not commensurate with the potential costs for enterprises undertaking environmental activities. Additionally, these payments are inadequate to finance the necessary scale of environmental activities, particularly regarding air pollution. In practice, payments for negative environmental impact legitimize the activities of polluting companies without encouraging them to adopt more environmentally friendly technologies. Zhang (2021) notes that obstacles to implementing the polluter pays principle in developing countries include low standards for collecting environmental taxes, which are insufficient to compensate for the economic and environmental losses caused by pollutants emitted by fossil energy sources, and fail to raise the relative benefits of clean energy [23].

This analysis highlights the necessity for more precise regulatory definitions and effective economic instruments to address air quality issues and ensure fair compensation for environmental damages in Kazakhstan.

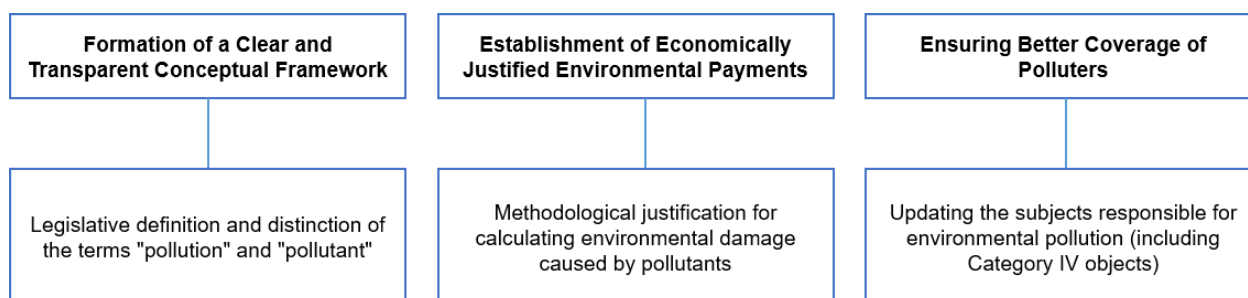
3. Fairness principles

Current standards include operators of facilities of categories I, II, and III, as defined in the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan [21]. Facilities categorized as IV, which have minimal negative environmental impact, are excluded from the list of entities required to make payments for negative environmental impacts [19]. The criteria for classifying an object into category IV, as outlined in the Instructions for determining the category of an object that has a negative impact on the environment, include the scope of activity, limits on emissions, and noise levels [25]. While this exception reduces the tax burden on businesses with minimal environmental impact, it may violate the principle of fair distribution of responsibility for environmental damage. Moulin (1990) argues that the presence of other pollutants creates a negative group externality, meaning that the cumulative impact of minimally impactful pollutants can be significant at a regional or national level [26].

Taken together, research shows that the polluter pays principle, when effectively implemented and supported by other measures, can positively affect air quality. Carratù et al. (2019) highlighted the potential trade-off between public finances and air quality, with fiscal consolidation policies potentially limiting the positive impact of fiscal

policy on pollution [27]. Cook (2002) noted a shift in air pollution control policies toward greater support for market-based regulatory instruments [28]. Therefore, to significantly improve air quality, more effective legislative measures aligned with OECD principles are needed.

Figure 3. Proposals for improving environmental regulation

First, it is essential to establish a clear and transparent conceptual framework for 'pollution' and 'polluter.' Second, the rates of environmental charges for pollution must be methodologically justified. Third, the categories of subjects responsible for environmental pollution, including Category IV

objects, need to be reconsidered. Implementing these improvements in environmental regulation is a complex task and should be carried out step by step, with detailed consideration and input from all stakeholders involved in the process.

References

1. UNGA Resolution A/RES/70/1, n. 10 above, at paragraph 75. [Electronic Resource] URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf
2. Lode B., Schönberger P., Toussaint P. Clean air for all by 2030? Air quality in the 2030 agenda and in international law [Text] //Review of European, Comparative & International Environmental Law. – 2016. – Vol. 25. – №. 1. – P. 27-38.
3. Von Schneidmesser E. et al. Chemistry and the linkages between air quality and climate change [Text] //Chemical reviews. – 2015. – Vol. 115. – №. 10. – P. 3856-3897.
4. Maione M. et al. Air quality and climate change: Designing new win-win policies for Europe [Text] //Environmental Science & Policy. – 2016. – Vol. 65. – P. 48-57.
5. Beisenova R. et al. Assessment of Atmospheric Air Quality in the Region of Central Kazakhstan and Astana [Text] //Atmosphere. – 2023. – Vol. 14. – №. 11. – P. 1601.
6. Aitmaganbet P. et al. Influence of Atmospheric Air Quality on the Morbidity of the Population Living in the Region of Oil and Gas Production in the Republic of Kazakhstan [Text] //Journal of Environmental Management and Tourism. – 2020. – Vol. 11. – №. 3. – P. 563-570.
7. Kanat O. et al. How do air quality, economic growth and energy use affect life expectancy in the Republic of Kazakhstan? [Text] //Air Quality, Atmosphere & Health. – 2024. – Vol. 17. – №. 3. – P. 513-523.
8. Ambec S., Ehlers L. Regulation via the Polluter-pays Principle [Text] //The Economic Journal. – 2016. – Vol. 126. – №. 593. – P. 884-906.
9. Khan M. R. Polluter-pays-principle: The cardinal instrument for addressing climate change [Text] //Laws. – 2015. – Vol. 4. – №. 3. – P. 638-653.
10. Schmidtchen D., Helstroffer J., Koboldt C. Regulatory failure and the polluter pays principle: why regulatory impact assessment dominates the polluter pays principle //Environmental Economics and Policy Studies. – 2021. – Vol. 23. – P. 109-144.

11. Постановление Правительства Республики Казахстан от 4 июня 2018 года № 314 «О подписании Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Организацией экономического сотрудничества и развития по реализации проекта "Реформирование системы экологических платежей. Анализ соблюдения принципа "загрязнитель платит" в Казахстане" на 2018 - 2019 годы» [Электронный ресурс]. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000314> (Дата обращения: 01.06.2024).
12. Assanov D., Zapasnyi V., Kerimray A. Air quality and industrial emissions in the cities of Kazakhstan [Text] //Atmosphere. – 2021. – Vol. 12. – №. 3. – P. 314.
13. Чурсина А. С. К вопросу о возмещении экологического ущерба по законодательству Республики Казахстан [Текст] //Синтез науки и общества в решении глобальных проблем. – 2023. – С. 313.
14. Creswell J. W., Clark V. L. P. Designing and conducting mixed methods research [Text]. – Sage publications, 2017.
15. IQAir. "World's Most Polluted Countries in 2023 - PM2.5 Ranking." IQAir, 1 Apr. 2024, www.iqair.com/world-most-polluted-countries.
16. Приказ исполняющего обязанности Председателя Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан от 25 декабря 2015 года №223 «Об утверждении Методики по формированию показателей статистики окружающей среды» [Электронный ресурс]. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012931#z1> (Дата обращения: 02.06.2024).
17. Анализ состояния атмосферного воздуха [Электронный ресурс] // Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. — URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/environment/stat-eco/> (Дата обращения: 02.06.2024).
18. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2019 года № 1023 «О проекте Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам экологии» [Электронный ресурс]. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001023> (Дата обращения: 02.06.2024).
19. Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (Дата обращения: 03.06.2024).
20. Ambec S., Ehlers L. Regulation via the Polluter-pays Principle //The Economic Journal. – 2016. – Т. 126. – №. 593. – С. 884-906.
21. Налоговый кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI ЗРК. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120> (Дата обращения: 03.06.2024).
22. Bleeker A. Does the polluter pay? The polluter-pays principle in the case law of the European Court of Justice [Text] //European Energy and environmental law review. – 2009. – Vol. 18. – №. 6.
23. Yang Zhe ; Shi Lei ; Ma Zhong. Reviewing the Polluter-pays Principle and Its Enlightenment on the Environmental Tax Policies in China [J] [Text]. Journal of Central University of Finance & Economics, 2015, 0(11): 14
24. Zhang Y. et al. Analysis of the effectiveness of the “Environmental Protection Tax Law” from the tax amount of atmospheric pollutants [Text] //IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – IOP Publishing, 2021. – Vol. 675. – №. 1. – P. 012033.
25. Приказ Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 13 июля 2021 года № 246 «Об утверждении Инструкции по определению категории объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023538> (Дата обращения: 03.06.2024).
26. Moulin H. Uniform externalities: Two axioms for fair allocation [Text] //Journal of Public Economics. – 1990. – Vol. 43. – №. 3. – P. 305-326.

27. Carratù M. et al. Air pollution and public finance: evidence for European countries [Text] //Journal of Economic Studies. – 2019. – Vol. 46. – №. 7. – P. 1398-1417.

28. Cook B. J. The Politics of Market-Based Environmental Regulation: Continuity and Change in Air Pollution Control Policy Conflict [Text] //Social Science Quarterly. – 2002. – Vol. 83. – №. 1. – P. 156-166.

ҚАЗАҚСТАНДА "ЛАСТАУШЫ ТӨЛЕЙДІ" МЕМЛЕКЕТТІК ЭКОЛОГИЯЛЫҚ РЕТТЕУ ҚАҒИДАТЫН ІСКЕ АСЫРУ

Ляйла МУХАМЕТРАХИМОВА*, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Басқару институтының докторанты, Астана қ., Қазақстан Республикасы, I.mukhametrakhimova@apa.kz, ORCID: 0009-0004-3664-7479

Раушан ДУЛАМБАЕВА, э. ғ. д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Басқару институты, r.dulambayeva@apa.kz, ORCID: 0000-0003-3942-8875

Арман УТЕПОВ, «EcoMind экожүйелік шешім қабылдау орталығы» Қоғамдық қорының басшысы, Астана қ., Қазақстан Республикасы, uterov.arman@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7794-6473

ЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ «ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ ПЛАТИТ» В КАЗАХСТАНЕ

Ляйла МУХАМЕТРАХИМОВА*, докторант Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г.Астана, Республика Казахстан, I.mukhametrakhimova@apa.kz, ORCID: 0009-0004-3664-7479

Раушан ДУЛАМБАЕВА, д.э.н., профессор Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г.Астана, Республика Казахстан, r.dulambayeva@apa.kz, ORCID: 0000-0003-3942-8875

Арман УТЕПОВ, Руководитель ОФ "Центр экосистемных решений EcoMind", г.Астана, Республика Казахстан, uterov.arman@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7794-647

КӘСІПОРЫННЫҢ ЫНТАЛАНДЫРУ ЖҮЙЕСІНІҢ ҚЫЗМЕТКЕРДІҢ МАНСАПТЫҚ ӨСУІНЕ ӨСЕРІН ТАЛДАУ

Жандос КУДАЙБЕРГЕНОВ *	<i>PhD, аға оқытушы, Қ.Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті, Ақтөбе, Қазақстан, zhandos.kudaibergen@zhubanov.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-7927-8747, Scopus ID: 57224519781, ResearcherID: AAE-2355-2021</i>
Айгуль КУРМАНАЛИНА	<i>э.ғ.к., доцент, Қ.Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті, Ақтөбе, Қазақстан, akurmanalina@zhubanov.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-0012-2775, Scopus ID: 57209271435</i>
Ботагөз ДҮЙСЕНБАЕВА	<i>э.ғ.к., доцент, Қ.Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті, Ақтөбе, Қазақстан, duisenbayeva_b@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-5959-7946, Scopus ID: 55776097900</i>
Лесбек ТАЙЖАНОВ	<i>PhD, аға оқытушы, Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан, tayzhanov1988@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-5067-6530, Scopus ID: 57191574236</i>

Қолжазбаның редакцияға түскен күні: 02/06/2024

Қайта өңделген күні: 08/10/2024

Қабылданған күні: 10/10/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1263

ӨОЖ 658.336

ГТАХТК 82.17.25

Аңдатпа. Бүгінде ұйымдар бәсекеге қабілетті болу үшін және стратегиялық мақсаттарына қол жеткізу үшін өз қызметкерлерін ынталандыру мен дамытуға аса мән беріп отыр. Дұрыс әзірленген ынталандыру жүйесі қызметкердің сол ұйымда жақсы жұмыс жасауымен қатар, оның кәсіби дамуына ынтасын арттырады.

Бұл зерттеудің мақсаты Ақтөбе қаласындағы алдыңғы қатарлы мұнай-газ кәсіпорнындағы ынталандыру жүйесінің қызметкердің мансаптық өсуге байланысын, сонымен қатар қызметкерлердің жұмысқа деген құлшынысына әсерін анықтау болып табылады. Осы мақсатқа қол жеткізу үшін кәсіпорында адам ресурстарын басқару жүйесін зерттеу, кәсіпорындағы ынталандырудың жұмыс процесіне әсерін анықтау және ынталандырудың мансапты басқаруға әсерін талдау жұмыстары жүргізілді.

Зерттеу барысында мәлімет жинау үшін сауалнама әдісі қолданылды. Шынайы ақпаратқа қол жеткізу мақсатында сауалнама анонимді түрде әзірленіп, электронды нұсқада таратылды. Жұмыстың ауырлығы, уақыттың тығыздығы және заманауи девайстарды жеткілікті деңгейде қолдана алмауы себепті жалпы саны 187 қызметкерден кері байланыс орнады. Осы сауалнама нәтижелерін қолдана отырып, SPSS Statistics бағдарламасының көмегімен ұйымның ынталандыру жүйесі және қызметкерлердің мансаптық өсуі арасында тікелей байланыстың бар екендігі, сондай-ақ, қызметкерлердің жұмысқа құлшынысына кәсіпорынның ынталандыру жүйесінің қатты әсер ететіндігі анықталды. Сондай-ақ, кәсіпорынның ынталандыру жүйесін жетілдіру және қызметкерлердің жұмысқа деген құлшынысын арттыру бойынша ұсыныстар жасалды.

Түйін сөздер: адам ресурстарын басқару, ынталандыру, мансаптық өсу, ынталандыру жүйесі, кәсіпорын

Abstract. In the contemporary landscape, organizations are placing significant emphasis on motivating and developing their employees in order to remain competitive and achieve their strategic objectives. A well-designed motivation system not only ensures employees perform effectively within the organization but also enhances their motivation for professional advancement.

The aim of this research is to identify the correlation between the motivation system at a leading oil and gas enterprise in Aktobe and employees' career progression, as well as its impact on their work motivation. To accomplish this objective, efforts were made to study the human resource management system within the enterprise, ascertain the influence of motivation on the work process, and analyze the effects of incentives on career management.

A survey method was employed for data collection in this research. To ensure access to reliable information, the survey was designed anonymously and distributed electronically. Despite the challenges posed by heavy workloads, time constraints, and employees' limited proficiency with modern devices, feedback was obtained from a total of 187 employees. Using the results of this survey, the SPSS Statistics program was utilized to establish the connection between the organization's motivation system and employees' career advancement. Additionally, the study revealed a significant impact of the organization's motivation system on employees' motivation towards work. Recommendations for improving the enterprise's motivation system and increasing employee motivation to work are also proposed.

*Хат-хабарларға арналған автор: Ж. Құдайбергенов, zhandos.kudaibergen@zhubanov.edu.kz

Keywords: human resource management, motivation, career advancement, motivation system, enterprise

Аннотация. Сегодня организации уделяют большое внимание мотивации и развитию сотрудников, чтобы быть конкурентоспособными и достигать своих стратегических целей. Правильно разработанная система мотивации, помимо того, что сотрудник хорошо работает в этой организации, повышает его мотивацию к профессиональному развитию.

Целью данного исследования является выявление связи системы мотивации на передовом нефтегазовом предприятии г. Актобе с карьерным ростом работника, а также влияния на мотивацию работников к работе. Для достижения этой цели были проведены работы по изучению системы управления человеческими ресурсами на предприятии, выявлению влияния мотивации на рабочий процесс на предприятии и анализу влияния стимулов на управление карьерой.

В исследовании использовался метод опроса для сбора данных. С целью доступа к достоверной информации опрос был разработан анонимно и распространен в электронной версии. Из-за тяжелой работы, плотности времени и неспособности адекватно использовать современные девайсы обратная связь была получена в общей сложности от 187 сотрудников. Используя результаты этого опроса, с помощью программы SPSS Statistics была выявлена связь между системой мотивации организации и карьерным ростом сотрудников. Исследование также показало, что на мотивацию сотрудников к работе сильно влияет система мотивации предприятия. А также предложены рекомендации по совершенствованию системы мотивации предприятия и повышению мотивации сотрудников к работе.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, мотивация, карьерный рост, система мотивации, предприятие.

Кіріспе

Қазіргі таңда еңбек нарығында кәсіпорындардың ішкі жұмыс процесі айтарлықтай өзгерістерге ұшырап жатыр. Кәсіпорын басшылары әлемдік стандарттарға және заманауи трендтерге сай жұмыс атмосферасын қалыптастыруға аса көңіл бөлуде. Себебі, жұмыс орнының қолайлылығы, жаңа әдістер мен тәсілдер, бәсекеге қабілетті әріптестердің болуы, тіпті ғимараттың заманауи үлгіде болуы қызметкерлердің жұмысқа деген ынтасын арттыратыны анықталған [1; 2; 3]. Осылайша, ұйымды басқаруда маңызды болып есептелетін адам ресурстарын басқару тәжірибелерінің негізгі мақсаты қызметкерлердің тиімділігін арттыру болып табылады. Қызметкерлердің тиімділігін арттыру үшін оларды үнемі жұмыс жасауға ынталандырып отыру қажет. Ынталандыру жүйесі әр ұйымда әртүрлі қалыптасады. Бір кәсіпорын үшін ынталандыру жақсы жұмыс ортасын қалыптастыру болса, басқа бір кәсіпорын үшін еңбекақының бәсекеге қабілетті болуы және қызметкерлердің материалдық жағдайы маңызды болып табылады. Жалпы, ынталандыру – адамның өз қажеттіліктерін белсенді түрде қанағаттандыратын іс-әрекетке итермелейтін, оның мінез-құлқын оң мағынада реттейтін, қызметкердің жұмыста белсенділігін және тұрақтылығын анықтайтын динамикалық психофизиологиялық процесс [4]. Адам ресурстарын басқарудың көптеген заманауи жүйелері ынталандыру теориясының аясында жасалған [5].

Сонымен қатар, қызметкерді ынталандыру оның мансапты дамуына тікелей әсерін тигізеді. Қазіргі уақытта, қоғамда қызметкердің мансап құруға бағдарлануы жеке тұлғаның жағымды қасиеттерімен сипатталады. Ұйымдағы мансапты басқару қызметкерлерді кәсіби жетістіктерге итермелейді. Егер ұйымда мансаптық өсу мәселесі кеңінен қарастырылса болса, кәсіпорынның басқару жүйесі сәтті жолға қойылған болып есептеледі. Адам ресурстарын тиімді басқару және қызметкерлердің кәсіби талаптарын нақты анықтау арқылы мансапқа бағытталған қызметкерлер ұйымның стратегиялық мақсаттарына жетуге және оны табысты етуге жетелейді. Ал, қызметкерлердің кәсіби өсуін, олардың мәртебесін көтеруді және өмір сүру деңгейін арттыруды көздейтін ынталандыру әдістері ұйымның стратегиялық басқару құралы болып табылады [6; 7].

Зерттеу объектісі ретінде адам ресурстарын басқаруда жақсы нәтижеге қол жеткізген Ақтөбе қаласындағы мұнай-газ саласындағы жергілікті кәсіпорын алынды. Аталмыш кәсіпорын персоналды дамытудың өзіндік жүйесімен ерекшеленді. Яғни, бұл ұйымның корпоративтік миссиясын іске асыруға бағытталған өз философиясы және еңбек ұжымын дамыту саласында арнайы стратегиясы мен саясаты бар. Кәсіпорында «ұжымдық шарт» талаптарын орындау процесіне, оның ішінде еңбекті ынталандыру саласына айтарлықтай мән беріледі. Сонымен қатар, аталмыш кәсіпорында тұрақты жұмыс орны,

кепілдендірілген жалақы, әлеуметтік жеңілдіктер, жаңа кәсіби білім беру және мансаптық өсу мүмкіндіктері қарастырылғандықтан қызметкерлер үшін осы ұйымда жұмыс жасау маңызды болып отыр. Кәсіпорын өз персоналына осындай қолдау көрсететіндіктен адамдар осы компанияға жұмысқа орналасуға ұмтылады.

Бұл зерттеудің мақсаты кәсіпорындағы ынталандыру жүйесінің қызметкердің мансаптық өсуге байланысын, сонымен қатар қызметкерлердің жұмысқа деген құлшынысына әсерін анықтау болып табылады. Осы мақсатқа қол жеткізу үшін кәсіпорында адам ресурстарын басқару жүйесін зерттеу, кәсіпорындағы ынталандырудың жұмыс процесіне әсерін анықтау және ынталандырудың мансапты басқаруға әсерін талдау жұмыстары жүргізіледі. Сонымен, бұл зерттеуде дәлелдеуге келесідей гипотезалар ұсынылады:

Гипотеза 1: Ұйымның ынталандыру жүйесі қызметкердің жұмысқа құлшынысын арттырады.

Гипотеза 2: Қызметкердің мансаптық өсуі ұйымның ынталандыру жүйесімен тікелей байланысты.

Әдебиеттерге шолу

Адам ресурстарын басқару үшін персоналды ұйымның барлық мақсаттарына, соның ішінде стратегиялық мақсаттарына жету үшін қажетті маңызды ресурстардың бірі ретінде қарастыру маңызды. Қызметкер – ұйымның маңызды ресурсы, оны сақтау, дамыту және бәсекелестікте табысқа жету үшін тиімді пайдалану керек. Нәтижесінде қызметкер ұйымның экономикалық дамуына, жұмыс процесіне тікелей әсер етеді [8]. Ұйымның экономикалық және басқа мүмкіндіктері персоналдың қызметімен тікелей байланысты. Сондықтан, адам ресурстарын басқарудың маңызды бөлігі қызметкерлердің ынтасын зерттеу және қойылған міндеттерді орындауға әкелетін құралдарды қолдану болып табылады [9]. Ұйым қызметкерлерінің мақсаты кәсіпорын мақсатымен тікелей сәйкес болмауы мүмкін, ал адам ресурстарын басқару қызметі мақсаттарды мүмкіндігінше сәйкестендіріп, жұмыс жасау процесіне ықпал етеді [10:107]. Персоналды ынталандыру – қазіргі заман талабы болып

отыр. Бұл ұйымның сәтті жұмыс жасауының басты көрсеткіші болып табылады. Дегенмен, кейбір ұйымдарда тиімсіз ынталандыру саясатын қолдану жағдайлары орын алып жатады. Бұл, өз кезегінде, қызметкерлердің жаңа жұмыспен жақсы қызмет ортасын іздеу мақсатында жұмыстан кетуіне түрткі болады [11:125]. Яғни, қызметкердің ынталану деңгейі төмендеген сайын оның жұмысқа деген құлшынысы болмай, тіпті жұмыстан кетуге әрекет жасайды. Мотивация персоналды тиімді жұмыс істеуге ынталандыру үшін қажет [12:49].

Қызметкерді сақтаудың кең тараған түрі болып есептеледі қызметкердің мансабын өсіру практикасы арқылы оның жұмыста тәжірибелігін, кәсібилігін, жұмысқа адалдығын және жеке қасиеттерін ескере отырып, оның шығармашылық және инновациялық ынтасын арттыруға болады. Алайда, бұған дұрыс жасалған мансаптық даму бағдарламалары негізінде қол жеткізіледі [13]. Қызметкердің ұйымдағы мансабы оның кәсіби әлеуетін іске асыруға деген ұмтылысынан және кәсіпорынның дәл осы қызметкерді ілгерілетуге деген қызығушылығынан тұрады. Әр адамның өзіндік құндылықтары, қызығушылықтары, еңбек және жеке тәжірибесі бар. Сондықтан, мансап және оны жоспарлау арнайы жеке көзқарасты талап ететін процесс болып табылады. Мансапты басқару қызметі персоналдың қажеттіліктері мен ұйымның қажеттіліктерін ұштастыра отырып, қызметкердің мансабын өз мүддесіне, сондай-ақ ұйымның мүддесіне сай дамытуға көмектесу үшін мансап мәселелерімен айналысады [14]. Ұйымдар мансапты басқарудың тиісті тәжірибелерін қолдану арқылы қызметкерлерді өздерінің мансаптық мақсаттарына жету мүмкіндіктерін ұсына отырып, оларды ұйымда сақтап қала алады [10:106]. Мансапты басқару жүйесі тиісті деңгейде жүзеге асырылуы үшін тиімді әдіс-тәсілдер таңдалып, алдын-ала жоспарлау жұмыстары жасалады. Мансап жоспары мансаптық өсудің түпкі мақсаты мен оған қол жеткізу мерзімі, атқарылатын қажетті іс-қимылдар, қысқа мерзімді және стратегиялық міндеттерді қамтиды [15]. Осындай жоспарды жүзеге асыру қызметкердің кәсіби дамуын, яғни қалаған лауазымға орналасу үшін қажетті біліктілік пен тәжірибе жинақтауынан басталады.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу объектісі ретінде Ақтөбе қаласындағы алдыңғы қатарлы мұнай-газ саласында жұмыс жасайтын кәсіпорын таңдалды. Зерттеу жұмысы екі негізгі сатыдан тұрады. Кресвелге сәйкес, ең алдымен, мәлімет жинау үшін зерттеудің сандық әдісі – сауалнама тәсілі қолданылды [16]. Шынайы ақпаратқа қол жеткізу мақсатында сауалнама анонимді түрде Google форма платформасында әзірленіп, электронды нұсқада таратылды. Жұмыстың ауырлығы, уақыттың тығыздығы және заманауи девайстарды жеткілікті деңгейде қолдана алмау себепті жалпы саны 187 қызметкерден кері байланыс орнады. Сауалнама ұйымның ынталандыру жүйесі, қызметкерлердің жұмысқа қанағаттану және мансапты басқару мәселелерін қамтитын 12 сұрақтан тұрады. Қызметкерлер арасында мәселені анықтау үшін жауап нұсқалары Лайкерт шкаласына сәйкес 4 деңгей бойынша қарастырылды. Олар «Толықтай келісемін», «Келісемін», «Келіспеймін», «Мүлдем келіспеймін» деген жауап нұсқасын таңдау арқылы сауалнамаға жауап берді. Лайкерт шкаласы

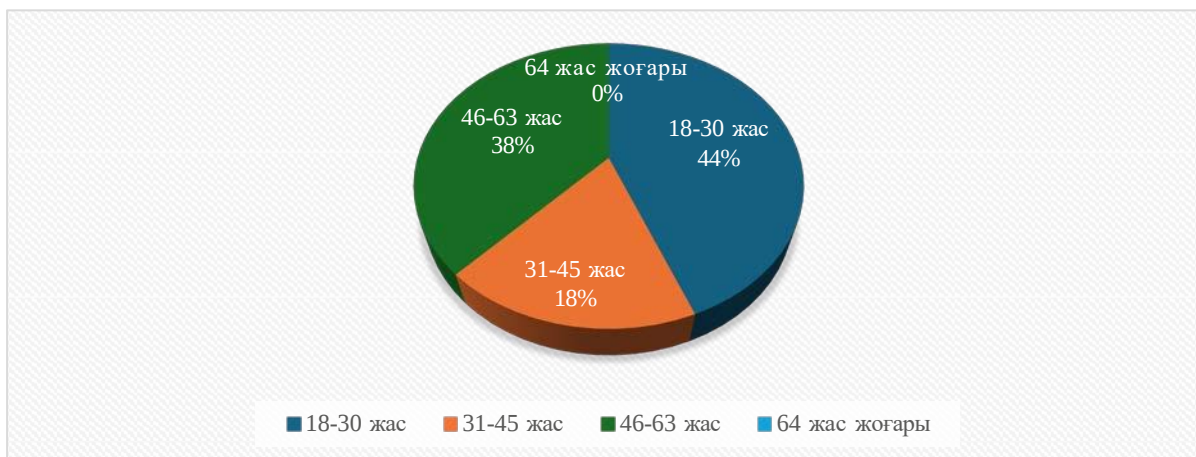
сауалнамаларда респонденттің жеке ой-пікірі, мәселені қабылдауы және оған қатысы сияқты сапалы деректерді сандық бағалау үшін кеңінен қолданылады [17].

Екінші кезең, осы сауалнама нәтижелері талданып, SPSS Statistics бағдарламасының көмегімен ұйымның ынталандыру жүйесі және қызметкерлердің мансаптық өсуі арасында байланыстың бар екендігі анықталды. Сондай-ақ, зерттеуде қызметкерлердің жұмысқа құлшынысына кәсіпорынның ынталандыру жүйесінің қаншалықты әсер ететіні анықталды. Хинтонға сәйкес, SPSS Statistics бағдарламасы деректерді сенімді талдау және соған негізделген шешімдерді тиімді қабылдау үшін өте маңызды [18].

Нәтижелер

Кәсіпорын қызметкерлері жас санаттары бойынша 4 деңгей қарастырылды. Оның ішінде 18-30 жас аралығындағы қызметкерлер 44%, 31-45 жас аралығында 18%, 46-63 жас аралығында 38%-ды құраса, зейнет жасындағы 64 жастан жоғары қызметкерлер сауалнамаға қатыспады (Сурет 1).

Сурет 1. Қызметкерлердің жас санаты бойынша диаграмма

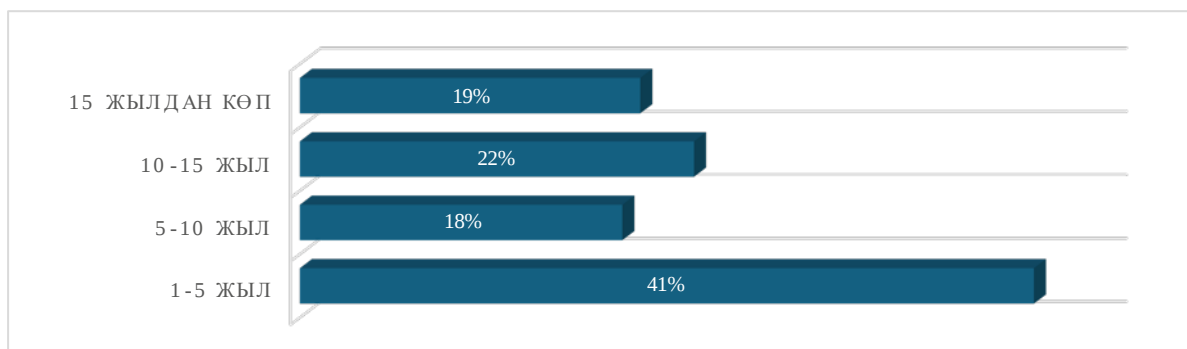
Жұмыс жасау кезінде қызметкерлердің жас ерекшелігі маңызды рөл атқаратыны белгілі. 30 жасқа дейін адамның физикалық күші белгілі бір шарықтау шегіне жетеді, ал сол жастан асқан сайын күштің әсері сарқыла бастайды. Адамның энергиясы мен жұмысқа деген құлшынысы зейіннің қартаю мен жұмыстың мөлшерден тыс көбеюі секілді факторлардың әсерінен әлсірей бастайды [11:127]. Уақыт өте келе жұмыста жасайтын тапсырмалар мен

жұмыс процесі күрделенген сайын қызметкердің жауапкершілігі артады. Осы сәтте жұмысқа зейіні болмаған қызметкер күрделі жұмысты атқаруға физикалық және моральды тұрғыда шамасы келмеуі мүмкін. Ал жұмысты уақытылы орындай алмаған қызметкердің жұмысқа деген құлшынысы төмендей береді. Сол себепті осы қызметкерді мансаптық өсу туралы ой мүлдем қызықтырмайды.

Қызметкерлердің 41%-ы 1 жылдан 5 жылға дейін, 18%-ы 5 жылдан 10 жылға дейін, 22%-ы 10 жылдан 15 жылға дейін

қызмет атқарған болса, 19%-ы 15 жылдан артық аталмыш кәсіпорында жұмыс жасап келеді (Сурет 2).

Сурет 2: Респонденттердің кәсіпорындағы еңбек өтілі

Сауалнама барысында респонденттердің 78%-ы «кәсіпорынның ынталандыру жүйесі жұмыс процесіне әсер етеді», 15%-ы «ешқандай әсерін

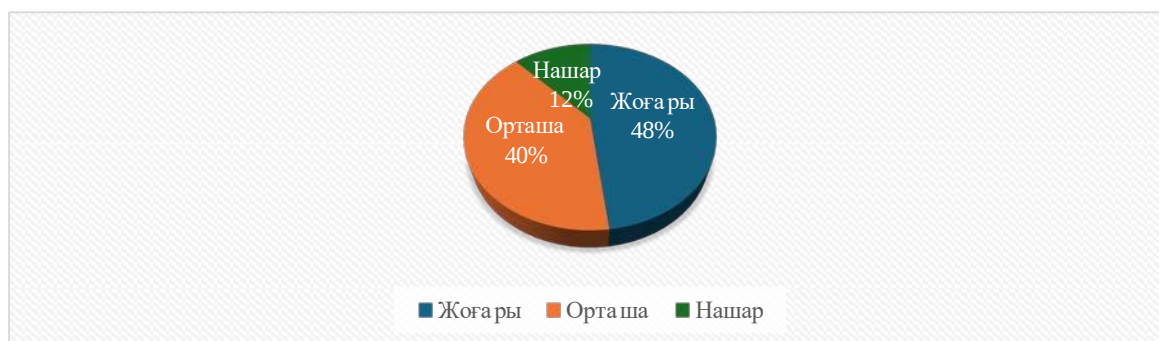
тигізбейді» десе, 7%-ы жауап беруден бас тартты (Сурет 3). Демек, ынталандырудың жұмыс процесіне оң әсер ететіндігін байқауға болады.

Сурет 3. Кәсіпорынның ынталандыру жүйесінің жұмыс процесіне әсері

Кәсіпорын тарапынан жасалатын ынталандыру деңгейін 48% қызметкер жоғары деңгейде, 40%-ы орташа деңгейде,

12%-ы өте нашар деңгейде деп бағалады (Сурет 4). Демек, респонденттердің жартысы ұйымның ынталандыру жүйесіне толықтай қанағаттанып отыр.

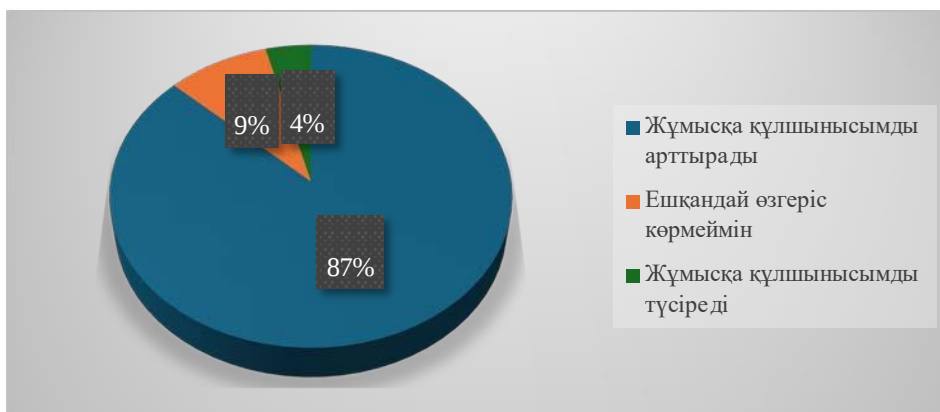

Сурет 4. Кәсіпорын тарапынан жасалатын ынталандыру деңгейі

Сауалнама
респонденттердің
ынталандыру

нәтижесінде
87%-ы
әдістерінің
ұйымның
жұмыс

өнімділігіне оң әсер ететінін көрсетті (Сурет 5).

Сурет 5. Еңбекақы мен қосымша төлемақылардың қызметкердің жұмысқа құлшынысына әсері

Қызметкерлердің мансаптық өсуі мен ұйымның ынталандыру жүйесі арасындағы байланыс SPSS Statistics бағдарламасының көмегімен анықталды. Екі айнымалы арасындағы сенімділік көрсеткішінің 0.05-тен төмен ($p = 0.000$) болғандығы және корреляция деңгейінің 0.862 (максимум көрсеткіш=1) екендігі айнымалылар арасында өзара байланыстың өте жоғары екендігін

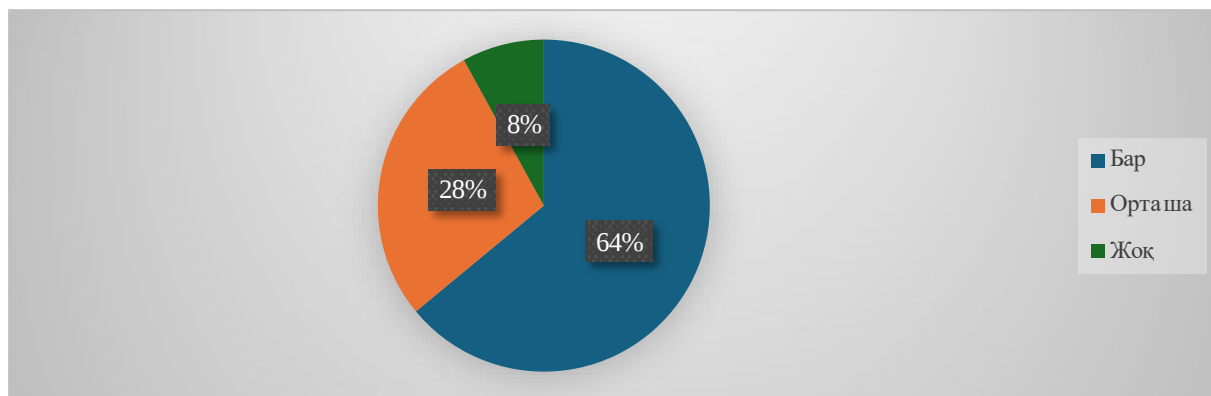
көрсетеді (Кесте 1). Яғни, қызметкерлер үшін еңбекақы, әлеуметтік пакеттер, қосымша сыйлықтар және қолайлы жұмыс ортасы жұмысқа деген құлшынысты арттыратыны анықталды. Сондай-ақ, қызметкерлердің басым бөлігі жұмысқа жақында орналасқандықтан және жас ерекшеліктері бойынша жастар болғандықтан өздерінің жеке мансабын дамытуға құлшыныс білдіреді.

Кесте 1. Еңбекақы мен қосымша төлемақылардың қызметкердің жұмысқа құлшынысы арасындағы корреляциялық байланыс

Корреляция			
		Еңбекақы мен қосымша төлемақылар	Жұмысқа құлшыныс
Еңбекақы мен қосымша төлемақылар	Пирсон корреляциясы	1	.862
	Sig. (2-tailed)		.000
	Саны	187	187
	Стандартты ауытқу	.842	
Жұмысқа құлшыныс	Пирсон корреляциясы	.862	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	Саны	187	187
	Стандартты ауытқу	.974	
Ескерту: SPSS Statistics бағдарламасының көмегімен авторлар тарапынан әзірленді			

Кәсіпорын қызметкерлерінің 64%-ы өз жұмыс орнында мансапты даму мүмкіндігі бар екендігін белгілесе, қызметкерлердің

28%-ы орташа деңгейде, 8%-ы мансаптық өсу жоқ деп көрсеткен (Сурет 6).

Сурет 6: Қызметкерлер үшін кәсіпорында мансаптық өсу мүмкіндігі

SPSS Statistics бағдарламасының талдау нәтижесіне сәйкес екі айнымалы арасындағы сенімділік көрсеткішінің 0.05-тен төмен ($p = 0.000$) болғандығы және корреляция деңгейінің 0.922 (максимум көрсеткіш=1) екендігі айнымалылар

арасында өзара байланыстың өте жоғары екендігін көрсетеді (Кесте 1). Демек, қызметкерлер үшін кәсіпорында еңбек сатысымен көтерілуге мүмкіндіктің бар екендігі нақтыланды. Осылайша, зерттеу жұмысының екі гипотезасы да дәлелденді.

Кесте 2. Ұйымның ынталандыру жүйесі мен қызметкердің мансаптық өсуі арасындағы корреляциялық байланыс

Корреляция			
		Ынталандыру	Мансаптық өсу
Ынталандыру	Пирсон корреляциясы	1	.922
	Sig. (2-tailed)		.000
	Саны	187	187
	Стандартты ауытқу	.844	
Мансаптық өсу	Пирсон корреляциясы	.922	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	Саны	187	187
	Стандартты ауытқу	.825	

Ескерту: SPSS Statistics бағдарламасының көмегімен авторлар тарапынан әзірленді

Талқылау

Ынталандыру жүйесінің қызметкерлердің жұмысқа құлшынысы мен мансаптық өсуіне әсері адам ресурстарын басқарудағы маңызды мәселе болып табылады. Қазірде кез-келген ұйым өз қызметкерлерінің моральдық және рухани тұрғыдан бастап жұмысқа қабылдаудан жұмыстан кетуге дейінгі жұмыс процесіне бей-жай қарамай, қызметкерге өз орнының бар екендігін сезіндіру арқылы жұмысқа ынтасын арттыруға тырысады. Тіпті, қызметкерлердің жұмыс жүктемесін бөлу жүйесі қарастырылып, оларды бағалап, марапаттау арқылы кәсіпорын өзінің имиджін қалыптастырады [19:1]. Во, Туляо және Чен өз зерттеуінде қызметкерлердің өнімділігі мен өзін-өзі жетілдіруде ішкі және әлеуметтік мотивацияның, әсіресе жұмыстағы ынталандырудың маңызды

екендігін растаса [12:14], Фебрианти, Сухарто және Вачуди ынталандырудың жұмысқа қанағаттануға тікелей байланысын, ал бұл өз кезегінде қызметкерлердің жұмыс өнімділігіне әсер ететінін көрсетті [20]. Әрине, ұйымдар өнімділікті арттыру үшін мансаптық мүмкіндіктерге де, қызметкерлерді ынталандыруға да назар аударуы керек. Авторлардың зерттеуінен мансаптық даму мен ынталандырудың өнімділікке тікелей әсерінің жұмысқа қанағаттану сияқты жанама әсеріне қарағанда әлдеқайда күшті екендігін байқауға болады. Бұл зерттеу жұмыстары қызметкерді ынталандырып, жұмысқа құлшынысын арттыратындығын көрсетеді.

Жу және Сон білікті қызметкерлерді дамыту және сақтау арқылы ұйымның

өнімділігін арттыруда мансапты дамыту бағдарламаларының маңыздылығына, әсіресе, жеке қажеттіліктер мен ынталандыру факторларындағы айырмашылықтарды ескеру қажет екенін атап көрсетті [19:2]. Өйткені бір қызметкерді ынталандыратын нәрсе екіншісіне дәл солай әсер етпеуі мүмкін. Мансапты жоспарлау қызметкердің кәсіби даму мақсаттарын және оларға жетелейтін жолдарын бөлуден тұрады және жоспарлау әр қызметкер үшін жеке-жеке жүргізілуі тиіс. Ал, мансапты жоспарлау жүйесі ұйымдағы қызметкерлерді ынталандыру үшін қажет. Сонымен, Жу т.б. және Фебрианти т.б бойынша қызметкерлерді ынталандыру, үнемі қолдап отыру мансапты дамытуға күш жігерін арттыратын қозғаушы күш ретінде болса,

Қорытынды

Адам ресурстарын басқаруда қызметкерді ынталандыру өте маңызды мәселе болып отыр. Әр кәсіпорын үшін де, әр қызметкер үшін де ынталандыру және мансаптық даму түсініктері әртүрлі талқыланады. Дегенмен, осы зерттеу нәтижелеріне сүйенсек, ынталандырылған қызметкер барлық ынта-жігерімен аянбай еңбек етуге дайын. Бұл, өз кезегінде, кәсіпорынның өнімділігін арттырып, дамуына ықпал ететіні белгілі.

Сондай-ақ, зерттеу нәтижесінде аталмыш мұнай-газ саласындағы кәсіпорынның қызметкерлерге беретін мотивациясы аса маңызды екендігі анықталды. Кәсіпорын қызметкерлерінен алған сауалнама нәтижесіне сәйкес, қызметкерлер үшін қолайлы жұмыс ортасының және тиімді ынталандыру жүйесінің болуы қызметкердің жұмысқа деген құлшынысын арттырып, мансаптық өсуіне тікелей әсер ететіндігі дәлелденді. Демек, кәсіпорын қызметкер үшін қандай қолайлы жағдай жасайтын болса, дәл солай қызметкер де сапалы жұмыс ортасын қалыптастырады. Сол кезде, қызметкер қазіргіден де жоғары нәтиже көрсетіп, марапатқа, жетістікке жету үшін, лауазымын көтеру үшін аянбай жұмыс атқаратын болады. Осылайша, зерттеудің екі гипотезасы да дәлелденді.

Зерттеу нәтижелеріне сәйкес, мансаптық өсуге қатысты ынталандыру жүйесін жетілдіру және қызметкерлердің жұмысқа деген құлшынысын арттыру жеке

Во, Туляо және Ченнің зерттеу нәтижесі бойынша кәсіби даму жүйесінің болуы қызметкерлерді жұмыс жасауға ынталандырады деп тұжырымдауға болады. Біздің зерттеу де кәсіпорында мансапты басқару жүйесінің болуы қызметкерлерді ынталандыратындығын анықтады. Демек, мұнай-газ саласы да басқа салалар секілді ынталандыру жүйесін қажет етеді. Осы зерттеу нәтижесінде кәсіпорында ынталандыру жүйесінің және оның мансаптық дамумен байланысының өте жақсы деңгейде екендігі анықталып отыр. Яғни, мансапты дамыту жүйесі қажетті деңгейде жүзеге асатын болса, қызметкерлердің жұмысқа деген ынтасы жас ерекшелігіне қарамастан әлдеқайда жоғары болатыны анық.

және кәсіби өсуді бірінші орынға қоятын қолайлы орта құру үшін мынадай ұсыныстар ескерілуі керек:

- ✓ Компания ішіндегі қажетті дағдыларды, тәжірибені және жоғарылату мерзімдерін көрсете отырып дамудың мүмкін жолдарын сипаттайтын егжей-тегжейлі мансап картасын жасау;

- ✓ Қызметкердің қызметін өсіру кезінде ашықтық саясатын қолдану;

- ✓ Қызметкерлердің мансаптық өсуіне сәйкес келетін семинарлар, вебинарлар және сертификаттар сияқты үздіксіз оқу мүмкіндіктерін ұсыну;

- ✓ Өткен нәтижелерге ғана емес, болашақ дамуға да назар аудара отырып, өнімділікке тұрақты шолулар жүргізу;

- ✓ Қызметкерлерге атқарған жұмысы туралы әртүрлі көзқарастар бойынша жан-жақты түсінік беру үшін 360-градустық кері байланыс орнату;

- ✓ Қызметкерлермен олардың мансаптық мақсаттарына сәйкес келетін нақты мақсаттарды, әрекеттерді және мерзімдерді қамтитын жеке даму жоспарларын құру үшін бірлесе жұмыс жасау;

- ✓ Компания ішіндегі болашақ көшбасшыларды анықтау және дайындау үшін сабақтастықты жоспарлау стратегиясын әзірлеу;

- ✓ Мансаптық жетістіктерге жеткен немесе даму бағдарламаларын аяқтаған қызметкерлерді мойындау және марапаттау;

✓ Дағдыларды дамыту және өнімділікті арттыру үшін қаржылық бонустар, қосымша демалыс күндері немесе кәсіби даму мүмкіндіктері сияқты ынталандыру шараларын жүзеге асыру;

✓ Қызметкерлердің физикалық және психикалық әл-ауқатын қолдайтын денсаулық пен сауықтыру бағдарламаларын жүзеге асыру;

✓ Қызметкерлерді шешім қабылдау процестеріне, әсіресе олардың жұмысына және мансаптық өсуіне байланысты процестерге қатыстыру;

✓ Қызметкерлерден мансапты дамыту бағдарламаларының тиімділігі туралы үнемі кері байланыс орнату және уақытылы қажетті түзетулер енгізу қажет.

Әдебиеттер тізімі

1. Al Balushi S.P.N., Aulia S. A. Research Study on Motivation of Employees and Its Impact on their Job Satisfaction [Text]// Open Journal of Human Resource Management. – 2020. – Vol. 3. – № 2. – P. 1–7.
2. Engidaw A.E. The Effect of Motivation on Employee Engagement in Public Sectors: In the Case of North Wollo Zone [Text]// Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2021. – Vol. 10. – № 43. – P. 52-67.
3. Forson J.A., Ofosu-Dwamena E., Opoku R.A., Adjavon S.E. Employee motivation and job performance: a study of basic school teachers in Ghana [Text]// Future Business Journal. – 2021. – Vol. 7. – № 1. – P. 30-42.
4. Simpson E.H., Balsam P.D. The Behavioral Neuroscience of Motivation: An Overview of Concepts, Measures, and Translational Applications [Text]// Behavioral Neuroscience of Motivation / ed. Simpson E.H., Balsam P.D. Cham: Springer International Publishing. – 2015. – Vol. 27. – P. 1– 12.
5. Acquah A., Nsiah T.K., Antie E.N., Otoo B. Literature Review on Theories Motivation [Text]// International Journal of Economic and Business Review. – 2021. – Vol. 9. – № 5. – P. 25–29.
6. Leitão J., Pereira D., Gonçalves Â. Quality of Work Life and Organizational Performance: Workers' Feelings of Contributing, or Not, to the Organization's Productivity [Text]// International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol. 16. – № 20. – P. 1-18.
7. Pylväs L., Li J., Nokelainen P. Professional Growth and Workplace Learning [Text]// Research Approaches on Workplace Learning / ed. Harteis C., Gijbels D., Kyndt E. Cham: Springer International Publishing. – 2022. – Vol. 31. – P. 137–155.
8. Дайнеко А.В., Беспалько В.А. Управление человеческими ресурсами [Текст]. – М, 2023. – 388 с.
9. Алавердов А.Р. Эволюция стратегических подходов к мотивации научно-педагогических работников [Текст]// Высшее образование в России. – 2015. – № 5. – с. 45–53.
10. Кудайбергенов Ж.Б., Келесбаев Д.Н., Изатуллаева Б.С. Адам ресурстарын басқару тәжірибелерінің қызметкер-ұйым сәйкестігіне әсері [Текст]// Central Asian Economic Review. – 2020. – Vol. 1. – № 130. – с. 100–110.
11. Кудайбергенов Ж.Б., Досбенбетова А.Ш., Курманалина А.А., Болатова Б.Ж. Мотивацияның мансапты басқаруға әсерін Герцбергтің екі факторлы теориясы аясында талдау [Текст]// Journal of Economic Research & Business Administration. – 2023. – Vol. 1. – № 143. – с. 123–135.
12. Vo T.T.D., Tuliao K.V., Chen C.W. Work Motivation: The Roles of Individual Needs and Social Conditions [Text]// Behavioral Sciences. – 2022. – Vol. 12. – № 2. – P. 49-68.
13. Жук С.С. Управление трудовой мотивацией как качественной характеристикой человеческих ресурсов [Текст]// Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2015. – № 2. – с. 163–169.
14. Varma D.C. Importance of Employee Motivation & Job Satisfaction for Organizational Performance [Text]// Interdisciplinary Research. – 2017. – Vol. 6. – № 2. – P. 10-20.
15. Лымарева О.А., Ильницкая М.Н. Планирование и мотивация, как функции, влияющие на развитие карьеры в системе государственной службы [Текст]// Экономика и бизнес: теория и практика. – 2016. – № 11. – с. 38–44.
16. Creswell J. W. Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches (4th ed.) [Text]. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2014. – 438 p.

17. Joshi A., Kale S., Chandel S., Pal D. Likert Scale: Explored and Explained [Text]// British Journal of Applied Science & Technology. – 2015. – № 7. – P. 396-403.
18. Hinton P., McMurray I., Brownlow C. SPSS explained (2nd ed.) [Text]. – London: Routledge, 2014. – 372 p.
19. Zhu J., Song H. The Impact of Career Growth on Knowledge-Based Employee Engagement: The Mediating Role of Affective Commitment and the Moderating Role of Perceived Organizational Support [Text]// Frontiers in Psychology. – 2022. – № 13. – P. 1-10.
20. Febrianti N.T., Suharto S., Wachyudi W. The Effect of Career Development and Motivation on Employee Performance Through Job Satisfaction in Pt Jabar Jaya Perkasa [Text]// International Journal of Business and Social Science Research. – 2020. – Vol. 1. – № 2. – P. 25–35.

References

1. Al Balushi S.P.N., Aulia S. A. Research Study on Motivation of Employees and Its Impact on their Job Satisfaction [Text]// Open Journal of Human Resource Management. – 2020. – Vol. 3. – № 2. – P. 1–7.
2. Engidaw A.E. The Effect of Motivation on Employee Engagement in Public Sectors: In the Case of North Wollo Zone [Text]// Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2021. – Vol. 10. – № 43. – P. 52-67.
3. Forson J.A., Ofosu-Dwamena E., Opoku R.A., Adjavon S.E. Employee motivation and job performance: a study of basic school teachers in Ghana [Text]// Future Business Journal. – 2021. – Vol. 7. – № 1. – P. 30-42.
4. Simpson E.H., Balsam P.D. The Behavioral Neuroscience of Motivation: An Overview of Concepts, Measures, and Translational Applications [Text]// Behavioral Neuroscience of Motivation / ed. Simpson E.H., Balsam P.D. Cham: Springer International Publishing. – 2015. – Vol. 27. – P. 1– 12.
5. Acquah A., Nsiah T.K., Antie E.N., Otoo B. Literature Review on Theories Motivation [Text]// International Journal of Economic and Business Review. – 2021. – Vol. 9. – № 5. – P. 25–29.
6. Leitão J., Pereira D., Gonçalves Â. Quality of Work Life and Organizational Performance: Workers' Feelings of Contributing, or Not, to the Organization's Productivity [Text]// International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol. 16. – № 20. – P. 1-18.
7. Pylväs L., Li J., Nokelainen P. Professional Growth and Workplace Learning [Text]// Research Approaches on Workplace Learning / ed. Harteis C., Gijbels D., Kyndt E. Cham: Springer International Publishing. – 2022. – Vol. 31. – P. 137–155.
8. Daineko A.V., Bepalko V.A. Upravlenie chelovecheskimi resursami [Human resources management] [Text]. – Moskow, 2023. – 388 p.
9. Alaverdov A.R. Evolutsia strategicheskikh podhodov k motivatsii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov [Evolution of strategic approaches to motivating scientific and pedagogical workers] [Text]// Higher education in Russia. – 2015. – № 5. – P. 45–53.
10. Kudaibergenov Z.B., Kelesbaev D.N., İzatullaeva B.S. Adam resurstaryn baskaru tajiribelerinin kyzmetker-uyim seikestigine aseri [Impact of human resources management practices on person-organization fit] [Text]// Central Asian Economic Review. – 2020. – Vol. 1. – № 130. – P. 100–110.
11. Kudaibergenov Z.B., Dosbenbetova A.S., Kurmanalaina A.A., Bolatova B.Z. Motivatsiyanyn mansapty baskaruga aserin Herzbergtin eki factorly teoroyasy ayasynda taldaу [Analysis of the influence of motivation on career management using the two-factor theory of Herzberg] [Text]// Journal of Economic Research & Business Administration. – 2023. – Vol. 1. – № 143. – P. 123–135.
12. Vo T.T.D., Tulião K.V., Chen C.W. Work Motivation: The Roles of Individual Needs and Social Conditions [Text]// Behavioral Sciences. – 2022. – Vol. 12. – № 2. – P. 49-68.
13. Zhuk S.S. Upravlenie trudovoi motivatsiei kak kachestvennoi harakteristikoi chelovecheskikh resursov [Management of work motivation as a qualitative characteristic of human resources] [Text]// Management and Business Administration. – 2015. – № 2. – P. 163–169.
14. Varma D.C. Importance of Employee Motivation & Job Satisfaction for Organizational Performance [Text]// Interdisciplinary Research. – 2017. – Vol. 6. – № 2. – P. 10-20.
15. Lymareva O.A., Іlnitskaia M.N. Planirovanie i motivatsiia, kak funktsii, vliiaiuşie na razvitie karery v sisteme gosudarstvennoi slujby [Planning and motivation as functions influencing career

development in the public service system] [Text]// Economics and Business: Theory and Practice. – 2016. – № 11. – P. 38–44.

16. Creswell J. W. Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches (4th ed.) [Text]. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2014. – 438 p.

17. Joshi A., Kale S., Chandel S., Pal D. Likert Scale: Explored and Explained [Text]// British Journal of Applied Science & Technology. – 2015. – № 7. – P. 396-403.

18. Hinton P., McMurray I., Brownlow C. SPSS explained (2nd ed.) [Text]. – London: Routledge, 2014. – 372 p.

19. Zhu J., Song H. The Impact of Career Growth on Knowledge-Based Employee Engagement: The Mediating Role of Affective Commitment and the Moderating Role of Perceived Organizational Support [Text]// Frontiers in Psychology. – 2022. – № 13. – P. 1-10.

20. Febrianti N.T., Suharto S., Wachyudi W. The Effect of Career Development and Motivation on Employee Performance Through Job Satisfaction in Pt Jabar Jaya Perkasa [Text]// International Journal of Business and Social Science Research. – 2020. – Vol. 1. – № 2

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА КАРЬЕРНЫЙ РОСТ СОТРУДНИКОВ

Жандос КУДАЙБЕРГЕНОВ*, PhD, старший преподаватель, Актюбинский региональный университет имен К.Жубанова, Актюбе, Казахстан, zhandos.kudaibergen@zhubanov.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-7927-8747, Scopus ID: 57224519781, ResearcherID: AAE-2355-2021

Айгуль КУРМАНАЛИНА, к.э.н., доцент, Актюбинский региональный университет имен К.Жубанова, Актюбе, Казахстан, akurmanalina@zhubanov.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-0012-2775, Scopus ID: 57209271435

Ботагоз ДУЙСЕНБАЕВА, к.э.н., доцент, Актюбинский региональный университет имен К.Жубанова, Актюбе, Казахстан, duisenbayeva_b@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-5959-7946, Scopus ID: 55776097900

Лесбек ТАЙЖАНОВ, PhD, старший преподаватель, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А.Ясауи, Туркестан, Казахстан, tayzhanov1988@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-5067-6530, Scopus ID: 57191574236

ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF THE ENTERPRISE MOTIVATION SYSTEM ON THE CAREER GROWTH OF EMPLOYEES

Zhandos KUDAIBERGENOV*, PhD, Senior Lecturer, K.Zhubanov Aktobe Regional University., Aktobe, Kazakhstan, zhandos.kudaibergen@zhubanov.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-7927-8747, Scopus ID: 57224519781, ResearcherID: AAE-2355-2021

Aigul KURMANALINA, Candidate of Economic Science, Associate Professor, K.Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Kazakhstan, akurmanalina@zhubanov.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-0012-2775, Scopus ID: 57209271435

Botagoz DUISENBAYEVA, Candidate of Economic Science, Associate Professor, K.Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Kazakhstan, duisenbayeva_b@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-5959-7946, Scopus ID: 55776097900

Lesbek TAIZHANOV, PhD, Senior Lecturer, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan, tayzhanov1988@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-5067-6530, Scopus ID: 57191574236

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**Сания
САГИНОВА***

Ph.D, ассоциированный профессор кафедры «Экономика и управление», Казахский университет технологии и бизнеса им. К.Кулажанова, Астана, Казахстан, sagimova.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6503-1743>

**Айнур
БАЙДАЛИНОВА**

Ph.D, ассоциированный профессор кафедры «Менеджмент», Esil University, Астана, Казахстан, aynur.sultanovna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0395-2213>

**Гузель
СУЛТАНОВА**

Ph.D, советник директора, Институт евразийской интеграции, Астана, Казахстан, guzel1010@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4051-604X>

**Архат
АСАИНОВ**

докторант Ph.D Высшего университета Монголии, старший преподаватель кафедры «Экономика и управление», Казахский университет технологии и бизнеса им. К.Кулажанова, Астана, Казахстан, arhat_asainov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3816-8039>

**Азамат
ЖАНСЕЙТОВ**

докторант Ph.D университета Туран-Астана, доцент филиала Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по Карагандинской области, Караганда, Казахстан, a.zhanseitov@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0001-9495-0530>

Дата поступления рукописи в редакцию: 31/07/2024

Доработано: 12/11/2024

Принято: 14/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1299

УДК 338.436.33

МРНТИ 06.71.07

Аннотация. Текущие интеграционные процессы охватывают все области международного сотрудничества, включая сельское хозяйство. В данной статье проведен анализ влияния интеграционных процессов на развитие агропродовольственного рынка в современных условиях Казахстана. Авторы рассматривают агропромышленную интеграцию как ключевой элемент экономической интеграции, представляя многофакторное моделирование и анализ различных интеграционных инициатив в сельском секторе, таких как формирование агропромышленных союзов, заключение международных торговых соглашений, привлечение инвестиций и международное торговое сотрудничество. Статья также рассматривает факторы, влияющие на агропромышленный сектор страны, и предлагает различные инструменты и методы управления воздействием интеграционных процессов на развитие агропродовольственного рынка в Казахстане.

Ключевые слова: моделирование, интеграционные процессы, агропродовольственный рынок, международная торговля, устойчивое развитие, сельскохозяйственная продукция, интеграция.

Андатпа. Ағымдағы интеграциялық процестер халықаралық ынтымақтастықтың барлық салаларын, соның ішінде Ауыл шаруашылығын қамтиды. Бұл мақалада Қазақстанның қазіргі жағдайында агроазық-түлік нарығын дамытуға интеграциялық процестердің әсерін талдау жүргізілді. Авторлар агроөнеркәсіптік интеграцияны агроөнеркәсіптік одақтар құру, халықаралық сауда келісімдерін жасау, инвестициялар тарту және халықаралық сауда ынтымақтастығы сияқты ауылдық сектордағы әртүрлі интеграциялық бастамаларды көп факторлы модельдеу мен талдауды ұсына отырып, экономикалық интеграцияның негізгі элементі ретінде қарастырады. Мақала сонымен қатар еліміздің агроөнеркәсіптік секторына әсер ететін факторларды қарастырады және Қазақстандағы агроазық-түлік нарығын дамытуға интеграциялық процестердің әсерін басқарудың әртүрлі құралдары мен әдістерін ұсынады.
Түйін сөздер: модельдеу, интеграциялық процестер, агроазық-түлік нарығы, халықаралық сауда, тұрақты даму, ауыл шаруашылығы өнімдері, интеграция.

Annotation. The current integration processes cover all areas of international cooperation, including agriculture. This article analyzes the impact of integration processes on the development of the agro-food market in modern conditions of Kazakhstan. The authors consider agro-industrial integration as a key element of economic integration, presenting

* Автор для корреспонденции: С. Сагинова, sagimova.s@gmail.com

multifactor modeling and analysis of various integration initiatives in the rural sector, such as the formation of agro-industrial unions, the conclusion of international trade agreements, attracting investment and international trade cooperation. The article also examines the factors affecting the agro-industrial sector of the country and offers various tools and methods for managing the impact of integration processes on the development of the agro-food market in Kazakhstan.

Keywords: modeling, integration processes, agri-food market, international trade, sustainable development, agricultural products, integration.

Введение

Современный мировой экономический кризис, инициированный в период пандемии коронавируса, глобальных политических и экономических потрясений, привел к ряду негативных последствий. Этот кризис не только вызвал геополитические напряженности, но также создал серьезные угрозы для всего человечества, особенно в контексте продовольственной безопасности.

Активизации интеграционных процессов в мировом хозяйстве должна сыграть важную роль в обеспечении продовольственной безопасности в Центральной Азии, в том числе Казахстана. В рамках ЕАЭС и других союзов созданы механизмы для сотрудничества в сельском хозяйстве, торговле и других отраслях, что может способствовать увеличению производства продовольственных товаров и снижению зависимости стран от импорта.

Однако реализация этого потенциала зависит от ряда факторов, включая эффективность интеграционных механизмов, развитие инфраструктуры, стабильность политической ситуации и доступ к ресурсам. Также важно учитывать особенности каждой страны-члена и их способность к адаптации к изменяющимся условиям.

В целом, ЕАЭС может стать одним из инструментов обеспечения продовольственной безопасности в Центральной Азии, но для его успешного функционирования требуются совместные усилия со стороны всех участников и учет специфики региональных потребностей и вызовов.

Агропродовольственный рынок каждой страны является важной частью ее экономической системы и в то же время представляет собой отдельный сегмент мирового агропродовольственного рынка. Он развивается взаимосвязанно с другими секторами экономики и функционирует в соответствии с общими принципами рыночной экономики. Этот рынок, входящий в единое рыночное

пространство, работает на основе общих принципов рыночного хозяйствования, с учетом особенностей сельского хозяйства.

Материалы и методы

Экономическая интеграция означает сотрудничество и взаимную адаптацию национальных экономик различных стран.

На уровне межгосударственной интеграции происходит формирование региональных экономических союзов и согласование их внутренней и внешней экономической стратегии. Взаимодействие и адаптация национальных экономик проявляются через постепенное создание «единого рынка», что включает в себя либерализацию условий торговли и перемещения производственных ресурсов (капитала, труда, информации) между государствами.

В наше время экономическая интеграция в сельском хозяйстве остается ключевой стратегической отраслью для Казахстана. Аграрная интеграция между странами приводит к явной специализации отраслей, определенной оптимальными природными и климатическими условиями для производства разнообразной сельскохозяйственной продукции, что создает конкурентные преимущества. Опыт длительных интеграционных союзов, насчитывающих десятилетия, свидетельствует о их устойчивости, долгосрочной эффективности и экономической эффективности. Многие экономисты, изучающие экономическую интеграцию, предсказывают, что в XXI веке страны будут наиболее конкурентоспособными на расширенных рынках благодаря возможностям масштабного производства.

За недолгий промежуток времени отдельные государства постсоветского региона совершили существенный прогресс в объединении своих усилий для формирования интеграционных структур и последующей их институциональной, экономической, правовой и организационно-управленческой

эволюции. В научных кругах возник термин «евразийская экономическая интеграция», который представляет собой сложное, многоаспектное и междисциплинарное явление, проявляющееся через ряд сложных и противоречивых факторов интеграционного воздействия, включая агропродовольственный сектор экономики Казахстана. Аграрная политика Казахстана должна быть направлена на решение стратегической задачи, ориентированной на переход от серийного производства к массовому.

Изучение теории и практики формирования и развития интеграционных структур внутри страны и за ее пределами позволяет сделать вывод о том, что ученые рассматривают экономическую интеграцию как процесс, который включает в себя слияние экономических субъектов, а также как систему взаимоотношений, характеризующуюся отсутствием дискриминации в отношении иностранных партнеров в каждой из национальных экономик.

Экономическая интеграция между различными национальными экономиками не только возможна, но и неизбежна, однако ее степень различна в зависимости от контекста. Например, высокоразвитые страны обладают наибольшими возможностями для объединения, поскольку они способны интенсивно торговать широким ассортиментом товаров и услуг, взаимно дополняя друг друга. Возникающая конкуренция между производителями стимулирует рост производственно-экономического потенциала этих стран и повышение уровня жизни населения.

Содержание и направление процессов международной интеграции обусловлены классической теорией интеграции и концепцией конкурентных и сравнительных преимуществ, предложенной М. Портером. Согласно этой концепции, конкурентное преимущество страны зависит от четырех взаимосвязанных факторов: стратегии, структуры и конкуренции фирм, факторных условий, условий спроса и смежных поддерживающих отраслей. Важную роль играет также обобщающая концепция региональной интеграции, предложенная американским экономистом Б. Балашем,

которая различает интеграцию как процесс и как конечное состояние.

В связи со сложностью и многообразием анализируемых вопросов, в научной литературе отсутствует единый методологический подход к интеграции сельскохозяйственных систем при децентрализации государственного управления, неэффективной тарифной политике и недостаточном качестве государственного менеджмента в сельском хозяйстве.

Интеграционные процессы существенно воздействуют на развитие агропродовольственного сектора в современной Республике Казахстан. Присоединение к международным экономическим союзам и участие в региональных интеграционных инициативах открывают новые перспективы для развития сельского хозяйства и продовольственной отрасли в стране.

Одним из значимых результатов интеграции является расширение возможностей для сбыта сельскохозяйственной продукции из Казахстана. Участие в интеграционных инициативах позволяет стране заключать торговые соглашения со своими партнерами и открывает доступ к новым рынкам сбыта. Это способствует увеличению объемов экспорта сельскохозяйственной продукции и активизации развития аграрного сектора экономики.

Более того, интеграция способствует притоку инвестиций в сферу агропродовольствия. Заинтересованные иностранные инвесторы видят потенциал развития аграрного сектора в Казахстане и готовы вкладывать средства в создание новых сельскохозяйственных предприятий, повышение их эффективности и модернизацию производственной и социальной инфраструктуры сельских территорий.

Благодаря внедрению совместных проектов и сотрудничеству с другими странами, Казахстан может превратиться из простого экспортера сырья в ведущего производителя сельскохозяйственной продукции с высокой добавленной стоимостью. Это приведет к расширению перерабатывающей промышленности, созданию новых рабочих мест, увеличению

объема взаимных инвестиций и реализации совместных программ исследований и разработок, направленных на повышение эффективности сельскохозяйственного сектора и улучшение качества жизни местного населения.

Хотя интеграция предоставляет возможности, она также вносит свои вызовы в агропродовольственный сектор Казахстана. Конкуренция на мировых рынках может оказаться суровой, требуя от местных производителей готовности бороться за свои позиции с иностранными компаниями. Поэтому наряду с улучшением качества и конкурентоспособности местной продукции, важно активно разрабатывать эффективные меры поддержки и защиты национальных производителей.

Интеграционные процессы позитивно влияют на развитие агропродовольственного рынка Республики Казахстан, открывая новые перспективы для экспорта, привлечения инвестиций и модернизации сектора. Однако предстоит большая работа по повышению конкурентоспособности аграрной продукции и защитой интересов национальных производителей и потребителей.

Вступление Казахстана в ВТО в 2015 году укрепило процессы интеграции в аграрном секторе. Этот шаг нес риски для казахстанского АПК, так как открытие внутреннего рынка для иностранных производителей аграрной продукции ограничило возможности государственной поддержки местных сельхозтоваропроизводителей в соответствии с обязательствами по сокращению компенсационных мер. Однако членство в ВТО не исключило возможности государственной поддержки для Казахстана, если она не оказывает влияния на ценообразование или не покрывает прямые издержки производства аграрной продукции. В ходе переговоров по вступлению в ВТО Казахстану удалось сохранить право на государственную поддержку сельского хозяйства в размере 8,5% от валовой стоимости сельскохозяйственной продукции.

Развитие аграрного сектора в Казахстане тесно связано с улучшением взаимодействия его различных отраслей с

другими секторами экономики и с осуществлением государственных программ, направленных на улучшение качества жизни населения. Достижение этих целей требует разумного использования ресурсов, включая совершенствование финансовых механизмов государственного регулирования в агропромышленном секторе [1].

Результаты

Для определения объема государственной поддержки используются различные методы оценки расходов, включая расходы на поддержание земельных и лизинговых фондов, субвенции, дотации, компенсации, а также программы льготного кредитования и другие. В рамках своих расчетов страны-члены ОЭСР учитывают такие факторы, как непосредственные дотации сельхозпроизводителям, особые налоговые льготы, поддержку рыночных цен, выплаты за производство кормов и прочие. Следует перенимать опыт развитых стран в поддержке национальных производителей.

В настоящее время в Республике Казахстан активно развивается создание корпораций, финансово-промышленных групп и холдингов с участием как государственного, так и частного капитала. Исследования показывают, что интегрированные образования принимают разнообразные формы, включая развивающиеся кооперативные объединения, корпоративные структуры с государственным, частным или смешанным участием, а также сельскохозяйственные кластеры [2].

Коммерческий интерес предприятий в переработке и сельском хозяйстве в присоединении к интегрированным структурам обусловлен возможностью дополнительных доходов. Они получают прибыль от выгодной реализации готовой продукции, расширения ассортимента и использования потенциала для повышения производственной эффективности, который возникает на стыке переработки продукции и аграрной деятельности.

До сих пор остается значительной проблемой обоснование организационно-правовых форм интегрированных

предприятий, установление производственно-экономических связей в продуктовых секторах и разработка эффективных механизмов экономических отношений между субъектами, включенными в агропромышленный комплекс.

Стоит отметить, что в Послании Президента Республики Казахстан от 1 сентября 2023 года также подчеркивается важность увеличения числа крупных игроков для значительного развития отрасли, в котором говорится, что для захвата внутренних рынков и увеличения экспорта необходимо иметь компании, способные обеспечить необходимый масштаб, качество и постоянство поставок. Поэтому необходимо поощрять слияния и поглощения внутренних агрофирм и активно привлекать транснациональные корпорации на взаимовыгодных условиях.

Исходя из представленного материала, можно заключить, что агропромышленная интеграция опирается на разнообразные факторы, включая естественные условия, организационные структуры, экономические и социальные аспекты, а также технологические и технические факторы [3].

В развитых странах значительное влияние на создание эффективной агропромышленной интеграции оказывают усиление государственного регулирования в отраслях агропромышленного комплекса, аккумуляция капитала, а также рост важности несельскохозяйственных отраслей в конечной продукции АПК. В США, например, около 20% приходится на пищевую промышленность, немного более 10% – на товарную продукцию аграрного хозяйства, а более 70% – на сферу реализации и распределения, такие как хранение, торговля и транспортировка. В странах Западной Европы более половины сектора составляет сфера распределения и реализации продукции, а доля аграрного хозяйства в стоимости товарной продукции продовольственного комплекса не превышает 20-30% [4].

Изучение опыта различных форм межотраслевого сотрудничества в агропромышленном секторе стран с рыночной экономикой позволило условно классифицировать их в три основные группы: 1) вертикальная интеграция, представленная промышленно-торговыми

корпорациями, которые получили развитие в Великобритании и США; 2) кооперативная система агропромышленного производства, преимущественно распространенная в Дании, Финляндии, Норвегии; 3) система структур, сочетающаяся с государственными методами регулирования продовольственного рынка, которая получила развитие в Японии, Франции и других странах.

При анализе воздействия интеграционных процессов на развитие агропродовольственного рынка, важно учитывать следующие аспекты [5]:

- Развитие сельского хозяйства. Сотрудничество с партнерами в рамках интеграционных объединений стимулирует развитие сельского хозяйства в Казахстане. Предоставление доступа к инновационным технологиям, финансирование и совместные инициативы позволяют аграрным производителям внедрять современное оборудование, использовать высококачественные семена и удобрения. Это способствует повышению урожайности, эффективности животноводства и общей производительности сельского хозяйства.

- Улучшение качества продукции. Участие в интеграционных процессах открывает возможности для повышения качества продукции до уровня международных стандартов. Путем приспособления к требованиям и стандартам мировых рынков, сельскохозяйственные предприятия Казахстана должны соответствовать более строгим нормам в области безопасности продукции, экологической устойчивости и социальной ответственности. Это способствует увеличению доверия со стороны потребителей и расширению возможностей экспорта.

- Укрепление институциональной базы. Присоединение к интеграционным объединениям также способствует развитию и укреплению институциональной структуры в агропродовольственном секторе. Формирование совместных организаций, комитетов или агентств позволяет согласовывать и оказывать поддержку сельскому хозяйству, обеспечивать нормативную и правовую базу и

разрабатывать политику для развития агропродовольственного сектора.

- Развитие сельских территорий. Международная интеграция предоставляет возможности для развития сельских территорий в Казахстане. Это может включать в себя программы развития сельских территорий, улучшение инфраструктуры, создание рынков и привлечение инвестиций в сельское хозяйство. Этот процесс способствует сокращению разрыва между городскими и сельскими районами, открывает новые перспективы для трудоустройства и повышает качество жизни населения сельской местности.

Однако важно учитывать ряд вызовов и проблем, сопутствующих интеграции в агропродовольственном секторе. Например, различия в стандартах и нормах регулирования между странами могут создавать препятствия для экспорта и потребовать дополнительных усилий для адаптации производства [6]. Кроме того, важно уделять внимание социальным и экологическим аспектам развития сельского хозяйства, чтобы учитывать потребности и интересы населения и сохранять баланс с окружающей средой.

При совместных усилиях правительства, сельскохозяйственных предпринимателей и соответствующих организаций возможно достичь успеха в развитии агропродовольственного рынка через интеграцию [7]. Это потребует постоянных вложений в развитие, образование и поддержку сельского хозяйства, а также гармонизацию стандартов, регулирование и сотрудничество с партнерами по интеграции [8].

Еще одним существенным фактором интеграционных процессов, воздействующим на агропродовольственный рынок Казахстана, является увеличение возможностей доступа к новым рынкам сбыта, к новым технологиям и ноу-хау и т.д.

Интеграция с другими странами и рынками открывает для агропроизводителей Казахстана возможности расширения экспортных потенциалов и открытия новых рынков сбыта. Это способствует увеличению объемов продаж и разнообразию источников доходов для

сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, аграрные предприниматели могут получить доступ к новым технологиям и ноу-хау, что поможет им повысить эффективность производства и конкурентоспособность на мировом рынке.

Однако новые условия взаимодействия между национальными и межгосударственными институтами в агропродовольственной сфере, а также хозяйствующими субъектами агропромышленного комплекса и другими факторами глобальной агропродовольственной среды в контексте развития рыночных отношений и методов их регулирования в рамках общего аграрного рынка, требуют значительных усилий в анализе, обобщении и систематизации разнообразных теоретических и прикладных научных исследований в данной области. Это также включает разработку теоретических и методологических концепций, направленных на укрепление знаний в области национальной аграрной экономики.

Интеграция также открывает новые перспективы для развития внутреннего рынка [9]. Отмена торговых барьеров и открытие границ между странами интеграционной группы может способствовать росту внутреннего агропродовольственного рынка. Это особенно важно для отдаленных регионов Казахстана, где ограничены возможности доступа к другим рынкам. Интеграция предоставляет им доступ к широкому спектру рынков, способствуя разнообразию и росту рыночных возможностей [10].

Сегодняшнее интегрированное информационное обеспечение сельскохозяйственного сектора должно стать важным элементом в реализации информационно-коммуникационных и институционально-инфраструктурных подходов в агропромышленной политике Евразийского экономического союза. Это включает в себя создание эффективных инструментов для отслеживания цепочек поставок сельскохозяйственной и продовольственной продукции, перемещаемых в рамках евразийской агропродовольственной системы, включая использование средств маркировки.

Эти инструменты в сельском хозяйстве призваны стать частью

цифровой платформы обращения товаров Евразийского экономического союза, где информация о продукте, собранная в процессе отслеживания, охватывает все этапы его жизненного цикла и все аспекты его хозяйственной деятельности, связанные с производством, эксплуатацией и участием в трансграничной торговле. Реализация этой технологической инициативы будет способствовать снижению негативного воздействия таможенных процедур на сельскохозяйственный сектор экономики Казахстана и национальное сельское хозяйство. Она сделает трансграничное движение сельскохозяйственной продукции и продовольствия на общем аграрном рынке евразийской агропродовольственной системы более прозрачным и позволит более достоверно прогнозировать события в сельскохозяйственном секторе, учитывая уменьшение влияния экстремальных факторов на регулирование общего аграрного рынка.

Тем не менее, стоит отметить, что интеграция также может представлять вызовы для агропроизводителей. Расширение рынков может привести к усилению конкуренции со стороны других стран и производителей. Для сохранения конкурентоспособности сельское хозяйство Казахстана должно соответствовать международным стандартам, улучшать качество продукции и повышать эффективность производства [11].

Также важно не только расширять доступ к рынкам сбыта, но и увеличивать спрос на агропродукцию. Разработка маркетинговых стратегий, создание новых брендов и продвижение продукции из Казахстана на международном уровне могут способствовать увеличению спроса на продукцию и разнообразию рыночных возможностей [12].

Интеграционные процессы могут быть ключевым стимулом для развития агропродовольственного рынка Казахстана и открыть новые перспективы для сельскохозяйственных предпринимателей [13]. Однако для успешной интеграции необходимо совместное усилие правительства, агропроизводителей и всех заинтересованных сторон, чтобы адаптироваться к новым требованиям и способствовать устойчивому и

конкурентоспособному развитию агропродовольственного сектора [14].

Дополнительным значимым фактором воздействия интеграционных процессов на агропродовольственный рынок Казахстана является развитие интернационализации агропродовольственных предприятий.

Интеграция с другими странами дает возможность для Казахстана расширить свое присутствие на мировом рынке и превратиться в компании с международной ориентацией, для которых экспорт сельскохозяйственной продукции становится все более важным источником дохода [15, 16].

Интернационализация также способствует повышению производительности труда агропроизводителей. Через обмен знаниями и опытом с зарубежными партнерами, сельскохозяйственные предприятия могут совершенствовать свои технологии производства и управления. Они также могут воспользоваться результатами инновационных проектов и разработками новых продуктов, предложенными отечественными и зарубежными исследователями в процессе совместных работ. Соответствие международным стандартам качества, обеспечения производимой продукции может потребовать дополнительных инвестиций и ресурсов.

В любом случае, развитие интернационализации агропродовольственных предприятий через интеграцию способствует их росту и развитию. Это помогает им расширить географию сбыта, улучшить качество продукции и повысить конкурентоспособность [17]. Однако для успешной реализации интернационализации необходима поддержка со стороны правительства и создание условий для обмена знаниями, доступа к рынкам и финансирования. Кроме того, агропредприятия должны быть готовы и способны адаптироваться к новым требованиям и стандартам международного рынка.

Приведем описание введенных в исследование факторов, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные факторы влияния интеграционных процессов на развитие агропродовольственного рынка РК в современных условиях, за период 2018-2022гг.

Показатель	2018г	2019г	2020г	2021г	2022г
Валовой выпуск продукции (услуг) сельского хозяйства, млрд.тг.	4474,1	5151,2	6334,7	7515,4	9223,1
Инвестиции в основной капитал, млрд.тг	11179,0	12576,8	12270,1	13242,2	15064,4
Внешнеторговый оборот со странами вне СНГ, млн.долл	69167,5	70400,6	61269,6	68704,6	98300,7
Внешнеторговый оборот со странами СНГ, млн.долл	25602,2	27374,3	25200,3	32808,8	36137,0

Примечание: составлено авторами (по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, ОЭСР)

Обсуждение

Один из подходов к изучению воздействия интеграционных процессов включает использование эконометрических моделей. Эти модели основаны на анализе статистических данных и предоставляют возможность оценить взаимосвязи между различными переменными [18]. Например, можно провести анализ влияния интеграционных процессов на объемы импорта и экспорта продукции, а также на цены на агропродовольственные товары.

Кроме того, анализ воздействия интеграционных процессов можно осуществлять с использованием компьютерных имитационных моделей [19]. В этом случае создаются математические модели, которые отражают поведение различных участников рынка (производителей, потребителей, государственных органов и т. д.) и их взаимодействие. Затем проводятся имитационные эксперименты для оценки возможных изменений в различных сценариях интеграции.

Однако важно отметить, что моделирование воздействия интеграционных процессов на агропродовольственный рынок представляет собой сложную задачу, включающую множество факторов, которые могут повлиять на результаты моделирования. Правильная формулировка модели и использование адекватных данных являются ключевыми факторами для достижения достоверных результатов.

Теоретическое линейное уравнение множественной регрессии имеет вид:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \dots + \beta_m X_m + \varepsilon$$

β_0 - свободный член, определяющий значение Y , в случае, когда все объясняющие переменные X_j равны 0.

Прежде чем перейти к определению нахождения оценок коэффициентов регрессии, необходимо проверить ряд предпосылок МНК.

Для оценки параметров уравнения множественной регрессии применяют МНК. Проведем оценку уравнения регрессии.

Определим вектор оценок коэффициентов регрессии. Согласно методу наименьших квадратов, вектор s получается из выражения: $s = (X^T X)^{-1} X^T Y$

В матрице, $(X^T X)$ число 5, лежащее на пересечении 1-й строки и 1-го столбца, получено как сумма произведений элементов 1-й строки матрицы X^T и 1-го столбца матрицы X .

Вектор оценок коэффициентов регрессии равен:

В матрице, $(X^T X)$ число 5, лежащее на пересечении 1-й строки и 1-го столбца, получено как сумма произведений элементов 1-й строки матрицы X^T и 1-го столбца матрицы X .

Вектор оценок коэффициентов регрессии равен:

Y	30,21	-	9,414	0,000	32698,5	-
$(X) =$	0,00438	6E-5	66			9427,42

- 0,00438	9,270 4E-7	- 2,1911E-8	- 2,0173E-7	4309898 76,05	1,1 824
9,414 6E-5	- 2,1911E-8	4,174 4E-9	- 4,0552E-9	2483214 154,6	- 0,03458
0,000 66	- 2,0173E-7	- 4,0552E-9	7,592 4E-8	9950600 57,81	0,1 121

Уравнение регрессии (оценка уравнения регрессии)

$$Y = -9427,4272 + 1,1824X_1 - 0,03458X_2 + 0,1121X_3$$

Интерпретация коэффициентов регрессии. Константа оценивает агрегированное влияние прочих (кроме учтенных в модели X_i) факторов на результат Y и означает, что Y при отсутствии X_i составила бы -9427,4272. Коэффициент b_1 указывает, что с увеличением X_1 на 1, Y увеличивается на 1,1824. Коэффициент b_2 указывает, что с

На основании частных коэффициентов можно сделать вывод об обоснованности включения переменных в регрессионную модель. Если значение коэффициента мало или он незначим, то это означает, что связь между данным фактором и результативной переменной либо очень слаба, либо вовсе отсутствует, поэтому фактор можно исключить из модели.

При сравнении коэффициентов парной и частной корреляции видно, что из-за влияния межфакторной зависимости между x_i происходит завышение оценки тесноты связи между переменными.

Рассчитаем множественный коэффициент корреляции (Индекс множественной корреляции).

Тесноту совместного влияния факторов на результат оценивает индекс множественной корреляции.

$$R = \sqrt{1 - \frac{s_e^2}{\sum (y_i - \bar{y})^2}} = \sqrt{1 - \frac{1235443,535}{14389286,66}} = 0,9561$$

$$R = \sqrt{1 - \frac{\Delta_r}{\Delta_{r11}}}$$

где Δ_r - определитель матрицы парных коэффициентов корреляции; Δ_{r11} - определитель матрицы межфакторной корреляции.

Коэффициент множественной корреляции:

увеличением X_2 на 1, Y снижается на 0,03458. Коэффициент b_3 указывает, что с увеличением X_3 на 1, Y увеличивается на 0,1121.

Рассчитаем частные коэффициенты корреляции.

Коэффициент частной корреляции отличается от простого коэффициента линейной парной корреляции тем, что он измеряет парную корреляцию соответствующих признаков (y и x_i) при условии, что влияние на них остальных факторов (x_j) устранено.

В отличие от парного коэффициента корреляции, который может принимать отрицательные значения, он принимает значения от 0 до 1.

Поэтому R не может быть использован для интерпретации направления связи. Чем плотнее фактические значения y_i располагаются относительно линии регрессии, тем меньше остаточная дисперсия и, следовательно, больше величина $R_{y(x_1, \dots, x_m)}$.

Таким образом, при значении R близком к 1, уравнение регрессии лучше описывает фактические данные и факторы сильнее влияют на результат. При значении R близком к 0 уравнение регрессии плохо описывает фактические данные и факторы оказывают слабое воздействие на результат.

Коэффициент множественной корреляции можно определить через матрицу парных коэффициентов корреляции:

$$R = \sqrt{1 - \frac{0,00376}{0,0438}} = 0,9561$$

Связь между признаком Y и факторами X_i весьма сильная. Расчёт коэффициента корреляции выполним, используя известные значения линейных коэффициентов парной корреляции и β -коэффициентов.

$$R = \sqrt{\sum r_{yxi} \beta_{yxi}}$$

$$= \sqrt{r_{yx1} \beta_{yx1} + r_{yx2} \beta_{yx2} + r_{yx3} \beta_{yx3}}$$

$$R = \sqrt{0,942 \cdot 0,896 + 0,716 \cdot (-0,26) + 0,899 \cdot 0,285}$$

$$= \sqrt{0,914} = 0,956$$

Рассчитаем коэффициент детерминации:

$$R^2 = 0,9561^2 = 0,9141$$

Проведем проверку гипотез относительно коэффициентов уравнения регрессии (проверка значимости параметров множественного уравнения регрессии).

Число $v = n - m - 1$ называется числом степеней свободы. Считается, что при оценивании множественной линейной регрессии для обеспечения статистической надежности требуется, чтобы число наблюдений, по крайней мере, в 3 раза

Статистическая значимость коэффициента регрессии b_3 не подтверждается.

Проведем проверку общего качества уравнения множественной регрессии.

Оценка значимости уравнения множественной регрессии осуществляется путем проверки гипотезы о равенстве нулю коэффициент детерминации рассчитанного по данным генеральной совокупности: R^2 или $b_1 = b_2 = \dots = b_m = 0$ (гипотеза о незначимости уравнения регрессии, рассчитанного по данным генеральной совокупности).

F-статистика. Критерий Фишера.

$$R^2 = 1 - \frac{s_e^2}{\sum (y_i - \bar{y})^2} = 1 - \frac{1235443,535}{14389286,66} = 0,9141$$

Проверим гипотезу об общей значимости - гипотезу об одновременном равенстве нулю всех коэффициентов регрессии при объясняющих переменных:

$$H_0: R^2 = 0; \beta_1 = \beta_2 = \dots = \beta_m = 0.$$

$$H_1: R^2 \neq 0.$$

Проверка этой гипотезы осуществляется с помощью F-статистики распределения Фишера (правосторонняя проверка).

Если $F < F_{\alpha; n-m-1}$, то нет оснований для отклонения гипотезы H_0 .

превосходило число оцениваемых параметров.

$$1) \text{ t-статистика } T_{\text{табл}}(n-m-1; \alpha/2) = (1; 0,025) = 25,452$$

$$t_i = \frac{b_i}{S_{b_i}}$$

$$t_0 = -\frac{9427,427}{6109,239} = 1,543 < 25,452$$

Статистическая значимость коэффициента регрессии b_0 не подтверждается.

$$t_1 = \frac{1,182}{1,07} = 1,105 < 25,452$$

Статистическая значимость коэффициента регрессии b_1 не подтверждается.

$$t_2 = -\frac{0,0346}{0,0718} = 0,482 < 25,452$$

Статистическая значимость коэффициента регрессии b_2 не подтверждается.

$$t_3 = \frac{0,112}{0,306} = 0,366 < 25,452$$

Для ее проверки используют F-критерий Фишера.

При этом вычисляют фактическое (наблюдаемое) значение F-критерия, через коэффициент детерминации R^2 , рассчитанный по данным конкретного наблюдения.

По таблицам распределения Фишера-Снедекора находят критическое значение F-критерия ($F_{кр}$). Для этого задаются уровнем значимости α (обычно его берут равным 0,05) и двумя числами степеней свободы $k_1 = m$ и $k_2 = n - m - 1$.

$$F = \frac{R^2}{1 - R^2} \cdot \frac{n - m - 1}{m}$$

$$= \frac{0,9141}{1 - 0,9141} \cdot \frac{5 - 3 - 1}{3} = 3,549$$

Табличное значение при степенях свободы $k_1 = 3$ и $k_2 = n - m - 1 = 5 - 3 - 1 = 1$, $F_{кр}(3; 1) = 216$

Поскольку фактическое значение $F < F_{кр}$, то коэффициент детерминации статистически не значим и уравнение регрессии статистически ненадежно (совместная незначимость коэффициентов при факторах x_i подтверждается).

Заключение

В результате расчетов было получено уравнение множественной регрессии:

$$Y = -9427,4272 + 1,1824 \cdot X_1 - 0,03458 \cdot X_2 + 0,1121 \cdot X_3.$$

Возможна экономическая интерпретация параметров модели: увеличение X_1 на 1 ед.изм. приводит к увеличению Y в среднем на 1,182 ед.изм.; увеличение X_2 на 1 ед.изм. приводит к уменьшению Y в среднем на 0,0346 ед.изм.; увеличение X_3 на 1 ед.изм. приводит к увеличению Y в среднем на 0,112 ед.изм. По максимальному коэффициенту $\beta_1=0,896$ делаем вывод, что наибольшее влияние на результат Y оказывает фактор X_1 .

Согласно матрице парных коэффициентов корреляции $r(x_1x_2)$, $r(x_1x_3)$, $r(x_2x_3)$ имеют $|r|>0,7$, что говорит о мультиколлинеарности факторов и о необходимости исключения одного из них из дальнейшего анализа.

Результаты анализа множественной регрессии позволяют сделать следующие выводы:

- фактор X_1 имеет наибольшее влияние на зависимую переменную Y , что указывает на его важность при принятии управленческих решений;

- уравнение множественной регрессии статистически значимо, объясняя 91,41% общей вариабельности зависимой переменной Y ;

- некоторые параметры модели могут быть статистически незначимы, что может потребовать их исключения из анализа;

- выявлена мультиколлинеарность между независимыми переменными X_1 , X_2 и X_3 , что может потребовать дальнейшего исследования и возможного исключения одного из факторов из модели.

При рассмотрении влияния интеграционных процессов на развитие агропродовольственного рынка Казахстана

важно обратить внимание на несколько других факторов, которые также оказывают значительное воздействие:

- Участие в интеграционных процессах стимулирует сельскохозяйственные предприятия в Казахстане к повышению своей конкурентоспособности и эффективности производства. Они вынуждены приспосабливаться к международным

стандартам и требованиям рынков, что способствует улучшению качества сельскохозяйственной продукции и повышению ее конкурентоспособности на международной арене [20].

- Интеграция открывает для Казахстана доступ к передовым технологиям и знаниям в сельском хозяйстве. Совместные проекты и обмен опытом с партнерами в интеграционных объединениях позволяют стране внедрять инновационные методы в производственные процессы и повышать эффективность сельскохозяйственного сектора.

- Развитие агропродовольственного сектора через интеграцию способствует разнообразию экономики Казахстана. Зависимость от экспорта сырья сокращается, что делает экономику более устойчивой и повышает уровень жизни населения. Разнообразие продуктов и услуг, которые перерабатываются и экспортируются, создает новые возможности для развития бизнеса и создания новых рабочих мест [21].

- Интеграционные процессы играют важную роль в развитии сельской инфраструктуры в Казахстане. Для повышения конкурентоспособности и расширения экспортного потенциала страна активно вкладывает средства в развитие транспортной, логистической и хранильной инфраструктуры. Эти усилия направлены на улучшение условий хранения, транспортировки и переработки сельскохозяйственной продукции.

Следует отметить, что вступление в международные торговые соглашения может привести к дополнительной конкуренции на внутреннем рынке, что потенциально может негативно сказаться на развитие малого и среднего предпринимательства в аграрном секторе.

Интеграционные инициативы оказывают существенное воздействие на развитие агропродовольственного рынка Казахстана. Присоединение к Всемирной Торговой Организации (ВТО) и подписание различных соглашений о свободной торговле с другими странами и региональными блоками представляют собой значимые шаги в этом интеграционном процессе.

Интеграция открывает перед казахстанскими производителями ряд

значительных преимуществ. В частности, это связано с расширением объемов международной торговли и доступностью новых рынков сбыта. Этот процесс способствует увеличению экспорта и увеличивает доходы от реализации продукции. Кроме того, интеграция стимулирует появление конкуренции, что призвано повысить стандарты качества продукции, расширить рынки сбыта и снизить цены.

Однако интеграция также может иметь отрицательные последствия для агропродовольственного рынка Казахстана. Например, открытие рынка для импорта может вызвать конкуренцию с местными производителями, которые иногда не в состоянии конкурировать с зарубежными компаниями ни по цене, ни по качеству продукции. В результате этого местные фермеры могут столкнуться со снижением доходов и ухудшением условий жизни.

В общем, интеграционные процессы влияют на агропродовольственный рынок Казахстана как позитивно, так и негативно.

Положительные последствия интеграции для агропродовольственного рынка Казахстана могут включать в себя:

- расширение рынка сбыта: Открытие рынка для импорта может создать дополнительные возможности для экспорта казахстанских продуктов за рубеж;

- технологический обмен: Интеграция может способствовать передаче технологий и передовых методов производства от зарубежных компаний к местным производителям;

- рост конкуренции: Увеличение конкуренции может стимулировать местных производителей к повышению качества продукции и улучшению эффективности производства.

Отрицательные последствия интеграции могут включать в себя:

- конкуренция с импортом: Местные производители могут столкнуться с трудностями в конкуренции по цене и качеству с импортированной продукцией;

- снижение доходов: Увеличение импорта может привести к снижению спроса на местные товары, что может сказаться на доходах и прибылях местных фермеров и производителей;

- риски потери рыночных долей: Местные производители могут потерять

рыночные доли из-за конкуренции с импортом, что может привести к сокращению производства и потере рабочих мест.

Оптимально организованные и адекватно контролируемые интеграционные усилия могут способствовать расширению рынка и повышению доходности для местных производителей.

Управление воздействием интеграционных процессов на развитие агропродовольственного рынка Казахстана включает использование различных инструментов и подходов.

Развитие аграрной науки и ее применение в сельском хозяйстве играют ключевую роль в процессе интеграции в сельскохозяйственном секторе. В настоящее время аграрная наука и практика функционируют отдельно, что препятствует эффективному внедрению передовых идей и знаний в развитие аграрного рынка Казахстана.

Для выявления потенциальных рисков и выгод для местных производителей, а также для разработки стратегии, направленной на преодоление препятствий в развитии агропромышленного рынка и восстановление специализации и размещения аграрного производства, создания новых товарных зон с учетом климатических условий различных регионов и на основе мирового опыта, необходимо провести анализ воздействия интеграционных процессов на агропродовольственный рынок Казахстана. Полученные результаты могут послужить основой для разработки механизмов регулирования общего аграрного рынка в контексте межгосударственного сотрудничества.

Для выявления потенциальных вызовов и возможностей для местных агропроизводителей, необходимо осуществлять мониторинг аграрного рынка и конкуренции. Это позволит определить, какие продукты импортируются, а какие производятся в Казахстане. Для эффективного осуществления данной задачи требуется сотрудничество с Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Агентством по защите и развитию

конкуренции Республики Казахстан, а также с Национальным аграрным научно-образовательным центром. Этот подход поможет разработать механизмы прогнозирования в агропромышленном комплексе, что впоследствии послужит основой для широкомасштабного реформирования национальных и международных институтов аграрной системы. Кроме того, в рамках мониторинга аграрного рынка возможно выявить проблемы, связанные с интегрированным информационным обеспечением агропромышленного комплекса, что способствует применению передовых информационных технологий в аграрном секторе, особенно в области фитосанитарии, ветеринарии и других.

Для создания больших возможностей для конкуренции с зарубежными компаниями предлагается разработать меры поддержки для местных производителей. Эти меры могут включать в себя новые образовательные программы, стажировки, в том числе за рубежом в рамках международной стипендиальной программы «Болашак», а также установление партнерских связей с зарубежными научными организациями, специализирующимися в области сельского хозяйства. Эти усилия необходимы для научного и инновационного развития агропромышленного комплекса.

Для адаптации стратегии и улучшения поддержки местных сельхозпроизводителей, а также для обеспечения устойчивого развития аграрного рынка, критически важно проводить периодическую оценку эффективности интеграционных процессов и их воздействия на сектор сельского хозяйства и продовольственного рынка Казахстана. Полученные результаты также могут способствовать созданию благоприятной инвестиционной среды в аграрной отрасли и стимулированию

инноваций в сельскохозяйственном производстве.

Интеграционные процессы могут оказывать положительное воздействие на развитие агропродовольственного рынка Казахстана через ряд факторов. Это может включать увеличение объемов международной торговли, создание промышленных и перерабатывающих предприятий с более высокой экономической эффективностью, повышение стандартов качества продукции на основе сельскохозяйственного сырья, снижение цен на товары, расширение географии рынков сбыта и улучшение доступности агропродукции для населения. Кроме того, интеграция может способствовать привлечению инвестиций и передовых технологий для развития местного производства.

Также необходимо уделить особое внимание согласованию национальных законов и практики применения законодательства в области защиты интеллектуальной собственности с сопредельными государствами. Это также включает ужесточение контроля за ведением общего таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, процессы интеграции оказывают значительное воздействие на развитие агропродовольственного рынка Казахстана. Они способствуют расширению рынков сбыта, притоку инвестиций, увеличению конкурентоспособности, передаче инновационных технологий и развитию инфраструктуры. Однако важно также учитывать потенциальные вызовы и проблемы, связанные с конкуренцией и защитой национальных производителей.

Список литературы

1. Нечаев В.И., Бирман В.Ф., Бершицкий Ю.И., Боговиз А.В. Организация и управление сельскохозяйственным производством [Текст]. – М.: Колос С, 2011. – 428 с. URL: <https://publications.hse.ru/books/77652375> (дата обращения: 10.08.2023).
2. Сапарова Г.К., Султанова Г.Т. Проблемы и перспективы развития аграрного производства в Республике Казахстан в современных условиях [Текст]. Монография. – Атырау, 2020. – 191 с. (дата обращения: 11.08.2023).

3. Saparova G.K., Saginova S.A., Sultanova G.T. Role of Boundary Regions in the Development of Agricultural Production and Ensuring Food Security of the Kazakhstan // 25th EBES Conf. – Berlin, 2018. – Vol. 3. – P. 1622-1626. (дата обращения: 12.08.2023).
4. Шибайкин А., Рыжков Ю. Регулирование агропродовольственной системы на мезоуровне [Текст] // АПК: экономика и управление. – 2003. – № 5. – С. 33-34. (дата обращения: 13.08.2023).
5. Праневич А.А. Интеграционные объединения стран: проблемы и факторы конкурентной устойчивости в современной мировой экономике [Текст] // Белорусский экономический журнал. – 2016. – № 1. – С. 4-21. (дата обращения: 14.08.2023).
6. Сологуб В.И. Новейшие интеграционные объединения: понятие и классификация [Текст] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. – 2015. – № 36(216). – С. 178-182. (дата обращения: 15.08.2023).
7. Kozak Yu., Sporek T. Essentials of International Economics: Questions & Answers [Text]. – Kiev Katowice: CUL, 2014. – 223 p. (дата обращения: 16.08.2023).
8. Babich T.N., Vertakova Yu.V., Kozeva I.A., Kuzbozhev E.N. Forecasting and Planning in Market Conditions: Textbook [Text]. – Moscow: SIC INFRA-M, 2013. – 336 p. (дата обращения: 17.08.2023).
9. Da J., Gomez J. The Challenges of Regional Integration in Africa [Text] // European Scientific Journal. – 2014. – P. 429-433. (дата обращения: 18.08.2023).
10. Калиев Г.А. Аграрная политика Казахстана в условиях межгосударственной интеграции [Текст] // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013. – № 12. – С. 3-4. (дата обращения: 19.08.2023).
11. Тиреуов К.М., Рахимжанова Г.М. Тенденции развития аграрного сектора Республики Казахстан в условиях модернизации экономик [Текст] // Проблемы агорынка. – 2019. – № 3. – С. 27-34. (дата обращения: 20.08.2023).
12. Мизанбекова С.К., Калыкова Б.Б., Нурманбекова Г.К. Приоритетные направления регулирования агропродовольственного рынка [Текст] // Проблемы агорынка. – 2019. – № 1. – С. 30-40. (дата обращения: 21.08.2023).
13. Жиентаев С., Досмухамедова З. Государственное регулирование сельского хозяйства Казахстана в рамках Евразийского экономического союза [Текст] // Вестник КарГУ. Серия Экономика. – 2019. – № 4. – С. 99-108. (дата обращения: 22.08.2023).
14. Вартанова М.Л. Основные направления экономического развития и перспективы экономической интеграции стран ЕАЭС [Текст] // Экономические отношения. – 2018. – Том 8. – № 3. – С. 315-322. (дата обращения: 23.08.2023).
15. Мизанбекова С.К., Богомоллова И.П., Богомоллов А.В. Направления формирования сбалансированных отношений организаций зернопродуктового подкомплекса [Текст] // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2017. – № 5. – С. 45-49. (дата обращения: 24.08.2023).
16. Акимова Ю.А., Кочеткова С.А. Европейский опыт регулирования развития аграрной сферы экономики [Текст] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12 (часть 7). – С. 1261-1265. (дата обращения: 25.08.2023).
17. Аттокурова Н.С., Макеева М.Т. Возможности SWOT-анализа при исследовании проблем экономической интеграции [Текст] // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2016. – № 2. – С. 45-48. (дата обращения: 26.08.2023).
18. Ишханов А.В., Колбенева А.М. О применении модели глобального измерения региональной интеграции для оценки развития Евразийского экономического союза [Текст] // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика. Экология. – 2014. – № 6. – С. 132-145. (дата обращения: 27.08.2023).
19. Nakipova G.E., Ten T.L., Drozd V.G., Smirnov L.S., Kogay G.D., Suvorova A.V. Analysis and Modeling Indicators of AIC of Kazakhstan in the Conditions of Digital Economy [Text]. – SIST 2021 - 2021 IEEE International Conference on Smart Information Systems and Technologies. – 2021. – P. 9465920. (дата обращения: 28.08.2023).
20. Колбенева А.М. Международная экономическая интеграция: ретроспективный анализ теоретической мысли [Текст] // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 39-41. (дата обращения: 29.08.2023).

21. Праневич А.А. Интеграционные объединения стран: проблемы и факторы конкурентной устойчивости в современной мировой экономике [Текст] // Белорусский экономический журнал. - 2016. - № 1. - С. 4-21. (дата обращения: 30.08.2023).

References

1. Nechaev V.I., Birman V.F., Bershitsky Yu.I., Bogoviz A.V. Organization and Management of Agricultural Production [Text]. – Moscow: Kolos S, 2011. – 428 p. URL: <https://publications.hse.ru/books/77652375> (accessed on 10.08.2023).
2. Saparova G.K., Sultanova G.T. Problems and Prospects of Agricultural Production Development in the Republic of Kazakhstan in Modern Conditions [Text]. Monograph. – Atyrau, 2020. – 191 p. (accessed on 11.08.2023).
3. Saparova G.K., Saginova S.A., Sultanova G.T. Role of Boundary Regions in the Development of Agricultural Production and Ensuring Food Security of Kazakhstan // 25th EBES Conf. – Berlin, 2018. – Vol. 3. – P. 1622-1626. (accessed on 12.08.2023).
4. Shibaykin A., Ryzhkov Yu. Regulation of the Agro-Food System at the Meso Level [Text] // APK: Economics and Management. - 2003. - No. 5. - P. 33-34. (accessed on 13.08.2023).
5. Pranevich A.A. Integration Associations of Countries: Problems and Factors of Competitive Stability in the Modern World Economy [Text] // Belarusian Economic Journal. - 2016. - No. 1. – P. 4-21. (accessed on 14.08.2023).
6. Sologub V.I. The Latest Integration Associations: Concept and Classification [Text] // Scientific Gazette of Belgorod State University. Series: History. Political Science. - 2015. - No. 36(216). - P. 178-182. (accessed on 15.08.2023).
7. Kozak Yu., Sporek T. Essentials of International Economics: Questions & Answers [Text]. – Kiev Katowice: CUL, 2014. – 223 p. (accessed on 16.08.2023).
8. Babich T.N., Vertakova Yu.V., Kozeva I.A., Kuzbozhev E.N. Forecasting and Planning in Market Conditions: Textbook [Text]. – Moscow: SIC INFRA-M, 2013. – 336 p. (accessed on 17.08.2023).
9. Da J., Gomez J. The Challenges of Regional Integration in Africa [Text] // European Scientific Journal. – 2014. – P. 429-433. (accessed on 18.08.2023).
10. Kaliev G.A. Agricultural Policy of Kazakhstan in the Context of Interstate Integration [Text] // Economics of Agricultural and Processing Enterprises. - 2013. - No. 12. - P. 3-4. (accessed on 19.08.2023).
11. Tireuov K.M., Rakhimzhanova G.M. Trends in the Development of the Agricultural Sector of the Republic of Kazakhstan in the Context of Economic Modernization [Text] // Problems of Agrarian Market. - 2019. - No. 3. - P. 27-34. (accessed on 20.08.2023).
12. Mizanbekova S.K., Kalykova B.B., Nurmanbekova G.K. Priority Areas for Regulating the Agri-Food Market [Text] // Problems of Agrarian Market. - 2019. - No. 1. - P. 30-40. (accessed on 21.08.2023).
13. Zhiyentaev S., Dosmukhamedova Z. State Regulation of Agriculture in Kazakhstan within the Framework of the Eurasian Economic Union [Text] // KarGU Bulletin. Series: Economics. - 2019. - No. 4. - P. 99-108. (accessed on 22.08.2023).
14. Vartanova M.L. Main Directions of Economic Development and Prospects for Economic Integration of EAEU Countries [Text] // Economic Relations. - 2018. - Vol. 8. - No. 3. - P. 315-322. (accessed on 23.08.2023).
15. Mizanbekova S.K., Bogomolova I.P., Bogomolov A.V. Directions for Establishing Balanced Relations in the Grain Products Subcomplex Organizations [Text] // International Agricultural Journal. – 2017. – No. 5. – P. 45-49. (accessed on 24.08.2023).
16. Akimova Yu.A., Kochetkova S.A. European Experience in Regulating the Development of the Agricultural Sector [Text] // International Journal of Applied and Fundamental Research. - 2015. - No. 12 (part 7). - P. 1261-1265. (accessed on 25.08.2023).
17. Attokurova N.S., Makeeva M.T. SWOT Analysis Opportunities in Studying Economic Integration Problems [Text] // Bulletin of Kyrgyz-Russian Slavic University. - 2016. - No. 2. - P. 45-48. (accessed on 26.08.2023).
18. Ishkhanov A.V., Kolbeneva A.M. Application of the Global Measurement Model of Regional Integration to Assess Development of the Eurasian Economic Union [Text] // Bulletin of

Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. - 2014. - No. 6. - P. 132-145. (accessed on 27.08.2023).

19. Nakipova G.E., Ten T.L., Drozd V.G., Smirnov L.S., Kogay G.D., Suvorova A.V. Analysis and Modeling Indicators of AIC of Kazakhstan in the Context of the Digital Economy [Text]. – SIST 2021 - 2021 IEEE International Conference on Smart Information Systems and Technologies. – 2021. - P. 9465920. (accessed on 28.08.2023).

20. Kolbeneva A.M. International Economic Integration: A Retrospective Analysis of Theoretical Thought [Text] // Theory and Practice of Social Development. - 2015. - No. 8. - P. 39-41. (accessed on 29.08.2023).

21. Pranevich A.A. Integration Associations of Countries: Problems and Factors of Competitive Stability in the Modern World Economy [Text] // Belarusian Economic Journal. - 2016. - No. 1. - P. 4-21. (accessed on 30.08.2023).

ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ПРОЦЕСТЕРДІҢ ӘСЕРІН МОДЕЛЬДЕУ АГРО-АЗЫК-ЕТІЛІК НАРЫҒЫН ДАМУЫҮШІН ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙДА ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ

Сания САГИНОВА*, Ph.D, «Экономика және басқару» кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Қ. Құлажанов атындағы Қазақ Технология және Бизнес университеті, Астана, Қазақстан, saginova.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6503-1743>

Айнур БАЙДАЛИНОВА, Ph.D, «Менеджмент» кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Esil University, А. Жұбанов көшесі, 7, Астана, Қазақстан, aynur.sultanovna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0395-2213>

Гузель СУЛТАНОВА, Ph.D, Директордың кеңесшісі, Еуразиялық интеграция институты, Астана, Қазақстан, guzel1010@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4051-604X>

Архат АСАИНОВ, Моңғолия жоғары университетінің Ph.D докторанты, «Экономика және басқару» кафедрасының аға оқытушысы, Қ. Құлажанов атындағы Қазақ Технология және Бизнес университеті, Астана, Қазақстан, arhat_asainov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3816-8039>

Азамат ЖАНСЕЙТОВ, Тұран-Астана университетінің Ph.D докторанты, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Қарағанды облысы бойынша филиалының доценті, Қарағанды, Қазақстан, a.zhanseitov@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0001-9495-0530>.

MODELING THE INFLUENCE OF INTEGRATION PROCESSES FOR THE DEVELOPMENT OF THE AGRIFOOD MARKET THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN MODERN CONDITIONS

Saniya SAGINOVA*, Ph.D, Associate Professor of the Department of Economics and Management K. Kulzhanov Kazakh University of Technology and Business, Mukhamedkhanov, Astana, Kazakhstan, saginova.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6503-1743>

Ainur BAIDALINOVA, Ph.D, Associate Professor of the Department of Management, Astana, Kazakhstan, aynur.sultanovna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0395-2213>

Guzel SULTANOVA, Ph.D, Advisor to the Director; Eurasian Integration Institute, Astana, Kazakhstan, guzel1010@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4051-604X>

Arhat ASAINOV, student Ph.D of Graduate University of Mongolia, of the Department of Economics and Management; K. Kulzhanov Kazakh University of Technology and Business, Astana, Kazakhstan, arhat_asainov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3816-8039>

Azamat ZHANSEITOV, student Ph.D of Turan-Astana University, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Karaganda, Kazakhstan, a.zhanseitov@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0001-9495-0530>.

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**Асель
АХМЕТОВА ****докторант образовательной программы «Государственное и местное управление», Карагандинский Университет Казпотребсоюза, Караганда, Казахстан, ahmetova.2017.86@mail.ru, Researcher ID: AAJ-4097-2020, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0278-8967>***Олеся
ЖИДКОБЛИНОВА***PhD, доцент кафедры Экономической теории и государственного и местного управления, Карагандинский Университет Казпотребсоюза, Караганда, Казахстан, olesya.zhidkoblinova@mail.ru, ID author: 57190224529, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9072-6419>*

Дата поступления рукописи в редакцию: 24/07/2024

Доработано: 18/11/2024

Принято: 19/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1295

УДК 332.1

МРНТИ 06.61.53

Аннотация. В статье рассмотрено современное трактование понятия урбанизации, показана разница между процессами урбанизации в Казахстане и зарубежными странами, проведен анализ развития процессов урбанизации в Республике Казахстан. Рассмотрен демографический и экономический фактор развития урбанизации, негативные и позитивные аспекты урбанизации в Казахстане. Указано на низкую управляемость процессов урбанизации, с учетом этого даны рекомендации по повышению управляемостью процессами урбанизации, в частности в применении информационных сетей, которые должны предоставлять данные о наличии и видах рабочих мест в городе и на селе, улучшить социальное взаимодействие и обмен информацией между городскими и сельскими жителями, что может привести к более эффективному принятию решений относительно миграции. Сформулированы основные направления государственного управления процессом урбанизации.

Ключевые слова: урбанизация, миграция, управление, город, демография, население, информационные сети

Аңдатпа. Мақалада урбанизация ұғымының заманауи түсіндірмесі қарастырылған, Қазақстандағы және шет елдердегі урбанизация процестерінің арасындағы айырмашылық көрсетілген, Қазақстан Республикасындағы урбанизация процестерінің дамуына талдау жасалған. Урбанизацияны дамытудың демографиялық және экономикалық факторы, Қазақстандағы урбанизацияның жағымсыз және оң аспектілері қаралды. Урбанизация процестерінің төмен басқарылатындығы көрсетілген, осыны ескере отырып, урбанизация процестерін басқаруды арттыру, атап айтқанда, қалада және ауылда жұмыс орындарының болуы мен түрлері туралы деректерді ұсынуға, әлеуметтік өзара іс-қимылды жақсартуға және қала мен ауыл тұрғындары арасындағы ақпарат алмасуды жақсартуға тиіс ақпараттық желілерді қолдану бойынша ұсыныстар берілді, бұл тиімдірек қабылдауға әкелуі мүмкін көші-қонға қатысты шешімдер. Урбанизация процесін Мемлекеттік басқарудың негізгі бағыттары тұжырымдалған..

Түйінді сөздер: урбанизация, көші-қон, басқару, қала, демография, халық, ақпараттық желілер

Abstract. The article examines the modern interpretation of the concept of urbanization, shows the difference between the processes of urbanization in Kazakhstan and foreign countries, analyzes the development of urbanization processes in the Republic of Kazakhstan. The demographic and economic factor of urbanization development, negative and positive aspects of urbanization in Kazakhstan are considered. The low manageability of urbanization processes is indicated, with this in mind, recommendations are given to increase the manageability of urbanization processes, in particular in the use of information networks that should provide data on the availability and types of jobs in the city and in rural areas, improve social interaction and information exchange between urban and rural residents, which can lead to more effective decision- making decisions regarding migration. The main directions of state management of the urbanization process are formulated.

Keywords: urbanization, migration, management, city, demography, population, information networks.

Введение

В наше время урбанизация представляет собой один из ключевых и наиболее актуальных процессов. Этот процесс, связанный с усилением роли городов и

увеличением числа жителей в них. Он создает новые стандарты жизни и поведения, отличные от традиционных, что приводит к изменениям в социальном укладе. Урбанизация играет решающую роль в современном развитии

* Автор для корреспонденции: А. Ахметова, ahmetova.2017.86@mail.ru

человечества, привлекая миллионы людей, особенно из сельских районов, в городскую жизнь.

Международный опыт показывает, что при урбанизации в городах сосредотачивается финансовый и интеллектуальный капитал страны, лучшие трудовые ресурсы, образовательные и научные ресурсы, это создает хорошие условия для развития инноваций и новых технологий. В городах имеются лучшие условия для развития предпринимательства, так как наличие производств и определенных услуг, требует наличия обеспечивающих их услуг и производств. Наличие населения требует функционирования целой гаммы услуг социально-бытового сервиса. Наличие развитого предпринимательства и бизнеса способствует развитию финансовых услуг для кредитования и инвестирования, проведения финансовых транзакций.

Набиуллина, К. Р. указывает, что урбанизация (от лат. urbanus- городской, urbs - город) - это социально-экономический процесс, выражающийся в концентрации большой численности населения в городах и сосредоточении в них политической, экономической и культурной жизни государства [1]. Антонюк В.С., Погонин В.В. под урбанизацией понимают усиление роли городов в развитии обществ, которое меняет характер размещения производств, расселения населения, его демографическую структуру, образ жизни и культуру. Это многосторонний процесс, представленный в социально-экономическом, демографическом и географическом разрезах, и он происходит на основе исторически сложившихся форм общественно-территориального разделения труда [2]. Hussain, M. и Imtiyaz, I. утверждают, что урбанизация это увеличение доли городского населения в демографической структуре общества, т.е. миграция населения в городские районы [3]. Satterthwaite D., McGranahan G., Tacoli C., утверждают, что урбанизация также может относиться к расширению использования городских земель в результате перехода от густонаселенных поселений к более разбросанным [4]. По мнению Бай С., Ши П., Лю Ю. быстрая урбанизация способствует глобальной миграции населения, экономическому развитию и благосостоянию людей, с

ускорением потребления природных ресурсов и деградацией окружающей среды [5]. Широко признано, что урбанизация вызывает радикальные изменения во всех аспектах образа жизни человека и представляет собой полномасштабную концепцию, включающую различные измерения населения, экономики, пространственного распределения и общества [6]. В городах имеется большее предложение рабочих мест. Города обеспечивают большие доходы и лучшие культурные условия, что способствует развитию личности. Процесс урбанизации развивается во всем мире. Уровень урбанизации к 2050 году достигнет 63%. [7]. Развитие урбанизации непосредственно влияет на производимый ВВП стран. Большая часть мирового ВВП производится в городах [8]. По мнению многих ученых урбанизация связана с экономическим ростом страны. Так по мнению Dorosh, P., & Thurlow, J. урбанизация традиционно связана с положительным экономическим ростом. Экономический рост способствует росту жизненного уровня населения [9]. При урбанизации характерным явлением является миграция из села в город, происходит увеличение городского населения и уменьшение сельского населения [10]. Ввиду того что при урбанизации большая часть населения перемещается в города, там сосредотачивается экономическая и культурная жизнь страны [1]. По мнению Антонюк В.С. и Погонина В.В. основным локомотивом развития общества становятся города, что находит своё отражение в производственных, культурных и демографических процессах [2, С.145]. Урбанизация охватывает все аспекты жизни общества. Меняется образ жизни людей, изменяется культура поведения. В связи с изменением географического расположения народнохозяйственных объектов меняется экономика [11].

Таким образом, большинство ученых сходятся в определении урбанизации, что она связана с концентрацией значительной численности населения в городах и сосредоточении в них политической, экономической и культурной жизни государства. Республика Казахстан стремится быть экономически развитым государством. Мировой опыт

демонстрирует, что урбанизация способствует экономическому и социальному развитию страны. Поэтому Казахстан взял курс на развитие крупных городов, умных городов, усиление процессов урбанизации. Соответственно, целью исследования является анализ процессов урбанизации в Республике Казахстан, выявление тенденций и факторов развития. Следует отметить разницу между процессами урбанизации в Казахстане и зарубежными странами. Урбанизация в Казахстане происходила со времен существования СССР и носила в основном направление создания городов для обслуживания целинного и добывающего сектора. Урбанизация в зарубежных странах началась с 18 века в эпоху промышленной революции. В отличие от Казахстана урбанизация в западных странах носила более постепенный характер. Это, в отличие от Казахстана, позволяло более планомерно решать экологические проблемы, обеспечить устойчивое развитие экономики. Помимо промышленности значительно развивался сектор услуг. В настоящее время развитие урбанизации в зарубежных странах связано с быстрым развитием информационных технологий, разработкой инноваций, формированием крупных финансовых центров, например, таких как Франкфурт на Майне, Нью-Йорк, Токио и др. Также в зарубежных странах в виду хорошего развития инфраструктуры, в первую очередь дорог, население предпочитает жить в более экологично чистых и спокойных пригородах, а работать в городах. В Казахстане урбанизация же происходит за счет переселения сельского населения в города и миграции.

Урбанизация несёт и ряд отрицательных моментов - бесконтрольная миграция из села в город, приводит к повышению безработицы, перенаселению, нагрузке на инфраструктуру, ухудшению экологии. Урбанизация вынуждает работать сельхозпроизводителей более продуктивно. Миграция может увеличить сельскохозяйственные площади на душу населения и привести к более высокой производительности [12]. Интеграция городских и сельских районов может повысить производительность, рост и уровень жизни, облегчая поток товаров и услуг, включая сельскохозяйственную продукцию и

промышленные товары, а также может помочь уменьшить неравенство между городскими и сельскими домохозяйствами. Хорошо управляемая урбанизация может вывести страны на долгосрочный путь к процветанию [13].

В эпоху урбанизации цифровые технологии применяются для скоординированного развития города и села. Например, Китай столкнулся с трудностями в сфере занятости и структурными противоречиями, такими как растущий разрыв между городскими и сельскими районами, а также между ростом урбанизации и окружающей средой. Поэтому Китай применяет цифровые технологии для улучшения связей между городом и деревней. Таким образом, сочетание политики цифровых технологий и урбанизации является важной тенденцией в цифровой экономике. Установлено, что цифровая экономика влияет на трансформацию городской и сельской структуры через предложение продукции, распределение факторов, распределение доходов и социальное управление [14]. Yang Zhaoa, Zongyu Songa, Jian Chenb, Wei Daic утверждают, что политика цифровых технологий оказывает прямое положительное влияние на стимулирование экономического развития, политика цифровых технологий стимулирует устойчивую урбанизацию. Проекты по передаче информации, компьютерным услугам и разработке программного обеспечения отражают государственную поддержку предприятий ИКТ

По мнению Qing Ma, Feifei Shi фундаментальный путь урбанизации - это интеграция информатизации и индустриализации, взаимодействие индустриализации и урбанизации, а также скоординированное развитие урбанизации и модернизации сельского хозяйства. Новый тип урбанизации играет значительную роль в устойчивом развитии городской и сельской экономики. Это может эффективно решить противоречие между городскими и сельскими районами, сократить относительный разрыв между городскими и сельскими районами, привести к экологической гармонии, формируя новую ситуацию скоординированного развития городских и сельских территорий [15]. Цифровое взаимодействие между городом

и селом открывает новые возможности для трудоустройства. По мнению Qi J., Zheng X. и Guo H применение политики цифровых технологий может создать возможности трудоустройства как для городских, так и для сельских жителей и стимулировать инновации в цифровых технологиях, при этом сельские жители получают больше возможностей найти работу на местном уровне через цифровую экономику, уменьшая барьеры на границе города и села [16]

Задачей исследования является анализ процессов урбанизации в Республике Казахстан и выработке рекомендаций по снижению негативных проявлений урбанизации

Гипотеза исследования заключается в следующем: Процессы урбанизации можно регулировать посредством создания информационных сети городов и сел. В данных сетях будет производиться согласование развитие городов и сел, обмен информацией, совместное развитие проектов. Сеть будет способствовать управлению миграцией, так как будут указаны проекты, которые реализуются или будут реализоваться в агропромышленном комплексе и в городах и для которых понадобятся трудовые ресурсы.

Материалы и методы

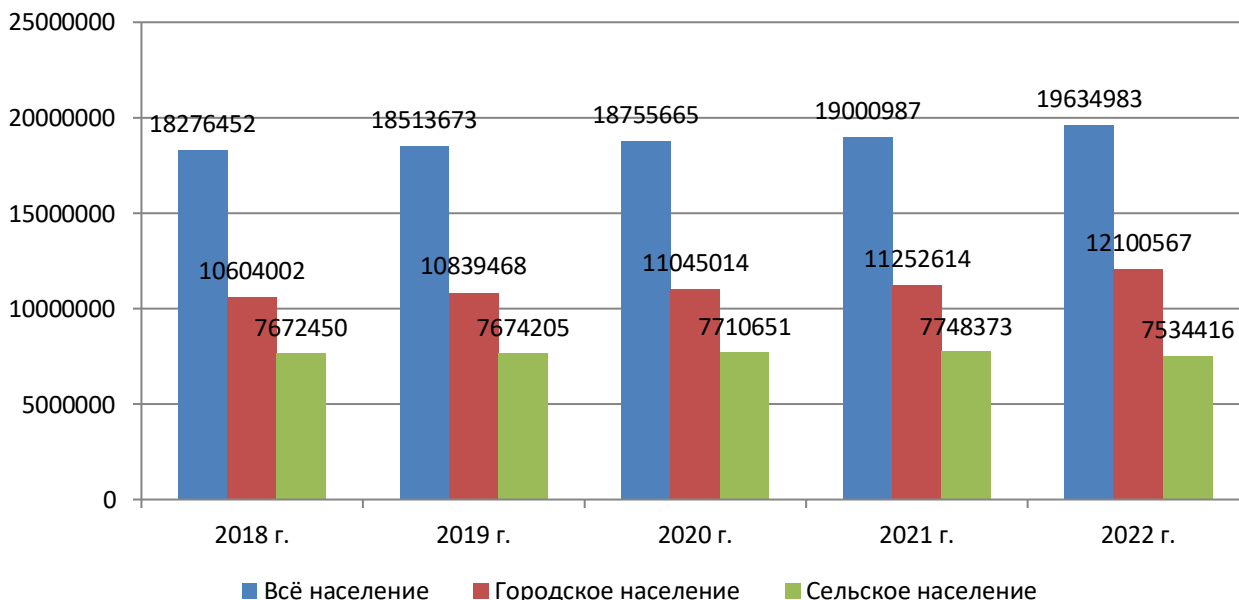
В ходе исследования был использован статистический метод - обработка официальных данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, системный анализ, количественный и многокритериальный анализ, сравнительный анализ.

Результаты

Рассмотрение и анализ процессов урбанизации должен носить комплексный характер. Необходимо рассматривать коэффициент интенсивности урбанизации; демографические показатели: рост численности городского населения, миграционные процессы, рождаемость в городской и сельской местности; также необходимо рассматривать такие предрасполагающие факторы как денежные доходы и расходы населения, уровень бедности; характеристику распределения городов на областные и районные значения.

В рисунке 1 показана динамика среднегодовой численности населения Республики Казахстан.

Рисунок 1 – Динамика среднегодовой численности населения Республики Казахстан

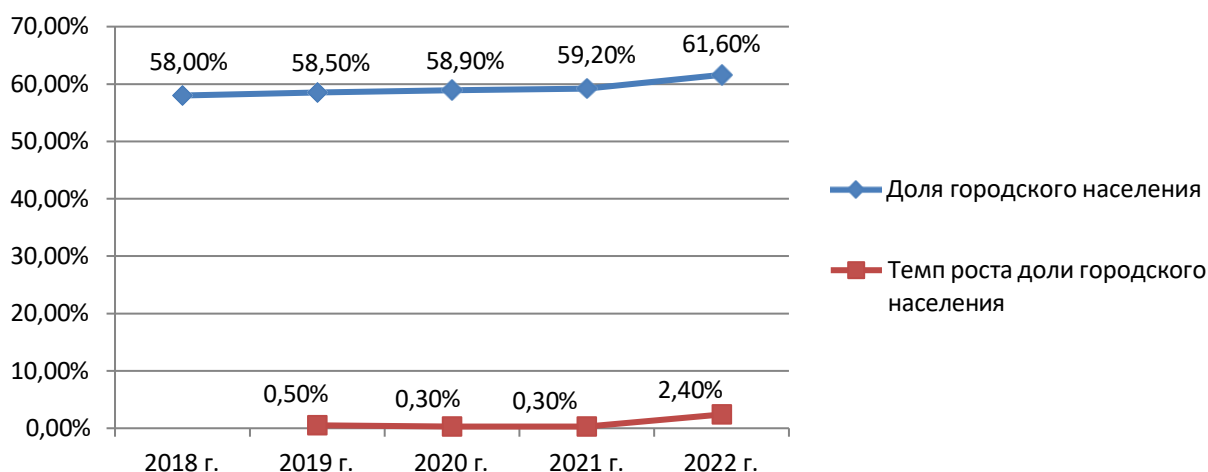

Источник: [17]

Из рисунка 1 видно, что в Республике Казахстан растет численность городского населения (с 2018 по 2022 год рост

составил 1,49 млн. чел.) и сокращается численность сельского населения (сокращение составляет 0,138 млн. чел.).

Рисунок 2 – Динамика Доли городского населения в Республике Казахстан

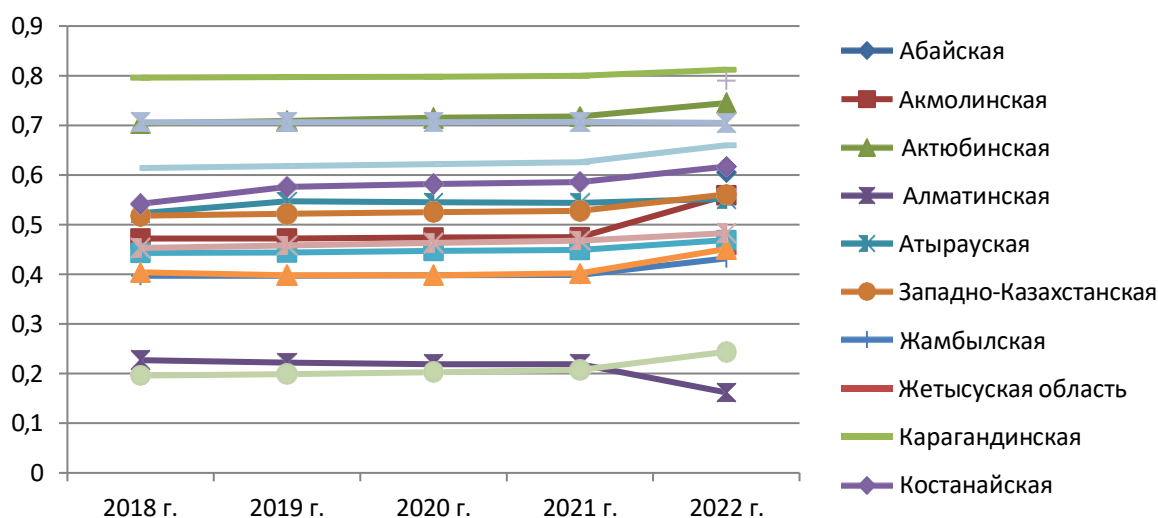

Источник: [17]

Из рисунка 2 видно, что доля городского населения растет. С 2018 года по 2022 год рост составил 3,6 %. Так же растет и темп роста доли городского населения. В 2022

году темп роста доли городского населения составил 2,4 %, превысив темп роста 2021 года в 8 раз.

Рисунок 3 – Динамика Доли городского населения в Республике Казахстан по регионам

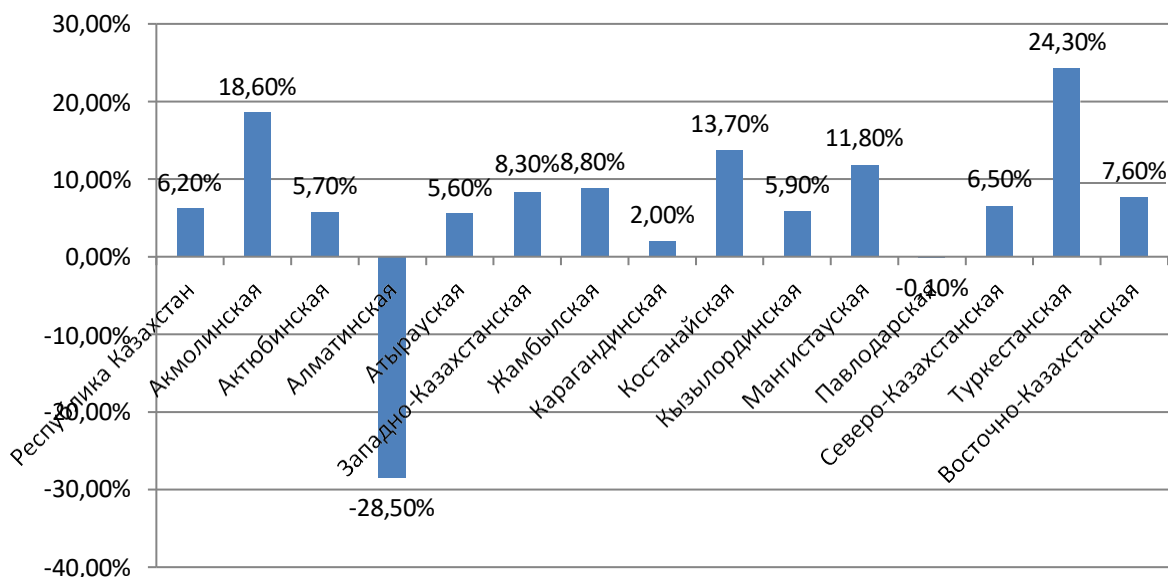

Источник: [17]

Из рисунка 3 видно, что наибольшая доля городского населения в 2022 году наблюдалась в Карагандинской области – 81,2 %, Улытауской области – 79 %, Актюбинской области – 74,5 %. С 2018 по 2022 гг. наибольший рост

городского населения наблюдался в Акмолинской области – 8,8 %, Костанайской области – 7,4 %, Мангистауской и Туркестанских областях – 4,8 %.

Рисунок 4 – Коэффициент интенсивности урбанизации за 2018–2022 года в Республике Казахстан по регионам

Источник: [17]

Из рисунка 4 видно, что коэффициент интенсивности урбанизации не равномерен по областям Казахстана. Наибольший коэффициент интенсивности урбанизации наблюдался в Туркестанской области - 24,3 %, отрицательные значения коэффициента интенсивности урбанизации наблюдались в Алматинской области – 28,5 % и Павлодарской области -0,1 %.

Таким образом, процессы урбанизации идут неравномерно по территории Казахстана. Если рассматривать процессы урбанизации в различных частях Республики Казахстан, то следует отметить, что северные регионы – это регионы поднятия целины, на поднятие которой приезжало в основном славянское население, которое предпочитает жить в городах. Города необходимы были для обеспечения поднятия целины всем необходимым, что и предопределило более высокий уровень урбанизации по сравнению с югом страны.

На юге Казахстана преобладало сельское хозяйство, климат более засушливый. Данные факторы не способствовали развитию урбанизации, поэтому уровень урбанизации на юге Казахстана один из низких.

На востоке Казахстана преобладает гористая местность, где имеется большое количество месторождений металла. Освоение месторождений потребовало создание соответствующих производств, что привело к росту промышленных городов и росту урбанизации. Поэтому восточная часть страны характеризуется довольно высоким уровнем урбанизации. Запад Казахстана характеризуется наличием больших малонаселенных территорий и наличием нефтеносных месторождений, разработка которых ведется в основном вахтовым методом. Поэтому добыча нефти хоть и привела к развитию городов, но уровень урбанизации остался невысоким.

Таблица 1. Динамика численности населения Республики Казахстан за 2018-2022 года

Всё население	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение показателя 2022 г. от 2018 г.
Республика Казахстан	18276452	18513673	18755665	19000987	19634983	1358531

Source: [17]

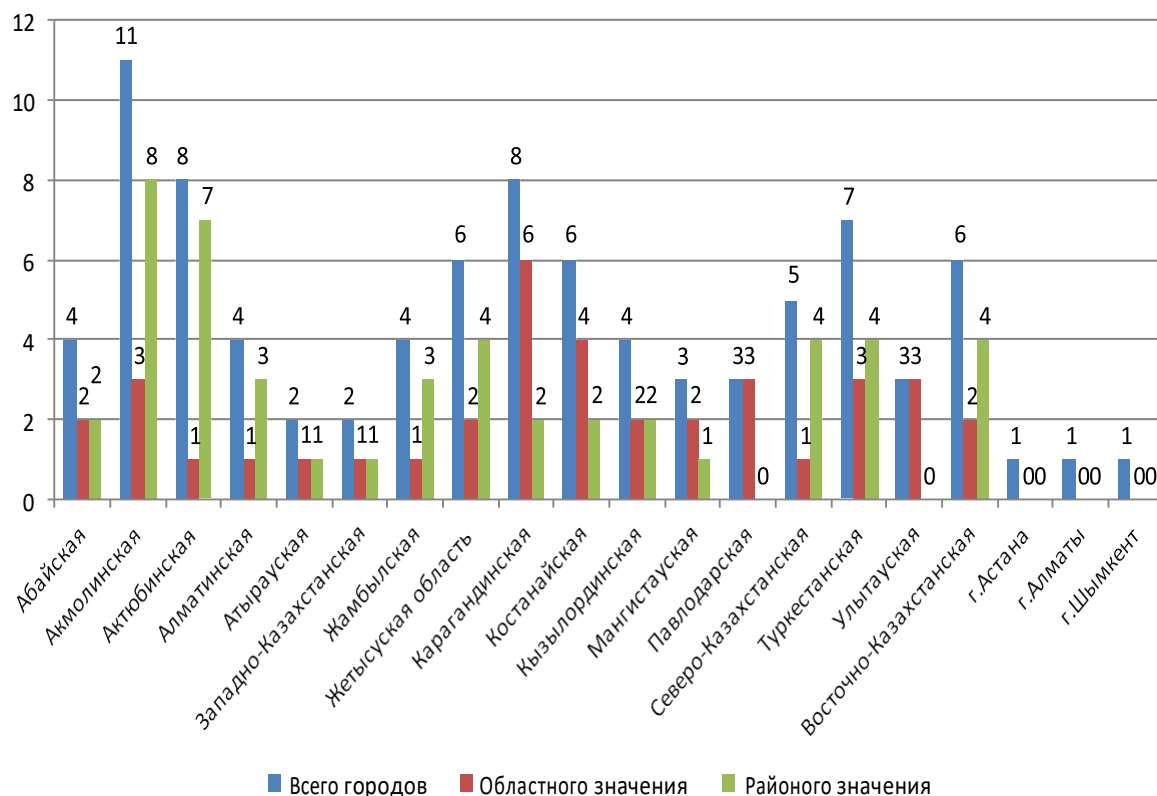
При анализе процессов урбанизации следует также учитывать снижение численности населения областей из-за внутренней и внешней миграции. С 2018 по

2022 год снижение численности Алматинской области составило 535908 человек, Карагандинской 244625 человек, Восточно-Казахстанской 649534 человек. В

целом прирост населения по Казахстану составил 1358531 человек. Прирост был обеспечен в основном ростом населения крупных городов Алматы – 303368 человек,

Астаны – 270 653 человека, Шымкента – 196627 человек. Эти три города обеспечили 56,7 % прироста населения республики.

Рисунок 5. Административно-территориальное деление Республики Казахстан на начало 2023 года

Source: [17]

Из рисунка 5 видно, что всего в Республике Казахстан на начало 2023 года имеется 89 городов, из них 38 городов областного значения, 48 городов районного значения. Наибольшее количество городов имеется в Акмолинской области – 11. Наибольшее

количество городов областного значения имеется в Карагандинской области – 6 и Костанайской области – 4. Наибольшее количество городов районного значения имеется в Акмолинской области – 8.

Таблица 2. Доля населения в Республике Казахстан, имеющего доходы, использованные на потребление ниже величины прожиточного минимума, в процентах

	2018	2019	2020	2021	2022	Отклонение показателя 2022 г. от 2018 г.
Доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума	4,3	4,3	5,3	5,2	5,2	0,9

В том числе: - в городской местности	2,5	2,7	3,7	3,8	4,0	1,5
- в сельской местности	6,7	6,6	7,6	7,2	7,3	0,6
Отклонение показателя в сельской местности от городской	4,2	3,9	3,9	3,4	3,3	-0,9

Source: [17]

Из таблицы 2 видно, что доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума в Республике Казахстан имеет тенденцию к увеличению. Доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума в сельской местности выше, чем в городской. Так в 2018 году отклонение показателя в

сельской местности от городской составляло 4,2 %. В последующие годы данное отклонение уменьшалось и в 2022 году составило уже 3,3 %. Уровень бедности в сельской местности продолжает возрастать. Это также является фактором миграции из сельской местности в городскую.

Таблица 3. Доля населения в Республике Казахстан, имеющего доходы ниже стоимости продовольственной корзины

	2018	2019	2020	2021	2022	Отклонение показателя 2022 г. от 2018 г.
Доля населения, имеющего доходы ниже стоимости продовольственной корзины	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0
В том числе: - в городской местности	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0
- в сельской местности	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	-0,1
Отклонение показателя в сельской местности от городской	0,1	0,1	0,1	0,1	0	-0,1

Source: [17]

Из таблицы 3 видно, что с 2018 по 2021 год доля населения, имеющего доходы ниже стоимости продовольственной корзины в сельской местности в 2 раза, превышала

аналогичный показатель в городской местности. Это является фактором миграции из сельской местности в городскую.

Таблица 4. Глубина бедности в Республике Казахстан

	2018	2019	2020	2021	2022	Отклонение показателя 2022 г. от 2018 г.
Всего	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,1
город	0,4	0,4	0,5	0,6	0,6	0,2
село	1,0	1,0	1,2	1,1	1,1	0,1
Отклонение показателя в сельской местности от городской	0,6	0,6	0,7	0,5	0,5	-0,1

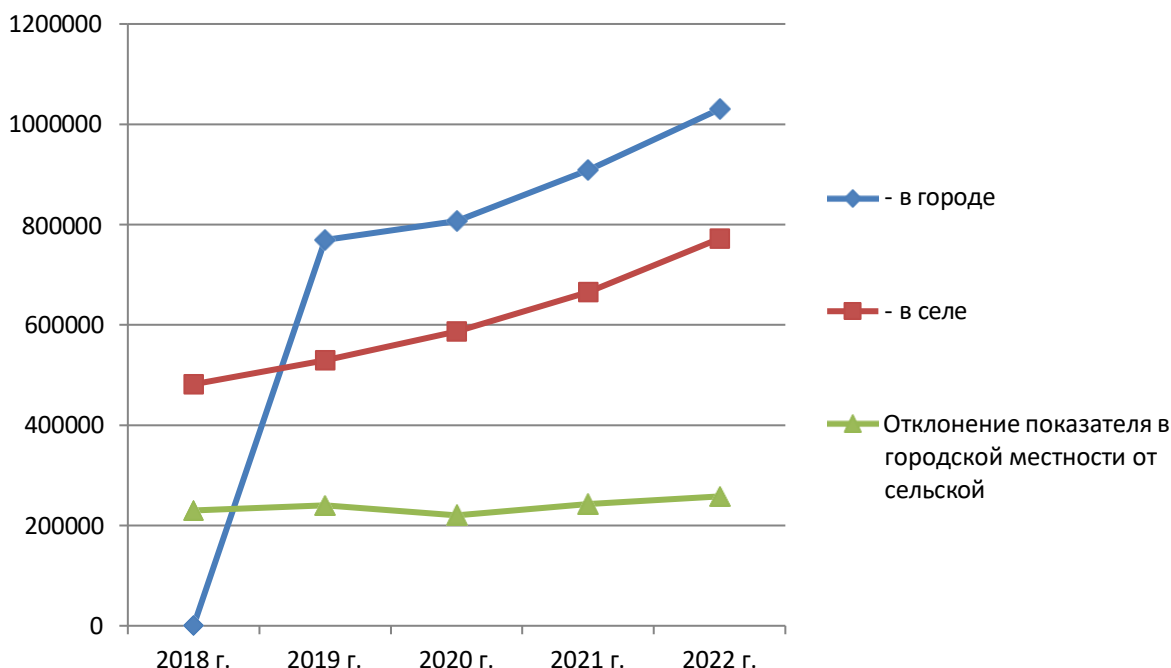
Source: [17]

Из таблицы 4 видно, что глубина бедности в Республике Казахстан возросла с 0,7 в 2018 году до 0,8 в 2022 году. В городе глубина бедности за 5 лет с 2018 года возросла на 0,2, в селе на 0,1.

В селе глубина бедности выше, чем в городе. В 2020 году глубина бедности в селе была выше глубины бедности в городе на 0,7, к 2022 году данное отклонение уменьшилось до 0,5. Таким образом, меры,

предпринятые государством для снижения глубины бедности дают определенные результаты. К таким мерам относятся программы для развития сельских территорий, например, “Ауыл - Ел бесігі”, финансирование аграрного сектора, инвестирование в образование и здравоохранение сельских территорий, создание рабочих мест, социальные программы и др.

Рисунок 6 – Денежные расходы населения в Республике Казахстан, тенге

Источник: [17]

С 2018 по 2022 год денежные расходы населения в городе выросли на 318480 тенге, а на селе на 290470 тенге, т.е. темп роста денежных расходов населения в

городе превышает темп роста денежных расходов населения на селе.

Таблица 5. Денежные доходы населения по децильным (крайним) группам, за год, в тенге

Денежные доходы населения на 1 члена домашнего хозяйства	2018	2019	2020	2021	2022	Отклонение показателя 2022 г. от 2018 г.
Все домашние хозяйства: - 10% наименее обеспеченного населения	303 479	341 131	390 076	425 608	501 647	198 168
-10% наиболее обеспеченного населения	1 214 591	1 312 656	1 350 742	1 569 147	1 803 609	589 018
Городские -10% наименее обеспеченного населения	366 841	396 345	449 842	475 665	539 190	172 349
-10% наиболее обеспеченного населения	1339792	1417245	1459657	1692381	1922422	582630
В селе -10% наименее обеспеченного населения	265 869	309 424	346 213	381 305	457 223	191 354
-10% наиболее обеспеченного населения	913 980	1 034 610	1 100 150	1 269 267	1 483 004	569 024
Отклонение показателя в сельской местности от городской -10% наименее обеспеченного населения	-100972	-86921	-103629	-94360	-81967	19 005
-10% наиболее обеспеченного населения	-425812	-382635	-359507	-423114	-439418	-13 606

Source: [17]

Из таблицы 5 видно, что денежные доходы населения на 1 члена домашнего хозяйства 10% наименее обеспеченного населения в сельской местности существенно меньше чем в городской, однако эта разница имеет тенденцию к уменьшению. В 2018 году доходы в сельской местности наименее обеспеченного населения были на 28 % меньше чем в городской, в 2022 году на 15,3 %.

Еще большая разница наблюдается в доходах для 10% наиболее обеспеченного населения. В 2022 году эта разница

составляла 439418 тенге. Т.е. доходы на селе для 10% наиболее обеспеченного населения были на 23 % меньше.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что социально-экономические условия в городской местности в Республике Казахстан лучше, что является одним из факторов усиления урбанизации. В городской местности выше уровень расходов и доходов, меньше уровень бедности, больше рабочих мест, значительно развитее инфраструктура.

Таблица 6. Количество родившихся в городской и сельской местности

Городское население	
2018	235014
2019	239496
2020	249627
2021	262507
2022	241459
Сельское население	
2018	162785
2019	162814
2020	177197

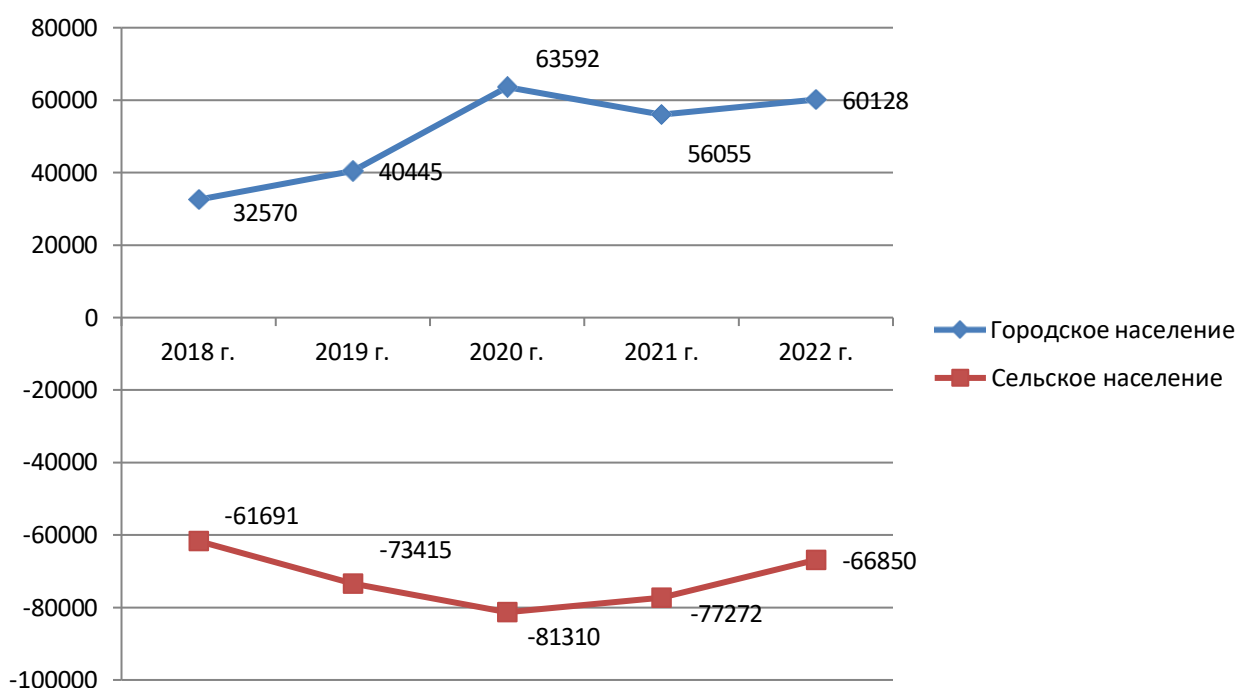
2021	183984
2022	162434
Отклонение показателей сельского населения от городского	
2018	-72229
2019	-76682
2020	-72430
2021	-78523
2022	-79025

Source: [17]

Из таблицы 6 видно, что количество родившихся в городской местности значительно превосходит родившихся в

сельской местности (в 2022 году на 48 %). И эта разница имеет тенденцию к увеличению. Это также способствует усилению процессов урбанизации.

Рисунок 7 – Сальдо миграции. Городское сельское население, человек

Источник: [8]

Из рисунка 7 видно, что сальдо миграции для городского населения имеет тенденцию к возрастанию, т.е. в города прибывает всё больше населения. В 2022 году наибольший приток в города обеспечили города Республиканского значения Астана, Алматы и Шымкент. В них прибыло 73354 человека. Наибольший отток наблюдался в городах Жамбылской и Жетысуской области. В сельской местности преобладает отток населения. В 2022 году наблюдался отток по всем областям за исключением Алматинской области. Таким образом, демографические процессы в Республике Казахстан способствуют усилению урбанизации.

Обсуждение и выводы

Демографические процессы, происходящие в Казахстане, способствуют усилению урбанизации. Однако процессы урбанизации происходят неравномерно по Казахстану. Наибольший рост городского населения был обеспечен тремя городами республиканского значения Алматы, Астана и Шымкент. Снижение темпов роста городского населения наблюдалось в Алматинской области. Однако это объясняется значительным потенциалом развития сельского хозяйства, дороговизной и экологическими проблемами в мегаполисе.

городе Алматы.

Урбанизация характеризуется развитием крупных городов. В Казахстане имеется 3 города республиканского значения и них 38 городов областного значения. Таким образом, имеется существенный потенциал роста крупных городов, однако в Республике Казахстан низкая плотность населения, что является негативным фактором развития урбанизации.

Существенным фактором развития урбанизации является уровень жизни населения. Денежные расходы и доходы в городе значительно превышают денежные расходы и доходы на селе. В городской местности больше возможностей для трудоустройства. Инфраструктура городов несоизмерима развитее чем в селе.

Однако процессы урбанизации в Казахстане недостаточно управляемы. Безконтрольная миграция из села в город приводит к повышению безработице, перегрузке инфраструктуры, экологическим проблемам. Большой контроль процессами урбанизации могут обеспечить цифровые технологии и цифровые сети. Цифровые сети, обеспечивают протекание огромных потоков информации между субъектами той или иной отрасли.

Цифровые сети могут быть размещены в сети Интернет. Интернет по всему миру развивается стремительными темпами. В развитых странах мира пользователи сети интернет превысили 90 процентов населения. Интернет помогает быстро предоставить информацию, связать представителей села и города, так как большинство граждан обращаются с запросами по Интернету. Имеются специальные программы-счётчики, помогающие определить количество запросов по тому или иному сайту, связанному с тем, или иным направлением. Имеется электронная почта и форумы, где представители власти и населения могут разместить свои мнения.

Можно создать под эгидой государства и под управлением государства информационную сеть агломераций и городов Казахстана. Посредством сети будет производится согласование инновационного развития агломераций и городов, обмен информацией, совместное развитие проектов в том числе и принципиально новых, не под силу для развития одной агломерацией и городом.

Необходимо также создать информационную сеть сельхозпроизводителей, для повышения их эффективности, обмена опытом и внедрения новых технологий в сельском хозяйстве, в том числе и зарубежных, инноваций. Сеть будет способствовать управлению миграцией, так как будут указаны проекты, которые реализуются или будут реализоваться в агропромышленном комплексе и для которых понадобятся трудовые ресурсы. Информационная сеть сельхозпроизводителей будет способствовать планомерному развитию процесса урбанизации, чтобы избежать хаоса при стремительной урбанизации. Сеть будет способствовать вопросам финансирования сельского хозяйства в том числе ГЧП, зарубежных инвестиций. Информационная сеть сельхозпроизводителей также будет управляться государством.

С целью создания управляемого процесса урбанизации необходимо разработать механизмы взаимодействия двух информационных сетей – информационной сети агломераций и городов Казахстана и информационной сети сельхозпроизводителей. В информационной сети агломераций и городов будут указаны создаваемые рабочие места, которые могут соответствовать квалификации работников из села. И работники села могут заранее готовиться к работе на этих местах путем посещения курсов (в том числе и онлайн). Также и наоборот будут указаны требуемые специалисты в сельском хозяйстве. Всё это позволит избежать хаоса миграции, обеспечить достойной работой мигрирующих из села трудовых ресурсов. Посредством сети не будет дублирование проектов и ненужной и неэффективной конкуренции новых проектов на товарных рынках. Все агломерации и города Казахстана согласовано могут сосредоточить свои усилия на решение общих проектах, необходимых для Казахстана. Будет исключена картина хаотичного развития, когда каждая агломерация будет развиваться по своему вектору развития игнорируя общереспубликанские задачи и задачи развития других агломераций.

Благодаря информационной сети агломераций и городов возможно создание четкой картины: где, когда какие проекты,

научные исследования, производства (в том числе и в перспективе) будут реализованы. И, соответственно, какие

исследования и НИОКР будут необходимы для соответствующих городов.

По мнению Qi J., Zheng X. и Guo H. применение политики цифровых технологий может создать возможности трудоустройства как для городских, так и для сельских жителей и стимулировать инновации в цифровых технологиях, при этом сельские жители получают больше возможностей найти работу на местном уровне через цифровую экономику, уменьшая барьеры на границе города и села [18]. Большой контроль наличия рабочих мест позволит упорядочить миграцию, т.е. жители села могут переехать в город при удостоверении наличия рабочего места. Это снизит безработицу и позволит контролировать создание рабочих мест с определенными профессиями. Связи между деревней и городом облегчают социальное взаимодействие и обмен информацией между городскими и сельскими жителями [19].

В Республике Казахстан внедряется программа умных городов «Smart City», направленная на то, чтобы с помощью информационных технологий поднять эффективности работы служб города [20]. Если рассматривать Казахстан, то по уровню применения таких новых информационных технологий как интернет, спутниковое вещание, намного отстаёт от ведущих Западных стран. Однако, у Казахстана есть преимущество, заключающееся в целенаправленном обобщении опыта развития информационных технологий Западных стран, с тем чтобы не повторить чужих ошибок и направить развитие информационных сетей по оптимальному пути развития, избежать того хаоса и беспорядочного нагромождения информации, которое наблюдается в данный момент в ведущих странах в среде интернет.

Одним из перспективных направлений урбанизации является кластерное развитие городов, оно способствует повышению социально-экономического уровня городов и обеспечивает благополучие жителей. Регулировать развитие процессов

рабочие места понадобятся. Будет создан сайт информационной сети, откуда можно будет узнать какие запросы на научные

урбанизации как на уровне страны, так и на уровне городских кластеров возможно путем регулирования информационных потоков. Управлять информационными потоками в сфере урбанизации посредством Интернет сайтов должно только государство, так как частные компании преследуют свои коммерческие интересы. Государство, предоставляя организациям ту или иную информацию, может направлять их деятельность в необходимых для государства направлениях. Здесь можно говорить об индикативном планировании и косвенных методах регулирования. В условиях все большой информатизации современного общества овладение информационным методом становится элементом общей культуры.

Становится вполне очевидным, что специфика Казахстана требует создания государством собственных информационных сетей. И структура информационной сети Казахстана должна соответствовать специфике страны её урбанизационных процессов.

Следует обратить особое внимание на экологические проблемы, которое несет урбанизация. Рост городов приводит к увеличению количества автомобилей, которые выбрасывают углекислый газ и другие вредные примеси. В городах создаются предприятия, выбросы которых также ухудшают экологию. Например, в крупных мегаполисах городах Астана и Алматы обостряются экологические проблемы из-за наличия большого количества транспорта и использования угля для отопления. Большой проблемой являются сточные воды. Сточные воды ухудшают экологическую обстановку близлежащий водоемов, это неминуемо приводит к загрязнению воды и нарушения экологического баланса. Также большой проблемой, связанной с урбанизацией в Казахстане, является рост числа отходов. Особенно опасными являются промышленные отходы. Системы водоочистки и утилизации отходов как правило не справляются со всё возрастающим количеством сточных вод и отходов.

Рост городов в Казахстане приводит к

повышению энергопотребления. Основным источником получения энергии в Казахстане является уголь, который характеризуется значительными загрязняющими свойствами для атмосферы.

Можно сформулировать основные направления государственного управления процессом урбанизации:

1) Финансовая поддержка. Создание правовых условий для инвестиционного климата, налоговых преференций,
2) Формирование и реализация политики и регулирования, способствующих развитию частного сектора и предпринимательства. Регулирование вопроса продовольственной безопасности и безопасности питания. Поддержка сельского населения в предпринимательской несельскохозяйственной деятельности.

3) Социальное регулирование. Регулирование вопросов трудоустройства, повышения доли занятых в высококвалифицированных отраслях. Регулирование уровня заработной платы. Господдержка и трудоустройство выпускников вузов в селе. Регулирование социальных услуг.

4) Рациональное управление градостроительной деятельностью - планирование развития территорий, строительства и реконструкции объектов

5) Регулирование доступа к услугам здравоохранения, поставщикам первичной медицинской помощи.

6) Регулирование доступа к услугам образования, регулирование качества образования.

7) Регулирование вопросов повышения производительности труда в сельской местности. Поддержка государством сельскохозяйственных работников в вопросах освоения новых технологий работы и нового оборудования, получения знаний и образования.

8) Поддержка инновационных процессов. Развитие науки. Применение достижений науки в выработке управленческих решений и снижению отрицательных последствий урбанизации.

9) Развитие малых и средних городов, являющихся промежуточным звеном между городом и деревней, обеспечивающего рабочие места как для жителей городов, так и сел, товары и услуги для города и селе.

создание условий для развития предпринимательства.

Увеличение государственных инвестиций в сельскую среду. Доступ сельского населения к финансовым услугам, доступ к кредитам. Финансовая поддержка правительственных агентств и организаций, деятельность которых направлена на социально-экономическое развитие и инфраструктурные проекты в сельских районах.

10) Обеспечение сохранности экологии, применение ограничивающих мер на использование невозобновляемых природных ресурсов.

11) Скоординированное совместное развитие города и села, «зеленое» развитие. Укрепление взаимодействия между городскими и сельскими районами, эффективное использование городского развития и рациональное распределение городских и сельских территорий. Интеграция информатизации и индустриализации, взаимодействие индустриализации и урбанизации, а также скоординированное развитие урбанизации и модернизации сельского хозяйства.

12) Улучшение информационной связи между городом и сельской местностью. Создание устойчивых информационных связей между городом и деревней. Внедрение «Smart City» -программ, сочетающих в себе информационные и коммуникационные технологии, с целью повышения эффективности всех городских служб

Данные мероприятия позволяют лучше контролировать миграцию из села в город, осуществлять её более безболезненно с точки зрения роста безработицы перегрузки инфраструктуры, экологических проблем, развития сельского хозяйства.

Заключение

Процессы развития урбанизации очень важны для Республики Казахстан. Урбанизация приводит к экономическому и социальному развитию государства, способствует инновационному и технократическому развитию. В ходе проведенного анализа было выявлено, что в Республике Казахстан имеются демографические и экономические предпосылки для развития урбанизации. Урбанизации в Казахстане будет

способствовать развитие крупных городов республиканского и областного значения.

Перспективными направлениями развития урбанизации являются развитие умных городов и кластерное развитие городов, они способствуют повышению социально-экономического уровня городов и обеспечивают благополучие жителей.

Однако процессы урбанизации в стране плохо управляемы, поэтому в статье предложено для упорядочивания этих процессов внедрять информационные сети, а также предложены направления государственного управления процессом урбанизации.

Список литературы

1. Набиуллина, К. Р. Актуальность внедрения управленческих инноваций при реализации градостроительной деятельности в муниципальных образованиях [Электрон ресурс] // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-vnedreniya-upravlencheskih-innovatsiy-pri-realizatsii-gradostroitelnoy-deyatelnosti-v-munitsipalnyh-obrazovaniyah> (дата обращения: 15.06.2024)
2. Антонюк В.С., Погонин В.В. Теоретические основы процесса урбанизации и его влияния на региональный рынок жилья // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2015. - №2(2). - Т.1. - сс. 144-151.
3. Hussain, M. & Imtiyaz, I. Social Impact of Urbanization on the Institution of Family in Kashmir: A Study of Srinagar City. Vol. 24 (1), 2016, 109 p.
4. Satterthwaite, D., McGranahan, G., & Tacoli, C. Urbanization and its implications for food and farming. Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences, 365(1554). 2010. 2809-2820. Scopus. Retrieved from <https://doi.org/10.1098/rstb.2010.0136>.
5. Bai, X., Shi, P., Liu, Y., Realizing China's urban dream. Nature 509 (1799), 2014. PP. 158-160
6. Li, W., Hai, X., Han, L., Mao, J., Tian, M., Does urbanisation intensify regional water scarcity? Evidence and implications from a megaregion of China. Journal of Cleaner Production 244, 2020. 118592
7. Estevez E., Lopes N. V., Janowski T. Smart Sustainable Cities – Reconnaissance Study [Электронный ресурс]. URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/document/2016-04/smart_cities_report.pdf (дата обращения 20.06.2024).
8. Попов Д. Г., Фокина В. В. Роль «Глобальных городов» в современной системе международных отношений // Управленческое консультирование. 2015. №2 (74). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-globalnyh-gorodov-v-sovremennoy-sistememezhdnarodnyh-otnosheniy> (дата обращения 20.06.2024).
9. Dorosh, P., & Thurlow, J. Agglomeration, growth and regional equity: An analysis of agriculture-versus urban-led development in Uganda. Journal of African T. Gutu Sakketa Research in Globalization 6. 100133 14 Economies, 21(1), 2023. PP. 94-123. Scopus. Retrieved from <https://doi.org/10.1093/jae/ejr033>
10. United Nations Development Programme (UNDP). World urbanization prospects: the 2011 revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs (DESA), Population Division, Population Estimates and Projections Section, New York, 14, 2010, 555 p.
11. Li, W., Hai, X., Han, L., Mao, J., Tian, M.. Does urbanisation intensify regional water scarcity? Evidence and implications from a megaregion of China. Journal of Cleaner Production 244, 2020, 118592
12. Lambin, E. F., Geist, H. J., & Lepers, E. Dynamics of land-use and land-cover change in tropical regions. Annual Review of Environment and Resources, 28(1), 2003. PP. 205-241. Retrieved from <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.28.050302.105459>.
13. Michaels, G., Rauch, F., & Redding, S. J. Urbanization and structural transformation. The Quarterly Journal of Economics, 127(2), 2012. PP. 535-586. Retrieved from <https://doi.org/10.1093/qje/qjs003>.
14. Li, Y., Jia, L., Wu, W., Yan, J., & Liu, Y. Urbanization for rural sustainability – rethinking China's urbanization strategy. Journal of Cleaner Production, 178, 2018. PP. 580 – 586. doi:10.1016/j.jclepro.2017.12.273
15. Qing Ma, Feifei Shi. New urbanization and high-quality urban and rural development: Based on the interactive coupling analysis of industrial green transformation, Ecological Indicators 156, 2023.

111044

16. Qi, J., Zheng, X., & Guo, H. The formation of Taobao villages in China. *China Economic Review*, 53, 2019. PP. 106-127. doi:10.1016/j.chieco.2018.08.010.
17. Данные Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Бюро национальной статистики. <https://stat.gov.kz/>
18. Qi, J., Zheng, X., & Guo, H. The formation of Taobao villages in China. *China Economic Review*, 53, 2019. PP. 106-127. doi:10.1016/j.chieco.2018.08.010.
19. Brueckner, J. K., & Largey, A. G. Social interaction and urban sprawl. *Journal of Urban Economics*, 64(1), 2008, PP. 18-34. Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.jue.2007.08.002>.
20. Аманжол Кошанов. Урбанизация и социальные проблемы территориального развития. // *Общество и экономика*, 2, 2019. с.64-82.

References

1. Nabiullina, K. R. Aktual'nost' vnedrenija upravlencheskih innovacij pri realizacii gradostroitel'noj dejatel'nosti v municipal'nyh obrazovaniyah // *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo* [in Russian]. – 2017. – № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-vnedreniya-upravlencheskih-innovatsiy-pri-realizatsii-gradostroitelnoy-deyatelnosti-v-munitsipalnyh-obrazovaniyah> (date of access: 15.06.2024)
2. Antonjuk V.S., Pogonin V.V. Teoreticheskie osnovy processa urbanizacii i ego vlijaniya na regional'nyj rynek zhil'ja // *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [in Russian]. - 2015. - №2(2). - T.1. - PP. 144-151.
3. Hussain, M. & Imtiyaz, I. Social Impact of Urbanization on the Institution of Family in Kashmir: A Study of Srinagar City. Vol. 24 (1), - 2016, - 109 p.
4. Satterthwaite, D., McGranahan, G., & Tacoli, C. Urbanization and its implications for food and farming. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 365(1554). - 2010. 2809-2820. Scopus. Retrieved from <https://doi.org/10.1098/rstb.2010.0136>.
5. Bai, X., Shi, P., Liu, Y., Realizing China's urban dream. *Nature* 509 (1799), - 2014. - PP. 158-160
6. Li, W., Hai, X., Han, L., Mao, J., Tian, M., Does urbanisation intensify regional water scarcity? Evidence and implications from a megaregion of China. *Journal of Cleaner Production* 244, - 2020. - 118592
7. Estevez E., Lopes N. V., Janowski T. Smart Sustainable Cities – Reconnaissance Study// URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/document/2016-04/smart_cities_report.pdf (date of access: 20.06.2024)
8. Popov D. G., Fokina V. V. Rol' «Global'nyh gorodov» v sovremennoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2015. №2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-globalnyh-gorodov-v-sovremennoj-sistememezhdunarodnyh-otnosheniy> (date of access: 20.06.2024).
9. Dorosh, P., & Thurlow, J. Agglomeration, growth and regional equity: An analysis of agriculture-versus urban-led development in Uganda. *Journal of African T. Gutu Sakketa Research in Globalization* 6. 100133 14 *Economies*, 21(1), - 2023. - PP. 94-123. Scopus. Retrieved from <https://doi.org/10.1093/jae/ejr033>
10. United Nations Development Programme (UNDP). . World urbanization prospects: the 2011 revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs (DESA), Population Division, Population Estimates and Projections Section, New York, 14, - 2010, - 555 p.
11. Li, W., Hai, X., Han, L., Mao, J., Tian, M.. Does urbanisation intensify regional water scarcity? Evidence and implications from a megaregion of China. *Journal of Cleaner Production* 244, - 2020, - 118592
12. Lambin, E. F., Geist, H. J., & Lepers, E. Dynamics of land-use and land-cover change in tropical regions. *Annual Review of Environment and Resources*, 28(1), - 2003. - PP. 205-241. Retrieved from <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.28.050302.105459>.
13. Michaels, G., Rauch, F., & Redding, S. J. Urbanization and structural transformation. *The Quarterly Journal of Economics*, 127(2), - 2012. - PP. 535-586. Retrieved from <https://doi.org/10.1093/qje/qjs003>.
14. Li, Y., Jia, L., Wu, W., Yan, J., & Liu, Y. Urbanization for rural sustainability – rethinking China's urbanization strategy. *Journal of Cleaner Production*, 178, - 2018. - PP. 580 – 586. doi:10.1016/j.jclepro.2017.12.273

15. Qing Ma, Feifei Shi. New urbanization and high-quality urban and rural development: Based on the interactive coupling analysis of industrial green transformation, *Ecological Indicators* 156, - 2023. 111044
16. Qi, J., Zheng, X., & Guo, H. The formation of Taobao villages in China. *China Economic Review*, 53, - 2019. - PP. 106-127. doi:10.1016/j.chieco.2018.08.010.
17. Data from the Agency for Strategic Planning and Reform of the Republic of Kazakhstan, Bureau of National Statistics. <https://stat.gov.kz/>
18. Qi, J., Zheng, X., & Guo, H. The formation of Taobao villages in China. *China Economic Review*, 53,- 2019, - PP. 106-127. doi:10.1016/j.chieco.2018.08.010.
19. Brueckner, J. K., & Largey, A. G. Social interaction and urban sprawl. *Journal of Urban Economics*, 64(1), - 2008, - PP. 18-34. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2007.08.002>. Retrieved from.
20. Amanzhol Koshanov. Urbanizaciya i social'nye problemy territorial'nogo razvitiya.// *Obshchestvo i jekonomika*, 2, [in Russian]. - 2019. - PP. 64-82.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ УРБАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕСТЕРІН ТАЛДАУ

Асель АХМЕТОВА*, 8D04103 «Мемлекеттік және жергілікті басқару» білім беру бағдарламасының докторанты, Қазтұтынуодағы Қарағанды Университеті, Қарағанды, Қазақстан, ahmetova.2017.86@mail.ru, Researcher ID: AAJ-4097-2020, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0278-8967>

Олеся ЖИДКОБЛИНОВА, PhD, экономикалық теория және мемлекеттік және жергілікті басқару кафедрасының доценті, Қазтұтынуодағы Қарағанды Университеті, Қарағанды, Қазақстан, olesya.zhidkoblinova@mail.ru, ID author: 57190224529 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9072-6419>.

ANALYSIS OF URBANIZATION PROCESSES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

AsseI AKHMETOVA*, doctoral student of the educational program 8D04103 «State and local government», Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Kazakhstan, ahmetova.2017.86@mail.ru, Researcher ID: AAJ-4097-2020, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0278-8967>

Olessya ZHIDKOBLINOVA, Doctor of Philosophy (PhD), associate professor of the Department of Economic Theory and State and local government, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Kazakhstan, olesya.zhidkoblinova@mail.ru, ID author: 57190224529, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9072-6419>.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ

**Дильнара
ЗАКИРОВА***

*PhD, профессор-исследователь, университет «Туран», г. Алматы,
Республика Казахстан, ulasdila@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5161-959X,
Scopus Author ID: 57205166010*

**Милан
Пол**

*PhD, профессор, Масариков университет, г. Брно, Арна Новака 1/1, 602
00, Чешская Республика, pol@phil.muni.cz, ORCID: 0000-0002-5787-8610,
Scopus Author ID: 55995721000*

Дата поступления рукописи в редакцию: 12/08/2024

Доработано: 8/11/2024

Принято: 8/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1310

УДК 004.056:378

МРНТИ 06.71.01

Аннотация. В условиях цифровизации образовательного процесса университеты сталкиваются с новыми вызовами, связанными с обеспечением кибербезопасности, что стало неотъемлемой частью их социальной ответственности. Увеличение объема данных и растущая зависимость от цифровых технологий делают образовательные учреждения особенно уязвимыми перед киберугрозами, такими как фишинг, программы-вымогатели и атаки, основанные на человеческом факторе. В исследовании был применен смешанный метод анализа, включающий, как качественные, так и количественные подходы. Качественный анализ был выполнен с использованием методов тематического анализа, который позволил выявить ключевые темы и тенденции, связанные с кибербезопасностью и социальной ответственностью. Количественный анализ основан на результатах анкетирования, что дало возможность статистически обработать данные и сделать выводы на основе числовых показателей. В ходе исследования выявлено, что уровень цифровой грамотности, особенно в части информационной грамотности, является критическим фактором, влияющим на кибербезопасность университетов. Недостаточные знания и осведомленность о современных киберугрозах создают дополнительные риски, которые могут привести к утечке данных и финансовым потерям. В статье обсуждаются возможные меры по повышению уровня кибербезопасности в вузах через интеграцию соответствующих практик в политику социальной ответственности. Особое внимание уделено важности повышения осведомленности и цифровой грамотности, как среди сотрудников, так и среди студентов, для снижения человеческих рисков и обеспечения устойчивости образовательных учреждений в цифровую эпоху.

Ключевые слова: социальная ответственность, кибербезопасность, цифровизация высшего образования, цифровая грамотность, информационная грамотность, киберугроза, кибератака

Аңдатпа. Білім беру процесін цифрландыру жағдайында университеттер киберқауіпсіздікті қамтамасыз етуге байланысты жаңа қиындықтарға тап болады, бұл олардың әлеуметтік жауапкершілігінің ажырамас бөлігі болды. Деректер көлемінің ұлғаюы және цифрлық технологияларға тәуелділіктің артуы білім беру мекемелерін фишинг, төлем бағдарламалары және адам факторына негізделген шабуылдар сияқты киберқауіптерге әсіресе осал етеді. Зерттеу сапалық және сандық тәсілдерді қамтитын аралас талдау әдісін қолданды. Сапалы талдау киберқауіпсіздік пен әлеуметтік жауапкершілікке байланысты негізгі тақырыптар мен тенденцияларды анықтауға мүмкіндік беретін тақырыптық талдау әдістерін қолдану арқылы жүзеге асырылды. Сандық талдау сауалнама нәтижелеріне негізделген, бұл деректерді статистикалық өңдеуге және сандық көрсеткіштер негізінде қорытынды жасауға мүмкіндік берді. Зерттеу барысында цифрлық сауаттылық деңгейі, әсіресе ақпараттық сауаттылық бөлігінде университеттердің киберқауіпсіздігіне әсер ететін маңызды фактор болып табылатыны анықталды. Қазіргі киберқауіптер туралы жеткіліксіз білім мен хабардарлық деректердің бұзылуына және қаржылық шығындарға әкелуі мүмкін қосымша тәуекелдерді тудырады. Мақалада тиісті тәжірибелерді әлеуметтік жауапкершілік саясатына интеграциялау арқылы жоғары оқу орындарында киберқауіпсіздік деңгейін арттыру бойынша ықтимал шаралар талқыланады. Қызметкерлер арасында да, студенттер арасында да хабардарлық пен цифрлық сауаттылықты арттырудың маңыздылығына, адами тәуекелдерді азайтуға және цифрлық дәуірдегі білім беру мекемелерінің тұрақтылығын қамтамасыз етуге ерекше назар аударылады.

Түйін сөздер: әлеуметтік жауапкершілік, киберқауіпсіздік, жоғары білім беруді цифрландыру, сандық сауаттылық, ақпараттық сауаттылық, киберқауіп, кибершабуыл

* Автор для корреспонденции: Д. Закирова, ulasdila@gmail.com

Abstract. In the context of digitalizing the educational process, universities face new challenges regarding ensuring cybersecurity, which has become an integral part of their social responsibility. The increase in data volume and growing dependence on digital technologies make educational institutions particularly vulnerable to cyber threats such as phishing, ransomware, and human-based attacks. The study used a mixed method of analysis, including both qualitative and quantitative approaches. The qualitative analysis was carried out using thematic analysis methods, which allowed us to identify key topics and trends related to cybersecurity and social responsibility. The quantitative analysis was based on the results of the questionnaire, which made it possible to statistically process the data and draw conclusions based on numerical indicators. The study revealed that the level of digital literacy, especially in terms of information literacy, is a critical factor affecting the cybersecurity of universities. Insufficient knowledge and awareness of modern cyber threats create additional risks that can lead to data leakage and financial losses. The article discusses possible measures to improve the level of cybersecurity in universities through the integration of relevant practices into social responsibility policies. Particular attention is paid to the importance of raising awareness and digital literacy among staff and students to reduce human risks and ensure the resilience of educational institutions in the digital age.

Keywords: social responsibility, cybersecurity, digitalization of higher education, digital literacy, information literacy, cyber threat, cyber attack

Введение

В последние десятилетия концепция социальной ответственности получила широкое распространение, как в корпоративном, так и в образовательном секторах. Согласно международным стандартам, таким как ISO 26000, социальная ответственность организации включает обязательства перед обществом и окружающей средой, которые выходят за рамки сугубо экономических интересов [1]. В образовательном контексте социальная ответственность проявляется через стремление университетов обеспечивать инклюзивность, равный доступ к образовательным ресурсам, а также через приверженность этическим и экологически устойчивым практикам [2]. Концепция социальной ответственности университетов сформировалась в результате изменений социального, политического, экономического и правового характера, обозначенных в Декларации Всемирной конференции по высшему образованию, прошедшей в Париже в 1998 году [3]. В результате был взят курс на внедрение принципов социальной ответственности в стратегическое управление университетами, что способствует формированию устойчивой и инклюзивной образовательной среды, соответствующей современным вызовам и способствующей всестороннему развитию общества [4].

Социальная ответственность организаций в условиях цифровизации претерпела значительные трансформации, стала более сложной и многоаспектной. Современные компании должны учитывать новые вызовы, такие как кибербезопасность и защита данных, а также использовать возможности

цифровых технологий для продвижения социальной справедливости, экологической устойчивости и инклюзии. Цифровизация существенно изменила способы ведения бизнеса, взаимодействия с клиентами и партнерами, а также внутренние процессы в организациях, что, в свою очередь, привело к эволюции концепции социальной ответственности.

В современных условиях активного использования социальных сетей и мгновенной передачи информации общество стало более осведомленным о деятельности организаций образования. Это создает новые вызовы для вузов, которые должны быть готовы к тому, что любая их ошибка или непродуманное действие может стать достоянием общественности. В таких условиях вузы вынуждены действовать более открыто, внедрять стандарты этики и прозрачности, а также активно взаимодействовать с обществом для поддержания своей репутации.

Цифровизация также привела к появлению новых рисков, которые организации образования обязаны учитывать в рамках своей социальной ответственности. Одним из таких рисков является кибербезопасность. Учитывая рост числа кибератак, особенно в образовательном секторе, кибербезопасность становится не только технической, но и социальной проблемой, требующей осознания и участия всех заинтересованных сторон. Кибератаки могут нанести серьезный ущерб как отдельным лицам, так и обществу в целом, поэтому обеспечение кибербезопасности стало важной частью социальной ответственности.

Также важным аспектом является защита данных и конфиденциальности. В

условиях цифровизации вузы собирают и обрабатывают огромное количество личных данных, что требует от них строгого соблюдения норм конфиденциальности и защиты данных. Вузы стали нести ответственность за защиту информации своих студентов, сотрудников и партнеров, поэтому защита информации становится одной из ключевых задач [5]. Нарушение этих норм может не только подорвать доверие к организации, но и привести к юридическим последствиям. В этой связи вузы обязаны внедрять передовые практики защиты данных, информировать стейкхолдеров о том, как их данные используются, и предоставлять им контроль над их личной информацией.

Таким образом, в условиях цифровизации социальной ответственностью университетов становится не только предоставление равного доступа к образовательным ресурсам и поддержка академической честности, но также обеспечение кибербезопасности и защита данных стейкхолдеров. Это включает в себя создание условий для повышения цифровой грамотности, особенно в аспектах, связанных с защитой информации и соблюдением безопасности при использовании цифровых технологий.

Одним из важных факторов, способствующих эффективной киберзащите, является уровень цифровой грамотности студентов и преподавателей. Цифровая грамотность охватывает широкий спектр навыков, необходимых для эффективного использования цифровых технологий, включая информационную, компьютерную, коммуникативную грамотность, а также медиаграмотность и отношение к технологическим инновациям [6]. В контексте кибербезопасности цифровая грамотность играет важную роль, так как она позволяет пользователям не только эффективно использовать цифровые инструменты, но и защищать себя от потенциальных угроз в киберпространстве.

Однако, несмотря на важность всех компонентов цифровой грамотности, для целей кибербезопасности особое значение имеет информационная грамотность. Информационная грамотность представляет собой способность человека находить, оценивать, использовать и

защищать информацию [7]. В условиях цифровой эпохи информационная грамотность становится ключевым навыком, необходимым для безопасного использования цифровых ресурсов [8]. Это объясняется тем, что информационная грамотность напрямую связана с пониманием рисков, связанных с использованием информации в цифровом пространстве, и с принятием мер по защите персональных данных и информации от кибератак [9].

В этой связи, в настоящем исследовании информационная грамотность выступает в качестве ключевого показателя для анализа уровня кибербезопасности среди студентов и преподавателей. Этот подход позволяет более точно оценить их способность защищать свои данные и взаимодействовать с информацией в цифровом пространстве, что имеет непосредственное отношение к обеспечению кибербезопасности в вузах.

Цель данного исследования - изучить трансформацию социальной ответственности университетов в условиях цифровизации, с особым акцентом на кибербезопасность, как один из ключевых аспектов современной социальной ответственности вузов.

Задачи исследования включают:

- изучение основных киберугроз, с которыми сталкиваются образовательные учреждения, и их влияния на социальную ответственность;
- оценка уровня цифровой грамотности как одного из факторов, влияющих на кибербезопасность в вузах;
- разработка рекомендаций по интеграции кибербезопасности в стратегию социальной ответственности университетов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях стремительного роста киберугроз в мире образовательные учреждения становятся одной из основных мишеней для киберпреступников. Повышение уровня социальной ответственности через обеспечение кибербезопасности становится неотъемлемой частью устойчивого развития вузов и защиты интересов всех участников образовательного процесса.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении понимания взаимосвязи между социальной ответственностью и кибербезопасностью в контексте цифрового образования. Исследование способствует углублению знаний о роли университетов в обеспечении информационной безопасности и защите данных.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения его результатов для разработки и внедрения более эффективных стратегий по повышению кибербезопасности в образовательных учреждениях.

Рекомендации, предложенные в работе, могут быть использованы для улучшения политики безопасности и защиты данных, а также для повышения осведомленности сотрудников и студентов о современных киберугрозах.

Научная новизна заключается в выявлении и анализе нерешенных проблем в области социальной ответственности университетов в условиях цифровизации, а также в предложении новых подходов к интеграции кибербезопасности в стратегическое управление вузами.

Обзор литературы по теме исследования показывает, что многие работы посвящены изучению социальной ответственности организаций и кибербезопасности в целом [10, 11, 12, 13], однако вопрос интеграции кибербезопасности в контексте социальной ответственности университетов остается недостаточно изученным. Это подчеркивает необходимость дальнейших исследований в этой области, направленных на развитие комплексного подхода к управлению киберрисками в образовательных учреждениях.

Таким образом, данное исследование стремится закрыть этот пробел и предложить новые стратегии для укрепления социальной ответственности университетов через обеспечение кибербезопасности.

Материалы и методы

Для анализа текущих тенденций и подходов к кибербезопасности в вузах был проведен контент-анализ научных статей,

отчетов и публикаций в области социальной ответственности и цифрового образования. Источники информации были отобраны из ведущих научных журналов и других авторитетных изданий. Полученные данные были проанализированы с использованием методов тематического анализа. Этот метод позволил выделить ключевые темы и тенденции, связанные с кибербезопасностью и социальной ответственностью в образовательных учреждениях.

В статье также использованы результаты анкетирования, проведенного авторами в рамках другого исследования, результаты которого были частично опубликованы ранее, в то время как отдельные данные представлены в данной работе впервые. В анкетировании приняли участие 226 преподавателей и 900 студентов из различных высших учебных заведений Казахстана. Анкета включала вопросы, разработанные на основе подхода, предложенного в рамках саммита G20 в 2017 году [14]. Анкетирование проводилось анонимно с использованием облачной платформы SurveyMonkey, что позволило обеспечить конфиденциальность респондентов и защитить личные данные участников, а также обеспечило удобный доступ к опросу.

Исследование проводилось с соблюдением всех этических норм и стандартов. Применяемые методы сбора, обработки и анализа данных позволили всесторонне изучить проблему, определить основные вызовы, с которыми сталкиваются университеты в области кибербезопасности, и предложить рекомендации по их преодолению.

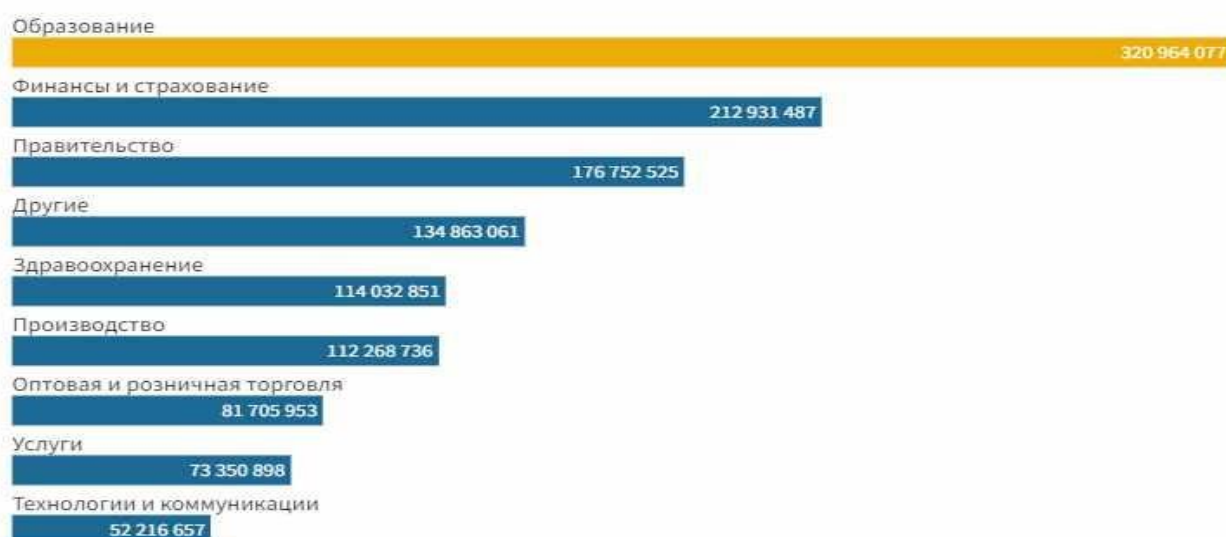
Результаты

В эпоху цифровизации социальная ответственность университетов все больше приобретает цифровой оттенок. Кибербезопасность становится одной из главных проблем социальной ответственности университетов. Кибербезопасность можно определить, как совокупность технологий, процессов и практик, направленных на защиту сетей, устройств, программ и данных от атак, повреждений или несанкционированного доступа [15]. В условиях быстрого развития

цифровых технологий и увеличения объемов данных, которыми оперируют университеты, защита этих данных и обеспечение безопасности использования цифровых инфраструктур стали критически важными задачами. Университеты обязаны защищать личные данные студентов и сотрудников, соблюдая строгие стандарты конфиденциальности и безопасности [16]. Это особенно важно в условиях роста числа кибератак и утечек данных, которые могут нанести значительный ущерб, как отдельным лицам, так и репутации образовательных учреждений.

В 2022 году образование стало наиболее уязвимой отраслью для фишинговых атак, что подтверждается ошеломляющими данными: 320 964 077 атак по всему миру, что составило 25,1% от общего числа фишинговых атак (рисунок 1). Этот факт подчеркивает, что образовательные учреждения, студенты и сотрудники стали главной целью для киберпреступников. Особенно тревожным является рост числа атак в этой сфере на 576% за год, что свидетельствует о значительном увеличении интереса злоумышленников к образовательному сектору [17].

Рисунок 1 - Общее количество зафиксированных фишинговых атак по отраслям, 2022

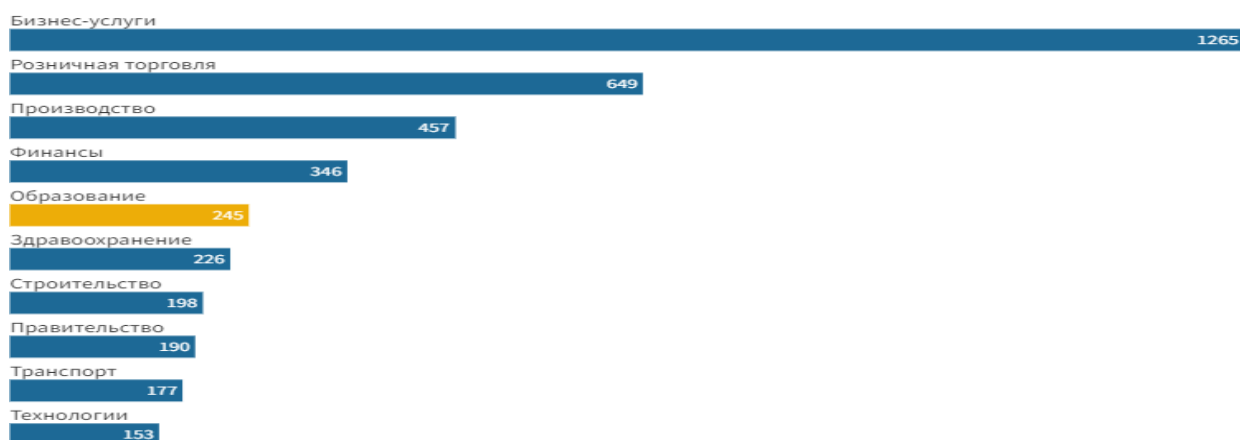

Примечание – составлено авторами на основе источника [6]

Такое резкое увеличение фишинговых атак связано с широким использованием цифровых технологий и онлайн-ресурсов в учебных заведениях, особенно в условиях пандемии и последующего перехода на дистанционное обучение [18]. Образовательные учреждения часто обладают ограниченными ресурсами для обеспечения надлежащей кибербезопасности, что и привлекает злоумышленников. К тому же, в этих учреждениях обычно обрабатывается большое количество данных, включая личные данные студентов и преподавателей, что представляет ценность для киберпреступников.

Рост атак с использованием программ-вымогателей, который наблюдался с 2022 по 2023 год, также является тревожным сигналом для всех секторов, включая образование (рисунок 2). Увеличение числа атак с 2 809 до 5 070 случаев, что составляет более 55%, свидетельствует о том, что киберугрозы становятся все более серьезными и массовыми [19]. Это подчеркивает необходимость усиления мер кибербезопасности в различных отраслях, особенно в тех, которые оказываются наиболее уязвимыми перед такими атаками.

Рисунок 2 – Общее количество зафиксированных атак с использованием программ-вымогателей по отраслям, 2023

Примечание – составлено авторами на основе источника [8]

Сфера образования, на протяжении нескольких лет входящая в пятерку секторов, наиболее подверженных атакам программ-вымогателей, находится в особой зоне риска. Атаки программ-вымогателей могут привести к блокировке доступа к важным данным, прерыванию учебного процесса и даже к утечкам конфиденциальной информации студентов и сотрудников.

Данные о кибератаках на учреждения в сфере науки и образования свидетельствуют о значительной уязвимости этих организаций перед современными киберугрозами [20]. Эти учреждения входят в топ самых часто атакуемых, причем злоумышленники в более чем половине случаев смогли украсть конфиденциальные данные, в основном персональные данные пользователей. Этот факт подчеркивает серьезность проблемы и указывает на высокую ценность информации, хранящейся в образовательных учреждениях. Особое внимание привлекает использование шифровальщиков в каждой второй атаке, где основной целью злоумышленников было получение выкупа. Это подчеркивает финансовую направленность атак и демонстрирует, насколько образовательные учреждения могут быть уязвимыми перед угрозой блокировки своих данных.

Методы социальной инженерии, применяемые в 59% случаев, показывают, что злоумышленники активно используют слабые стороны человеческого фактора. В контексте кибербезопасности социальная инженерия - это метод воздействия на человеческие слабости через манипуляцию с целью достижения вредоносных целей, таких как получение конфиденциальной информации, доступ к системам или выполнение действий в интересах злоумышленника [21]. В 25% атак злоумышленники добивались доступа к ресурсам, подбирая учетные данные или используя уже скомпрометированные пароли, что подчеркивает важность защищенности учетных записей. Также стоит отметить, что в каждой пятой атаке злоумышленники эксплуатировали уязвимости в программном обеспечении, что указывает на постоянное присутствие технических рисков в цифровой инфраструктуре образовательных учреждений. Важно упомянуть и о том, что за 2022 год значительно увеличилась доля атак на веб-ресурсы - с 11% до 20%, что отражает возрастающее внимание злоумышленников к Интернет-инфраструктуре образовательных учреждений [20].

Все эти факты демонстрируют масштаб и многогранность угроз, с которыми сталкиваются образовательные учреждения в условиях цифровой эпохи. В последние годы проблема

кибербезопасности стала одной из ключевых тем для организаций по всему миру. С развитием цифровых технологий и увеличением количества подключенных устройств, угроза кибератак стала более разнообразной и интенсивной.

Университеты, являясь хранителями огромного объема данных и использующими разнообразные информационные системы, сталкиваются с множеством киберугроз, каждая из которых может существенно повлиять на их деятельность (таблица 1).

Таблица 1 - Основные угрозы кибербезопасности для университетов

Угроза	Содержание	Влияние
Человеческие риски	Ошибки и неосмотрительные действия сотрудников и студентов, недостаточная подготовка и осведомленность о киберугрозах.	Возможные утечки конфиденциальных данных студентов и сотрудников; увеличение риска успешных кибератак из-за низкой кибербезопасной культуры.
Фишинг	Распространение мошеннических писем, пытающихся получить личные данные или доступ к учетным записям.	Компрометация личных данных студентов и сотрудников; возможные финансовые потери и ущерб репутации учебного заведения.
Программы-вымогатели	Злонамеренные программы, блокирующие доступ к данным, необходимым для функционирования университета, и требующие выкуп за их разблокирование.	Потеря важных данных и срыв учебного процесса; финансовые затраты на восстановление данных и системы.
Угрозы, основанные на ИИ	Создание сложных фишинговых писем и других атак, труднораспознаваемых для человека, автоматизации кибератак и обход традиционных мер защиты.	Усиление киберугроз и увеличение их успешности; необходимость адаптации мер защиты к новым типам атак.
Темная паутина	Продажа краденных данных, инструментов и услуг для осуществления кибератак; доступ к незаконным материалам и услугам.	Угроза утечки конфиденциальной информации; повышение рисков для безопасности и репутации университета.
Компрометация корпоративной электронной почты	Мошенничество, направленное на обман сотрудников для передачи денег или конфиденциальной информации через электронную почту. Часто атакуются руководители и сотрудники финансовых отделов.	Финансовые потери и утечка конфиденциальной информации; нарушение доверия к электронным коммуникациям внутри университета.
Удаленная работа	Увеличение числа удаленных сотрудников и студентов, использующих личные устройства и сети.	Повышенные риски утечки данных и кибератак, связанные с недостаточной защитой домашних сетей; необходимость обеспечения безопасности в распределенной ИТ-среде.
Уязвимости цепочки поставок	Атаки на поставщиков программного обеспечения и оборудования, используемых университетами; возможность внедрения вредоносного кода на этапе поставок.	Нарушение работы систем и сервисов университета; компрометация безопасности университетских данных и сетей.
Безопасность облака	Увеличение использования облачных сервисов для хранения и обработки данных.	Возможность утечки данных и нарушения конфиденциальности.
Квантовые вычисления	Потенциальные угрозы для современных методов шифрования и защиты данных.	Возможные риски для долгосрочной безопасности данных.

Примечание – составлено авторами на основе источника [22]

Фишинг основан на использовании социального инжиниринга для обмана пользователей с целью получения конфиденциальной информации, такой как логины, пароли, данные кредитных карт и другие чувствительные данные. Фишинговые атаки часто осуществляются через электронную почту, но могут также включать текстовые сообщения, социальные сети и другие формы цифровой коммуникации [23]. Компрометация учетных записей может привести к утечке конфиденциальных данных студентов и сотрудников, включая личную информацию, оценки, результаты исследований и финансовые данные. Кроме того, злоумышленники могут использовать украденные учетные данные для получения доступа к внутренним системам университета, что может привести к дальнейшим атакам и утечкам данных.

Программы-вымогатели (или ransomware) являются одной из самых опасных и разрушительных киберугроз для университетов [24]. Эти вредоносные программы проникают в компьютерные системы, шифруют данные и требуют выкуп за их разблокирование. Шифрование данных может затронуть студенческие и административные записи, научные исследования, учебные материалы и другие важные файлы. Это может привести к остановке учебного процесса, потере ценной исследовательской работы и нарушению административных функций. В некоторых случаях университеты могут потерять годы работы и критически важную информацию, которая не подлежит восстановлению. Репутационные потери также могут быть значительными, так как такие инциденты подрывают доверие студентов, сотрудников и партнеров.

Следующей угрозой представляется искусственный интеллект, который становится все более распространенным инструментом, как для защитников, так и для злоумышленников в киберпространстве. Если искусственный интеллект - это способность компьютерных систем выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта, такие как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод между

языками [25], то угрозы, основанные на искусственном интеллекте, представляют собой новую волну кибератак, которые могут быть особенно опасными для университетов. Искусственный интеллект может анализировать огромные объемы данных из социальных сетей, корпоративных сайтов и других источников, чтобы создавать высоко целевые и правдоподобные фишинговые атаки. Такие письма могут быть трудно распознаваемыми даже для опытных пользователей, что увеличивает вероятность их успешного выполнения.

Одной из главных угроз темной паутины, или Dark Web, для университетов является утечка и продажа конфиденциальной информации. Данные, такие как личная информация студентов и сотрудников, результаты исследований, финансовые данные и другая чувствительная информация, могут быть украдены во время кибератаки и затем проданы в темной сети. Это может привести к серьезным последствиям, включая финансовые потери, нарушение репутации и юридические проблемы, связанные с несоблюдением законов о защите данных [26].

Компрометация корпоративной электронной почты (Business Email Compromise, BEC) представляет собой одну из самых изощренных и разрушительных киберугроз, направленных на учебные заведения. BEC-атаки основаны на использовании социальной инженерии для обмана пользователей с целью получения доступа к корпоративным электронным почтовым учетным записям или заставить их выполнить определенные действия, такие как перевод денег или передача конфиденциальной информации. Одним из распространенных методов BEC-атак является отправка поддельных электронных писем от имени высокопоставленных сотрудников университета. Из-за высокой правдоподобности таких писем многие сотрудники могут не распознать угрозу и выполнить требуемые действия.

Удаленная работа, ставшая повсеместной в результате пандемии COVID-19, принесла университетам

множество новых возможностей, но также и значительные киберугрозы. С переходом на удаленные форматы работы и обучения учебные заведения столкнулись с необходимостью обеспечения безопасности данных и систем в условиях распределенной ИТ-инфраструктуры [27]. Одной из основных угроз, связанных с удаленной работой, является необеспеченная домашняя инфраструктура. Домашние сети часто менее защищены, чем корпоративные, что делает их более уязвимыми для атак. Множество подключенных устройств, слабые пароли на роутерах и отсутствие шифрования делают домашние сети легкой мишенью для злоумышленников. Недостаток физической безопасности представляет еще одну серьезную угрозу. Данные и устройства, используемые вне стен университета, подвержены риску кражи или потери. Это особенно актуально для ноутбуков и мобильных устройств, которые могут содержать конфиденциальную информацию [28]. Популярные инструменты для видеоконференций, совместного использования файлов и удаленного доступа могут содержать уязвимости, что ставит под угрозу всю ИТ-инфраструктуру университета.

Уязвимости цепочки поставок возникают, когда злоумышленники получают доступ к университетским системам и данным через недостатки в безопасности у сторонних поставщиков программного и аппаратного обеспечения, сервисов и других ресурсов. Поскольку университеты часто зависят от внешних поставщиков для множества ИТ-решений, атаки на цепочку поставок могут иметь катастрофические последствия. Одной из основных угроз является возможность внедрения вредоносного кода в программное обеспечение еще на стадии разработки или распространения. В результате компрометация может оставаться незамеченной в течение длительного времени, нанося значительный ущерб и предоставляя злоумышленникам доступ к конфиденциальной информации.

С ростом использования облачных технологий в университетах, вопросы безопасности цифровых данных становятся все более актуальными.

Облачные сервисы предоставляют множество преимуществ, включая гибкость, масштабируемость и доступность, но вместе с тем они также несут значительные киберриски [29]. Университеты используют облачные платформы для хранения данных, управления учебными материалами, проведения онлайн-курсов и исследований, что делает их привлекательными целями для злоумышленников. Одной из основных угроз для безопасности облака является несанкционированный доступ к данным. Уязвимости в системе аутентификации, слабые пароли и недостаточная защита учетных записей могут значительно повысить риск таких атак. Ошибки конфигурации облачных сервисов могут привести к случайной утечке данных, когда информация становится доступной для неавторизованных пользователей. Например, неправильная настройка разрешений может сделать данные доступными для всех пользователей сети, что может привести к серьезным последствиям, включая нарушение конфиденциальности и утрату интеллектуальной собственности. Доступ третьих сторон к данным также является важным аспектом безопасности облака. Университеты часто используют облачные сервисы от сторонних провайдеров, и безопасность этих данных зависит от надежности и мер защиты, применяемых провайдерами. Кроме того, облачные среды подвержены атакам, таким как распределенные атаки отказа в обслуживании (DDoS), которые могут нарушить доступность сервисов [30]. DDoS-атаки могут перегрузить облачную инфраструктуру, делая сервисы недоступными для студентов и преподавателей, что может серьезно нарушить учебный процесс и административные функции.

Квантовые вычисления представляют собой значительную киберугрозу для университетов в ближайшем будущем [31]. Эта новая технологическая парадигма обещает революционизировать вычислительные возможности, предлагая значительно более мощные способы обработки данных по сравнению с классическими компьютерами. Однако вместе с этими

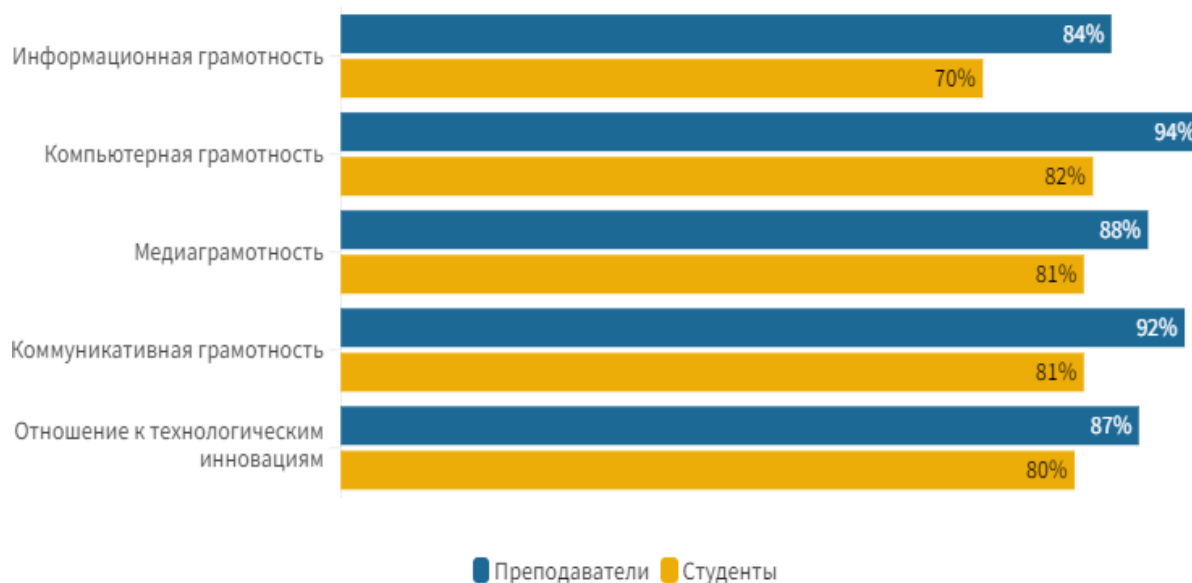
возможностями квантовые вычисления также несут потенциальные риски для безопасности данных и систем, используемых университетами. Одной из основных угроз, связанных с квантовыми вычислениями, является способность квантовых компьютеров эффективно взламывать современные криптографические алгоритмы. Традиционные методы шифрования, такие как RSA и ECC, основываются на сложности математических задач, которые требуют значительных вычислительных ресурсов для их решения на классических компьютерах. Квантовые компьютеры, используя определенные алгоритмы, смогут решать эти задачи намного быстрее, что сделает текущие методы шифрования устаревшими и уязвимыми к атакам [32]. Это создает серьезные риски для конфиденциальности данных, хранящихся и передаваемых университетами. Кроме того, квантовые вычисления могут ускорить процесс взлома паролей и других методов аутентификации. Квантовые компьютеры смогут проводить перебор возможных комбинаций значительно быстрее, чем это возможно на классических компьютерах. Это увеличивает вероятность успешного взлома учетных записей и систем,

особенно если используются слабые или устаревшие методы защиты.

Из всего перечня актуальных на сегодняшний день киберугроз [22], по нашему мнению, наиболее значимыми являются риски, связанные с человеческим фактором. Человеческие риски представляют собой одну из наиболее значительных угроз для кибербезопасности университетов. Эти риски связаны с поведением, ошибками и недостаточной осведомленностью сотрудников и студентов в области кибербезопасности. Люди остаются самым слабым звеном в цепочке безопасности, и даже самые современные технические средства защиты могут оказаться бессильными перед человеческим фактором.

Исследование уровня цифровой грамотности студентов и преподавателей казахстанских вузов, проведенное авторами в 2023-2024 учебном году [33, 34], продемонстрировало достаточно высокие результаты. Цифровая грамотность преподавателей сформирована на уровне 89%, студентов – 79%. Однако, из всех элементов цифровой грамотности наиболее низкие показатели оказались по информационной грамотности (рисунок 3).

Рисунок 3 – Структура цифровой грамотности студентов и преподавателей казахстанских вузов

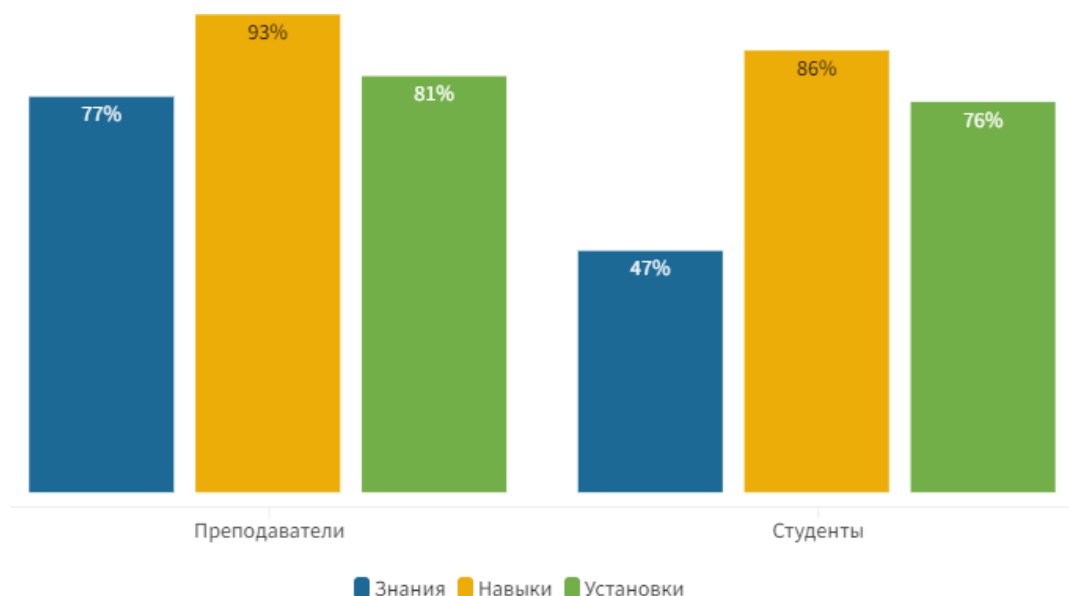
Примечание – составлено авторами

Информационная грамотность в контексте цифровой среды - это способность эффективно находить, оценивать, использовать и управлять информацией в цифровом пространстве [7]. Важнейшим аспектом информационной грамотности является соблюдение безопасности при использовании технологий и Интернета, которое включает понимание основных угроз, связанных с цифровой средой, и умение применять методы защиты данных и конфиденциальности.

Соблюдение безопасности при использовании технологий и Интернета начинается с осознания потенциальных рисков, таких как кибератаки, фишинговые

схемы, вредоносное ПО и утечки данных. Для эффективного противостояния этим угрозам необходимо развивать навыки распознавания подозрительных действий в сети, например, идентифицировать поддельные веб-сайты или подозрительные электронные письма, а также понимать важность использования сложных паролей и двухфакторной аутентификации [35].

Результаты исследования также продемонстрировали значительный разрыв между различными компонентами информационной грамотности, особенно в области знаний, как среди преподавателей, так и среди студентов (рисунок 4).

Примечание – составлено авторами

Рисунок 4 – Компоненты информационной грамотности студентов и преподавателей казахстанских вузов

Низкие показатели знаний в области информационной грамотности имеют прямую связь с кибербезопасностью, и это вызывает серьезные опасения. Знания, составляющие лишь 77% у преподавателей и 47% у студентов, включают в себя фундаментальные теоретические аспекты, такие как понимание принципов кибербезопасности, осведомленность о современных угрозах, а также знания о методах защиты данных и

конфиденциальности в цифровой среде. Недостаток этих знаний может серьезно подорвать способность преподавателей и студентов эффективно защищать себя и свои данные в цифровом пространстве.

Понимание основ кибербезопасности критически важно в условиях растущего числа кибератак, таких как программы-вымогатели, фишинговые схемы и другие виды цифровых угроз. Если знания в этой области не являются

достаточно глубокими, пользователи могут не распознавать потенциальные угрозы, что делает их уязвимыми перед кибератаками.

В то же время, навыки, то есть практическое применение знаний и умений работать с информацией, оказались лучше развиты как у преподавателей (93%), так и у студентов (86%). Это позитивный сигнал, свидетельствующий о том, что обе группы умеют эффективно использовать полученные знания на практике, хотя и испытывают дефицит в теоретической подготовке.

Установки, которые отражают отношение и мотивацию к использованию информационных технологий, также находятся на достаточно высоком уровне: 81% у преподавателей и 76% у студентов. Это означает, что в целом и преподаватели, и студенты положительно относятся к использованию технологий и осознают их важность в образовательном процессе.

Цифровая среда постоянно меняется, и новые угрозы появляются ежедневно, что подчеркивает важность постоянного обучения в области кибербезопасности. В этом контексте информационная грамотность напрямую связана с кибербезопасностью. Обучение безопасному поведению в Интернете помогает защитить не только личные данные, но и данные организаций, с которыми человек может быть связан. Это особенно важно в условиях глобализации и цифровизации, когда утечка данных может нанести ущерб репутации и финансовому состоянию не только отдельного пользователя, но и всей организации.

Развитие определенных знаний и навыков в области информационной грамотности необходимо для того, чтобы пользователи цифровых технологий могли эффективно управлять своими цифровыми активами и оставаться защищенными в сети. Эти знания включают умение распознавать и избегать фишинговых атак, использовать безопасные пароли, защищать свои устройства от вредоносных программ, а также понимать и соблюдать принципы конфиденциальности и защиты данных в социальных сетях и других онлайн-платформах.

Таким образом, информационная грамотность является ключевым

элементом в обеспечении личной и организационной кибербезопасности. Она требует не только базовых знаний о работе в цифровой среде, но и глубокого понимания рисков и методов их предотвращения. В условиях постоянно растущих угроз развитие этих знаний и навыков становится не просто необходимостью, но и основой для безопасного и ответственного использования цифровых технологий в современном мире.

Обсуждение и выводы

Влияние человеческих рисков на деятельность университетов может быть многогранным. Утечка конфиденциальных данных студентов и сотрудников может привести к серьезным последствиям, включая нарушение законодательства о защите персональных данных, финансовые потери и урон репутации учебного заведения. Кроме того, успешные кибератаки могут вызвать перебои в работе университетских систем и сервисов, что негативно скажется на учебном процессе и административных функциях.

Одной из основных проблем является использование слабых паролей и отсутствие практики регулярного их обновления. Многие сотрудники и студенты по-прежнему выбирают легко угадываемые пароли или используют один и тот же пароль для множества учетных записей. Это значительно упрощает задачу злоумышленникам, пытающимся получить несанкционированный доступ к системам и данным университета.

Кроме того, ошибки при работе с электронной почтой также представляют серьезную угрозу. Открытие фишинговых писем, переход по подозрительным ссылкам или загрузка вложений от неизвестных отправителей могут привести к утечке конфиденциальной информации или заражению устройств вредоносным программным обеспечением. Несмотря на широкое распространение информации о фишинговых атаках, многие пользователи по-прежнему становятся жертвами таких мошеннических схем.

Недостаточная подготовка и осведомленность о киберугрозах среди персонала и студентов также усугубляют проблему. В условиях стремительной

цифровизации образовательных процессов многие университеты сталкиваются с необходимостью обучения своих сотрудников и студентов основам кибербезопасности [36]. Без этого знания и навыки уязвимых пользователей могут быть легко использованы злоумышленниками для проведения атак.

Для минимизации человеческих рисков университетам необходимо принимать комплексные меры. Прежде всего, важно проводить регулярные обучающие программы и тренинги по кибербезопасности, направленные на повышение осведомленности сотрудников и студентов о современных угрозах и методах их предотвращения. Такие программы должны включать информацию о важности использования сложных и уникальных паролей, распознавании фишинговых писем и безопасной работе в Интернете.

Вместе с тем необходимо внедрять строгие политики и процедуры, связанные с использованием данных и устройств. Университеты должны обеспечивать контроль доступа к критически важной информации и системам, а также устанавливать ограничения на использование личных устройств для работы с конфиденциальными данными. Регулярные проверки и аудит соблюдения этих политик помогут выявлять и устранять потенциальные уязвимости.

В целом, управление человеческими рисками в контексте кибербезопасности требует постоянного внимания и усилий со стороны университетов. Только путем создания культуры кибербезопасности, постоянного обучения и совершенствования защитных мер можно эффективно противостоять угрозам и обеспечивать безопасное образовательное пространство для всех участников учебного процесса.

Обеспечение кибербезопасности является неотъемлемой частью защиты прав на конфиденциальность, безопасность, доступ к информации и недискриминацию. Иначе говоря, обеспечение кибербезопасности является частью защиты прав человека, что в структуре компонентов социальной ответственности представляет наибольшую обеспокоенность со стороны преподавателей и обучающихся [37].

Обеспечение кибербезопасности в университетах имеет непосредственное отношение к нормам ISO 26000:2010, которые определяют ответственность организации за влияние ее решений и деятельности на общество и окружающую среду. Вузы обязаны принять этические и прозрачные меры для защиты данных и систем, способствуя устойчивому развитию, учитывая ожидания заинтересованных сторон, соблюдая действующее законодательство и соответствуя международным стандартам поведения.

Интеграция кибербезопасности должна быть всесторонней и охватывать все аспекты деятельности университета. Принятие мер по защите от кибератак также способствует поддержанию академической честности и прозрачности, что является важным аспектом социальной ответственности. Необходимость обеспечения безопасных условий для удаленной работы, защиты от фишинга и программ-вымогателей, а также повышение осведомленности сотрудников и студентов о киберугрозах - все это ключевые элементы, которые должны быть включены в политику социальной ответственности университетов.

Внедрение и соблюдение принципов кибербезопасности помогут университетам не только соответствовать нормам ISO 26000, но и укрепить доверие со стороны общества, студентов и сотрудников. Это потребует пересмотра текущих принципов социальной ответственности, интеграции новых технологий и методов защиты, а также постоянного обучения и повышения квалификации всех участников образовательного процесса. Таким образом, университеты смогут создать безопасную и устойчивую образовательную среду, способствующую развитию общества и соблюдению высоких стандартов социальной ответственности.

Для дальнейшего углубленного изучения кибербезопасности и социальной ответственности в образовательных учреждениях предлагается несколько направлений исследований. Одним из ключевых направлений является проведение международных сравнительных исследований для выявления общих тенденций и специфических особенностей в

обеспечении кибербезопасности и социальной ответственности в университетах разных стран. Это позволит определить лучшие практики, которые могут быть адаптированы к различным культурным и законодательным контекстам.

Другим важным направлением является разработка и внедрение образовательных программ по кибербезопасности. Исследования в этой области могут быть направлены на оценку эффективности различных программ и курсов, ориентированных на повышение уровня информационной грамотности и осведомленности о киберугрозах среди студентов и преподавателей. Необходимо определить, какие методы обучения наиболее эффективны для различных групп пользователей и как они могут способствовать укреплению кибербезопасности в университетах.

Кроме того, важным направлением является изучение влияния киберугроз на академическую честность и прозрачность в образовательных учреждениях. Это может включать исследования, направленные на понимание того, как такие кибератаки, как фишинг и программы-вымогатели, могут подрывать доверие между преподавателями и студентами, а также как они влияют на академическую честность.

Еще одно перспективное направление связано с оценкой влияния уровня цифровой грамотности на киберустойчивость университетов. Такие исследования помогут определить, в какой степени цифровая грамотность преподавателей и студентов способствует защите от киберугроз, и выявить области, требующие дополнительного внимания и улучшения.

В совокупности эти направления исследований могут способствовать более глубокому пониманию проблемы и разработке эффективных стратегий для обеспечения кибербезопасности и социальной ответственности в образовательных учреждениях, что, в свою очередь, будет способствовать созданию безопасной и устойчивой образовательной среды.

Ограничения

Исследование имеет несколько ограничений, которые следует учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, анкетирование проводилось среди студентов и преподавателей только казахстанских вузов, что ограничивает возможность обобщения выводов на другие страны и образовательные системы. Результаты могут отражать специфические особенности цифровой грамотности и кибербезопасности в конкретном национальном контексте. Другое ограничение связано с характером используемых методов. Контент-анализ и анализ нормативных документов предоставляют ценную информацию, но они не всегда позволяют выявить все возможные аспекты и нюансы практического применения мер кибербезопасности. Кроме того, в исследовании не использовались сложные статистические методы анализа, что ограничивает глубину и точность полученных выводов. Учитывая эти ограничения, результаты исследования следует рассматривать как основу для дальнейших более широких и детализированных исследований, направленных на изучение кибербезопасности и социальной ответственности в образовательных учреждениях на международном уровне.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (№AP13268867)

Список литературы

- 1 ISO 26000. ISO 26000 Adopted as European Standard [Офиц. сайт]. - URL: <https://iso26000.info/iso/iso-standards/iso-26000/european-standard-iso-26000/>. (Date of access: 20.07.2024)
- 2 Godonoga, A. The conceptualisation of socially responsible universities in higher education research: a systematic literature review [Text] / Godonoga, A., Sporn, B. // Studies in Higher Education. - Vol. 48(3). - pp. 445-459. <https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2145462>
- 3 World Conference on Higher Education for the Twenty-first Century: Vision and Action // UNESCO General Conference 30th Session. - 1999. - URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000117022_rus. (Date of access: 20.07.2024)
- 4 Zhao, W. Application of ISO 26000 in digital education during COVID-19 [Text] / Zhao, W., Zhang, J., Liu, X., Jiang, Zh. // Ain Shams Engineering Journal. - 2022. - Vol. 13(3). <https://doi.org/10.1016/j.asej.2021.10.025>
- 5 Bongiovanni, I. The least secure places in the universe? A systematic literature review on information security management in higher education [Text] / Bongiovanni, I. // Computers & Security. - 2019. - Vol. 86. - 350-357. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2019.07.003>
- 6 Аймалетдинов Т.А. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе [Текст] / Аймалетдинов, Т.А., Баймуратова, Л.Р., Зайцева, О.А., Имаева, Г.Р., Спиридонова, Л.В. // Аналитический центр НАФИ. - М.: Издательство НАФИ. - 2019. - 84 с.
- 7 Overview of Information Literacy Resources Worldwide // UNESCO. - 2013. - URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219667>. (Date of access: 20.07.2024)
- 8 Rodrigues, A.F. Cybersecurity risks: A behavioural approach through the influence of media and information literacy [Text] / Rodrigues, A.F., Monteiro, B.M., Pedrosa, I. // Iberian Conference on Information Systems and Technologies, CISTI. - 2021. <https://doi.org/10.23919/CISTI52073.2021.9476383>
- 9 Denchev, S. Information Literacy, Information Transparency and Information Accessibility - Distinctive Features of Cyber Security [Text] / Denchev, S., Peteva, I., Yordanova, S. // Proceedings IMCIC - International Multi-Conference on Complexity, Informatics and Cybernetics. - 2024. - pp. 145-147. <https://doi.org/10.54808/IMCIC2024.01.145>
- 10 Fauzi, M.A. University social responsibility: the present and future trends based on bibliometric analysis [Text] / Fauzi, M.A., Abdul Wahab, N., Ahmad, M.H. and Abidin, I. // Journal of Applied Research in Higher Education. - 2024. - Vol. 16(3). - pp. 948-965. <https://doi.org/10.1108/JARHE-03-2023-0110>
- 11 del Consuelo Gallardo Aguilar, M. University social responsibility: Evaluation and impact on student satisfaction as an opportunity for knowledge management and sustainability [Text] / del Consuelo Gallardo Aguilar, M., de la Garza Carranza, M.T., Ibarra, S.T.C., Cervantes, M.S. // Ecocentrism for Knowledge Management and Sustainability: Theoretical and Practical Studies in the Post-industrial Era. - 2024. - pp. 176-188.
- 12 Ricci, S. Understanding Cybersecurity Education Gaps in Europe [Text] / Ricci, S., Parker, S., Jerabek, J., Danidou, Y., Chatzopoulou, A., Badonnel, R., Lendak, I., Janout, V. // IEEE Transactions on Education. - April 2024. - Vol. 67(2). - pp. 190-201. <https://doi.org/10.1109/TE.2023.3340868>
- 13 Simon, N. Reimagining Cybersecurity in Educational Practices: An International Case Study [Text] / Simon, N., Jiménez, J.L., Strocchia, D. // Handbook of Research on Current Trends in Cybersecurity and Educational Technology. - IGI Global. - 2023. - pp. 1-18. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-6092-4.ch001>
- 14 Баймуратова, Л.Р. Цифровая грамотность для экономики будущего [Текст] / Баймуратова, Л.Р., Долгова, О.А., Имаева, Г.Р., Гриценко, В.И., Смирнов, К.В., Аймалетдинов, Т.А. // Аналитический центр НАФИ. - М.: Издательство НАФИ. - 2018. - 86 с.
- 15 Craigen, D. Defining cybersecurity [Text] / Craigen, D., Diakun-Thibault, N., Purse, R. // Technology Innovation Management Review. - 2014. - Vol. 4. - pp. 13-21.

- 16 Zhang-Kennedy, L. The role of cybersecurity in information technology education [Text] / Zhang-Kennedy, L., Chiasson, S. [Text] // Proceedings of the 2011 Conference on Information Technology Education. - 2021. - pp. 113-122.
- 17 Desai, D., Hegde, R., Laufer, E., Wang, J. Phishing Report Reveals 47.2% Surge in Phishing Attacks Last Year [Text] April 18, 2023. <https://www.zscaler.com/blogs/security-research/2023-phishing-report-reveals-47-2-surge-phishing-attacks-last-year> (Date of access: 20.07.2024)
- 18 Pranggono, B. COVID-19 pandemic cybersecurity issues [Text] / Pranggono, B., Arabo, A. // Internet Technology Letters. - 2021. - Vol. 4(2). - p. 247
- 19 Ransomware Trends 2023 Report [Text] April 7, 2024. <https://cyberint.com/blog/research/ransomware-trends-and-statistics-2023-report/> (Date of access: 20.07.2024)
- 20 Кибербезопасность в 2022-2023. Тренды и прогнозы [Текст] 13 января 2023. <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/ogo-kakaya-ib/#id14> (Дата обращения: 20.07.2024)
- 21 Aldawood, H. Educating and Raising Awareness on Cyber Security Social Engineering: A Literature Review [Text] / Aldawood, H., Skinner, G. // Proceedings of 2018 IEEE International Conference on Teaching, Assessment, and Learning for Engineering. - 2018. - pp. 62-68. <https://doi.org/10.1109/TALE.2018.8615162>
- 22 Top 10 cybersecurity threats in 2024 [Text] <https://blog.usecure.io/top-10-cybersecurity-threats#Human-risks> (Date of access: 20.07.2024)
- 23 Greco, F. Supporting the Design of Phishing Education, Training and Awareness interventions: an LLM-based approach [Text] / Greco, F., Desolda, G., Viganò, L. // CEUR Workshop Proceedings. - 2024
- 24 Amaka, R.O. Cybersecurity Crisis Management in Higher Education Institutions: A Case of How the University of Sunderland in London Managed a Ransomware Threat [Text] / Amaka, R.O., Cantafio, G.U. // Promoting Crisis Management and Creative Problem-Solving Skills in Educational Leadership. - pp. 26-48 <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-8332-9.ch002>
- 25 Russell, S. Artificial Intelligence: A Modern Approach [Text] / Russell, S., Norvig, P. // Prentice Hall, 3 edition, 2010.
- 26 Dalvi, A. Dark web content classification using quantum encoding [Text] / Dalvi, A., Bhoir, S., Kazi, F., Bhirud, S.G. // Quantum Computing in Cybersecurity. - 2023. - pp. 57-79. <https://doi.org/10.1002/9781394167401.ch4>
- 27 Whitty, M.T. Cybersecurity when working from home during COVID-19: considering the human factors [Text] / Whitty, M.T., Nour, M., Grobler, M. // Journal of Cybersecurity. - 2024. - Vol. 10(1). <https://doi.org/10.1093/cybsec/tyae001>
- 28 Ferdousi, B. Cyber security risks of bring your own device (BYOD) practice in workplace and strategies to address the risks [Text] / Ferdousi, B. // International Journal of Science Academic Research. - 2022. - Vol. 3(10). - pp. 4554-4558.
- 29 Akinrolabu, O. Cyber risk assessment in cloud provider environments: Current models and future needs [Text] / Akinrolabu, O., Nurse, J.R.C., Martin, A., New, S. // Computers and Security. - 2019. - Vol. 87. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2019.101600>
- 30 Sharma, K. Cyber risk assessment and mitigation using logit and probit models for DDoS attacks [Text] / Sharma, K., Mukhopadhyay, A. // 26th Americas Conference on Information Systems, AMCIS. - 2020.
- 31 Serrano, M.A. Towards a quantum world in cybersecurity land [Text] / Serrano, M.A., Sanchez, L.E., Santos-Olmo, A., Blanco, C., Fernandez-Medina, E. // CEUR Workshop Proceedings. - 2023.
- 32 Singh, J. Contemporary Quantum Computing Use Cases: Taxonomy, Review and Challenges [Text] / Singh, J., Bhangu, K.S. // Archives of Computational Methods in Engineering. - 2023. - Vol. 30(1). - pp. 615-638. <https://doi.org/10.1007/s11831-022-09809-5>
- 33 Закирова, Д.И. Контуры современного образования: оценка цифровых навыков студентов [Текст] / Закирова, Д.И., Пол, М. // Научный журнал «Вестник университета «Туран». - 2024. - № 1(101). - с. 355-373. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2024-1-1-355-373>

- 34 Закирова, Д.И. Анализ уровня цифровой грамотности преподавателей вуза: многокомпонентный подход [Текст] / Закирова, Д.И. // Proceedings of the 6th International Scientific Conference «Research Retrieval and Academic Letters». - July 4-5, 2024. – pp. 5-15
- 35 Guillén-Gámez, D. Digital Competences in Cybersecurity of Teachers in Training [Text] / Guillén-Gámez, D. F., Martínez-García, I., Alastor, E., Tomczyk, Ł. // Computers in the Schools. – 2024. – Vol. 1. - p. 26. <https://doi.org/10.1080/07380569.2024.2361614>
- 36 Allison, J. Cybersecurity Risk Management Scenarios for Teaching Information Security Management [Text] / Allison, J. // Journal of Applied Security Research. – 2024. – Vol. 1. – p. 22. <https://doi.org/10.1080/19361610.2024.2358272>
- 37 Rodrigues de Sousa J.C. University social responsibility: Perceptions and advances [Text] / Rodrigues de Sousa, J.C., Stradiotto Siqueira, E., Binotto, E., Holanda Nepomuceno Nobre, L. // Social Responsibility Journal. – 2021. – Vol. 17. – pp. 263-281. <https://doi.org/10.1108/SRJ-10-2017-0199>

References

- 1 ISO 26000. ISO 26000 Adopted as European Standard [Ofic. sajt]. - URL: <https://iso26000.info/iso/iso-standards/iso-26000/european-standard-iso-26000/>. (Date of access: 20.07.2024)
- 2 Godonoga, A. The conceptualisation of socially responsible universities in higher education research: a systematic literature review [Text] / Godonoga, A., Sporn, B. // Studies in Higher Education. - Vol. 48(3). – pp. 445-459. <https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2145462>
- 3 World Conference on Higher Education for the Twenty-first Century: Vision and Action // UNESCO General Conference 30th Session. – 1999. - URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000117022_rus. (Date of access: 20.07.2024)
- 4 Zhao, W. Application of ISO 26000 in digital education during COVID-19 [Text] / Zhao, W., Zhang, J., Liu, X., Jiang, Zh. // Ain Shams Engineering Journal. – 2022. – Vol. 13(3). <https://doi.org/10.1016/j.asej.2021.10.025>
- 5 Bongiovanni, I. The least secure places in the universe? A systematic literature review on information security management in higher education [Text] / Bongiovanni, I. // Computers & Security. - 2019. - Vol. 86. – 350-357. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2019.07.003>
- 6 Ajmaletdinov T.A. Cifrovaja gramotnost' rossijskikh pedagogov. Gotovnost' k ispol'zovaniju cifrovih tehnologij v uchebnom processe [Text] / Ajmaletdinov, T.A., Bajmuratova, L.R., Zajceva, O.A., Imaeva, G.R., Spiridonova, L.V. // Analiticheskij centr NAFI. - M.: Izdatel'stvo NAFI. - 2019. – 84 p.
- 7 Overview of Information Literacy Resources Worldwide // UNESCO. - 2013. - URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219667>. (Date of access: 20.07.2024)
- 8 Rodrigues, A.F. Cybersecurity risks: A behavioural approach through the influence of media and information literacy [Text] / Rodrigues, A.F., Monteiro, B.M., Pedrosa, I. // Iberian Conference on Information Systems and Technologies, CISTI. – 2021. <https://doi.org/10.23919/CISTI52073.2021.9476383>
- 9 Denchev, S. Information Literacy, Information Transparency and Information Accessibility - Distinctive Features of Cyber Security [Text] / Denchev, S., Peteva, I., Yordanova, S. // Proceedings IMCIC - International Multi-Conference on Complexity, Informatics and Cybernetics. - 2024. - pp. 145-147. <https://doi.org/10.54808/IMCIC2024.01.145>
- 10 Fauzi, M.A. University social responsibility: the present and future trends based on bibliometric analysis [Text] / Fauzi, M.A., Abdul Wahab, N., Ahmad, M.H. and Abidin, I. // Journal of Applied Research in Higher Education. – 2024. - Vol. 16(3). – pp. 948-965. <https://doi.org/10.1108/JARHE-03-2023-0110>
- 11 del Consuelo Gallardo Aguilar, M. University social responsibility: Evaluation and impact on student satisfaction as an opportunity for knowledge management and sustainability [Text] / del Consuelo Gallardo Aguilar, M., de la Garza Carranza, M.T., Ibarra, S.T.C., Cervantes, M.S. // Ecocentrism for Knowledge Management and Sustainability: Theoretical and Practical Studies in the Post-industrial Era. – 2024. – pp. 176-188.
- 12 Ricci, S. Understanding Cybersecurity Education Gaps in Europe [Text] / Ricci, S., Parker, S., Jerabek, J., Danidou, Y., Chatzopoulou, A., Badonnel, R., Lendak, I., Janout, V. //

- IEEE Transactions on Education. - April 2024. - Vol. 67(2). - pp. 190-201.
<https://doi.org/10.1109/TE.2023.3340868>
- 13 Simon, N. Reimaging Cybersecurity in Educational Practices: An International Case Study [Text] / Simon, N., Jiménez, J.L., Strocchia, D. // Handbook of Research on Current Trends in Cybersecurity and Educational Technology. - IGI Global. - 2023. - pp. 1-18.
<https://doi.org/10.4018/978-1-6684-6092-4.ch001>
- 14 Bajmuratova, L.R. Cifrovaja gramotnost' dlja jekonomiki budushhego [Text] / Bajmuratova, L.R., Dolgova, O.A., Imaeva, G.R., Gricenko, V.I., Smirnov, K.V., Ajmaletdinov, T.A. // Analiticheskij centr NAFL. - M.: Izdatel'stvo NAFL. - 2018. - 86 p.
- 15 Craigen, D. Defining cybersecurity [Text] / Craigen, D., Diakun-Thibault, N., Purse, R. // Technology Innovation Management Review. - 2014. - Vol. 4. - pp. 13-21.
- 16 Zhang-Kennedy, L. The role of cybersecurity in information technology education [Text] / Zhang-Kennedy, L., Chiasson, S. [Text] // Proceedings of the 2011 Conference on Information Technology Education. - 2021. - pp. 113-122.
- 17 Desai, D., Hegde, R., Laufer, E., Wang, J. Phishing Report Reveals 47.2% Surge in Phishing Attacks Last Year [Text] April 18, 2023. <https://www.zscaler.com/blogs/security-research/2023-phishing-report-reveals-47-2-surge-phishing-attacks-last-year> (Date of access: 20.07.2024)
- 18 Pranggono, B. COVID-19 pandemic cybersecurity issues [Text] / Pranggono, B., Arabo, A. // Internet Technology Letters. - 2021. - Vol. 4(2). - p. 247
- 19 Ransomware Trends 2023 Report [Text] April 7, 2024. <https://cyberint.com/blog/research/ransomware-trends-and-statistics-2023-report/> (Date of access: 20.07.2024)
- 20 Kiberbezopasnost' v 2022-2023. Trendy i prognozy [Text] 13 janvarja 2023. <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/ogo-kakaya-ib/#id14> (Date of access: 20.07.2024)
- 21 Aldawood, H. Educating and Raising Awareness on Cyber Security Social Engineering: A Literature Review [Text] / Aldawood, H., Skinner, G. // Proceedings of 2018 IEEE International Conference on Teaching, Assessment, and Learning for Engineering. - 2018. - pp. 62-68. <https://doi.org/10.1109/TALE.2018.8615162>
- 22 Top 10 cybersecurity threats in 2024 [Text] <https://blog.usecure.io/top-10-cybersecurity-threats#Human-risks> (Date of access: 20.07.2024)
- 23 Greco, F. Supporting the Design of Phishing Education, Training and Awareness interventions: an LLM-based approach [Text] / Greco, F., Desolda, G., Viganò, L. // CEUR Workshop Proceedings. - 2024
- 24 Amaka, R.O. Cybersecurity Crisis Management in Higher Education Institutions: A Case of How the University of Sunderland in London Managed a Ransomware Threat [Text] / Amaka, R.O., Cantafio, G.U. // Promoting Crisis Management and Creative Problem-Solving Skills in Educational Leadership. - pp. 26-48 <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-8332-9.ch002>
- 25 Russell, S. Artificial Intelligence: A Modern Approach [Text] / Russell, S., Norvig, P. // Prentice Hall, 3 edition, 2010.
- 26 Dalvi, A. Dark web content classification using quantum encoding [Text] / Dalvi, A., Bhoir, S., Kazi, F., Bhirud, S.G. // Quantum Computing in Cybersecurity. - 2023. - pp. 57-79. <https://doi.org/10.1002/9781394167401.ch4>
- 27 Whitty, M.T. Cybersecurity when working from home during COVID-19: considering the human factors [Text] / Whitty, M.T., Nour, M., Grobler, M. // Journal of Cybersecurity. - 2024. - Vol. 10(1). <https://doi.org/10.1093/cybsec/tyae001>
- 28 Ferdousi, B. Cyber security risks of bring your own device (BYOD) practice in workplace and strategies to address the risks [Text] / Ferdousi, B. // International Journal of Science Academic Research. - 2022. - Vol. 3(10). - pp. 4554-4558.
- 29 Akinrolabu, O. Cyber risk assessment in cloud provider environments: Current models and future needs [Text] / Akinrolabu, O., Nurse, J.R.C., Martin, A., New, S. // Computers and Security. - 2019. - Vol. 87. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2019.101600>
- 30 Sharma, K. Cyber risk assessment and mitigation using logit and probit models for DDoS attacks [Text] / Sharma, K., Mukhopadhyay, A. // 26th Americas Conference on Information Systems, AMCIS. - 2020.

- 31 Serrano, M.A. Towards a quantum world in cybersecurity land [Text] / Serrano, M.A., Sanchez, L.E., Santos-Olmo, A., ... Blanco, C., Fernandez-Medina, E. // CEUR Workshop Proceedings. – 2023.
- 32 Singh, J. Contemporary Quantum Computing Use Cases: Taxonomy, Review and Challenges [Text] / Singh, J., Bhangu, K.S. // Archives of Computational Methods in Engineering. – 2023. – Vol. 30(1). – pp. 615-638. <https://doi.org/10.1007/s11831-022-09809-5>
- 33 Zakirova, D.I. Kontury sovremennogo obrazovaniya: ocenka cifrovyyh navykov studentov [Tekst] / Zakirova, D.I., Pol, M. // Nauchnyj zhurnal «Vestnik universiteta «Turan». – 2024. - № 1(101). - s. 355-373. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2024-1-1-355-373>
- 34 Zakirova, D.I. Analiz urovnja cifrovoj gramotnosti prepodavatelej vuza: mnogokomponentnyj podhod [Tekst] / Zakirova, D.I. // Proceedings of the 6th International Scientific Conference «Research Retrieval and Academic Letters». - July 4-5, 2024. – pp. 5-15
- 35 Guillén-Gámez, D. Digital Competences in Cybersecurity of Teachers in Training [Text] / Guillén-Gámez, D. F., Martínez-García, I., Alastor, E., Tomczyk, Ł. // Computers in the Schools. – 2024. – Vol. 1. - p. 26. <https://doi.org/10.1080/07380569.2024.2361614>
- 36 Allison, J. Cybersecurity Risk Management Scenarios for Teaching Information Security Management [Text] / Allison, J. // Journal of Applied Security Research. – 2024. – Vol. 1. – p. 22. <https://doi.org/10.1080/19361610.2024.2358272>
- 37 Rodrigues de Sousa J.C. University social responsibility: Perceptions and advances [Text] / Rodrigues de Sousa, J.C., Stradiotto Siqueira, E., Binotto, E., Holanda Nepomuceno Nobre, L. // Social Responsibility Journal. – 2021. – Vol. 17. – pp. 263-281. <https://doi.org/10.1108/SRJ-10-2017-0199>

ЖОҒАРЫ БІЛІМ БЕРУДІ ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК ЖАУАПКЕРШІЛІК: ӨЗГЕРІСТЕРДІҢ НЕГІЗГІ ФАКТОРЫ РЕТІНДЕ КИБЕРҚАУІПСІЗДІК

Дильнара ЗАКИРОВА*, PhD, зерттеуші профессор, «Тұран» университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы, ulasdila@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5161-959X, Scopus Author ID: 57205166010

Милан ПОЛ, PhD, профессор, Масариков университеті, Брно қ., Чехия, pol@phil.muni.cz, ORCID: 0000-0002-5787-8610, Scopus Author ID: 559957210

SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION: CYBERSECURITY AS A KEY FACTOR OF CHANGE

Dilnara ZAKIROVA*, PhD, research professor, Turan University, Almaty, Republic of Kazakhstan, ulasdila@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5161-959X, Scopus Author ID: 57205166010

Milan POL, PhD, professor, Masaryk University, Brno, Arna Novaka 1/1, 602 00, Czech Republic, pol@phil.muni.cz, ORCID: 0000-0002-5787-8610, Scopus Author ID: 55995721000

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР

INTERNATIONAL RELATIONS

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

AN OVERVIEW OF THE OF MULTILEVEL GOVERNANCE CONCEPT:
CASE STUDY OF YOUTH POLICY FORMULATION AND
IMPLEMENTATION IN LITHUANIA**Vainius
SMALSKYS****Professor at Mykolas Romeris University, Faculty of Public Governance and Business, Institute of Public Administration, Vilnius, Lithuania, vainius@mruni.eu, ORCID: 0000-0002-2980-792X***Andrius
STASIUKYNAS***Professor at Mykolas Romeris University, Faculty of Public Governance and Business, Institute of Public Administration, Director of Institute of Public Administration, Vilnius, Lithuania, ORCID: 0000-0002-2937-241X***Aušra
ŠUKVIETIENĖ***Associate professor at Mykolas Romeris University, Faculty of Public Governance and Business, Institute of Public Administration, Vilnius, Lithuania, ausra.sukvietiene@mruni.eu, ORCID: 0000-0002-3576-7346*

Manuscript received: 19/11/2024

Revised: 20/12/2024

Accepted: 24/12/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-

UDC 352/354-1

CICSTI 82.13.01

Abstract. In this article, based on international recommendations and scientific literature, the concept of multilevel governance, the features of cross-sectoral and multi-layer governance are analysed, highlighting the advantages it creates, and the possible risks associated with the involvement of different actors in decision making process. To better illustrate this in practice, the paper presents a case study of youth policy formulation and implementation in Lithuania, which can be considered as one of the most successful examples of multilevel governance in practice.

The article aims to identify: how the youth policy framework fits into the concept of multi-level governance; what actors operate in this network; reveal why this particular area is identified as a good example of multilevel governance; and what has contributed to its implementation success.

Keywords: multilevel governance, Lithuania, Youth policy, citizen participation, democratisation.

Аңдатпа. Бұл мақалада халықаралық ұсыныстар мен ғылыми әдебиеттерге сүйене отырып, көп деңгейлі басқару тұжырымдамасы, салалық және көп деңгейлі басқарудың ерекшеліктері талданады, оның артықшылықтары мен шешім қабылдау процесіне әр түрлі субъектілердің қатысуымен байланысты ықтимал тәуекелдер көрсетілген. Мақалада Литвадағы жастар саясатын тұжырымдау мен жүзеге асыру зерттеуі келтірілген, оны іс жүзінде көп деңгейлі басқарудың ең сәтті мысалдарының бірі ретінде қарастыруға болады. Мақаланың мақсаты: жастар саясатының шеңбері көп деңгейлі басқару тұжырымдамасына қалай сәйкес келетінін анықтау; осы желіде қандай субъектілер жұмыс істейді; неліктен бұл нақты сала көп деңгейлі басқарудың жақсы үлгісі ретінде анықталғанын және оны жүзеге асырудың сәттілігіне не ықпал еткенін анықтау.

Түйінді сөздер: көп деңгейлі басқару, Литва, Жастар саясаты, азаматтардың қатысуы, демократияландыру.

* Corresponding author: V. Smalskys, vainius.smalskys@gmail.com

Аннотация. В этой статье, основанной на международных рекомендациях и научной литературе, анализируется концепция многоуровневого управления, особенности ОЦР - секторальное и многоуровневое управление, выделяются преимущества, которые оно создает, и возможные риски, связанные с вовлечением различных субъектов в процесс принятия решений. Чтобы лучше проиллюстрировать это на практике, в статье представлен пример разработки и реализации молодежной политики в Литве, который можно рассматривать как один из наиболее успешных примеров многоуровневого управления на практике.

Цель статьи - определить, как структура молодежной политики вписывается в концепцию многоуровневого управления; какие субъекты действуют в этой сети; раскрыть, почему именно эта область считается хорошим примером многоуровневого управления; и что способствовало успеху ее реализации.

Ключевые слова: многоуровневое управление, Литва, молодежная политика, гражданское участие, демократизация.

Introduction

In traditional democratic theory, participation has mostly been analysed and conceptualised as the legitimisation of political decision-makers and government policy-makers [1], but changes in public governance over the past decades have altered the structure of the public sector's decision-making process and procedures, and have correspondingly changed why, how and which interest groups are involved in public governance. The aim of these changes is to make democracy not only essential at political level, but also to extend it to all spheres of public administration, helping to ensure a more equal society and to ensure the distribution of powers.

Trends in public governance, driven by the participation of citizens and other stakeholders, are creating networked structures and require new involvement mechanisms for their engagement. In this context, public sector institutions must ensure professionalization of their management and become more open and flexible [2]. This issue is high on the agendas of academics and expert organisations, seeking to create recommendations how this could (should) be implemented in practice.

In this study, multilevel governance is understood and analysed as it is described in recommendations of Council of Europe: “a cooperative model of governance which may embrace international, supranational, cross-border, national and subnational (regional, intermediate, and local) levels of governance, delivered with participation of the people, civil society, and other organisations and stakeholders” [3] and one of the essential purpose of it is to “ensure coherent, effective and efficient policy- and decision-making, and the exercise of public duties” [3], based on the principles of good democratic governance. So, as M. Saito-Jensen describes, structure of public governance like this is no longer monopolised by the state, opposite it is shared between different actors at multiple levels [4].

When analysing the characteristics of multilevel governance, it is also important that it should be understood not as a strict instruction or tool for states, but like The Committee of the Regions [5] describes it as „a dynamic process with a horizontal and vertical dimension, which does not in any way dilute political responsibility” and it helps to increase joint ownership and implementation of the policies. Main advantages of multilevel governance can be summarized as:

- Provision of opportunities for capacity-building and learning among different levels of government [5].
- Encouragement of local experimentation and innovation in policy design and implementation, fostering diverse approaches to problem-solving and policy development” [5].
- Involvement of citizens at their interest groups contributes to the formation of stronger civil society, builds links and trust between different sectors and shapes democratic governance in countries [6] [7] [8].
- Institutions (government) gain legitimacy of decisions and improve quality of their performance [8].
- Multilevel governance can be evaluated as a democratic opportunity offering alternatives for the parliamentary and representative modes of accountability [9].

But, as in every case, the implementation of multilevel governance requires careful attention to the “small details” of the process to avoid the potential risks in the policy formulation and implementation. Authors states, that worse policy decisions also can be as one of the consequence of citizen participation, if they are too much influenced by opposing, marginal or very narrow interest groups and coordinators of whole process lose control of decision-making. Also, the process of decisions in multilevel governance is (can be) limited by some disadvantages, for example process is time consuming, costly and less budget is left for implementation of actual projects [8].

Failure to take this into account may lead to the negative effects of the multilevel governance approach. For example, analysing citizens control over decisions S. Arnstein [10] points out that in addition negative aspects can be: increased societal fragmentation, reduced effectiveness of decisions, possible opportunistic behaviour of certain groups of individuals towards the disempowered, a lack of professionalism and the inclusion of interest groups, that may only serve as form of manipulation of the power. So, in the multilevel governance certain participatory practices may differ from the conventional understanding of policy, i.e. participation may not be about changing policy itself, but about changing the attitudes of actors, involved in the process [9].

Implementation of multilevel governance in Lithuania is not a new and untested practice. Good examples of multilevel governance implementation can be found in various areas of public policy, such as regional, social, NGO policy formulation and implementation and etc. Also, its added value and practical potential are clearly seen in crisis management or situations requiring commitment and involvement of all state actors, for example support for each other and coproduction activities during Covid-19 pandemic situation, civil protection, actions dealing with the illegal migrant crisis, reception of war refugees and etc.

However, these practices are not analysed in detail, identifying the reasons for success in particular policy areas, which could contribute to the development of general guidelines for its sustainable implementation. Given this context and the literature review, the study aims to present good practices of multilevel governance in Lithuania through the case of youth policy. The case of youth policy was chosen as the best illustration of multilevel governance in Lithuania, because the policy formulation and implementation based to multilevel governance since 1996, when the National Youth Policy Concept [11] was adopted.

Materials and methods

The chosen research methodology is based on the approach that, for a long time, public administration research has been dominated by statistical research methods, but there has been a significant shift from qualitative to quantitative work since around 2007 [12]. The reasons for this change are,

that qualitative research seeks not only to describe the current situation and identify the entities involved in it, but also to explain the interaction between those entities, the factors and causes that affect it.

Qualitative research is often referred to as case study research, which emphasises that the research is based on individual perspective and case-by-case analysis. This type of research approach (also referred to as interpretive research) emphasises the researchers' desire to interpret phenomena in terms of the meanings given to them by the people/cases they study [13]. Like other social science research, case studies always aim to study a single case or cases rather than the whole. Then the researchers' goal is to describe the phenomenon or explain why it exists or occurs. Unlike other methods, case study researchers also examine the context of the phenomenon: the complex set of relationships surrounding it [14], which means that this method is suitable for investigating phenomena, when large variety of relationships are included and their interactions must be identified.

As already mentioned, to present good practices of multilevel governance in Lithuania the case of youth policy formulation and implementation were chosen for analysis. Youth policy is a cross-cutting policy that aims to address the needs of young people across different public policy fields. According to the Agency of Youth Affairs [15] it can be defined as a set of systems and measures aimed at creating the best possible conditions for a young people personal maturity and successful integration into society. This system is based on support structures (socialisation fields) that complement, in a subsidiary way, the efforts of the individual and the family in helping to prepare the young person for an autonomous life (for example friends, schools, universities, communities, NGOs, the youth activity system and etc.). Accordingly to this concept, the case study design consists of:

1. Identification of how the youth policy framework fits into the concept of multi-level governance;
2. Identification of actors operating at different levels of governance and what their interactions are;
3. To illustrate why this particular area is identified as a good example of multilevel governance implementation in practice and what has contributed to its success.

The case study is based on the analysis of legal acts regulating youth policy, the structure of the network of organizations operating in it, and monitoring reports on the implementation of youth policy.

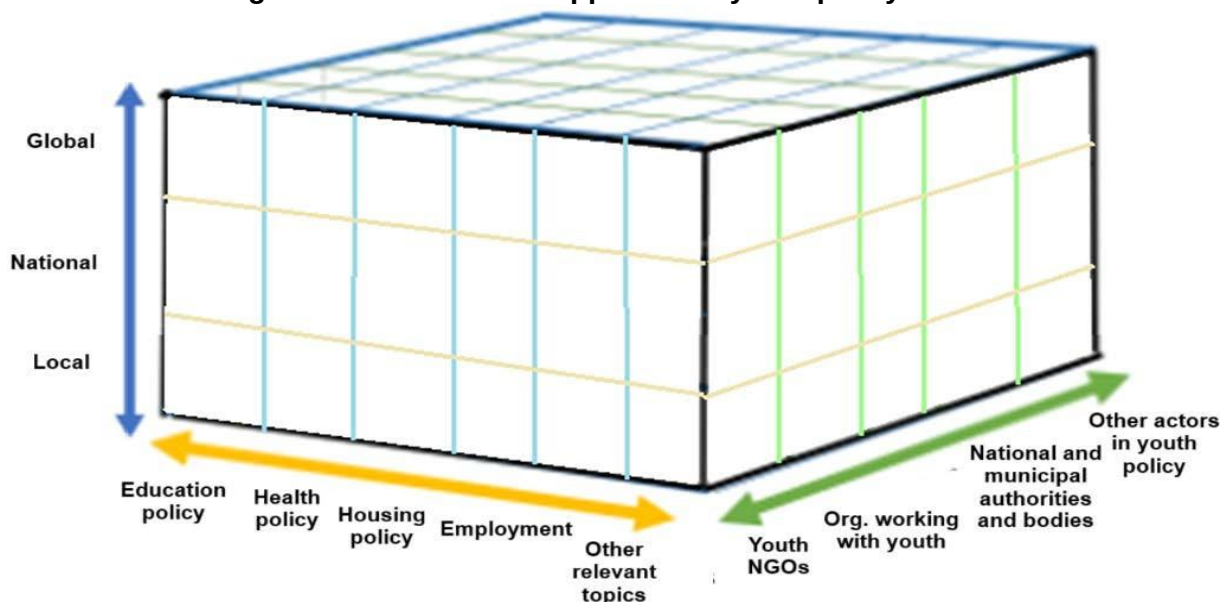
Results

The European Commission White Paper on Youth [16], states that young people face particular socio-economic situations and conditions of the prolonged and more winded transitions to adulthood. They stress the need to put the open coordination method into practice and to promote in all member states solutions of youth problems involving all stakeholders and young people themselves. In accordance with this, EU Youth Strategies [17] are grounded on need to promote active youth citizenship, social inclusion, and solidarity, as well as for the improvement of the situation of young people. Strategies includes wide youth field, indicating eight areas of action: Education and training, Employment and entrepreneurship, Health and well-being, Participation, Voluntary activities, Social inclusion, Youth and the world, Creativity and culture [18]. That means, that “In the EU youth

policy planning documents, youth is defined as a priority from the social perspective, by emphasizing the need to care for them as the future human capital” [19], however, looking from the perspective of multilevel governance it can be stated, that young people should not be analysed as those who are in need of some kind intervention, but as those who, through their participation in the policy, ensure its relevance.

The Law on Youth Policy Framework [20] describes the structure of youth policy formulation and implementation in Lithuania at the national and municipality level, identifies the actors and their interaction and responsibilities. As mentioned before, in this area not only the implementation in a multilevel governance and participatory manner is ensured, but also the horizontal nature of the policy-making process is emphasized. Also, in this process young people should be understood as active part of the civil society, which can be directly involved in solving issues they are concerned with and in the implementation of specific activities and projects [2]. The multidimensionality of this policy is illustrated in Figure 1.

Figure 1. The multilevel approach to youth policy in Lithuania.

Source: created by the authors in accordance with recommendations of Council of Europe [3]

One of the best practices in youth policy is that in addition to all this involvement shown in Figure 1, actors are also empowered by the different structural units created jointly from the public sector institutions, organisations working with youth and the representatives of

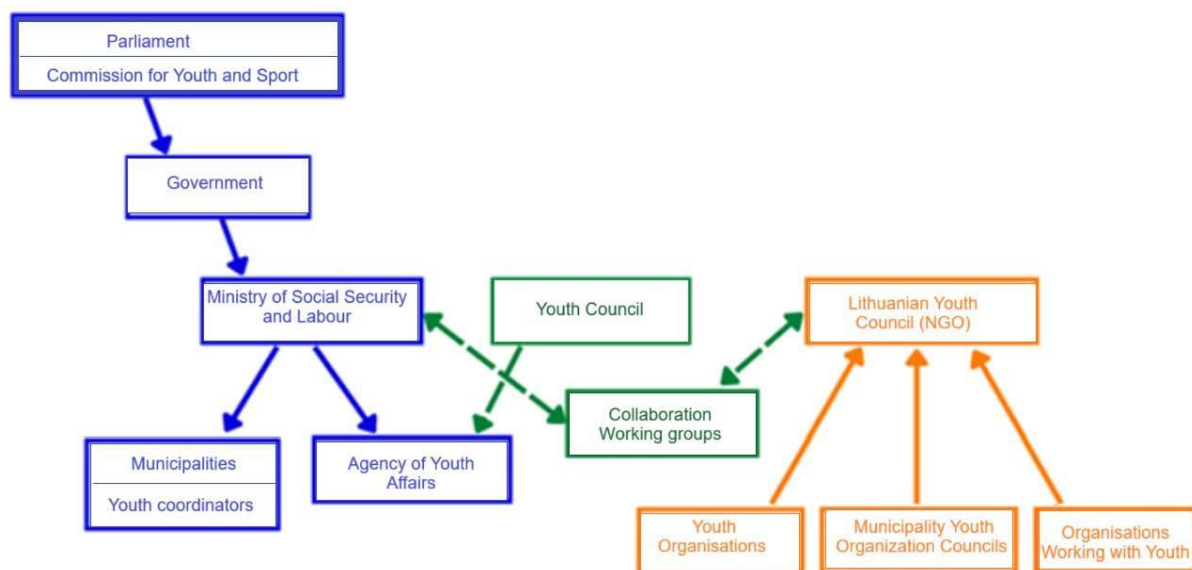
the youth and youth NGOs sector. This is clearly represented in structure of youth policy at national and municipal level (Figure 2 and Figure 3).

Structure of national youth policy in Lithuania (Figure 2) consist of is national

public authorities (entities in blue), youth NGOs (entities in orange) and structures for cooperation between national public

authorities and youth NGOs (entities in green) [21].

Figure 2. Structure of national youth policy in Lithuania

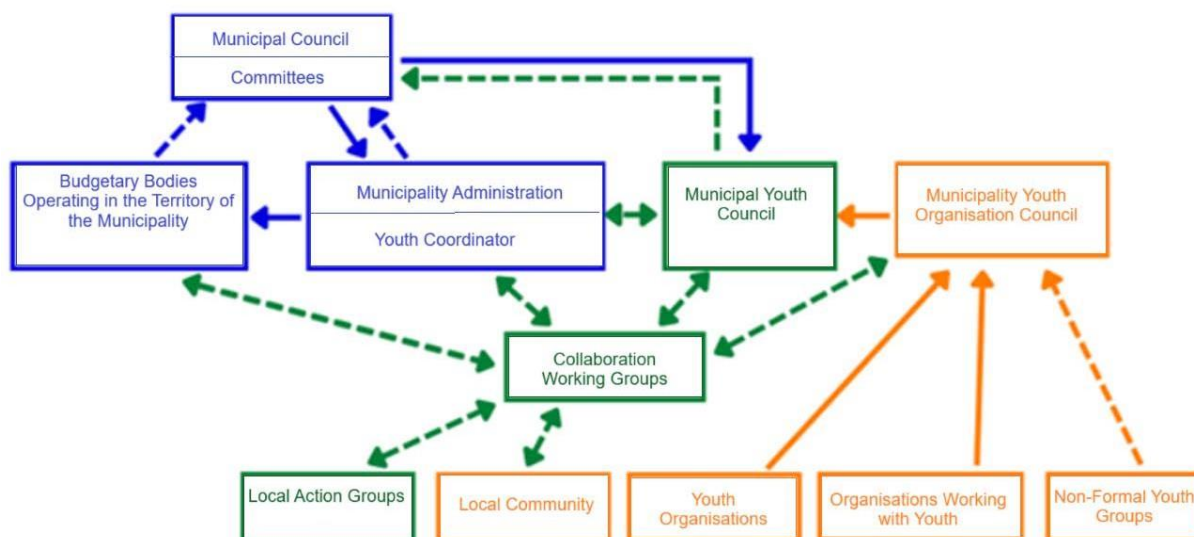

Source: Agency of Youth Affairs, 2024

Structure of regional youth policy in Lithuania (Figure 3) also follows the same logic: entities in blue are municipal authorities; entities in

orange are youth NGOs; entities in green are structures for cooperation between municipal authorities and youth NGOs [22].

Figure 3. Structure of regional youth policy in Lithuania

Source: Agency of Youth Affairs, 2024

So, summarising the figures and the responsibilities of the entities identified in the Law on Youth Policy Framework [20] and Figure 2-3:

- The Ministry of Social Security and Labour formulates youth policy, organizes,

coordinates and monitors its implementation. Youth policy is implemented by the Youth Affairs Agency, an institution authorised by the Government of the Republic of Lithuania.

- The State also has delegated the function of youth policy implementation to

municipal youth coordinators, who, in accordance with the national policy, prepare and implement youth policy programmes in the municipality, analyse the situation of youth, youth organisations and organisations working with youth in the municipality, develop cooperation between municipal institutions and all actors bodies working in the field of youth policy.

- The Lithuanian Youth Council and Municipal youth organisation councils, youth organisations and organisations working with youth shall contribute to the implementation of the youth policy by carrying out their activities.

The real tools for youth empowerment in this framework are not only the involvement of young people, but also formation of units such as Youth councils (at national and municipal levels), which gives a real power of decision making on the setting of youth policy priorities, allocation of funding, youth projects, proposals and legislation on youth-related issues etc. Of course, this requires additional attention from the coordinating institutions and the competences of young people.

Addressing the possible challenges of coordination, transparency and common understanding, youth policy has a specific focus on this. Interaction between different levels of government is ensured in several ways. First of all, in order to ensure the reflection of international strategies in the national agenda, a national working group on youth dialogue has been formed at the national level [23]. It consists of representatives of the Ministry of Social Security and Labour, Youth agency, youth organizations and youth researchers, who ensure not only information about goals of EU Youth Strategies and the administration of related activities, but also directly engage in consultations with young people, promote their participation and dialogue between politicians, young people, etc.

In order to ensure the sustainable

implementation of the youth policy and implementation of national level priorities in the regions, the Methodology for the Evaluation of the Implementation of the Youth Policy was adopted in 2018 [24]. The Methodology sets out the recommended youth policy tasks provision processes for municipalities and the criteria for their achieved results evaluation. These recommendations and evaluation criteria include aspects of youth work implementation, representation of young people interests, their participation and empowerment at the municipal level, etc.

As revealed by the research conducted at the initiative of the Youth Agency [25], the provision of these recommendations has significantly contributed to ensuring targeted and consistent implementation of planned activities at national or international level. Although respondents differently identified significance of recommendations in implementing youth policy, there is common understanding, that these recommendations allowed municipalities to assess which activities should be developed the most and helped different municipalities to understand in which direction they should move forward, to achieve common goals. Another factor contributing to success is that these recommendations often became the annual tasks of the municipal youth affairs coordinator and their implementation was (is) used to evaluate his, as a civil servant, performance. Also, recommendations as an official document helps to ensure to ensure sustainable development of this area and funding, in the absence of political will to initiate or finance activities related to the youth policy.

Analysing the practical implementation of these recommendations in the field of youth empowerment, although it is possible to see positive changes compared to the first assessments, there are some aspects to note (Table 1).

Table 1 - Assessment of youth representation, participation and empowerment promotion at municipalities

	2019	2020	2021	2022	2023
Scoring according to the Methodology (max 4,6)	2,45	2,64	2,72	3,07	3,21
Percentage of implemented recommendations	No data	No data	70,7	72,2	77

Source: Compiled by the author according to the Youth Agency

In 2023, the average score of youth participation, empowerment and representation in municipalities evaluation was 3.21 out of a possible 4.6, compared to 3.07 in 2022. On average, in this area municipalities have implemented 77% of the tasks recommended to them in 2023, compared to 72.2% in 2022. Though these seem to be positive trends (35 municipalities out of 60 have improved their scores), there has not been a significant change in comparison with 2022 because institutions are orientated to maintain current situation rather than to develop this area [26]. Therefore, it is likely that although there are many good practices and high results in different municipalities are demonstrated in this area, it must be remembered that it also depends on the political agenda and whether other actors will be able to influence it.

Discussion and conclusions

As previously stated, changes in public governance, moving from the centralisation of power in institutions towards to the distribution of power and the democratisation of governance in all areas of public policy, are raising new issues for governments, how to implement this, ensuring transparency, accountability and solutions that meet citizens' expectations. In this context, as one of the most actively debated frameworks in practice and academic literature multilevel governance concept should be highlighted. Multilevel governance helps to create the systems essential for capacity building, mutual learning, fostering innovation and making decisions that properly reflect the needs of citizens. However, this approach requires openness and willingness from all actors (including public sector organisations), as well as the readiness to participate actively in these processes (commonly agreed rules of participation and coordination, transparency, human and financial resources, etc.).

Youth policy formulation and implementation in Lithuania is an excellent illustration of multilevel governance, not only because of the youth policy structure itself, which reflects the integration of different levels and actors, but also because of the content of the policy design and implementation, which emphasizes the development of young people's capacities through inclusiveness, joint activities with "adults", and the real possibility for them to have a direct influence on the issues of direct relevance to them.

The success of it is determined by many factors: first, it is an area in which multi-level approach has been established for a relatively long time, compared to other policy areas in Lithuania; second - consistent work to ensure the representation of different interests in youth policy has been carried out, which is/was implemented through the openness of the process, the creation of formal structure, clear determination of the process and conditions for participation; third – clear links between different levels of management and monitoring of policy implementation results is ensured.

However, despite all the advantages and examples of good practices presented, this does not mean that developing multilevel governance in all areas in Lithuania (or other countries) it is necessary to create new mechanisms for their involvement, special tools, etc. The most important thing is to use the already existing structure to focus on encouragement of the cross-sectoral cooperation and the formation of social capital based on trust.

References

1. Blühdorn I., Butzlaff F. Democratization beyond the post-democratic turn: towards a research agenda on new conceptions of citizen participation [Text] / I. Blühdorn [et al.] // Democratization. -2020. - № 27(3). P. 369-388.
2. Šilalienė, I., Šukvietienė, A. Jaunimo įgalinimo Lietuvos savivaldybėse analizė [Text] / I. Šilalienė [et al.] // Socialiniai Tyrimai.- 2023.- № 46(1). – P. 53-67. (<https://doi-org.skaitykla.mruni.eu/10.15388/Soctyr.2022.46.1.3>)
3. Council of Europe, European Committee on Democracy and Governance (CDDG) // Report on Multilevel Governance. Adopted by the CDDG at its 18th plenary meeting – Strasbourg. - 2023.- (<https://rm.coe.int/report-on-multilevel-governance-final-2768-6653-0568-v-1/1680ad9120>).
4. Saito-Jensen, M. Multilevel Governance Theory [Text] / M. Saito-Jensen // Theories and Methods for the Study of Multilevel Environmental Governance. – Center for International Forestry Research. - 2015. - P. 2–6. - (<http://www.jstor.org/stable/resrep02152.5>).
5. The Committee of the Regions // White paper on multilevel governance 2009/C 211/01. - 2009. - (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52009IR0089>).
6. Hooghe, L., Marks, G. A Multilevel governance and the coordination dilemma [Text] / A. Benz, J.Broschek, M. Lederer (Eds.) // Research Agenda for Multilevel Governance. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. – 2021. – (<https://doi.org/10.4337/9781789908374.00008>).
7. Kövér, Á. The Relationship between Government and Civil Society in the Era of COVID-19 [Text] / A. Kövér // Nonprofit Policy Forum, - 2021. - № 12(1). P. 1-24. – (<https://doi.org/10.1515/npf-2021-0007>).
8. Irvin, R. A., Stansbury, J. Citizen Participation in Decision Making: Is It Worth the Effort? [Text] / R.A. Irvin [et al.] // Public Administration Review. - 2004. - № 64(1), P. 55–65. – (<https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2004.00346.x>).
9. Nousiainen, M., Mäkinen, K. Multilevel Governance and Participation: Interpreting Democracy in EU-programmes [Text] / M. Nousiainen [et al.] // European Politics & Society. - (2015). - №16(2). – P. 208–223. – (<https://doi-org.skaitykla.mruni.eu/10.1080/23745118.2014.986970>).
10. Arnstein, S. A ladder of citizen participation [Text] / S.A. Arnstein // Journal of the American Planning Association. - 1969. - № 35(4). – P. 216–224.
11. National Youth Policy Concept approved by Seimas of the Republic of Lithuania. - 1996. – (<https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.29491/YEHOWdlxst>).
12. McDonald, B. D., Hall, J. L., O'Flynn, J., van Thiel, S. McDonald. The future of public administration research: An editor's perspective [Text] / B. D. McDonald [et al.] // Public Administration. - 2022. № 100(1). – P. 59-71. – (<https://doi.org/10.1111/padm.12829>).
13. Kardelis, K. Mokslinių tyrimų metodologija ir metodai: edukologija ir kiti socialiniai mokslai. 5-iasis leid. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras. - 2016. – P. 487.
14. Schultz, D. Encyclopedia of Public Administration & Public Policy [Text] / D. Schultz (Eds.). –United States of America: New York. - 2004. - P. 512.
15. Jaunimo reikalų departamentas prie Socialinės apsaugos ir darbo ministerijos [text] // Jaunimo politika Lietuvoje. Vilnius: Baltijos kopija. - 2010.
16. European Commission // White Paper on Youth. – 2001. – (<https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/white-paper-on-youth.html>).
17. European Council // Resolution on The European Youth Strategy 2019-2027. – 2019.- (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2018:456:FULL>)
18. Krzaklewska, E., Martelli, A., Pitti, I. NextGenerationEU as a (more) youth-friendly Europe? [Text] /E. Krzaklewska [et al.] // International Review of Sociology. -2023. - № 33(1). – P. 65–79.- (<https://doi-org.skaitykla.mruni.eu/10.1080/03906701.2023.2187831>).
19. Ostrovska, N., Kravale-Paulina, M., Olehnovica, E., Ivanova, A., Šipilova, V. Youth Policy Monitoring as a Tool for Developing Social Sustainability in Local Municipality [Text] / N. Ostrovska [et al.] // Problems of Education in the 21st Century. - 2018. - № 76(3). - P. 350– 363.
20. Republic of Lithuania Law on Youth Policy Framework. – (<https://e->

seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/8f6d12f0d4ec11e782d4fd2c44cc67af?jfwid=pflfepwxr).

21. Jaunimo reikalų agentūra // Jaunimo politika nacionaliniu lygmeniu. - 2024. – (https://jra.lt/dirbantiems/suzinok-daugiau/jaunimo-politika/jaunimo-politika-nacionaliniu-lygmeniu).

22. Jaunimo reikalų agentūra // Jaunimo politika savivaldybėse. – 2024. – (https://jra.lt/dirbantiems/suzinok-daugiau/jaunimo-politika/jaunimo-politika-savivaldybese)

23. Jaunimo reikalų agentūra // Europos jaunimo dialogo nacionalinė darbo grupė. - 2024. - (https://jra.lt/dirbantiems/suzinok-daugiau/tarpzinybinis-ir-tarpsektorinis-bendradarbiavimas/partneriai-ir-irankiai/europos-jaunimo-dialogo-nacionaline-darbo-grupe).

24. Jaunimo reikalų departamento prie Socialinės apsaugos ir darbo ministerijos direktoriaus 2021 m. kovo 18 d. įsakymas Nr. 2V-47(1.4) „Dėl Jaunimo politikos įgyvendinimo vertinimo metodikos patvirtinimo”

25. Jaunimo reikalų agentūra // Jaunimo reikalų agentūros savivaldybėms teikiamų rekomendacijų įtakos regioninės jaunimo politikos įgyvendinimui vertinimas. – 2022. – (https://jra.lt/uploads/rekomendaciju-jrk-veiksmingumo-vertinimo-tyrimo-galutine-ataskaita.pdf)

26. Jaunimo reikalų agentūra // Jaunimo politikos įgyvendinimo apžvalga 2023. Vilnius. – 2024. – (https://jra.lt/dirbantiems/suzinok-daugiau/jaunimo-politika/jaunimo-politika-savivaldybese/jaunimo-politikos-igyvendinimas-savivaldybese).

ОБЗОР КОНЦЕПЦИИ МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ЛИТВЕ

*Vainius SMALSKYS**, профессор Университета Миколаса Ромериса, факультет государственного управления и бизнеса, Институт государственного управления, Вильнюс, Литва, vainius@mrui.eu, ORCID: 0000-0002-2980-792X

Andrius STASIUKYNAS, профессор Университета Миколаса Ромериса, факультет государственного управления и бизнеса, Институт государственного управления, директор Института государственного управления, Вильнюс, Литва, ORCID: 0000-0002-2937-241X

Aušra ŠUKVIETIENĖ, Доцент Университета Миколаса Ромериса, факультет государственного управления и бизнеса, Институт государственного управления, Вильнюс, Литва, ausra.sukvietiene@mrui.eu, ORCID: 0000-0002-3576-7346

КӨП ДЕҢГЕЙЛІ БАСҚАРУ ТҰЖЫРЫМДАМАСЫНА ШОЛУ: ЛИТВАДА ЖАСТАР САЯСАТЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУ МЕН ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДЫҢ (ЖАҒДАЙЛЫҚ) ЗЕРТТЕУІ

*Vainius SMALSKYS**, Миколаса Ромерис Университетінің профессоры, Мемлекеттік басқару және бизнес факультеті, Мемлекеттік басқару институты, Вильнюс, Литва, vainius@mrui.eu, ORCID: 0000-0002-2980-792X

Andrius STASIUKYNAS, Миколаса Ромерис Университетінің профессоры, Мемлекеттік басқару және бизнес Факультеті, Мемлекеттік басқару институты, Мемлекеттік басқару институтының директоры, Вильнюс, Литва, ORCID: 0000-0002-2937-241X

Aušra ŠUKVIETIENĖ, Миколаса Ромерис Университетінің доценті, Мемлекеттік Басқару Және Бизнес Факультеті, Мемлекеттік Басқару Институты, Вильнюс, Литва, ausra.sukvietiene@mrui.eu, ORCID: 0000-0002-3576-7346

A Comparative Analysis of Kazakhstan and Uzbekistan Cultural Diplomacy Strategies on the New Silk Road

Asset KAPAIN *	докторант PhD, КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, факультет международных отношений, Aset.kapain@mail.ru , ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-2237-9860
Almagul KULBAYEVA	PhD in History, senior lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, of the Faculty of International Relations, kulbaevaa700@gmail.com , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7888-0867
Saniyam MANAPOVA	Master of Political sciences, Senior Teacher, K.I. Satbayev Kazakh National Research Technical University, Almaty, Kazakhstan, s.manapova@satbayev.university , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0618-6841
Saltanat Shimayeva	Master of History, Teacher, K.I. Satbayev Kazakh National Research Technical University, Almaty, Kazakhstan, s.shimayeva@satbayev.university , ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-3980-2561

Manuscript received: 10/06/2024

Revised: 28/10/2024

Accepted: 05/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1267

UDC 32.327

CICSTI 11.25.67

Abstract. The Silk Road, a network of ancient trade routes stretching from China to the Mediterranean, was not just about commerce and goods. It served as a vibrant conduit for cultural exchange, fostering the intermingling of languages, traditions, and artistic expressions between diverse civilizations. Today, the spirit of the Silk Road is being revived in the form of the "New Silk Road," a Chinese-led initiative aimed at economic and infrastructural development across Asia. The revitalization of the Silk Road through China's Belt and Road Initiative (BRI) presents a unique opportunity for Central Asian nations, Kazakhstan and Uzbekistan, to leverage their rich cultural heritage for international engagement and economic development. This paper analyzes and compares the cultural diplomacy strategies employed by both countries on the New Silk Road, highlighting their distinct approaches and effectiveness in achieving their goals.

Keywords: Cultural diplomacy, New Silk Road, Kazakhstan, Uzbekistan, Belt and Road Initiative, soft power, tourism, regional cooperation.

Аңдатпа. Қытайдан Жерорта теңізіне дейін созылған ежелгі сауда жолдарының желісі болып табылатын Жібек жолы тек сауда мен тауарларды қамтыған жоқ. Ол әртүрлі өркениеттер арасындағы тілдердің, дәстүрлердің және көркем өнердің араласуына ықпал етіп, мәдени алмасудың белсенді арнасы болды. Бүгінгі таңда Жібек жолының рухы бүкіл Азиядағы экономикалық және инфрақұрылымдық дамуға бағытталған Қытай бастаған бастама «Жаңа Жібек жолы» түрінде қайта жаңғыруда. Қытайдың «Бір белдеу, бір жол» бастамасы арқылы Жібек жолын жандандыру Орталық Азия елдері, Қазақстан мен Өзбекстан үшін өздерінің бай мәдени мұрасын халықаралық байланыс пен экономикалық даму үшін пайдаланудың бірегей мүмкіндігін береді. Бұл мақалада Жаңа Жібек жолында екі ел қолданатын мәдени дипломатия стратегиялары талданып, салыстырылады, олардың мақсаттарына жетудегі ерекше тәсілдері мен тиімділігі көрсетіледі.

Түйін сөздер: Мәдени дипломатия, Жаңа Жібек жолы, Қазақстан, Өзбекстан, Белдеу және жол бастамасы, жұмсақ күш, туризм, аймақтық ынтымақтастық.

Аннотация. Шелковый путь, сеть древних торговых путей, простирающихся от Китая до Средиземноморья, был связан не только с торговлей и товарами. Он служил ярким каналом культурного обмена, способствуя смешению языков, традиций и художественных форм между различными цивилизациями. Сегодня дух Шелкового пути возрождается в форме «Нового Шелкового пути» — инициативы под руководством Китая, направленной на экономическое и инфраструктурное развитие по всей Азии. Возрождение Шелкового пути посредством китайской инициативы предоставляет уникальную возможность для стран Центральной Азии, Казахстана и Узбекистана, использовать свое богатое культурное наследие для международного взаимодействия и экономического развития. В данной статье анализируются и сравниваются стратегии культурной дипломатии, используемые обеими

*Corresponding author: A.Kapain, Aset.kapain@mail.ru.

странами на Новом Шелковом пути, подчеркиваются их различные подходы и эффективность в достижении своих целей.

Ключевые слова: Культурная дипломатия, Новый Шелковый путь, Казахстан, Узбекистан, инициатива «Одного пояса и пути», мягкая сила, туризм, региональное сотрудничество.

Introduction

The resurgence of the Silk Road through China's Belt and Road Initiative (BRI) has significantly influenced the cultural diplomacy strategies of Central Asian countries, notably Kazakhstan and Uzbekistan. Both nations have recognized the strategic importance of leveraging their rich cultural heritages to enhance their regional and global influence. Cultural diplomacy has emerged as a vital tool for these countries to foster international partnerships, enhance cultural exchanges, and promote national identity.

Kazakhstan's approach to cultural diplomacy is characterized by its integration with economic and geopolitical strategies, aiming to project a modern and dynamic cultural identity. This includes hosting international cultural events, fostering educational exchanges, and investing in media outreach to promote its culture globally. Kazakhstan's efforts are designed to position the country as a cultural and educational hub in Central Asia, thereby enhancing its soft power.

Uzbekistan has also prioritized cultural diplomacy, focusing on the global promotion of its historical and cultural heritage. High-profile international exhibitions, regional integration initiatives, and cultural cooperation with China are central to Uzbekistan's strategy. By easing visa restrictions and improving regional connectivity, Uzbekistan aims to strengthen its role as a cultural and economic hub, fostering greater people-to-people contact and economic cooperation.

This comparative analysis of Kazakh and Uzbek cultural diplomacy strategies highlights their distinct approaches and shared goals in leveraging the New Silk Road to enhance their cultural and geopolitical influence. Both nations contribute to the broader objectives of the BRI by promoting cultural exchange and regional integration, thereby fostering a more interconnected and culturally enriched Central Asia.

Literature review

The comparative analysis of Kazakh and Uzbek cultural diplomacy strategies on the New Silk Road reveals distinct approaches

and objectives in their cultural and diplomatic engagements. Uzbekistan and Kazakhstan have both leveraged cultural diplomacy to enhance their influence and foster cooperation in the region. Shukhrat Kamilov's study highlights the bilateral and multilateral cooperation between Uzbekistan and Kazakhstan, emphasizing their transition from strategic partnership to allied levels, impacting economic, industrial, parliamentary, and cultural spheres [1]. A. Masalimova and G. Naizabayeva's article discusses the role of soft power and cultural diplomacy in Kazakhstan's engagement with the New Silk Road, emphasizing the exchange of cultural and political values [2]. D. Sayfullayev's analysis focuses on Uzbekistan's cultural diplomacy within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), highlighting its strategic use of multilateral cultural diplomacy [3]. Věra Exnerová's book chapter explores China's Silk Road public diplomacy and its impact on Central Asian countries, using Kazakhstan and Uzbekistan as key examples [4]. Kurmanaliyeva, Aljanova, & Manassova highlight the modernization of historical sites like Otrar in Kazakhstan as part of the "Revival of the Great Silk Road" project. This initiative not only preserves cultural heritage but also promotes Kazakhstan's national identity by linking its historical significance to contemporary cultural diplomacy efforts [5]. Atadjanova examines how Uzbekistan leverages its rich historical and cultural heritage, such as the cities of Samarkand, Bukhara, and Khiva, to attract international tourists and promote cultural exchange. These efforts are integral to Uzbekistan's strategy to boost economic growth through tourism [6].

Kassenova provides an overview of Kazakhstan's "Nurly Zhol" program and its alignment with China's Silk Road Economic Belt. This strategic partnership aims to enhance infrastructure development and economic collaboration, positioning Kazakhstan as a vital player in the Silk Road revival [7]. Taisarinova, Loprencipe, & Junussova analyze the transformation of the West Europe-West China (WE-WC) transport corridor from a transport route to an economic corridor, emphasizing its impact on regional

development and economic potential in Kazakhstan [8].

Efforts to preserve and restore historical sites along the Silk Road are crucial for maintaining cultural heritage and promoting tourism. Fodde details the UNESCO project for the preservation and restoration of the ancient city of Otrar, Kazakhstan. This project involves documenting, authenticating, and repairing historical structures, contributing to the sustainable development of cultural heritage sites [9]. Zhylankozova discusses the significance of the Silk Road in contemporary historical research, emphasizing its role in cultural, scientific, and diplomatic relations [10]. The revival of the Silk Road serves to enhance the political, economic, and cultural systems of the countries involved. Liwei & Bo highlight joint cultural and humanitarian projects between Uzbekistan and China, which facilitate mutual understanding and cooperation within the Belt and Road Initiative framework [11]. The literature review demonstrates that Kazakhstan and Uzbekistan have effectively utilized their cultural and historical assets to revive the Silk Road, attracting international investment and fostering greater integration with global economic systems. Through cultural diplomacy, tourism development, economic collaboration, and heritage preservation, both countries continue to play vital roles in this historic initiative.

Methodology

The methods used in this article on cultural diplomacy strategies implemented by Kazakhstan and Uzbekistan on the New Silk Road involved comprehensive research and data collection from various sources, including governmental reports, academic publications, industry analyses, and news articles. Combining various data sources and analytical methods strengthened the validity and reliability of the findings. Cross-referencing information from different sources enhanced the accuracy of data interpretation. Recognizing potential biases in source materials and maintaining a critical perspective throughout the analysis ensured objectivity. By employing a multi-method approach with careful consideration of potential biases, this analysis strives to provide a nuanced and accurate understanding of the distinct cultural

diplomacy strategies in Kazakhstan and Uzbekistan on the New Silk Road.

By employing those methodological approaches, a detailed and balanced comparative analysis of Kazakh and Uzbek cultural diplomacy strategies on the New Silk Road was achieved. This framework not only highlights the distinct methods and objectives of each country but also provides insights into their contributions to regional integration and cultural enrichment.

Discussion

Cultural Diplomacy

Kazakhstan and Uzbekistan have strategically utilized cultural diplomacy to enhance their international profiles and foster regional cooperation.

The modernization of historical sites such as Otrar not only preserves the nation's rich cultural heritage but also serves as a vehicle for cultural diplomacy. By highlighting these sites, Kazakhstan can attract international scholars, tourists, and investors who are interested in its historical and cultural significance. These efforts also strengthen Kazakhstan's cultural ties with other Silk Road nations, reinforcing its role as a central player in regional diplomacy [5].

Through comprehensive cultural and humanitarian exchanges, Uzbekistan has positioned itself as a key cultural hub in Central Asia. Initiatives such as cultural festivals, educational exchanges, and joint archaeological projects with Kazakhstan and other countries enhance mutual understanding and promote cultural dialogue. These efforts are crucial in building a cohesive regional identity that aligns with the historical legacy of the Silk Road [1].

Tourism Development

Tourism has emerged as a significant sector for economic development and cultural exchange in both countries.

Major infrastructure projects, such as the West Europe-West China Highway and the Khorgos-Eastern Gate, are critical in enhancing Kazakhstan's tourism appeal. These projects improve accessibility and connectivity, making it easier for tourists to visit historical sites and cultural landmarks. Furthermore, the integration of modern amenities with historical attractions ensures a comprehensive tourist experience that caters to diverse interests [12].

By focusing on the preservation and promotion of historical cities like Samarkand, Bukhara, and Khiva, Uzbekistan leverages its rich cultural heritage to attract tourists. The development of tourism infrastructure, coupled with strategic marketing campaigns, has positioned these cities as prime destinations for cultural tourism. This not only boosts the local economy but also facilitates cultural exchanges, reinforcing Uzbekistan's cultural diplomacy efforts [6].

Economic Integration

Both countries have aligned their national strategies with China's Belt and Road Initiative (BRI) to enhance economic integration and regional connectivity. The "Nurly Zhol" program's alignment with the Silk Road Economic Belt demonstrates Kazakhstan's commitment to regional development through infrastructure investment. This partnership facilitates the construction of critical transportation networks, which enhance trade and economic ties within the region. The collaboration also attracts foreign investment, promoting economic growth and diversification [7]. Joint projects within the BRI framework highlight Uzbekistan's strategic role in regional economic integration. These projects include infrastructure development, industrial cooperation, and trade facilitation, which collectively boost Uzbekistan's economic prospects and its integration into the global economy. By participating in the BRI, Uzbekistan also gains access to new markets and investment opportunities [8].

Heritage Preservation

Preserving and restoring historical sites is crucial for maintaining cultural identity and promoting tourism.

Efforts to restore sites like Otrar, supported by UNESCO, reflect a commitment to preserving Kazakhstan's historical and cultural heritage. These projects not only safeguard cultural assets but also enhance the country's appeal to cultural tourists. Heritage preservation is integral to Kazakhstan's strategy to leverage its historical significance in the Silk Road narrative [9].

The promotion and preservation of historical sites are central to Uzbekistan's tourism strategy. Initiatives to maintain and restore cultural landmarks ensure that these sites remain attractive to visitors while preserving their historical integrity. This approach not only supports tourism but also

reinforces the cultural identity of the nation [10].

Kazakhstan and Uzbekistan's collaborative efforts are essential for the success of regional initiatives along the Silk Road. Both of them joint cultural and economic initiatives, such as collaborative tourism projects and regional trade agreements, enhance mutual understanding and economic ties. These efforts are supported by international frameworks like the Belt and Road Initiative, which provide a platform for coordinated action and mutual benefit. Regional cooperation is critical for creating a stable and prosperous Silk Road region [11, 13].

Results

Kazakhstan has strategically aligned its domestic infrastructure development program, "Nurly Zhol" (Bright Path), with China's Silk Road Economic Belt (SREB) under the Belt and Road Initiative (BRI). This integration aims to enhance infrastructure development and economic collaboration, fostering greater connectivity and cooperation between the two nations [14].

Kazakhstan's "Nurly Zhol" program has been integrated with the SREB, focusing on developing infrastructure and enhancing economic ties. This alignment is evident from various agreements and projects aimed at improving transportation, logistics, and trade routes [15].

The collaboration between Kazakhstan and China under the BRI and "Nurly Zhol" has led to significant infrastructure projects. These include the construction of railways, highways, and logistics hubs, such as the Khorgos-Eastern Gate, which is a key multimodal logistical hub connecting the two countries [7].

The West Europe-West China Highway, another major project, enhances Kazakhstan's role as a transit corridor between Europe and Asia, further integrating its infrastructure with the SREB [16].

The alignment of "Nurly Zhol" with the SREB promotes economic modernization and industrial development in Kazakhstan. It includes initiatives to enhance energy security, joint industrial production, and the establishment of a regional financial center in Kazakhstan [14].

The economic cooperation extends to various sectors, including energy,

transportation, and finance, with significant Chinese investments in these areas [17].

Despite the benefits, the integration faces challenges such as social unrest due to lack of transparency and concerns over long-term benefits. Additionally, geopolitical tensions and the securitization of ethnic minorities in Xinjiang have impacted popular perceptions of China in Kazakhstan [18].

The integration of Kazakhstan's "Nurly Zhol" program with China's Silk Road Economic Belt under the BRI highlights a significant strategic partnership aimed at enhancing infrastructure development and economic collaboration. This alignment promises to bolster Kazakhstan's role as a key transit hub and promote regional connectivity and development. Efforts to modernize and restore historical sites along the Silk Road, such as the city of Otrar, highlight Kazakhstan's commitment to preserving its cultural heritage and promoting it as a part of its national identity [5]. Kazakhstan has undertaken significant efforts to modernize and restore historical sites along the Silk Road, such as the ancient city of Otrar. These efforts are part of a broader initiative to preserve cultural heritage and promote national identity.

The UNESCO project for the Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar involved various conservation activities. These included documenting deterioration, authenticating surviving structures, and repairing buildings using specially developed earth-based repair mortar. The project also focused on documentation, training, promotional activities, and preparing a master plan [9].

Otrar, a medieval complex along the Great Silk Road, is integral to Kazakhstan's cultural heritage. Efforts have been made to integrate archaeological sites like Otrar into the Silk Route narrative, promoting tourism and creating a sense of national pride. This approach supports sustainable development and the creation of a citizenry that values its cultural and historical resources [19].

The city of Otrar, historically known as Fārāb, played a crucial role in the cultural and intellectual history of the region. It was the birthplace of the renowned philosopher and scientist Al-Farabi, who bridged Eastern and Western philosophical traditions. The modernization and preservation of Otrar highlight Kazakhstan's efforts to leverage its

historical and cultural sites for national identity and heritage promotion [5].

Ongoing archaeological excavations in Otrar aim to uncover and preserve its historical layers. These excavations help understand the city's role in the Kazakh Khanate and its significance in medieval times. The discoveries contribute to a deeper appreciation of Kazakhstan's rich cultural heritage and historical continuity [5].

The preservation and modernization efforts in Otrar underscore Kazakhstan's commitment to protecting its cultural heritage and promoting it as a part of its national identity.

These initiatives enhance the country's historical narrative and contribute to sustainable cultural and tourism development.

Uzbekistan has developed a strategic partnership with Kazakhstan, focusing on cultural and humanitarian exchanges to strengthen bilateral relations. This includes cooperative projects in economic, industrial, and parliamentary sectors [1].

Uzbekistan and Kazakhstan have developed a strategic partnership focusing on economic, industrial, and cultural cooperation. This partnership aims to strengthen bilateral relations through a range of collaborative projects and initiatives.

Economic cooperation between Uzbekistan and Kazakhstan has been pivotal in enhancing regional relations in Central Asia. Key areas include tourism, business forums, and bilateral trade, which are growing rapidly. The partnership also emphasizes the importance of economic collaboration in strengthening regional integration [20].

The public-private partnership projects in both countries highlight significant economic interactions, particularly in sectors like housing, communal services, and agriculture. Kazakhstan leads with substantial investments in these partnerships, reflecting robust economic ties [21].

Industrial cooperation between Uzbekistan and Kazakhstan includes joint ventures and projects aimed at boosting industrial production and technological exchange. These collaborations help in modernizing industries and fostering economic growth in both countries [22].

Both countries have engaged in extensive trade and infrastructure projects under various regional initiatives, enhancing their industrial capabilities and economic integration (Mengkewuliji, 2021).

Cultural cooperation plays a crucial role in strengthening the ties between Uzbekistan and Kazakhstan. Various cultural centers and events have been established to promote mutual understanding and cultural exchange. These initiatives include joint cultural programs, festivals, and educational exchanges, fostering a deeper cultural connection between the two nations [1].

Humanitarian efforts are also a significant aspect of this cooperation, with both countries working together to address regional challenges and improve the welfare of their populations through collaborative projects in education, healthcare, and social services.

The strategic partnership between Uzbekistan and Kazakhstan, encompassing economic, industrial, and cultural cooperation, significantly strengthens bilateral relations and promotes regional stability and development. Through collaborative projects and mutual exchanges, both nations enhance their economic growth and cultural ties, contributing to a more integrated and prosperous Central Asia.

Uzbekistan emphasizes the development of tourism as a means of cultural diplomacy. By leveraging its historical and cultural heritage, it aims to attract international tourists and promote cultural exchange [6].

Uzbekistan boasts over seven thousand objects of material and cultural heritage from various eras and civilizations. Key historical centers such as Bukhara, Khiva, Samarkand, and Shahrisabz are listed as UNESCO World Heritage sites. These renowned historical monuments, along with the unique national cuisine and hospitality, position Uzbekistan as a prime tourist destination in Central Asia [23].

The development of tourism is seen as a strategic sector of Uzbekistan's national economy, contributing to job creation, economic diversification, and regional development. Tourism reforms aim to address key social and economic issues by promoting Uzbekistan's cultural and historical attractions [24].

The government's focus includes enhancing the infrastructure and marketing strategies to attract tourists, promoting religious and cultural tourism, and ensuring sustainable tourism development [25].

By promoting tourism, Uzbekistan fosters cultural exchange and strengthens diplomatic relations. The historical significance of the Silk Road and its impact on the cultural

and economic interactions between East and West are central themes in Uzbekistan's tourism narrative. This approach not only boosts tourism but also enhances Uzbekistan's cultural diplomacy efforts [26].

Efforts to modernize and preserve historical sites are part of a broader strategy to make these attractions accessible and appealing to international tourists, thereby promoting a positive image of Uzbekistan on the global stage [27].

Initiatives to develop youth tourism and museum tourism highlight the role of tourism in cultural education and heritage preservation. Youth tourism fosters national pride and intercultural respect among young people, while museum tourism showcases Uzbekistan's rich cultural and historical assets to a global audience [28].

Uzbekistan's emphasis on developing tourism through leveraging its historical and cultural heritage serves as a powerful tool for cultural diplomacy. By attracting international tourists and fostering cultural exchange, Uzbekistan not only boosts its economy but also strengthens its international relationships and cultural presence.

Common Strategies:

Both countries utilize cultural diplomacy to enhance their international standing and foster regional cooperation. They engage in people-to-people exchanges and cultural projects to build mutual trust and understanding among Silk Road nations [4].

Kazakhstan and Uzbekistan both employ cultural diplomacy to enhance their international standing and foster regional cooperation. They engage in people-to-people exchanges and cultural projects to build mutual trust and understanding among Silk Road nations.

Uzbekistan and Kazakhstan have developed comprehensive cultural and humanitarian exchanges that promote mutual understanding and strengthen bilateral relations. These exchanges include various cultural and educational programs, collaborative projects, and institutional partnerships that foster closer ties between the two nations [1].

Participation in youth exchanges within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has been significant for both countries. These exchanges facilitate grassroots-level communication and cooperation, playing a vital role in fostering

regional stability and mutual understanding [29].

Both Kazakhstan and Uzbekistan engage in various cultural projects that highlight their historical and cultural heritage. These projects include joint cultural festivals, exhibitions, and collaborative efforts to preserve and promote cultural sites along the Silk Road. Such initiatives not only preserve cultural heritage but also attract international attention and tourism [30].

Cooperation in the field of tourism between the two countries underscores the role of cultural and historical heritage in fostering regional ties. Joint tourism initiatives highlight the rich cultural landscapes of Central Asia, drawing international tourists and promoting cultural exchange [6].

Cultural diplomacy between Uzbekistan and Kazakhstan extends to multilateral platforms such as the SCO and other regional organizations. This cooperation includes cultural programs, educational

exchanges, and joint efforts in cultural preservation, which help strengthen diplomatic and cultural ties across the region [4].

The collaboration between these nations also involves cultural diplomacy initiatives with other countries, enhancing their global cultural footprint and fostering broader international cooperation.

Kazakhstan and Uzbekistan effectively utilize cultural diplomacy to enhance their international standing and foster regional cooperation. Through people-to-people exchanges and cultural projects, they build mutual trust and understanding among Silk Road nations, promoting regional stability and cultural enrichment.

Both Kazakhstan and Uzbekistan have been pivotal in the Silk Road's revival, using their cultural and historical assets to draw attention and investment, thus facilitating greater integration with global economic systems, we can see in the table 1.

Table 1 - Kazakhstan and Uzbekistan's Role in the New Silk Road Revival

Aspects	Kazakhstan	Uzbekistan
Cultural Diplomacy	Modernization of historical sites like Otrar; cultural exchanges with Uzbekistan	Comprehensive cultural and humanitarian exchanges with Kazakhstan
Tourism Development	Projects like West Europe-West China Highway and Khorgos-Eastern Gate to boost tourism	Leveraging historical cities like Samarkand, Bukhara, and Khiva to attract tourists
Economic Integration	Alignment of 'Nurly Zhol' program with China's Silk Road Economic Belt	Joint cultural and humanitarian projects within Belt and Road Initiative framework
Heritage Preservation	UNESCO projects and national efforts to restore and preserve historical sites	Promotion of historical sites for tourism and cultural exchange
Joint Efforts and Regional Cooperation	Collaboration on cultural and economic initiatives with Uzbekistan and other Silk Road countries	Participation in regional tourism and cultural projects, cooperation with China and other nations

Note – from the sources [1, 4, 6,30-]

Kazakhstan and Uzbekistan have undertaken various initiatives to revive the Silk Road by leveraging their cultural and historical assets. Their efforts in cultural diplomacy, tourism development, economic integration,

heritage preservation, and regional cooperation play crucial roles in attracting international attention and investment, facilitating greater integration with global economic systems.

Recommendations

Kazakhstan and Uzbekistan should continue to develop joint cultural programs and festivals that showcase their shared heritage and attract international attention. These programs can serve as platforms for

cultural exchange and promote mutual understanding among Silk Road nations.

Increase the number of educational exchange programs between Kazakhstan, Uzbekistan, and other Silk Road countries to

foster intercultural dialogue and build long-term relationships among younger generations.

Both countries should collaborate on integrated tourism projects that enhance the visitor experience across the Silk Road. This includes developing thematic travel routes, improving transportation links, and creating unified marketing strategies to promote the Silk Road as a premier tourist destination.

Emphasize sustainable tourism practices to preserve cultural and historical sites. Implement guidelines that ensure the conservation of these sites while allowing for economic benefits through tourism.

Encourage public-private partnerships to attract investment in infrastructure projects such as roads, railways, and logistics hubs. These partnerships can help leverage private sector expertise and funding to complement government efforts.

Strengthen regional trade agreements to facilitate smoother trade flows and economic integration along the Silk Road. This includes reducing trade barriers, standardizing regulations, and promoting cross-border economic activities.

Continue investing in the restoration and preservation of historical sites. These efforts should be supported by international organizations and involve local communities to ensure the sustainability and authenticity of the conservation work.

Develop digital platforms that document and promote the historical and cultural heritage of the Silk Road. Virtual tours, digital archives, and online exhibitions can help reach a global audience and promote cultural heritage.

Conclusion

Kazakhstan and Uzbekistan have been instrumental in the revival of the Silk Road, leveraging their rich cultural and historical assets to attract international attention and investment. Their strategic initiatives in cultural diplomacy, tourism development, and economic collaboration have significantly contributed to regional integration and global connectivity.

By continuing to invest in joint cultural programs, enhancing tourism infrastructure, fostering economic collaboration, and preserving their heritage, both countries can further solidify their roles as key players in the Silk Road revival. These efforts not only enhance their international standing but also promote mutual understanding, regional stability, and economic prosperity.

The strategic alignment of their national initiatives with broader regional and global efforts ensures that the legacy of the Silk Road continues to thrive, fostering a bridge between the East and the West for future generations.

References

1. Kamilov Sh. "Uzbekistan is a new area of cooperation between Kazakhstan" // Oriental Journal of History, Politics and Law, 2022. <https://doi.org/10.37547/supsci-ojhpl-02-02-02>. (date of access: 02.02.2024)
2. Masalimova A., Naizabayeva G. "Factors of soft power in "New silk road" intercultural interview." Journal of Philosophy, Culture and Political Science, 2019. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2019.v67.i1.05>. (date of access: 02.02.2024)
3. Sayfullayev, D. Uzbekistan's diplomacy in the modern international relations system // Journal of Public Affairs, 2016, 16, 415-422. <https://doi.org/10.1002/PA.1611>. (date of access: 05.02.2024)
4. Exnerová, V. China's 'Silk Road' Public Diplomacy in Central Asia: Rethinking the 'Network' Approach to the Study of Public Diplomacy and Its Instrumentalism // Transnational Sites of China's Cultural Diplomacy. 2020.
5. Kurmanaliyeva, A., Aljanova, N., & Manassova, M. The Marginocentric Cultural Features of Cities along the Great Silk Road in the territory of Kazakhstan. CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2018.
6. Atadjanova S. "Development of tourism in Central Asia (on the example of Uzbekistan and Kazakhstan)", 2020, p. 242-245. <https://doi.org/10.36713/epra3292>. (date of access: 04.02.2024)
7. Kassenova N. "China's Silk Road and Kazakhstan's Bright Path: Linking Dreams of Prosperity." // Asia Policy, 24, 2017, p. 110 - 116. <https://doi.org/10.1353/ASP.2017.0028>. (date of access: 05.02.2024)

8. Taisarinova A., Loprencipe G. and Junussova M. "The Evolution of the Kazakhstani Silk Road Section from a Transport into a Logistics Corridor and the Economic Sustainability of Regional Development in Central Asia." *Sustainability*, 2020. <https://doi.org/10.3390/su12156291>. (date of access: 12.02.2024)
9. Fodde E. "Conserving sites on the Central Asian Silk Roads: the case of Otrar Tobe, Kazakhstan." // *Conservation and Management of Archaeological Sites*, 8, 2006, p.77 - 87. <https://doi.org/10.1179/175355206x202994>. (date of access: 12.02.2024)
10. Zhylankozova A. "Towards the Silk Road economic zone initiative: historical perspective." // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 2018. [https://doi.org/10.9770/JESI.2018.6.2\(6\)](https://doi.org/10.9770/JESI.2018.6.2(6)). (date of access: 10.02.2024)
11. Liwei Zh. and Bo Y. "Cultural and humanitarian exchanges between China and Uzbekistan within the framework of Belt and Road Initiative: achievements, problems and recommendations." // *"Zhurnal Voprosy Istorii"*, 2023. <https://doi.org/10.31166/voprosyistorii202307statyi06>. (date of access: 04.03.2024)
12. Rykov P. and Zehong Li "Development of Urban Agglomerations of the Republic of Kazakhstan in Conditions of the Formation of the New Silk Road.", 6, 2015, p.101 - 105. <https://doi.org/10.5814/j.issn.1674-764x.2015.02.006>. (date of access: 10.02.2024)
13. Shayegan M., Tishehyar M.. "Tripartite tourism trade cooperation through the belt and road initiative." // *BULLETIN of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*. 2022. p. 151-184. <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2022-139-2-151-184>. (date of access: 15.04.2024)
14. Bitabarova A. "Unpacking Sino-Central Asian engagement along the New Silk Road: a case study of Kazakhstan." // *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 7, 2018, p.149 - 173. <https://doi.org/10.1080/24761028.2018.1553226>. (date of access: 15.04.2024)
15. Pieper M. "The linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian economic union between Russia's defensive regionalism and China's new Silk Roads." // *International Politics*, 58, 2020, p. 462-482. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00244-6>. (date of access: 27.04.2024)
16. Kazhgereyeva A. "Participation of Kazakhstan in China's "One Belt - One Road" Initiative." // *TIJ's Research Journal of Economics & Business Studies - RJEBS*, 9, 2020.
17. Harutyunyan A. "China-Kazakhstan: Cooperation within The Belt and Road and Nurly Zhol." // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 16, 2022, p. 281 - 297. <https://doi.org/10.1080/25765949.2022.2128135>. (date of access: 12.05.2024)
18. Dave B. "BRI in Kazakhstan: pursuing economic partnership amidst rising concerns." // *Research Handbook on the Belt and Road Initiative*, 2021. <https://doi.org/10.4337/9781789908718.00034>. (date of access: 12.05.2024)
19. Chang C. "Archaeological Sites, Cultural Heritage, and Sustainable Development in the Republic of Kazakhstan." // *Education, Human Rights and Peace in Sustainable Development*, 2019. <https://doi.org/10.5772/intechopen.86916>. (date of access: 17.05.2024)
20. Oltiboev A. "Issues of economic and cultural cooperation between Ozbekistan and the Republic of Kazakhstan", 3, 2020, p.260-266. <https://doi.org/10.31149/IJIE.V3I12.998>. (date of access: 17.05.2024)
21. Tireuov K., Mizanbekova S., Aitmukhanbetova D. "Impact of the profile of public-private partnership projects on the economic potential of Central Asian countries." // *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*, 2022. <https://doi.org/10.15587/1729-4061.2022.268242>. (date of access: 09.04.2024)
22. Konopelko A. "Eurasian Economic Union: a challenge for EU policy towards Kazakhstan." // *Asia Europe Journal*, 16, 2017, p. 1 - 17. <https://doi.org/10.1007/s10308-017-0480-7>. (date of access: 09.04.2024)
23. Umirova D. "Preconditions and dynamics of development of entrance tourism in Uzbekistan" // *Theoretical & Applied Science*, 2019. <https://doi.org/10.15863/TAS.2019.01.69.46>. (date of access: 02.02.2024)
24. Patterson I., Turaev H. "New Developments in Promoting Tourism in Uzbekistan." // *Journal of Tourismology*, 2020. <https://doi.org/10.26650/jot.2020.6.2.0005>. (date of access: 02.02.2024)
25. Egamberdieva G. "Features of the formation of the national model of tourism development in Uzbekistan" // *American Journal Of Social Sciences And Humanity Research*, 2023. <https://doi.org/10.37547/ajsshr/volume03issue06-08>. (date of access: 15.02.2024)

26. Djuraeva G., Abdullaeva K. "Spiritual Heritage and Great Silk Road Traditions are an Important Factor in The Development of National Tourism in Uzbekistan.", 5, 2020. <https://doi.org/10.21070/ijccd2020499>. (date of access: 15.02.2024)
27. Nazarov M., Jumaev H., Turdimambetov I., Yanchuk S. and Egamberdieva M. "Development of Tourism in Uzbekistan and Cultural-Historical Tourist Resource Potential of Kashkadarya Region." // Journal of Environmental Management and Tourism, 11, 2020, p.794-801. [https://doi.org/10.14505/jemt.v11.4\(44\).02](https://doi.org/10.14505/jemt.v11.4(44).02). (date of access: 21.05.2024)
28. Salimov, S. The Development of Youth Tourism in Uzbekistan. // Journal of Tourism and Hospitality, 7, 2018, p.1-2. <https://doi.org/10.4172/2167-0269.1000365>. (date of access: 21.05.2024)
29. Muratshina K., Bakhtin E. "Russia and Central Asian countries in youth exchanges within the SCO" // The Caspian region: Politics, Economics, Culture, 2021. <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2021-66-1-115-121>. (date of access: 21.05.2024)
30. Gendina N., Kosolapova E. "Cultural Diplomacy and Libraries: the Experience of Russia and Uzbekistan." // Bibliotekovedenie [Russian Journal of Library Science], 2022. <https://doi.org/10.25281/0869-608x-2022-71-4-375-385>. (date of access: 21.05.2024)

ЖАҢА ЖІБЕК ЖОЛЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ӨЗБЕКСТАННЫҢ МӘДЕНИ ДИПЛОМАТИЯСЫНЫҢ СТРАТЕГИЯЛАРЫНЫҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ

Әсет КАПАИН, PhD докторант, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан, халықаралық қатынастар факультеті, Aset.kapain@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-2237-9860>

Алмагуль КУЛЬБАЕВА, т.ғ.к., аға оқытушы, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан, халықаралық қатынастар факультеті, kulbaevaa700@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7888-0867>

Саняам МАНАПОВА, саяси ғылымдарының магистрі, аға оқытушы, Қ. И. Сәтбаев Атындағы Қазақ Ұлттық Техникалық Зерттеу Университеті, Алматы, Қазақстан, s.manapova@satbayev.university, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0618-6841>

Салтанат ШИМАЕВА, тарих магистрі, оқытушы, Қ. И. Сәтбаев Атындағы Қазақ Ұлттық Техникалық Зерттеу Университеті, Алматы, Қазақстан, s.shimayeva@satbayev.university, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-3980-2561>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАЗАХСТАНА И УЗБЕКИСТАНА НА НОВОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Асет КАПАИН, докторант PhD, КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, факультет международных отношений, Aset.kapain@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-2237-9860>

Алмагуль КУЛЬБАЕВА, к.и.н., старший преподаватель, КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, факультет международных отношений, kulbaevaa700@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7888-0867>

Саняам МАНАПОВА, магистр полит. наук, ст. преподаватель, КазНУ им. К.И. Сатпаева, Алматы, Казахстан, s.manapova@satbayev.university, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0618-6841>

Салтанат ШИМАЕВА, магистр истории, преподаватель, КазНУ им. К.И. Сатпаева, Алматы, Казахстан, s.shimayeva@satbayev.university, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-3980-2561>

ЭМПИРИКО – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ЕВРОПА – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

(на примере Научно-образовательного и культурного центра им. Аль – Фараби при Софийском университете им. Св. Климента Охридского)

**Виолета
ДОБИЧИНА***

Исследователь, Директор Софийского университета им. Св. Климента Охридского Научно-образовательный и культурный центр им. Аль-Фараби, София, Болгария, kazakhcentersu@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-8658-630X

**Мадлен
ДАНОВА**

Профессор, доктор, Проректор, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София, Болгария, mdanova@vice-rector.uni-sofia.bg, ORCID ID: 0000-0002-4081-3722, Web of Science Researcher ID: AAJ-6634-2021

**Алия
МАСАЛИМОВА**

Доктор философских наук, профессор, Вице-ректор по научной деятельности Академия государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан, академик Академии педагогических наук РК, <https://orcid.org/0000-0002-5527-7491>

Дата поступления рукописи в редакцию: 17/07/2024

Доработано: 10/10/2024

Принято: 11/10/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1288

УДК 378.14

МРНТИ 14.35.01

Аннотация. В статье представлен ситуационный и хронологический анализ академической образовательной ситуации в Центральной Азии с точки зрения европейской политики и интернационализации высшего образования. Предложена концептуальная эмпирико-теоретическая модель, описывающая деятельность Научно-образовательного и культурного центра имени аль-Фараби при Софийском университете имени Св. Климента Охридского. Рассматривается деятельность, осуществляемая в научном, образовательном и социально-культурном плане. На примере университетского центра представлен европейский взгляд на сотрудничество между университетами Центральной Азии и Республики Болгария в сфере высшего образования.

Ключевые слова: межкультурный диалог и взаимодействие, высшее образование, межкультурная рефлексия, модель, образовательная политика, образовательные стратегии, Европейские рекомендательные и директивные документы.

Аңдатпа. Мақалада Орталық Азиядағы академиялық білім беру жағдайына еуропалық саясат және жоғары білімді интернационациялау тұрғысынан ситуациялық және хронологиялық талдау берілген. Әулие Климент Охридский атындағы София университеті жанындағы әл-Фараби атындағы ғылыми-білім және мәдени орталығының қызметін сипаттайтын тұжырымдамалық эмпирикалық-теориялық моделі ұсынылды. Ғылыми-ағартушылық және әлеуметтік-мәдени тұрғыдан жүзеге асырылатын іс-шаралар қарастырылды. Университет орталығының мысалында Орталық Азиядағы университеттер мен Болгария Республикасы арасындағы жоғары білім саласындағы ынтымақтастықтың еуропалық көзқарасы ұсынылған.

Түйін сөздер: мәдениетаралық диалог және өзара әрекеттестік, жоғары білім, мәдениетаралық рефлексия, модел, білім беру саясаты, білім беру стратегиялары, Еуропалық ұсыныс және директивалық құжаттары.

Abstract. The article presents a situational and chronological analysis of the academic educational situation in Central Asia from the point of view of European policy and the internalization of higher education. A conceptual empirical-theoretical model is proposed that describes the activities of the al-Farabi Scientific, Educational, and Cultural Center at Sofia University. „St. Kliment Ohridski“. Activities carried out in scientific, educational, and sociocultural terms are discussed. The European view on cooperation between universities in Central Asia and the Republic of Bulgaria in higher education is presented using the example of a university center.

* Автор для корреспонденции: В. Добичину, kazakhcentersu@gmail.com

Keywords: intercultural dialogue and interaction, higher education, intercultural reflection, model, educational policy, educational strategies, European advisory, and policy documents.

Введение

В настоящее время одной из наиболее актуальных и приоритетных задач Европы, в частности Болгарии, и Центральной Азии, является достижение социальной стабильности, гармонизация интересов личности, отдельных социальных групп и общества в целом, укрепление межэтнических и межконфессиональных отношений, повышение культуры диалога между нациями и этносами. ЕС постоянно работает над расширением возможностей сотрудничества со странами всего мира, в том числе и со странами Центральной Азии. Пример тому, последняя стратегия Европейского союза «ЕС и Центральная Азия: Новые возможности для сильного партнерства» принята в июне 2019 года [1]. Сближение ЕС и Центральной Азии требует синхронизации образовательных и культурных стратегий и критериев стран. Продвижение совместных межкультурных инициатив — это первый шаг к объединению образовательных методов и технологий Центральной Азии и ЕС, а также хорошая возможность лучше понять специфические культурные особенности этих стран. В этом процессе важно сделать акцент партнерства и сотрудничества, которые признают и уважают различия в контексте потребностей, целей, интересов партнеров и преобладающей экономической и культурной среды.

С целью сохранения многообразия национальных культур наступает время новых межкультурных стратегий и подходов в объединении усилий мировой общественности для защиты культурных и духовных ценностей человечества; формирования общего пространства для конструктивного диалога; новых межкультурных практик сотрудничества и партнерства. А это означает творчески и в партнерстве разработать и внедрить инновационные коммуникативные практики, технологии и образовательные маркеры межкультурного диалога в образовательных учреждениях и в учебных программах стран Евразийского пространства на основе обсуждения эффективных национальных социальных и

образовательных практик для обновления диалогического взаимодействия [2].

Болгарское высшее образование является частью общего европейского пространства и в этом смысле адаптируется и отвечает европейским требованиям, указанных в ряде официальных документов Европейской Комиссии, в национальной Стратегии развития высшего образования в Республике Болгария на период 2021-2030 года. Софийский университет им. Св. Климента Охридского, старейший и ведущий университет в Болгарии, вносит решающий вклад в европейское и мировое развитие науки и образования. Стремится к развитию сотрудничества с представителями научного и академического сообщества, университетами и научными организациями всего мира на основе развития двухстороннего сотрудничества и участия в ряде академических ассоциаций. Софийский университет стремится интегрировать глобальные перспективы в свои учебные, исследовательские и социальные миссии на основе конкретных практик обучения, интернализации образования и научно-исследовательской деятельности.

Именно для развития академического сотрудничества и координации интернализации образования и науки со странами Центральной Азии, по предложению Казахского национального университета им. аль-Фараби на основе Дополнительного соглашения был создан Научно-образовательный и культурный центр им. аль-Фараби на базе Софийского Университета в 2018 г. В исполнении Соглашения по решению Ученого совета от 27 февраля 2019 года (Протокол № 7, пункт 19) Научно-образовательный и культурный центр им. аль-Фараби (НОКЦ) был учрежден в качестве университетского подразделения по смыслу ст. 8, п. 1, п. 8 Правил устройства и деятельности Софийского университета им. Св. Климента Охридского [3].

Центр является площадкой — посредником для обмена и распространения болгарских и центрально-азиатских образовательных,

научно-исследовательских и культурных практик и в результате укрепление репутации Софийского университета в Центрально-азиатском образовательном и научном пространстве. Деятельность Центра направлена на постижение основополагающей цели, которая записана в Стратегии интернализации Софийского университета на 2020 – 2030 г. – развитие Софийского университета как международного узнаваемого и признанного исследовательского университета с престижным местом в международных рейтингах, привлекательным местом для иностранных студентов и профессоров [4].

Основная цель Центра им. аль-Фараби – это налаживание и координация сотрудничества Софийского университета им. Св. Климента Охридского и его европейских партнеров с университетами стран Центральной Азии. В программу нашего Центра как стратегическое направление включено осуществление с партнерами совместных академических и научно-исследовательских проектов, в том числе, и академические программы двойного диплома, совместные публикации, научные форумы. Результатом программы является построение эффективного академического сетевого сотрудничества и обмена идей, знаний и практик равноправных участников. Университетский Центр призван продвигать наследие философа-энциклопедиста и учителя Востока Абу Насра аль-Фараби, казахский язык, казахстанскую историю и культуру. Деятельность центра осуществляется в рамках следующих содержательных структур определяющих компонентов: Академическая мобильность и информация; Научно-исследовательские проекты; Методический кабинет казахского языка, культуры и педагогических технологий; Ресурсный. Управляющим органом Центра является Совет правления (сопредседатели: Мадлен Данова, проректор Софийского Университета; Алия Масалимова, проректор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан; директор – Виолета Добичина, генеральный директор «Предтечи БГ», ассоциированный член Центра).

Методология

Методологической базой исследования является ситуационный, хронологический анализ и метод графического моделирования. С помощью ситуационного анализа структурированы и интерпретированы основные направления формирования политики Евросоюза в Центральной Азии, определены ключевые тенденции развития взаимодействия ЕС со странами региона, и результат развития международного сотрудничества Софийского университета в этом регионе. Этим обстоятельством объясняется открытие Научно-образовательного и культурного центра им. аль-Фараби при Софийском университете. Методы графического моделирования и хронологического анализа позволили сформировать целостную картину рассматриваемых структурных компонентов центра. Представлена деятельность центра по трем функциям: образовательная, консультативная и информационная.

Таким образом, с помощью теоретического и методологического инструментария исследования сформирована и обоснована целостная картина политики и стратегии академического сотрудничества и взаимодействия.

Обсуждение

Ситуационный анализ

ЕС постоянно работает над расширением возможностей сотрудничества со всеми странами мира, в том числе и со странами Центральной Азии (ЦА). ЕС признает стратегическую важность Центральной Азии, которая соединяет обширный азиатский континент с Европой. Принятие ЕС в 2019 году новой региональной стратегии «Евросоюз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства» свидетельствует о том, что ЦА остается в числе приоритетных направлений европейской внешней политики. ЕС обновил свою стратегию для Центральной Азии, сосредоточив внимание на устойчивости (охватывая такие области, как права человека, безопасность границ и окружающая среда), процветании (с особым упором на взаимосвязанность) и региональном сотрудничестве. Приоритеты

новой стратегии ЕС для Центральной Азии полностью соответствуют Повестке дня ООН на период до 2030 года и ее Целям устойчивого развития (ЦУР). В сентябре 2015 года на Генеральной Ассамблее ООН страны всего мира подписали Повестку дня по 17 целям устойчивого развития на период до 2030 года [5].

Ключевым отличием новой стратегии 2019 года от стратегии 2007 года можно назвать инвестирование в развитие сферы образования и молодежи. Особое место отведено образованию как ключевому фактору устойчивого развития.

Устойчивость не может быть достигнута исключительно за счет технологических решений, политического регулирования или финансовых инструментов.

Необходимо изменить свое мышление и способы действия. Это требует качественного образования и подготовки кадров для устойчивого развития на всех уровнях и во всех социальных сферах. В этом смысле новый инструмент помощи, запущенный в ЕС в 2021 году «Инструмент добрососедства, развития и международного сотрудничества – Глобальная Европа» может стать более гибким инструментом поддержки различных аспектов образования [6]. Новый инструмент объединяет несколько предыдущих инструментов внешнего финансирования ЕС. Он направлен на поддержку стран, наиболее нуждающихся в преодолении долгосрочных проблем развития, и будет способствовать достижению международных обязательств и целей ЦУР и Парижского соглашения.

Сближение ЕС и Центральной Азии требует синхронизации образовательных и культурных стратегий и критериев стран. Продвижение совместных межкультурных инициатив — это первый шаг к объединению образовательных методов и технологий Центральной Азии и ЕС, а также хорошая возможность лучше понять специфические культурные особенности этих стран. В этом процессе важно сделать акцент на партнерство и сотрудничество, которые признают и уважают различия в контексте потребностей, целей, интересов партнеров и преобладающей экономической и культурной среды.

Диалог между Европейским Союзом и Центральной Азией предполагает регулярный обмен опытом и передовой

практикой, обзоры развития образования и образовательной политики, анализ ключевых вопросов, исследования и обмен знаниями по горизонтальным и отраслевым вопросам. Только в том случае, если студент оказывается в различных ситуациях, когда необходимо содержательное межкультурное взаимодействие с людьми других ценностей, находясь за границей и так далее, может формироваться межкультурная компетенция. Разработка такой инновационной образовательной концепции является одной из важнейших задач будущего [7].

С целью сохранения многообразия национальных культур наступает время новых межкультурных стратегий и подходов в объединении усилий мировой общественности для защиты культурных и духовных ценностей человечества; формирования общего пространства для конструктивного диалога; новых межкультурных практик сотрудничества и партнерства. А это означает творчески и в партнерстве разработать и внедрить инновационные коммуникативные практики, технологии и образовательные маркеры межкультурного диалога в образовательных учреждениях и в учебных программах стран Евразийского пространства на основе обсуждения эффективных национальных социальных и образовательных практик для обновления диалогического взаимодействия. «Высшее образование в европейском контексте нельзя рассматривать в отрыве от социальных, политических, исторических, экологических и экономических аспектов региона. Основная роль политики в сфере образования должна дополняться и поддерживаться другими политическими сферами на основе сотрудничества в целях достижения высокого качества образования для всех. Необходимо способствовать созданию академической культуры и духа, которые являются демократическими и инклюзивными и ценят разнообразие, способствуют развитию медийной и информационной грамотности для осознанной оценки информации и повышают осведомленность о рисках манипулирования и пропаганды, обеспечивают пространство для диалога. и обсуждение» [8].

Встреча лидеров в Гетеборге изложила свое видение построения Европейского образовательного пространства к 2025 году: «Европа, в которой обучение, образование и научно-исследовательская деятельность не будут ограничены границами. Континент, где непрерывное обучение и обучение станут обычной практикой, а владение двумя языками, кроме родного, станет правилом. Континент, где люди имеют сильное чувство европейской идентичности, европейского культурного наследия и его разнообразия» [9].

Европейское образовательное пространство определяется следующими тремя целями:

- содействие трансграничной мобильности и сотрудничеству в сфере образования и обучения;
- преодоление препятствий, мешающих обучению или работе в другой стране, с целью реализации «свободного передвижения обучающихся»;
- поддержка государствам-членам улучшить инклюзивный характер своих образовательных систем, на основе инноваций и обучения на протяжении всей жизни [10].

Европейское образовательное пространство сталкивается со следующими проблемами:

- постоянная цифровизация, автоматизация, искусственный интеллект и необходимость быть адекватными технологическому прогрессу;
- будущее работы по отношению к будущим потребностям и компетенциям субъекта;
- модернизация европейских государств всеобщего благосостояния, социальная интеграция и использование преимуществ экономического роста, а также сокращение неравенства, в том числе гендерное неравенство;
- демографические тенденции, включая старение рабочей силы и необходимость интеграции мигрантов со всем их культурным разнообразием;
- новые модели коммуникации, социальные сети, феномен «фейковых новостей» и «ложные знания», отражение которых требует медиа грамотность среди всех учебных предметов на всех этапах образовательной системы;

- усиление популизма и ксенофобии, риск агрессивной радикализации и необходимость межкультурной и межэтнической рефлексии, осознания этногенеза и его развития [8].

Образовательная перспектива (до 2025 года) – это создание Европы, в которой образование и научно-исследовательская деятельность не будут сдерживаться географическими и этническими границами.

В основе этой стратегии лежит идея совместной работы по созданию европейского пространства образования, основанного на межкультурном осмыслении и обмене творческими практиками, посредством:

- мобильности в образовательных целях;
- устранения препятствий для признания квалификаций, как в среднем, так и в высшем образовании;
- модернизации образовательных программ;
- содействия изучению второго и иностранных языков;
- создания европейских университетов мирового класса, которые могут беспрепятственно сотрудничать без границ;
- улучшения обучения и обучения на протяжении всей жизни;
- продвижения инноваций в образовании и в сфере цифровых технологий;
- личной и профессиональной поддержки преподавателей;
- сохранения культурного наследия (материального и нематериального) и развитие чуткости к европейской идентичности и культуре [8].

Эта стратегия знаменует собой начало «Сорбонского процесса», который сопровождает работу по устранению препятствий на пути признания дипломов о среднем и высшем образовании с политической неформальной точки зрения и будет способствовать трансграничной проверке сертификатов преподавания и обучения на протяжении всей жизни.

Что касается продвижения общих ценностей в сфере образования государств-членов, рекомендуется:

- оказывать помощь в предоставлении специализированного гражданского образования и этического образования;
- совершенствовать критическое мышление и медиа грамотность студентов;

- поощрять активное участие учащихся, родителей и преподавателей в управлении образовательными учреждениями и молодежь в местных сообществах;
- продвигать лучшие практики, такие как указанные в обновленной Базовой системе компетенций для демократической культуры Совета Европы [11].

Основные направления и концепты Стратегии европейского образовательного пространства являются основы новой региональной стратегии «Евросоюз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства» в области образования и науки.

Болгарское высшее образование является частью общего европейского пространства и в этом смысле адаптируется и отвечает европейским требованиям, указанных в ряде официальных документов Европейской Комиссии, в национальной Стратегии развития высшего образования в Республике Болгария за период 2021-2030 гг., в Стратегии интернализации Софийского университета на 2020 – 2030 гг. Процессы интернализации высшего образования многосторонние и многогранные и в самом общем виде представляют собой движение и взаимодействие людей и идей. В этом смысле интернализацию можно определить, как инструмент публичной дипломатии. Деятельность, связанная с международным сотрудничеством, перестает быть изолированной в рамках одного факультета, департамента, центра и становится приоритетом и частью всей деятельности, осуществляемой в рамках высшей школы, а именно преподавание, обучение, научные исследования, академические проекты, мобильность учебных программ, студентов, преподавателей и администрации, зарубежные стажировки, академические услуги и создание благоприятной для развития многокультурной среды для работы, учебы и общения.

Университет в силу своей универсальности находится в идеальном положении для развития открытости и широкого взгляда на мир, основанного на ценностях образования. Таким образом, университет имеет большой потенциал для создания «межкультурных мультипликаторов», способных играть

активную роль в обществе. В центре внимания профессионального диалога – анализ практического опыта в сфере международных отношений и академического сотрудничества, а также ознакомление с системой конкретных экономических инициатив и политики культурной интеграции высшего образования Европейского Союза и Центральной Азии.

Софийский университет имеет богатые традиции в сфере международного сотрудничества, узнаваем в европейском образовательном пространстве и в мире, является предпочтительным партнером многих университетов за рубежом, в том числе университетов Центральной Азии. При активном участии профессоров, докторантов и студентов Софийского университета и профессоров университетов Центрально-азиатского региона инициирован и реализован ряд академических проектов, в основном связанных со студенческой и преподавательской мобильностью, с обучением инновационных образовательных технологий; организацией и проведением научных конференций и культурных форумов.

Чрезвычайно важно на основе совместных проектов создать и укрепить многостороннее университетское партнерство, которое приведет к построению и функционированию сети международного сотрудничества между Софийским университетом и университетами Центральной Азии. Укрепить репутацию Софийского университета в международном образовательном и научном пространстве Центральной Азии. Именно с точки зрения практической целесообразности и развития академического и научного сотрудничества с вузами Центральной Азии был создан Научно-образовательный и культурный центр им. аль-Фараби. За короткое время своего существования он стал международной площадкой, посредником для обмена и распространения болгарских и центральноазиатских образовательных, исследовательских и культурных практик. Программа нашего Центра включает в себя в качестве стратегического направления реализация совместных академических и исследовательских проектов с партнерами из Центрально-Азиатского региона и, как

следствие, построение эффективной академической сети сотрудничества.

Хронологический анализ

Представленная эмпирико – теоретическая модель наглядно показывает международную академическую деятельность и принципы взаимодействия в достижение стратегических целей и задач университетского центра.

Рисунок 1. Эмпирико – теоретическая модель академического взаимодействия НОКЦ

Примечание: составлено авторами

В рамках стратегии и методологии интернализации университета, модель описывает Научно-образовательный и культурный центр им. аль-Фараби как интегративное структурное подразделение Софийского университета, которое развивается на базе сетевого взаимодействия с университетами Центральной Азии, с академической общностью, с неправительственными организациями, с потребителями высшего образования в Болгарии и странах Центральной Азии. В своей деятельности

Центр рассчитывает на поддержку со стороны государственных институтов Болгарии и стран Центральной Азии. Здесь надо особо отметить эффективную совместную работу с Посольством Республики Казахстан по всем направлениям деятельности университетского Центра. Стратегическая цель центра – стать уникальной международной площадкой для налаживания сотрудничества, расширения диалога и партнерских отношений, координации по предмету

своей деятельности с университетами, правительственными учреждениями, неправительственными организациями, бизнесом и фондами в Болгарии и странах Центральной Азии.

Эмпирико-теоретическая модель включает в себя три функции: образовательную, информативную и консультативную.

Центр осуществляет свою деятельность по трем направлениям: подготовка преподавателей и студентов, информационные кампании по пропаганде и популяризации научных и исследовательских достижений и результатов, а также экспертные консультации и научные проекты в области академического и культурного сотрудничества с образовательными институтами в Центральной Азии.

✚ С маркером – образовательные функции:

В Центре восточных языков и культур, Факультета классических и современных филологий, при поддержке Дипломатической миссии Казахстана в Болгарии, в 2015 году создан Кабинет казахского языка, истории и культуры, который стал частью университетского Центра. Данная дисциплина входит в учебный план бакалаврской программы как второй обязательный тюркский язык для студентов по специальности «Тюркология».

Содействие и координация академической мобильности студентов и преподавателей из университетов Казахстана и других стран Центральной Азии, а также из Софийского университета.

Продвижение реализации и координации совместных академических проектов с университетами Центральной Азии, в частности:

с 2017 г. осуществляется совместная болгаро-казахстанская двудипломная магистерская программа: «*Europe and Asia: Cultural Diplomacy and Geopolitics of the EU*» на английском языке с Казахским национальным университетом им. аль-Фараби; [12].

с 2021 г. осуществляется совместная болгаро-узбекская двудипломная магистерская программа: «*Foreign Language (English), Literature, Mass Media*» с Бухарским государственным университетом [13].

Две востребованные двудипломные магистерские программы находятся в

стадии подготовки и согласования с университетами в Центральной Азии: «Цифровые компетенции в обучении иностранному языку учителей (английскому языку)» и «Экологическая биотехнология».

Совместные этнокультурные практики с участием казахстанских, узбекских и болгарских преподавателей и студентов, такие как нижеперечисленные: в 2017 и 2019 году проведена этнокультурная практика: «Казахская культура – история и современность», часть I и часть II. Основная цель практики – ознакомление участников с казахстанской историей, культурой и современностью. Практика проводилась в Алматы, в Алматинской области и в Южно-Казахстанской области. В ней приняли участие болгарские преподаватели и студенты из Исторического факультета, Факультета классических и новых филологий, Биологического факультета, Факультета журналистики Софийского университета и других образовательных учреждений и институтов Болгарии и Факультета философии и политологии Казахского национального университета им. Аль-Фараби в Казахстане. В практике приняло участие около 30 человек из Болгарии и около 20 человек из Казахстана.

В 2023 году проведена этнокультурная практика: «История и культура Узбекистана». Основная цель практики – ознакомление участников с узбекской историей и этнической культурой. Программа включала посещение культурно-исторических и географических объектов в следующих городах: Бухара, Хива и Самарканд. В ней приняли участие болгарские преподаватели и специалисты из Софийского университета, Бургасского государственного университета, Пловдивского государственного университета, Министерства образования науки Республики Болгария, а с узбекской стороны – Бухарский государственный университет. В практике приняло участие 20 человек из Болгарии и около 10 человек из Узбекистана. Организация болгаро – казахстанской Летней академии «Мосты: Европа–Центральная Азия».

Целью летней академии является распространение опыта образовательных институтов Центральной Азии и Болгарии в создании и совершенствовании программы

повышения квалификации и профессиональной компетентности на основе обмена опытом инновативных образовательных технологий высшего образования. До сих пор в рамках Летней болгаро-казахской академии "Мосты: Европа–Центральная Азия» при помощи казахстанских университетских партнеров прошли курсы повышения квалификации с участием свыше 166 преподавателей, учителей и магистрантов. Квалификационные курсы проводятся преподавателями Софийского университета и других университетов Болгарии, европейских университетов и приглашенных преподавателей казахстанских университетов с вручением сертификата европейского образца. Отдельно для студентов организуются летние школы с вручением сертификатов о зачислении кредитов для летней практики.

Организация и координация с 2017 года ежегодного Международного театрального фестиваля «Жас – Art» и Международного фестиваля-биеннале юных художников «ART – Самғау», организованные колледжем Казахской Академии искусств им. Жургенова с участием болгарских учителей и школьников художественных школ. Во время пандемии Ковид-19 болгарские художественные школы не приостановили свое участие. Школьники и преподаватели Национальной школы исполнительского и экранного искусства г. Пловдив и Национальной школы пластического искусства и дизайна им. академика Д.Узунова г. Казанлык участвовали в

дистанционные фестивали-конкурсы, организованные при поддержке Казахской национальной академии искусств им. Т.Жургенова, колледжа Казахской национальной академии искусств им. Т.Жургенова, Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, Казахстанской Национальной Федерации Клубов ЮНЕСКО Казахстана [14].

 С маркеркером – консультативные функции, осуществленные через научные проекты:

- На основе достижений Софийского университета в области академического и научного развития Центр вместе с командой Софийского

университета инициировали в 2021 году осуществление научно-исследовательского проекта № 80-10-194, а именно организацию серии вебинаров по теме: «Цифровизация и интернационализация высшего образования в контексте пандемии Ковид–19: Болгария, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Иран» . Цель проекта – создание возможности для критического переосмысления, анализа и обмена опытом цифровизации высшего образования в странах Центральной Азии, Болгарии и Иране в условиях пандемии посредством серии рабочих вебинаров с представителями различных университетов этого региона и преподавателей Софийского университета. Вебинары прошли при усиленном интересе со стороны болгарских коллег и коллег из Центральной Азии, магистрантов и студентов. На их базе мы построили сетевое сотрудничество с партнерскими университетами Центральной Азии которое позволяет исследователям, преподавателям и студентам в Болгарии, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане не только сотрудничать друг с другом, но и участвовать в интересных совместных проектах со своими коллегами в Европе и других частях мира.

- Сотрудники Центра провели исследование по готовности участия партнерских университетов Центральной Азии в проектах Erasmus+(май – июнь 2022 г.).

Цель исследования: изучить потребности и возможности цифровой инфраструктуры, готовность вузов-партнеров Центральной Азии к совместному участию в европейском проекте по программе Erasmus+ в сфере наращивания потенциала высшего образования в Центральной Азии с целью открытия совместных магистерских программ с использованием цифровых технологий обучения и формирования цифровых компетентностей. Исследование проводилось посредством онлайн-опроса. С этой целью были подготовлены две анкеты. Первая анкета для сбора информации об участии университета в проектах Erasmus+, K2 за период 2018-2022гг. Вторая анкета для изучения мнения академического сообщества по поводу

цифровизации обучения и готовности участвовать в совместных магистерских программах. Одной из целей команды проекта было создание базы для совместных программ между факультетом классической и новой филологии и другими факультетами Софийского университета и университетами региона, представители которых присоединились к проекту. Всего в исследовании приняли участие 130 человек из 15 университетов партнерской сети из Центральной Азии. В результате исследования получилась полная картина участия в совместных проектах по наращиванию потенциала высшего образования, размышления о положительных результатах участия в таких проектах и проблемах, с которыми пришлось столкнуться в ходе и после реализации проектов, а также конкретизация рекомендаций по увеличению воздействия проектов по повышению потенциала высшего образования в будущем.

✚ С маркером – информационные функции:

Инициация и организация круглых столов и конференций с участием болгарских и центральноазиатских университетских преподавателей, ученых и студентов. Всего за период 2019 – 2023 года проведены в Софийском университете и приглашены для участия из центрально-азиатских университетов в 8 международных конференций гибридного участия. Как пример, хочу особо подчеркнуть организацию Международной научной конференции памяти профессора, доктора филологических наук Александра Федотова «Восточная наука - традиции и современность», которая проводилась 15 и 16 октября 2022 года. Организаторами конференции были Факультет классической и новых филологии Софийского университета, Центр восточных языков и культур Факультета классических и новых филологий, Центр корееведения им. проф. д.ф.н Александра Федотова, Научно-образовательный и культурный центр им. аль-Фараби и Фонд им. Александра Федотова при поддержке Фонда «Научные исследования» Софийского университета. Основная идея международной конференции «Восточные знания – традиции и современность» заключалась в том, чтобы продолжить

традицию проведения научных форумов с участием болгарских и зарубежных ученых и таким образом выразить свое почтение нашему выдающемуся ученому проф., доктору языков народов Центрального, Восточного и Юго -Восточной Азии. Участниками конференции стали ученые, докторанты и студенты Софийского университета, представители других университетов Болгарии, ученые БАН, а также зарубежные гости из Азии и Европы. На пленарном и в секционных заседаниях с докладами на международном форуме выступили онлайн коллеги из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана – всего 16 человек. [15].

Организация и поддержка научных публикаций коллег из Центральной Азии в болгарских научных журналах и болгарских коллег в казахстанских научных журналах и сборниках конференций. Например, в 2022 году в специальной книге 3с журнала Педагогика, который цитируется в Web of Science, были опубликованы доклады вебинаров на тему ««Цифровизация и интернационализация высшего образования в контексте пандемии Ковид–19: Болгария, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Иран». В книге с докладами представлены ученые из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, всего 6 докладов [16].

Заключение

В статье представлен ситуационный анализ тенденций развития политики Европейского Союза по отношению к региону Центральной Азии, которая осуществляется через реализацию соответствующих программных документов (стратегий), определяющих круг задач, достигаемых с помощью соответствующих механизмов и инструментов. Главным инструментарием практической реализации стратегии «Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства» являются страновые и региональные программы, которые предлагаются, в том числе и в области высшего образования и науки ЕС по развитию взаимосвязанности между Европой и Центральной Азией (connectivity).

Европейский союз нацелен на поощрение региональной интеграции в Центральной Азии. По мнению ЕС,

образовательные программы, в особенности программа Erasmus+, должны играть ключевую роль в помощи странам региона в создании, модернизации и расширении возможностей международного сотрудничества, а также в приобретении передового международного опыта.

Именно, отвечая требованиям стратегии Европейского союза и региональных стратегий развития высшего образования и для координации и наращивания международного академического сотрудничества в Софийском университете создан Научно-образовательный и культурный центр им. аль-Фараби. Представленная графика его структуры и функции апробирована на практике. За время своего существования он превратился в модератора международного научно-академического сотрудничества между Софийским университетом и университетами Центральной Азии.

Вся деятельность университетского центра построена, развивается и утверждается на основе межкультурного и рефлексивного подхода. Рефлексивная картина образования в Болгарии предполагает применение в академической практике ценностно-ориентированных рефлексивных форм межкультурного взаимодействия. Наши усилия и в будущем будут направлены на формирование общего пространства для конструктивного академического диалога и взаимодействия со всеми адресатами высшего образования в Болгарии и других странах Центральной Азии, а также на инициирование эффективных межкультурных практик сотрудничества и партнёрства.

Список литературы

1. European Commission // Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership, Brussels – 2019 – URL: (https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf)
2. Данова М., Добичина В. Межкультурный диалог Европа – Центральная Азия: устойчивые академические стратегии в контексте пандемии Ковид – 19 (на примере университетского центра им. аль-Фараби Софийского университета им. Св. Климента Охридского) [Текст] / М. Данова, В. Добичина // Наука, техника и инновационные технологии в период возрождения новой эпохи могущественного государства: сб. науч. тр. – Издательство Türkmenistanyň Ylymlar akademiýasy, “Ylym” neşirýaty, 2022 – с. 428–431.
3. Софийский университет Св. Климент Охридски // Центрове. – URL: https://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/universitet_t/centrove (2019)
4. Стратегия за интернационализация на СУ „Св. Климент Охридски“ за периода 2020-2030 г. [Текст] // Държавен вестник – 2021 – брой 2.
5. United Nations // Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development – 2015 – URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda>
6. European Commission // Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe (NDICI – Global Europe) – 2021 – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/funding-and-technical-assistance/neighbourhood-development-and-international-cooperation-instrument-global-europe-ndici-global-europe_en
7. Добичина В. Интернализация высшего образования в контексте пандемии Ковид19: практики [Текст] / В. Добичина // Достижения и инновации в современном образовании Редублики Казахстан: сб. науч. тр. – Издательство Университет имени Шакарима, Семей, 2021 – с. 5–7 – ISBN 978-601-313-119-1
8. Колева И. Рефлексия и интеркультурно образование [Текст]: монография / И. Колева, Ер. Исмаилова, – Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2022. – 72–75 с. – ISBN 978-619-201-611-1
9. Съвет на Европа и Европейска комисия // Нови приоритети на европейското сътрудничество в областта на образованието и обучението // Официален вестник на Европейския съюз – 15.12.2015 – с. 417/25
10. Европейско сътрудничество в областта на образованието и обучението („Образование и обучение 2020“) // [Заклучения на Съвета относно стратегическа рамка за европейско сътрудничество в областта](#)

на образованието и обучението – 2009 – URL: (<https://eur-lex.europa.eu/BG/legal-content/summary/eu-cooperation-in-education-and-training-et-2020.html>)

11. Съвет на Европа // Препоръка на Съвета от 22 май 2018 година относно ключовите компетентности за учене през целия живот // Официален вестник на Европейския съюз – 4.6.2018 – с. 189/1
12. Софийски университет Св. Климент Охридски // Факултети . –2024– URL: https://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/universitet_t/fakulteti/fakultet_po_klasicheski_i_novi_filologii/specialnosti/magist_rski_programi
13. Софийски университет Св. Климент Охридски // Факултети . –2024– URL: https://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/universitet_t/fakulteti/fakultet_po_klasicheski_i_novi_filologii/specialnosti/magist_rski_programi
14. Софийски университет Св. Климент Охридски // Центрове. –2021– URL https://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/universitet_t/centrove/nauchno_obrazovaten_i_kulturen_cent_r_al_farabi
15. Изтокознанието – традиции и съвременост // Сборник с доклади от Международна научна конференция в памет на проф. д-р Александър Федотов. – Университетско издателство «Св. Климент Охридски», София, 2023 – с. 5–351 – ISBN 978-954-07-5827-5
16. Digitalization and Education in The Context of Covid-19 // Pedagogika-Pedagogy Volume 94, Number 3s, 2022 – pp. 7–103 – ISSN: 0861–3982 (Print), 1314–8540 (Online)

References

1. European Commission // Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership, Brussels – 2019 – URL: (https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf)
2. Danova M., Dobichina V. Mezhdunarodnyy dialog Evropa – Central'naya Azija: ustojchivye akademicheskie strategii v kontekste pandemii Kovid – 19 (na primere universitetskogo centra im. al'-Farabi Sofijskogo universiteta im. Sv. Klementa Ohridskogo) [Tekst] / M. Danova, V. Dobichina // Nauka, tehnika i innovacionnye tehnologii v period vozrozhdeniya novoy jepohi mogushhestvennogo gosudarstva: sb. nauch. tr. – Izdatel'stvo Türkmenistanyň Ylymlar akademiyasy, “Ylym” neşirýaty, 2022 – s. 428–431
3. Sofiyskiy universitet Sv. Kliment Ohridski // Tsentrove. – URL: https://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/universitet_t/centrove (2019)
4. Strategiya za internacionalizatsiya na SU „Sv. Kliment Ohridski“ za perioda 2020-2030 g. [Tekst]: D#rzhaven vestnik – 2021 – broj 2
5. United Nations//Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development – 2015 – URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda>
6. European Commission // Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe (NDICI – Global Europe) – 2021 – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/funding-and-technical-assistance/neighbourhood-development-and-international-cooperation-instrument-global-europe-ndici-global-europe_en
7. Dobichina V. Internalizatsiya vysshego obrazovaniya v kontekste pandemii Kovid19: praktiki [Tekst] /V. Dobichina // Dostizhevniya i innovatsii v sovremennom obrazovanii Respubliki Kazahstan: sb. nauch. tr. – Izdatel'stvo Universitet imeni Shakarima, Semej, 2021 – s. 5–7 – ISBN 978-601-313-119-1
8. Koleva I. Refleksiya i interkulturno obrazovanie [Tekst]: monografiya / I. Koleva, Er. Ismailova,– Universitetsko izdatelstvo „Episkop Konstantin Preslavski“, 2022. – 72–75 s. – ISBN 978-619-201-611-1
9. Sovet na Evropa i Evropejska komisija // Novi prioriteti naevropejskoto sotrudnichestvo v oblastta na obrazovaniето i obuchenieto // Oficialen vestnik na Evropejskija s#juz – 15.12.2015 – s. 417/25
10. Evropejsko sotrudnichestvo v oblastta na obrazovaniето i obuchenieto („Obrazovanie i obuchenie 2020“) //Zakljucheniya na Soveta otnosno strategicheska ramka za evropejsko sotrudnichestvo v oblastta na obrazovaniето i obuchenieto – 2009– URL: (<https://eur-lex.europa.eu/BG/legal-content/summary/eu-cooperation-in-education-and-training-et-2020.html>)
11. Sovet na Evropa // Preporaka na Soveta ot 22 maj 2018 godina otosno ključovite kompetentnosti za uchene prez celija zhivot // Oficialen vestnik na Evropejskija sojuz – 4.6.2018 – s. 189/1
12. Sofiyski universitet Sv. Kliment Ohridski // Fakulteti . –2024– URL: https://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/universitet_t/fakulteti/fakultet_po_klasicheski_i_novi_filologii/specialnosti/magist_rski_programi
13. Sofiyski universitet Sv. Kliment Ohridski // Fakulteti . –2024– URL: https://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/universitet_t/fakulteti/fakultet_po_klasicheski_i_novi_filologii/specialnosti/magist_rski_programi
14. Sofiyskiy universitet Sv. Kliment Ohridski // Tsentrove. –2021– URL https://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/universitet_t/centrove/nauchno_obrazovaten_i_kulturen_cent_r_al_farabi
15. Iztokoznaniето – traditsii i savremenost // Sbornik s dokladi ot Mezhdunarodna nauchna konferentsiya v pамет na prof. dfn Aleksandar Fedotov. – Universitetsko

izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski», Sofiya, 2023 – s. 5–351 – ISBN 978-954-07-5827-5

16. Digitalization and Education in The Context of Covid-19 // Pedagogika-Pedagogy Volume 94, Number 3s, 2022 – pp. 7–103 – ISSN: 0861–3982 (Print), 1314–8540 (Online)

АКАДЕМИЯЛЫҚ ӨЗАРА ІС-ҚИМЫЛДЫҢ ЭМПИРИКАЛЫҚ-ТЕОРИЯЛЫҚ МОДЕЛІ: ЕУРОПА - ОРТАЛЫҚ АЗИЯ (Әл-Фараби атындағы ғылыми – білім беру және София университетінде Әулие Клемент Охрид мәдени орталықтың мысалында)

Виолета ДОБИЧИНА*, зерттеуші, Әулие Клемент Охридский атындағы София университетінің директоры, Әл-Фараби атындағы ғылыми-білім беру және мәдени орталығы, София, Болгария, kazakhcentersu@gmail.com, , ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-8658-630X>

Мадлен ДАНОВА, профессор, доктор, Әулие Клемент Охридский атындағы София университетінің Проректоры, София, Болгария, mdanova@vice-rector.uni-sofia.bg, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4081-3722>, Web Of Science: AAJ-6634-2021

ӘЛИЯ МАСАЛИМОВА, философия ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік Басқару Академиясының ғылыми қызмет жөніндегі проректоры, Астана қ., Қазақстан Республикасы Педагогикалық ғылымдар Академиясының Академигі, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-5527-7491>

EMPIRICAL – THEORETICAL MODEL OF ACADEMIC INTERACTION: EUROPE – CENTRAL ASIA (using the example of the Al-Farabi Scientific, Educational and Cultural Center at St. Kliment Ohridsky Sofia University)

Violeta DOBICHINA, Researcher*, Director, Sofia University „St. Kliment Ohridski“, Al-Farabi Scientific, Educational and Cultural Center, Sofia, Bulgaria, kazakhcentersu@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-8658-630X

Madeleine DANOVA, Professor, Dr. Vice-rector Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria, mdanova@vice-rector.uni-sofia.bg, ORCID ID: 0000-0002-4081-3722, Web of Science Researcher ID: AAJ-6634-2021

Aliya MASALIMOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Vice Rector for Scientific Activity, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, Academician of the Academy of Pedagogical Sciences of the Republic of Kazakhstan, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-5527-7491>

TRANSPARENCY OF BENEFICIAL OWNERSHIP: A KEY TOOL IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION

**Asem
RAIMBEKOVA ***

doctor student of the educational program 8D03115 – International relation, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, a.raimbekova@apa.kz, Researcher ID: JFK-3537-2023 ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1199-0021>.

**Nazerke
ZHAMPEIIS**

AML/CFT counsellor of the Secretariat of the Eurasian group on combating money laundering and financing of terrorism, nazerkezhampeis@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6477-6973>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10/05/2024

Доработано: 27/11/2024

Принято: 29/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1281

УДК: 323.28

МРНТИ: 06.57.71

Abstract. The international community recognizes the 24th recommendation of the Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF) as one of the key tools in the fight against money laundering, terrorist financing and other economic crimes, including corruption. The authors analyzed the implementation of this recommendation in 138 Member countries of the United Nations, based on generalized assessments of effectiveness and technical compliance with FATF criteria. The top 5 countries (Denmark, Finland, New Zealand, Norway, Singapore) where the level of corruption, according to Transparency International, is minimal and 5 countries (Venezuela, Haiti, Turkmenistan, Nicaragua and Chad) with the high level of corruption have been studied.

Research limitations: Authors had limitations due to the fact that not all countries passed or did not complete yet mutual evaluation process, only 138 countries' reports are available.

Keywords: beneficial ownership, transparency, corruption, money laundering

Аңдатпа. Халықаралық қауымдастық Ақшаны жылыстатуға қарсы қаржылық шараларды әзірлеу тобының (ФАТФ) 24-ші ұсынымын ақшаны жылыстатуға, терроризмді қаржыландыруға және басқа да экономикалық қылмыстарға, соның ішінде сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрестің негізгі құралдарының бірі ретінде таниды. Авторлар осы ұсынымның Біріккен Ұлттар Ұйымына мүше 138 елде іске асырылуы ФАТФ-тың нәтижелігі мен техникалық сәйкестіктерінің жалпыланған бағалауға негізделген критерийлері бойынша талдау жүргізді. Transparency International мәліметтері бойынша сыбайлас жемқорлық деңгейі ең төмен 5 ел (Дания, Финляндия, Жаңа Зеландия, Норвегия, Сингапур) және жемқорлық деңгейі ең жоғарғы 5 ел (Венесуэла, Гаити, Түркіменстан, Никарагуа және Чад) зерттелді.

Зерттеудің шектеулері: Авторлардың шектеулері болды, себебі барлық елдер өзара бағалау процесінен өтпеген немесе әлі аяқтамаған, тек 138 елдің есептері қолжетімді.

Түйінді сөздер: бенефициарлық меншік, ашықтық, сыбайлас жемқорлық, ақшаны жылыстату.

Абстракт. Международное сообщество признает 24-ю рекомендацию Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) как один из ключевых инструментов в борьбе с отмыванием денег, финансированием терроризма и другими экономическими преступлениями, включая коррупцию. Авторы провели анализ реализации данной рекомендации в 138 странах, членов Организации Объединенных Наций, основываясь на обобщенных оценках эффективности и технического соответствия критериям ФАТФ. Изучены топ-5 стран (Дания, Финляндия, Новая Зеландия, Норвегия, Сингапур), где уровень коррупции минимальный и 5 стран (Венесуэла, Гаити, Туркменистан, Никарагуа и Чад) с высоким уровнем коррупции по данным Transparency International.

Ограничения исследования: У авторов были ограничения из-за того, что не все страны прошли или еще не завершили процесс взаимной оценки, доступны отчеты только по 138 странам.

Ключевые слова: бенефициарное владение, прозрачность, коррупция, отмывание денег

* Corresponding author: A. Raimbekova, a.raimbekova@apa.kz

Introduction

For a substantive understanding of the research presented in this article, it is necessary to understand the interpretation of the basic terms.

The Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF), which develops recommendations on countering money laundering, is the main source of definitions of "beneficial ownership" in the field of countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism. The FATF Glossary defines: A beneficial owner is an individual(s) who ultimately owns or manages a company or other asset, or who receives substantial benefits from assets owned by the company.

The FATF defines itself as the body leading global action against money laundering, terrorist financing and the proliferation of weapons of mass destruction. The FATF investigates how money is laundered and terrorism is financed, promotes global standards for risk reduction, and evaluates whether countries are taking effective action [1].

The FATF issues 40 recommendations, which are a set of rules governing the activities of the financial sector, law enforcement agencies, as well as a list of measures to combat money laundering and terrorist financing. Transparency of legal entities has long been part of the FATF's priorities, and this is defined in recommendation 24.

According to recommendation 24, countries should:

1. Identify the types, forms and main characteristics of legal entities in the country, as well as assess the risks of illegal use of legal entities for money laundering or terrorist financing, and respond appropriately.

2. Ensure that sufficient, accurate and up-to-date information on beneficial ownership is available with prompt access by competent authorities.

3. Competent authorities, in particular law enforcement agencies and the Financial intelligence unit, should have all the powers necessary to obtain timely access to basic information and data on beneficial ownership held by the relevant parties.

4. All companies established in the country must be registered in the register of

companies and information about them should be relevant.

5. There should be a clearly defined obligation to comply with the requirements, as well as responsibility and effective, proportionate and dissuasive sanctions applicable to any legal entity or individual who does not properly comply with these requirements.

6. Provide basic information and beneficial ownership information quickly, constructively and effectively within the framework of international cooperation.

Many companies prefer to hide their beneficiaries from the public. They may not disclose his identity to the public, but at the same time they are obliged to provide information about himself to government authorities — this is necessary to counteract the laundering of illegal funds.

The beneficial owner can be absent only in one case — if the organization is engaged in charity or any other non-profit activity, that is, it does not receive benefits from its activities.

It should be noted that the United Nations Security Council, in its resolution 1617 (2005), urges all Member States to comply with the comprehensive international standards contained in the forty recommendations of the FATF on combating money laundering and the financing of terrorism.

Why is transparency of beneficial ownership important? Anonymity allows many illegal activities, such as tax evasion, corruption, money laundering and terrorist financing.

Information about beneficial owners is crucial for competent authorities, especially law enforcement agencies and financial intelligence units, as it helps to identify persons in whose interests suspicious activities are being carried out and facilitates investigations. This transparency also prevents criminals from hiding their identity. However, ensuring the adequacy and accuracy of such information can be challenging, especially in complex ownership structures spanning multiple jurisdictions. The lack of this information creates serious obstacles for law enforcement and competent authorities in conducting thorough investigations and collecting financial information.

The FATF notes that corruption and money laundering are often inextricably linked. Corruption, such as bribery or embezzlement of public funds, are usually committed in order to obtain illegal funds. The process of money laundering consists in concealing the fact that these funds were obtained as a result of criminal activity.

The scale of theft and asset laundering in the world is huge. The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) has estimated that between \$800 billion and \$2 trillion are laundered every year. At the same time, the role of companies that are secretly owned or under covert control, and other legal entities in the transfer and laundering of money is significant. Corrupt politicians used secretly owned companies to hide their identity in 70% of the more than 200 cases of "big corruption" investigated by the World Bank [2].

It is widely known that transparency of information about beneficial owners is an effective tool in the fight against corruption and other economic crimes. This approach contributes to the creation of a transparent and responsible business environment that promotes the rule of law and supports honest business practices. Moreover, the world community continues to solve these problems for a long time.

Numerous international organizations are actively involved in improving organizational transparency. The G20 leaders have committed to adopt FATF standards on beneficial ownership, and the G7 countries intend to strengthen databases containing information on beneficial ownership of companies. The OECD and the World Bank have developed tools to help countries assess risks and establish beneficial ownership mechanisms that meet international standards.

The UN Convention against Corruption (UNCAC) contains recommendations on ensuring transparency of the activities of beneficial owners in the participating States. Countries should take measures to ensure access to information on beneficial owners, including additional requirements for financial institutions.

The European Union has adopted several directives, including the latest AMD updates, which also oblige EU members to increase transparency regarding beneficial owners.

The OECD Mandatory Standards for the Exchange of Information on Tax Residents (CRS) are designed to exchange information about financial accounts, including information about beneficial owners. The United Nations Convention against Cross-Border Organized Crime (UNODC) supports cooperation between countries in combating cross-border organized crime, including measures to ensure transparency of ownership.

The international community has created various institutions and tools to combat various economic crimes, including corruption and money laundering. Considering that transparency of ownership of beneficiaries is one of the important tools in the fight against corruption, it is interesting to see how well the FATF countries ensure this transparency.

This paper is devoted to consideration of the real international situation in this issue. For this purpose, authors looking for the answers to the following research question: implementing a transparent system of beneficial ownership is associated with a significant reduction in corruption within a country.

Methodology

This study is primarily based on a literature review, both national and international, focusing on ensuring beneficial ownership transparency of corporate entities in the selected countries. This encompasses (but is not restricted to):

- mutual evaluation reports by the Asia/Pacific Group On Money Laundering (APG) and the Committee of Experts on the Evaluation of Anti-Money Laundering Measures and the Financing of Terrorism (MONEYVAL);
- the 2012 FATF Recommendations,
- the 2013 FATF Methodology,
- the 2014 FATF Guidance on Transparency of Beneficial Ownership, the 2019 FATF Best Practices on Beneficial Ownership of Legal Persons, and the 2023 FATF Guidance on Beneficial Ownership of Legal Persons;
- the 2019 OECD Guidelines on Transparency of Beneficial Ownership;
- other relevant national and international literature, as well as regional civil society and media reports.

Literature review

G20 Members in their appeal against corruption and the impact of COVID-19, urged the successful enforcement of FATF Standards, with a specific emphasis on addressing money laundering and enhancing the openness regarding the beneficial ownership of legal entities [3].

Global Witness (2020) believes that anonymously owned companies are one of the key tools used by money launderers and tax evaders to hide their ill-gotten gains and taxable assets from law enforcement and tax inspectors – and public registers are a way of making this more difficult [4].

Nadim Kyriakos-Saad (2019) point out, that corruption and money laundering are closely linked. Corruption offenses, such as bribery or theft of public goods, generate significant amounts of proceeds that need to be laundered - or “cleaned” - to enter the financial system without the stigma of illegality[5]. E. Ekwueme (2021) agreed with all above and notes that it has been realized that the two phenomena are intricately tied to each other and can justifiably said to be like Siamese twins. It is extremely difficult to discuss corruption without including money laundering because it has been found that most proceeds of corruption directly or indirectly end up being laundered [6].

At the same time, Ramandeep Chhina (2022) notes, that beneficial ownership transparency in regard to legal entities is increasingly regarded as an essential element in the fight against corruption. It is a tool for preventing money laundering and countering the financing of terrorism and tax evasion [7].

Verdugo Yepes (2011) comes to the result that the higher the country's compliance with FATF standards, the lower the percentage of corruption in the country [8].

Jorum Duri (2021) remarks that modern forms of corruption – as usually transnational in nature. Beneficial ownership transparency is an issue that has impact across borders [9]. The same thought continues Maíra Martini (2019) notes that the primary aim of a global standard-setter like the FATF to preventing the misuse of companies and ensuring competent authorities are able to obtain reliable information on their real owners in a timely manner. The failure to ensure such standards can have detrimental consequences to all efforts at improving corporate compliance [10].

However, as Jeffrey Owens, Rick McDonnell (2020) noted, registers are only as good as the information they contain. If the information in the registry is not accurate and verified, it is therefore useless. Therefore, it is very important not just to create a registry, but also to ensure the verification of the information contained in it [11].

Tom Keatinge and Anton Moiseienko (2020) point out that the quality of beneficial ownership information in a given jurisdiction was beyond doubt, this rationale would fade away.

But at present there are few opportunities for understanding how well a country is doing in terms of collecting and verifying beneficial ownership information [12].

FATF President's remarks to G20 Anti-Corruption Ministerial (2020) state that global network need to plug the holes in the availability of beneficial ownership information. Countries need to make sure that up-to-date and accurate information is rapidly available to authorities to enable them to stop anonymous shell companies laundering funds [13].

Richard Berkhout and Francisca Fernando (2022) notes that the beneficial ownership information also serves broader policy goals. It aids in enhancing the business environment, preventing tax evasion, supporting anti-corruption measures by exposing hidden wealth, and minimizing abuse in public procurement or extractive contracts. A robust system for maintaining beneficial ownership details contributes even to national security initiatives [14].

And most experts believe that ending anonymity is the key to fighting corruption and other types of economic crimes.

Data interpretation

The FATF established the first international beneficial ownership transparency standard in 2003 and strengthened it in 2012. To respond to the significant misuse of legal persons for money laundering, terrorist financing, and for proliferation financing in a number of jurisdictions, the FATF has recently strengthened the international standards on beneficial ownership of legal persons, to better prevent and deter the misuse of legal persons. Moreover, the past 20 years' good results have certainly been achieved, however the Corruption Perception Index (CPI) for 2022

shows the absence of any significant changes in the levels of corruption over an 11-year period, which indicates a steady stagnation in the prevalence of corruption both within a particular country and around the world [15]. This prolonged lack of noticeable improvement or deterioration suggests that the efforts to address corruption or the implemented measures aimed at its reduction may be ineffective or insufficient.

In order to analyze the extent to which countries have implemented the FATF requirements for beneficial ownership transparency, the authors reviewed 138 mutual evaluation reports. We looked not only at the technical compliance of countries' legislation with the requirements of Recommendation 24, but also at the extent to which these legislative provisions are implemented in practice (the so-called Immediate Outcome 5, under which the FATF assesses the effectiveness of the implementation of its requirements).

The main findings of this analysis are as follows: none of the 138 countries have achieved technically full compliance with the standards, indicating that the existing legal framework is inadequate. 30.5% of countries are rated as "Largely compliant", indicating progress in legislation with only minor shortcomings. 55% of countries are rated as "Partially compliant", which indicates that there are moderate shortcomings. 14.5% of countries are considered "Non-compliant" which indicates there are major shortcomings.

Regarding the level of effectiveness of the countries' efforts, it is obvious that none of the countries received a rating of "high level" of efficiency. This indicates the lack of effective strategies and tools in ensuring transparency of beneficial owners and the challenges of ensuring access to such information.. Only 9.5% of countries have a "Substantial level" of efficiency, these countries can serve as an example of best practices for other countries. 43.5% of countries have a "moderate level" of efficiency. 47% of countries have a "low level" of efficiency which is a significant part of the total number of countries (138). This may highlight the presence of systemic problems, ineffectiveness of measures to combat money laundering and terrorist financing in these regions.

The results of FATF Mutual Evaluations reveal a generally inadequate level of effectiveness in addressing the misuse of legal

entities for money laundering and terrorist financing on a global scale. For a sustained impact in combating the illicit flow of funds, it is imperative for countries to fully adhere to international standards. The examination of mutual evaluation reports highlights the difficulties various countries encounter in the technical and practical implementation of FATF recommendations concerning the beneficial ownership of companies. These reports indicate that, in recent years, a majority of countries have failed to review their regulations and take measures to ensure that competent authorities can promptly access adequate and accurate information regarding beneficial ownership. As international standards evolve, they now include a requirement for authorities to maintain records on beneficial ownership information for specific types of legal structures, utilizing appropriate registries, for instance.

The question "who is behind this legal person" or rather "how easy is it to disguise who is behind this legal person" becomes more relevant when the specific transaction brings significant risks of illegal activities [12]. To test our hypothesis, we decided to select 5 countries with low and five countries with high levels of corruption.

According to Transparency International's Corruption Perception Index, 180 countries and territories around the world are ranked according to their perception of the level of corruption in a country, rating it on a scale from 0 (high degree of corruption) to 100 (very low level). We selected top five countries (Denmark, Finland, New Zealand, Norway and Singapore) that have a low corruption perception index, and five countries (Venezuela, Haiti, Turkmenistan, Nicaragua and Chad) with the highest levels of corruption in the country.

Why do we use the rating according to Transparency International?

Petr Janskya and Natalia Lib (2021) notes that the most well-known indicator of corruption perceptions is the Transparency International's Corruption Perception Index, even in research field. They systematically reviewed some of the best academic research in the field of economics focused on corruption and found Corruption Perception Index was mentioned in 30 papers (20% of the 148 papers they reviewed). Moreover, they used internet and academic journal search engines to identify relevant data sources. They searched for indicators of corruption that are

similar to the Corruption Perception Index. One such alternative indicator is the Control of Corruption indicator, which is part of the World Bank's World Governance Indicators, and draws on 22 data sources the ranks is closely to Transparency International[16].

Based on the research of the above-mentioned authors, we decided to use the Transparency International rating.

Result:

Table 1

#	countries	TC	E	TI
1	Denmark	LC	ME	90
2	Finland	LC	ME	87
3	New Zealand	PC	ME	87
4	Norway	PC	ME	84
5	Singapore	LC	ME	83

TC / Technical Compliance: C = compliant
 | LC = largely
 compliant | PC = partially
 compliant | NC = non-compliant

E / Effectiveness: HE = high level
 | SE = substantial level | ME = moderate level |
 LE = low level

TI / Transparency International's rate

The table 1 presents the ranking of the top countries with low level of corruption where, according to their mutual evaluation reports, legal persons and arrangements are prevented from misuse for money laundering or terrorist financing, and information on their beneficial ownership is available to competent authorities without impediments.

However, none of these countries has achieved a fully compliant level of technical compliance and at least a Substantial level of efficiency, not to mention a high level of system efficiency.

Denmark

Information based on the FATF mutual evaluation report /Denmark Follow-Up Report – 2021[17]. Basic information about legal entities is publicly available on the Internet in the Central Commercial Register of Denmark, but information about beneficial ownership is not disclosed. Foreign competent authorities have direct access to basic information and information about shareholders contained in the register. Law enforcement agencies can

Concerning the chosen states, we assessed them based on their evaluation report regarding of the legal, regulatory, and institutional framework within each country. These evaluations specifically focused on mutual evaluation reports conducted by FATF and other FATF-style regional bodies.

exchange information related to criminal offences within the framework of international mutual legal assistance.

In Denmark, there is no specific information on compliance with the requirements for legal entities. Sanctions under consumer protection legislation, including fines and imprisonment, are proportionate but rarely applied, which limits the possibilities for deterrence.

Finland

Information based on the FATF mutual evaluation report /Finland Follow-Up Report 2023 [18]. Participants in the anti-ML/FT system sufficiently understand the vulnerabilities associated with legal entities and the potential for the misuse of companies by criminals. Minor shortcomings remain related to cooperation with law enforcement agencies regarding information about beneficial owners and the presence of deterrent sanctions.

New Zealand

Information based on the FATF mutual evaluation report / New Zealand Follow-Up Report 2022 [19].

New Zealand has a comprehensive understanding of the ML/FT risks associated with legal entities and legal agreements. The authorities do not have enough mechanisms to obtain adequate, accurate and up-to-date information about beneficial owners.

Competent authorities can access information about beneficial owners; the timeliness of access to such information seems to be a problem. However, insufficient sanctions are applied against individuals and for violating information requirements imposed on other types of structures.

Norway

Information based on the FATF mutual evaluation report / Norway Follow-Up Report – 2023 [20].

Norway has an extensive system of registers of information on legal ownership and control, which helps to prevent misuse and obtain information about beneficial owners. The competent authorities have free access to these systems. Information on beneficial ownership of Norwegian legal entities is not available in cases where foreign legal entities or organizations are involved in the ownership/control structure, information on beneficial ownership is available only in cases where Norwegian companies participate in it.

Sanctions for non-compliance or the provision of incorrect information are limited, and in practice practically no action is taken to monitor or punish legal entities or individuals for non-compliance..

Singapore

Information based on the FATF and Asia/Pacific Group on Money Laundering (APG) mutual evaluation report / Singapore: 3rd Enhanced Follow-Up Report [21]. In general, the system works, the competent authorities have the right to access accurate and up-to-date basic information about legal entities through accounting and corporate regulatory authorities without the need to obtain a search warrant.

However, Singapore has not conducted an ML/FT risk assessment for all forms of legal entities. Of course, this has led to the fact that participants in the national system lack a consistent understanding of the risks associated with legal entities.

Table 2

#	countries	TC	E	TI
1	Venezuela	NC	LE	14
2	Haiti	NC	LE	17
3	Turkmenistan	PC	LE	19
4	Nicaragua	PC	LE	19
5	Chad	NC	LE	19

TC / Technical Compliance: C = compliant
| LC = largely
compliant | PC = partially
compliant | NC = non-compliant
E / Effectiveness: HE = high level
| SE = substantial level | ME = moderate level |
LE = low level

TI / Transparency International’s rate The table 2 shows the ranking of countries with the highest levels of corruption, in which, according to their mutual assessment reports, legal entities and organizations are not protected from abuse for money laundering or terrorist financing. Only Turkmenistan and Nicaragua demonstrate

their efforts to improve the technical compliance system, which means that the internal minimums partially meet the requirements of the FATF. However, this is not enough.

Venezuela

Information based on the FATF Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Measures Bolivarian Republic of Venezuela Mutual Evaluation Report 2023 [22]. The country has not assessed the risks of legal persons and, therefore, neither the authorities nor the reporting entities are fully aware or understand the ML/TF risks posed by them. It is not possible to determine whether financial institutions maintain up-to-date beneficial ownership information and whether

such information is available for use in a certain location.

The assessment team did not receive information on the extent to which other competent authorities, especially law enforcement authorities, have access to adequate, accurate and up to date basic information and information on beneficial owner and legal persons.

Haiti

Information based on the FATF Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures Republic of Haiti Mutual Evaluation Report 2019 [23]. According to experts, there is no evidence that Haiti has any legal mechanisms for transparency of beneficial owners. Haitian authorities have not conducted any risk assessment to identify, assess and understand the ML/TF risks and vulnerabilities that are associated with legal persons. Information on beneficial ownership even company registry body's records might not be correct or current; the consequences of it can bring huge problems. Because of these gaps Haiti since 2021 in the list of jurisdictions under increased monitoring are actively working with the FATF to address strategic deficiencies in their regimes to counter money laundering, terrorist financing, and proliferation financing(grey list).

Turkmenistan

Information based on the FATF Mutual Evaluation Report of Turkmenistan 2023 [24] The risk analysis of the legal entities sector does not contain information on specific ML/FT risks; the practical understanding by the competent authorities of the vulnerability in which legal entities can be maliciously used for ML/FT purposes is insufficient.

Sanctions are not proportionate and dissuasive; information about beneficial owners is provided only upon written requests, which complicates the mechanism for prompt receipt of information by foreign competent authorities.

Nicaragua

Information based on the FATF Mutual evaluation report of the Republic of Nicaragua, October 2017 ; Second enhanced follow-up report of Nicaragua 2019 [25]. The vulnerabilities of the types of legal persons and other legal arrangements available in

Nicaragua's legal framework have not been assessed.

Although there is basic information available for some types of companies, it is not publicly available and it is not guaranteed that such information is accurate and updated, which makes it difficult for the competent authorities to carry out investigations.

There is no sanctions regime that promotes a permanent updating of information that allows adequate access to basic information.

The beneficial ownership information is not available, in due time and manner, to competent authorities.

However, since the last assessment, Nicaragua has made significant efforts to establish the obligations of legal entities to keep up-to-date and accurate information about the beneficial owner, ownership structure and control, as well as the obligations of companies to cooperate with the competent authorities. So according to which it has increased the rating is up to partially compliance (PC).

Chad

Information based on the FATF July 2023 Anti-money laundering and counter- terrorist financing measures Republic of Chad [26].

At the national level, the authorities have not yet assessed the risks of misuse of legal persons for ML/TF purposes. The competent authorities do not have direct access to basic information on registered legal persons. Such access is subject to the presentation of a request or a mission warrant. In Chad, there are no mechanisms for identifying and collecting information about the beneficial owners of legal entities. No sanctions have been imposed for non-compliance with transparency obligations by legal persons, either at the time of establishment or during the life of the legal person.

Discussion

Thus, each country demonstrates the strengths and weaknesses of its measures to ensure transparency of beneficial owners of legal entities. While some countries have comprehensive systems and effective platforms, there are problems with mechanisms for timely information, international cooperation and the application

of deterrent sanctions, while in other countries a system of transparency is just being formed.

However, given the lack of ideal systems of transparency of beneficial owners, even in the countries occupying the top positions in Transparency International ratings (Denmark, Finland, New Zealand, Norway and Singapore), the situation in these countries is certainly much better than in the countries occupying the bottom positions (Venezuela, Haiti, Turkmenistan, Nicaragua and Chad) . It was necessary to prove that in the first group of countries there are legal mechanisms and a working system to ensure transparency of beneficial ownership, although with existing shortcomings they are still at this level a tool to reduce corruption in the country.

Most importantly, the first and second groups of countries already have a transparency system, although the levels of effectiveness of the systems of these countries differ, anyhow it is possible to gradually introduce changes and additions to make it more efficient and reliable.

Conclusion

The study has shown that the requirements for combating money laundering and terrorist financing, set out in the 24 FATF recommendations, represent powerful tools that help prevent, deter, identify, and investigate corruption at both national and international levels. These recommendations serve as a foundation for creating systems capable of ensuring beneficial ownership transparency, ultimately reducing the risks of abuse and illicit financing.

The analysis demonstrated that countries with high positions in international rankings (such as Denmark, Finland, and New Zealand) have already implemented effective mechanisms to maintain transparency, although they still face certain challenges, such as the need for regular data updates and improvements in international cooperation. Nevertheless, despite these shortcomings, their systems function as effective tools for reducing corruption and enhancing accountability.

The more countries make progress in ensuring beneficial ownership transparency— by requiring up-to-date information about beneficiaries at the registration stage and actively cooperating on the international stage—the faster individual national registers

of beneficial owners will be able to become part of a global registry encompassing all countries.

Such a global registry will become a powerful tool for monitoring financial flows and will assist countries in maintaining a more honest and transparent financial environment. Global problems, such as corruption and money laundering, require joint international efforts to be overcome, as individual countries cannot effectively combat these challenges alone. Only by combining efforts at the global level can we develop solutions that help mitigate these threats and establish a fairer and more transparent global financial order.

Beneficial ownership transparency, even with existing limitations, is becoming an essential component of this global pursuit of security and justice.

References

1. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/en/the-fatf/what-we-do.html>
2. Для отвода глаз? Обзор выполнения обещаний, взятых странами “большой двадцатки” относительно бенефициарной собственности. available at: www.transparency.org
3. Declaration of the Ministers of the Financial Action Task Force 21 April 2022, available at: <https://www.fatf-gafi.org/en/the-fatf/ministerial-declarations.html>
4. Global Witness , Patchy progress in setting up beneficial ownership registers in the EU, MARCH 20, 2020. available at: <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/corruption-and-money-laundering/anonymous-company-owners/5aml-d-patchy-progress/>
5. **Nadim Kyriakos-Saad at al .(2019) The Incestuous Relationship Between Corruption and Money Laundering, In International Journal of Criminal Law 2012/1 (Vol. 83), pages 161 to 172 , Érès Editions**
6. E. Ekwueme (2021) Dampening corruption and money laundering: emissions from soft laws, Journal of money laundering Control, Vol.24 No. 4, 2021, Emerald Publishing Limited
7. **Ramandeep Chhina (2022), Beneficial Ownership Transparency in Asia and The Pacific, Asian Development Bank**
8. Verdugo Yepes (2011), **Compliance with the AML/CFT International Standard: Lessons from a Cross-Country Analysis**
9. **Jorum Duri (2021), Corruption and economic crime, Transparency International is collaborating with JSTOR**
10. **Maíra Martini (2019), Fixing The Global Standards On Company Ownership, Transparency International is collaborating with JSTOR**
11. Jeffrey Owens, Rick McDonell (2020) Creating mechanisms to get good access to beneficial ownership information in international context, WU Vienna University of Economics and Business
12. Tom Keatinge and Anton Moiseienko (2020) For Whose Benefit? Reframing Beneficial Ownership Disclosure Around Users’ Needs
13. FATF President's remarks to G20 Anti-Corruption Ministerial (2020)
14. Berkhout, Richard, and Fernando, Francisca, eds. 2022. Unmasking Control: A Guide to Beneficial Ownership Transparency. Washington, DC: International Monetary Fund.
15. CORRUPTION PERCEPTIONS INDEX 2022 available at: <https://www.transparency.org/en/cpi/2022>
16. Petr Janskya Natalia Lib (2021), Improving the Corruption Perceptions Index: Additional Data Sources and Their Effects, **IES Working Paper, No. 16/2021**, Provided in Cooperation with: **Charles University, Institute of Economic Studies (IES)**
17. **FATF (2017), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures - Denmark, Fourth Round Mutual Evaluation Report, FATF, Paris www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/mer-denmark-2017.html**
18. **FATF (2019), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – Finland, Fourth Round Mutual Evaluation Report, FATF, Paris <http://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/mer-finland-2019.html>** FATF (2022), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – Finland 3rd Enhanced Follow-up Report, FATF, Paris <http://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/fur-finland-2022.html>
19. **FATF (2021), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – New Zealand, Fourth Round Mutual Evaluation Report, FATF, Paris <http://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/mer-new-zealand-2021.html>**
FATF (2022), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – New Zealand, 1st Enhanced Follow-up Report, FATF, Paris <http://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/fur-new-zealand2022.html>
20. **FATF (2014), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures - Norway, Fourth Round Mutual Evaluation Report, FATF. www.fatf-gafi.org/topics/mutualevaluations/documents/mer-norway-2014.html** FATF (2023), Anti-money laundering

and counter-terrorist financing measures – Norway, 1st Regular Follow-up Report, FATF, Paris <http://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/fur-norway-2023.html>

21. FATF and APG (2016), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures - Singapore, Fourth Round Mutual Evaluation Report, FATF, Paris and APG, Sydney www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/mer-singapore-2016.html

FATF (2019), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures - Singapore, Enhanced Follow-up Report & Technical Compliance Re-Rating, FATF, Paris <http://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/fur-singapore-2019.html>

22. Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Measures Bolivarian Republic of Venezuela Mutual Evaluation Report 2023 <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/MER-Venezuela-2023.html>

23. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures Republic of Haiti Mutual Evaluation Report 2019 <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Mer-haiti-2019.html>

24. Mutual Evaluation Report of Turkmenistan 2023 <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Turkmenistan-MER-2023.html>

25. Mutual evaluation report of the Republic of Nicaragua, October 2017 <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Mer-nicaragua-2017.html> ; Second enhanced follow-up report of Nicaragua 2019 <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Fur-nicaragua-2019.html>

26. July 2023 Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures Republic of Chad <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Mer-Chad-2023.html>

ПРОЗРАЧНОСТЬ БЕНЕФИЦИАРНОГО ВЛАДЕНИЯ: КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Асем РАИМБЕКОВА*, докторант по образовательной программе 8D03115 - Международные отношения, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан, a.raimbekova@apa.kz; Идентификационный номер исследователя: JFK-3537-2023, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1199-0021>
Назерке ЖАМПЕЙИС, Советник по ПОД/ФТ Секретариата Евразийской группы по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, nazerkezhampeis@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-6477-6973>

БЕНЕФИЦИАРЛЫҚ МЕНШІКТІҢ АШЫҚТЫҒЫ: СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚҚА ҚАРСЫ КҮРЕСТІҢ НЕГІЗГІ ҚҰРАЛЫ

Асем РАИМБЕКОВА*, 8D03115-Халықаралық қатынастар білім беру бағдарламасының докторанты, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Астана, Қазақстан, a.raimbekova@apa.kz, Зерттеушінің ID: JFK-3537 – 2023, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1199-0021>

Назерке ЖАМПЕЙИС, Ақшаны жылыстатуға және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл жөніндегі Еуразиялық тобының хатшылығының кеңесшісі, nazerkezhampeis@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6477-6973>

THE ROLE OF NATIONAL AND RELIGIOUS IDENTITY IN THE DISCOURSE OF THE CONCEPT OF “STATE” AND IN FOREIGN POLICY

**Askar
BATTALOV***

doctoral student of the Institute of Diplomacy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan askar_2805@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-0303-5013>

**Ilyas
ERPAY**

Professor of Siirt University Department of Philosophy and Religious Sciences, Türkiye, ilyaserpay@siirt.edu.tr, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2350-6998>

**Kamilla
SHERYAZDANOVA**

professor of the Institute of Diplomacy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, kamilla.sheryazdanova@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5419-1138>

Manuscript received: 08/05/2024

Revised: 05/11/2024

Accepted: 20/11/2024

DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1247

UDC 327

CICSTI 11.25.07

Annotation. The article is devoted to the study of the role of national and religious identities in the emergence of statehood and in the formation of the foreign policy of the state as a subject of international relations. A comparative empirical analysis of the foreign policies of various states indicates the presence of a cause-and-effect relationship between norms formed on the basis of national and religious identities in societies within states and the adoption of foreign policy decisions by the leaders of these countries. This article examines the factor of identity as the basis for the emergence of statehood, as well as the role of national and religious identities as social norms that influence the formation of the external agenda of the state.

Key words: national identity, religious identity, statehood, foreign policy, norms, traditions, culture and international relations.

Аннотация. Мақала мемлекеттіліктің пайда болуындағы және халықаралық қатынастардың субъектісі ретінде мемлекеттің сыртқы саясатын қалыптастырудағы ұлттық және діни ерекшеліктердің рөлін зерттеуге арналған. Әртүрлі мемлекеттердің сыртқы саясатына салыстырмалы эмпирикалық талдау жасау мемлекет ішіндегі қоғамдардағы ұлттық және діни ерекшеліктер негізінде қалыптасқан нормалар мен осы елдер басшыларының сыртқы саяси шешімдерді қабылдауы арасында себеп-салдарлық байланыстың бар екендігін көрсетеді. Бұл мақалада мемлекеттіліктің пайда болуының негізі ретінде бірегейлік факторы, сондай-ақ мемлекеттің сыртқы күн тәртібін қалыптастыруға әсер ететін әлеуметтік нормалар ретіндегі ұлттық және діни бірегейліктердің рөлі қарастырылады.

Түйін сөздер: ұлттық бірегейлік, діни бірегейлік, мемлекеттілік, сыртқы саясат, нормалар, дәстүрлер, мәдениет және халықаралық қатынастар.

Аннотация. Статья посвящена изучению роли национальной и религиозной идентичностей в появлении государственности как таковой и в формировании внешней политики государства как субъекта международных отношений. Сравнительно-эмпирический анализ внешней политики различных государств указывает на наличие причинно-следственной связи между нормами, сформированными на основе национальной и религиозной идентичностей в обществах внутри государств и принятием внешнеполитических решений лидерами данных стран. В данной статье рассмотрен фактор идентичности как основы для возникновения государственности, а также роль национальной и религиозной идентичностей как социальных нормативов, влияющих на формирование внешней повестки дня государства.

Ключевые слова: национальная идентичность, религиозная идентичность, государственность, внешняя политика, нормы, традиции, культура и международные отношения.

Introduction

The definition of the term “state” is quite deep in essence, and should cover not only the

dynamics of elements of internal factors in the format of a certain territory, but also the mechanisms that give passionarity to the

** Corresponding author: A.Battalov, askar_2805@mail.ru

state-forming nation or ethnic group, that is, the core, which is the source around which statehood is built, and so on shapes its foreign policy, which ultimately determines its place in the international architecture of states. In this vein, important aspects are national and religious identities, in other words, traditions, customs, culture, religion, which are extremely important and should definitely be located at the very heart of the concept of “state” [1].

In this regard, today internal political processes in certain countries are acquiring an extremely important role in formatting trends associated with the colossal influence on public institutions of the growth of national or religious identities, for example, the coming to power of forces with a pronounced nationalist bias or political parties with a religious agenda (political Islam), which in turn can significantly change the country's foreign policy course and then the overall architecture of regional politics.

This article will examine the role of national and religious identities in the formation of statehood as such and the formation of international relations of the state based on this, and will also analyze such significant factors as the influence of identities in the format of social norms on the formation of the external agenda of the state within the framework of current events processes of globalization that call into question the existing concept of the nation state within the framework of the theories of international relations of releaseism and constructivism.

Materials and methods

The methodological basis for the study was the following methods: comparative, empirical, historical, logical, content analysis, event analysis. The study used scientific and analytical books and online publications, as well as scientific articles from periodicals. In particular, textbook books by such authors as

A. Toynbee, S. Huntington, B. Buzan and M. J. Shapiro were used. Moreover, materials from famous authors specializing in the study of national and religious identities were used: “The Return of Culture and Identity in International Relations Theory” written by Y. Lapid, F. Kratochwil, “Global Politics: a new introduction”, edited by J. Edkins and M. Zehfuss, “International Relations: The Key Concepts” written by M. Griffiths, T. O’Callaghan, and S. Roach, “Scientific heritage of Hanafi scientists of Central Asia

and Kazakhstan” written by A. Muminov. The books and articles of famous orientalist authors who devoted their research activities to the study of the specific cultural sphere of influence of Islam were also used: “A History of Saudi Arabia” written by M. Al-Rasheed, “Foreign Policy of Iran after Islamic Revolution” written by F. Soltani, R. Amiri, “Jihad: the Trail of Political Islam” written by G. Kepel.

Identity as the basis for state formation

Today, there is a debate in the scientific community regarding what should be understood by the term “state”. The first group, which constitutes the bulk of the literature in describing the “state,” draws on the political sciences on the one hand and the sociological on the other. In summary, analysis of the first group of literature indicates that the cornerstone of this group is based on the dichotomy between “state” and “society” within any country, and on the attempt to understand how these categorical units interact with each other. The watershed separating these two concepts leads directly to the definition of “state” in Weberian terms, where the state and society are considered as completely separate phenomena, and the state is described only in terms of political terminology. If we approach the understanding from this point of view, then the term “state” can be considered directly as a managerial bureaucracy, in other words, a “government” that has a monopoly on violence [2, p. 646].

The second group of debaters comes from the traditional approach of the discipline of International Relations Theory. In this format, the “state” is considered, in general, as a political-territorial entity that exists in an international hostile or friendly environment of similar entities. Accordingly, the state is a subject of international relations, in constant interaction with other subjects of international relations, which is part of a complex international architecture. In the perspective of such a mechanism, everyone is forced to consider the “state” not only as a territorial socio-political entity, but also as a subject that is influenced by other subjects of international relations and international law [3, pp. 66-67].

At the same time, both points of view give us the necessary objective content for ripening the question of identity on which the state as such is built. There must be a foundation - ethnic, religious, cultural,

linguistic, which provides the concept of identity and the right to historically justify its existence and legitimacy in order to carry out actions in its territorial operational space [4, pp. 85-107]. Conceptualization of the identities on which a nation is based occurs at the statehood stage of any nation, and therefore, **understanding the “state” requires a comprehensive approach** and both the above points of view are important.

In this regard, the research of any state, including its foreign policy, requires a focus that carefully takes into account the nature of the state, social norms emanating from cultural uniformity or diversity, traditions and faiths, their antagonism, hostility or tolerance, and not only the type of government and the ideology of the ruling Political Party. In **“The Clash of Civilizations”**, Huntington places their civilizational nature as the main determining phenomenon of the politics of states, and his logic is nothing more than a continuation of the logic of A. Toynbee and his thoughts in the work **“Civilization before the Judgment of History”** [5, pp. 33-48]. Toynbee not only legitimizes the global civilizational approach to the consideration of the historical process, including the political logic of states, but also defines the axiom that any state, having reached the apogee of its power and turning into an empire, will always and everywhere strive to impose on the world values of its civilization, since this is essentially the purpose of growing its identity [6, p. 116].

According to Buzan [3, 83-88], the political form of organization of society can be defined as a state if there are certain structural components, the most important of which is the basic ideology, which expresses the spiritual component of the nation. This component can largely determine the goals and objectives of the state. For example, in all the republics that gained independence after the collapse of the USSR, an extremely important task was set - to develop their own ideology, which would be based on national identity. In Kazakhstan, after gaining independence in 1991, attempts were made more than once to form and express its national ideology. The search for identity began with a revision of historical facts and **“blind spots.”** We can distinguish two main historical stages that were used in search of support for strengthening national identity: the first is the formation of statehood within the framework of acquiring the ethnonym **“Kazakh”**, the history of the formation of

Kazakh statehood within the Kazakh Khanate; the second is the loss of independence, being part of the Russian Empire and the USSR, in other words, the history of the struggle and long journey of the Kazakh people to their modern independence from the anti-colonial uprisings of the 18th century, further from the idealization of the Alashorda movement to the sacralization of the December 1986 events.

Over the past three decades, Kazakhstani scientists (historians, anthropologists, sociologists, religious scholars, political scientists) have done a tremendous amount of work, each in their own field, in order to restore the historical heritage and develop an adequate national ideology. There are many options and approaches, depending on internal and external factors that put pressure on the formation of ideology, but the main basis is the same: the national identity of Kazakhstan is determined based on its titular nation - the Kazakhs, therefore, from a civilizational perspective, the territories where the Kazakhs lived, and more ancient ethnic groups according to Toynbee are defined as a civilization of nomads; from the point of view of geopolitical history, before the period of colonization by Russia, the Kazakh Khanate is the heir to the ulus of Jochi and the Golden Horde; Ethnically, Kazakhs are identified as Turks; religiously, they are Sunni Muslims of the Hanafi madhhab with features of the ethnocultural heritage of Sufi tariqats [7, p. 216]. In historical and economic retrospect, Kazakhstan, trying to comply with the spirit of globalization, positions itself as an important continental port of the world's first transnational trading system - the Great Silk Road, declaring itself a key partner of China in the implementation of the ambitious **“One Belt - One Road”** program [8, pp. 675-692]. Thus, based on the significant components of ideology, it is possible to determine the open declared goals and objectives of any state.

Accordingly, if we take to account into consideration, for example, at the ideological base of such competing Middle Eastern states as Saudi Arabia and Iran, the following picture emerges. In the Kingdom of Saudi Arabia, objectively, attention is drawn to the prominent religious component, where religious identity plays a dominant role over all other ideological aspects. Saudi Arabia, in a civilizational, religious, and historical focus, positions itself as the custodian of two shrines of the Islamic world (the Sacred Mosques in Mecca and Medina), thereby presenting itself as the heir

of Islamic civilization [9, pp. 39-69]. From the point of view of the ethnic and linguistic component – Semites and Arabs. In the historical narrative of the formation of the Kingdom, a serious emphasis is placed on the liberation of the territory of the Arabian Peninsula, and most importantly, Hijas, from the yoke of the Ottoman Empire and the return of the Arabs to the fold of orthodox Islam through the uprising of the Arabian tribes of the central part of the Najd Peninsula, inspired by the Puritan ideology of Sheikh Muhammad ibn Abd al- Wahhab al-Tamimi - the founder of the Wahhabi movement of the Sunni branch of Islam [9, pp. 39-69].

Considering the above components, despite all the modern reforms of the current government towards the liberalization of the country's citizens, the developed oil industry and the inclusion of Riyadh in the globalization process, it is quite natural that the basic ideology of Saudi Arabia remains, which determines the country's internal policy and influences the external policy throughout the existence of the Kingdom, where religious identity is a fundamental factor.

Regarding Iran: the ideological base after the Islamic Revolution of 1979 was built entirely on the revolutionary agenda of Imam Khomeini, and is consolidating the Shia bloc throughout the region with anti-Sunni propaganda Regarding Iran: the ideological base after the Islamic Revolution of 1979 was built entirely on the revolutionary agenda of Imam Khomeini, and is consolidating the Shia bloc throughout the region with anti-Sunni propaganda [10]. The main ethnic and linguistic component of Iran is Persian; in terms of geopolitical history, Iran is the heir to the Persian Empire.

At the same time, Iran is a complex multi-ethnic conglomerate where, despite the fact that the Persians are the nation-forming component, the Azerbaijanis and Kurds have potentially enormous influence. Moreover, it should be noted that historically the Persian Empire was ruled for many centuries by the Safavid and Qajar dynasties, who were ethnically Turkic, but by religion Shi'ite Muslims [11, p. 2].

In this regard, Reza Shah Pahlavi failed in building a nationalist path like Mustafa Kemal Atatürk in Turkey, due to the ethnic ambiguity of the regions of Iran, and Reza Shah sought to preserve the monarchy with the message of the imperialist past, while Turkey went through a painful transformation

from a monarchy to a republic. The year 1979 revealed the contradictory ideology of monarchical Iran; the Islamic revolution became the vehicle for the transformation of Iran from a monarchy to a republic, but with a shift in emphasis from national to religious identity.

Considering the rich monarchical-imperialist past of the Islamic Republic of Iran, as well as the official ideology of Khomeinism, Iran today is a religious Shiite project with the imperialist ambitions of the Persians under the tyrannical umbrella of which small nations are awakening, beginning to dream of independence, for example, the Kurds [12].

Thus, the ideological component of any state reveals the main basis of the country's foreign policy; identity cannot be deeply veiled. Behind the veil of international declarations, treaties, agreements of intent for eternal friendship or economic unions, behind situational strategic partnerships, it is always possible to determine the deep true genesis of the state, arising from its civilizational factor, cultural layer, ethnic and religious norms and attitudes, which sooner or later or in another form will manifest themselves in the foreign policy of a given state formation. The ideology of any state, formed on the sources of national and religious identity, is a marker of its hidden or open goals and objectives in foreign policy. Further, according to Buzan, the structural components of the state, without which it cannot be defined as a full-fledged subject of international relations, are management methods [3, pp. 66-67]. That is, if a community is a state, it must have the ability to carry out the functions of ensuring civil order, distributing collective goods and protecting the population from external threats. In other words, the state must have a developed system of bureaucratic apparatus, which should include executive, legislative, administrative and judicial powers, as well as an effective framework of regulatory legal acts regulating public relations between the population and government.

In addition, Buzan necessarily includes in the concept of "state" such physical components as population, natural and artificial resources [3, pp. 66-67]. The first of them, the main one, is a certain number of the population of a specific ethnic, linguistic, cultural (religious) group, since without a specific autochthonous population as such, the existence of a state at a given historical stage is not possible.

This principle is of utmost importance, for example, at different historical stages, some nations tried to carry out physical destruction, ethnic cleansing, forced deportations of other nations or ethnic groups, in order to deprive them of claims to a certain territory due to their physical absence on it or small numbers, as a result of which the nation or ethnic group was unable to organize itself into a political core and then into a state.

In light of this issue, we can mention the genocide of the Armenian population by the military forces of the Ottoman Empire during the First World War [13, pp. 21-52]. Some of the latest striking examples: the ethnic cleansing of Bosnian Muslims (Srebrenica) by Serbian and Croatian militias during the collapse of Yugoslavia 1991-2001. [14, p. 97]. Also in a similar historical period, ethnic cleansing of the Azerbaijani population took place by the military forces of the unrecognized Nagorno-Karabakh Republic of Artsakh, the events went down in history as the "Khojaly Massacre" [15, pp. 233. – 365].

In the modern period, one can note the policy of apartheid and the unrecognized genocide of the Arab population in the Gaza and throughout Palestine, which has been going on for more than half a century during the ongoing Palestinian-Israeli conflict due to territorial claims against each other [16]. At the same time, what makes this age-old conflict unique is the fact that the religious identity of the warring nations plays a key role here. Ideological confessional justification for the claims of the Jewish people to Jerusalem as the historical Old Testament cradle of Judaism and the Temple of Solomon, as well as the Arab Muslim population as the third holiest shrine of the Islamic world - the Al-Aqsa Mosque. In addition, there is also a historical claim by followers of almost all branches of Christianity to Jerusalem as a shrine where the founder of the religion, the prophet Jesus (Holy Sepulcher), is buried. All of these listed claim factors sharpen the religious identity of the opposing nations, and, accordingly, religious groups, making this conflict go far beyond the framework of international law and international relations with all their tools for resolving international conflicts.

Thus, understanding the above components, especially the ideological base, which is formed from sources such as culture, tradition and religion, and the physical component (ethnic component of the population), which should be included in the

concept of "state", implies that despite the presence the vast majority of states have common features in accordance with international law (legislation, government, territory, economy, membership in international organizations, etc.), in essence they are fundamentally different. This conclusion is extremely important for understanding the nature of the contradictory behavior of certain countries, despite their possession of similar international legal external characteristics.

Monopoly in the twentieth century of the school of realism and neorealism in the science of International Relations left its indelible mark in the form of considering the "state" according to the above-mentioned developed legal external characteristics. The schools of liberalism and neoliberalism with an ultra-globalist approach, where economic aspects became the determining factor in international relations, aggravated the marginalization of ethnic, cultural, traditional and religious components.

Definitions of the concept of "state" in its traditional form, imposed by realists, which seem so irreplaceable to us and formed the basis of the science of International Relations, today in the era of postmodernity and the crisis of globalization and the model of neoliberalism, do not correspond to new realities. Some scholars are increasingly opposed to the use of traditional definitions of "state", and, moreover, express doubts as to whether the "state" will remain as a principle source of political power in the near future. As, for example, Bartelson noted, the state is increasingly being challenged by new forms of power and communities that have become capable of transcending the established boundaries between internal and external factors, and therefore the state in its traditional sense will be replaced by other forms of political power, which, for example, will be alien to the concepts of "sovereignty", "territorial affiliation", "state ideology" [17, pp. 1-29].

Today we can observe what colossal political resources transnational corporations can possess, whose power is much more mobile and has tactical maneuverability. States, unlike corporations, where decisions are made only by a board of directors, are burdened by borders, constitutions, parliaments and bureaucratic procedures. The same corporate discretion is observed in international criminal communities, traditional

communities and diaspora systems. A similar system is observed in religious organizations, both legal and terrorist. As a result, today the state as a mechanism is not able to control TNCs, criminal communities (drug cartels, illegal trafficking in drugs, weapons, people, human organs), and terrorist organizations. In a globalized world, cross-border export of radical and destructive ideologies is becoming commonplace.

Thus, components such as the ethnic component (national identity), the confessional component (religious identity), which are traditionally considered to be included in the concept of "state," today are increasingly becoming de facto supranational components, that is, going beyond its classical understanding. For example, integration processes based on the ethnic component (pan-Turkism, the Turan project, pan-Arabism, the League of Arab States, etc.). Also for example, integration processes based on religious affiliation (Organization of Islamic Cooperation). Moreover, the network and cells of religious organizations, both legal and illegal, since religious identity becomes a supranational factor. For example, the Taliban movement, at present, is no longer, as at the dawn of its formation, only Pashtun in ethnic retrospect; today, after the unification of the Taliban with the Hekmatyaries, this movement is becoming more international and complex (Pashtuns, Tajiks, Uzbeks, Uyghurs, Khorezmians).

In addition, critics of the traditional definition of the "state" argue that the destructive effects of globalization will ultimately lead to the fact that the "state" will collapse and be marginalized, the peoples will again have to, however, in a new capacity, comprehend the classical stages of development: the traditional tribal, urban republic and empires like Rome [17, pp. 1-29]. If this is so, then a reasonable question arises: why is the concept of "state" still used and studied, as well as the factors of "identities" considered as components of the "state"? The answer may be thought on this matter: "the 'state' is one of the most abstract components in International Relations, but also the most central concept" [3, p. 74]. In other words, when explaining aspects of international relations, this can only be done by criticizing or defending a particular state, along with all the components included in this concept.

Therefore, despite the elusive and complex nature of the concept of "state,"

researchers, especially from the school of constructivism, making "identities" the central object of analysis for a number of important reasons, study them in the format of a particular state. Since the state, as a behavioral unit, needs to determine the nature of creation, due to anthropomorphic aspects: life cycle, growth, development, extinction, and this is clearly analyzed through the prism of national and religious identities. Also, the state, along with the challenges - new subjects of international relations (TNCs, transnational criminal communities, terrorist organizations, etc.), is still the most powerful unit of international relations and, in the form of political organization, a universal standard of legitimacy, which is built on the ideological basis of the country. In other words, "identity" is an essence, and "state" is a form of essence and an instrument for implementing policy, including managing the population in a specific territory and coercing it.

The role of national and religious identities as social norms influencing the formation of the state's external agenda.

The state, represented by the state bureaucratic apparatus, can act in adherence to the social norms of the population, or it can act in relative independence from them. It depends on how much norms play an important role, and how much the state apparatus and elite depend on the norms dictated by the cultural aspects of identities.

Thus, social norms are very significant in explaining the foreign policy of countries, especially traditional ones with a high degree of religiosity and conservatism. The state, as discussed above, according to some constructivists, is an abstract concept, therefore, it is difficult to predict its actions, since it is simply a form, not an essence. Therefore, traditional explanations of classical theories do not take into account this essence, which is formed, as mentioned above, from identities that at a certain point in the historical period the population of the country absorbed or developed.

In order to predict the actions of countries that are highly dependent on norms, some scholars resort to role-playing theory [18]. In each individual case, the role-game theory approach in international relations addresses specifically the ontology of countries' foreign policies, focusing on role concepts and social norms common in the

countries analyzed [19, pp 8-10). Roles can be defined as functions within a group of participants, a socially recognized category. The collective expectation regarding behavior for a particular individual, right or wrong, is analyzed. A role is derived as a “repertoire of behavior”, derived from the collective and the individual, which gives a certain response to certain demands or provocations [20, pp. 23- 25].

It is necessary to understand that the state consists of individuals bound together in a collective political unit, however, in theoretical discussions regarding the emergence of the state, attempts to conceptualize identities at the state level reach a dead end [3]. It is in such cases that role- playing theory proves its value by offering a model of international interaction based on the influence of norms on fundamental state institutions, as well as on the connections between changes in norms that occur due to transformations of national and religious identities, and, accordingly, foreign policy and interests of the state. In such cases, the state bureaucratic apparatus can only take the form of arbitration and take on certain constituent functions, similar to the powers of international organizations, which, for example, are forced to take into account certain characteristics of different countries when interacting with them.

From the perspective of social role play theory, such identity-based socialization can be viewed as a role-playing process occurring between actors in role- playing relationships in the same ideological stream. Every role an actor attempts to take on generates an opposing role to form a relationship. There are also roles relative to hierarchy in the international structure. In some countries, for example, sovereignties are very formal and limited; other countries have relatively more independence, but must still be as flexible as possible at all times. The theory of role-playing games explains the behavior of countries whose leaders are constantly forced to maneuver at the intersection of factors of internal social normative pressure and external ones. Leveling contradictions, coordinating competing demands, where social standards based on the identities of a given nation collide with external social standards, this is all the normal state of states at the middle level of the world hierarchy, where the bureaucracy tries to maintain the functionality of the state, which is above internal social standards, in order to

have the operating space of an international actor [21].

As constructivists argue, without analyzing norms and clarifying a clear identity of the nation, state actions will be incomprehensible and inexplicable [22, pp. 51- 53]. Norms determine the meaning of specific actions, and of course, unwritten rules for a country's foreign policy, which in some cases may be prohibited, and in others, encouraging. Followers of the constructivist approach argue that many states refrain from conflict not only on the basis of such materialistic factors as the balance of power, or economic inexpediency, but because of certain social norms and rules arising from the national identity of the state, for example, the principled adherence to treaties prescribed some religious rules as a postulate, hence the practice of strict adherence to international norms, and this is a key point in explaining the foreign policies of some countries [22, pp. 51-53]. In the identity- based approach, the state is seen as inextricably linked to its national or religious identities, and foreign policy as an extension of a particular identity.

When studying the role of national and religious identities in foreign policy formation, it is important to reflect a theoretical framework that explains the process of public policy change and reveals the causal and determining consequences of identities for foreign policy. It is necessary to focus first on two important normative elements that shape discussions about the possibility of changing identities: socialization and normative evolution.

Identities are social constructs that shape the state as a social actor in foreign policy; states, interacting with each other, create social reality. Each state is concerned about its ontological essence, since this means a conscious explanation of itself, its image, to be understandable to other subjects of international relations. In other words, in international relations there are ontological hypostases that each state operates on, proving its right to exist, answering questions about its content, ideology, values, and moreover, how this state perceives others based on its values.

In such a perspective, national and religious identities become a kind of symbols by which the country and its significance for the outside world are defined, which is nothing more than a manifestation of the state's foreign policy. Identity itself is a historical construct,

developed under the influence of internal and external factors over a period of time, and which became the source of the emergence of the state as a set of public and bureaucratic institutions. Thus, identity can be combined with the state image and positioning of the state in the international arena, and the possession of any status [23, pp. 3-5].

It should also be noted that over time, identities as social norms tend to change, strengthen or weaken. At times, at one time or another in history, the leaders of certain countries have attempted to influence the strengthening, weakening or adjustment of national or religious identities, taking into account a variety of circumstances, economic, technological, international, social, among others, in the context of the changing power structure in dynamic international relations [23, pp. 3-5].

For example, Türkiye can serve as a striking example. After the collapse of the Ottoman Empire, at the beginning of the twentieth century, Mustafa Kemal Atatürk, having come to power, carried out large-scale reforms. In an attempt to strengthen the role of social norms associated with national identity, he weakened the role of religious social norms [24, pp. 77-89]. At the same time, today, a hundred years later, one can observe how the new leader of the Republic of Turkey, Recep Tayyip Erdoğan, on the contrary, is trying to restore and strengthen social norms associated with religious identity, which naturally relegates to the background the role of the social norm of national identity built by Atatürk [25].

Another example is Iran, where until 1979, Shah Pahlavi, whose ideal was Atatürk, tried, based on the experience of Turkey, to strengthen, but unsuccessfully, patriotism based on social norms associated with the national identity of the Persians, and to impose a social standard of secularism on an extremely religious population, causing the opposite effect and rejection of the population from Shahai's policies. However, all this led to a successful Islamic revolution under the leadership of Ayatollah Khomeini, who radically strengthened the existing religious identity of the population, building an absolute theocratic state [26, pp. 106-135].

Also, social norms built on identities can be a kind of guideline for state policy in the segregation of states into friendly, enemy or partner. For example, in the mid-twentieth century, the social norm of Arab nationalism

played an integration role between Arab countries that took a course towards socialism in the ideological form of the Baathist Party. For Iran, after the Islamic revolution of 1979, the factor of Shiite integration became extremely important, which today involves the Shiite population of Syria, Lebanon, Palestine, Yemen, Bahrain, the eastern part of Saudi Arabia, some provinces of Afghanistan and the southern regions of Azerbaijan. Accordingly, integration with related countries on the basis of a Turkic national identity with a Sunni religious component has always been important for Turkey. Recently, we can note the facts of special strategic partnership and mutual assistance between countries whose religious or national identity has a common characteristic. One of the striking and relevant examples is the provision of financial and military support by Turkey to Turkic Azerbaijan in the confrontation with Armenia in the Karabakh war of 2020 [27]. Another modern example is Iran's military support for the Bashar al-Assad regime in Syria, where the ruling elite professes Alawism, one of the branches of Shiite Islam [28, pp. 11-29].

The essence of such integration processes lies not only in the strategic justification of their ambitions by the leading countries and in the search for a foothold, but also in the desire to strengthen and preserve the identity to which the powers appeal when pursuing their foreign policy. Such countries, collaborating with countries with related identities, strengthen the influence of their social norm, both religious and national in general, and in some cases even save it if it is in danger of disappearing. In other words, identity with all its social norms, to which the state appeals, can determine strategic relations between countries.

Thus, it becomes clear that states operate within intersecting social norms and historical contexts that shape the national and religious identity of a nation. As a result, their roles are a priori either in a potentially strategic partnership or in a potentially conflicting state.

Conclusion

Thus, when considering the role of national and religious identities in the formation of statehood and the influence of these factors on the formation of the country's foreign policy, it becomes obvious that norms formed on the basis of national and religious identities can be extremely important aspects,

and in some circumstances, key as for both domestic and foreign policy of the state.

The core of a state entity is usually a group of people who essentially represent a particular nation and language, have or aspire to have a certain territory as an historical homeland, share common myths, culture, traditions, religion, historical facts, have common rules, rights or responsibilities for all members groups, and have markers to distinguish them from other nations. Thus, national identity is a set of concepts that arose over the course of a historical period, modified and somewhere adopted due to the changing reality and necessary to determine the collective character, gain sovereignty and common will for the formation of a state with its own internal normative field and concept, which is the identifier of the nation in the external arena.

In this regard, the dependence of state policy on national and religious identities is an important factor not only for the analysis of foreign policy, but also for determining the historical conceptual paradigm of the state, its collective idea of its own political values. In a stable and mature state, where the bureaucracy and elites do not ignore identities,

but always try, through certain social institutions, to analyze the processes associated with them and create the conditions necessary for the self-awareness of the nation, this can play a key role in the adoption of internally verified and beneficial for the country and foreign policy decisions. Elite actions that take national and religious identities into account during periods of regime stability can pay dividends during periods of destabilization. At a certain point, elites must always have an asset that has a consolidating factor for society. In foreign policy, based on the influence of identities, the state will always be a potential opponent for some, and a potential partner for other states.

Thus, national and religious identities sharpen the internal policies and influence the external ones that the state implements. At the same time, foreign policy activities and identities can have the effect of mutual correlation and complementation. Interaction with other states equalizes the balance of influence of identities, provides a maneuverable opportunity both for self-determination of the state in the external arena and for becoming part of any international community.

References

1. Lapid, Y., Kratochwil, F., *The Return of Culture and Identity in International Relations Theory*. // Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1996.
2. Вебер, М., *Избранные произведения* // Москва: Прогресс, 1990.
3. Buzan, B., *People, States, and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. ECPR Classics // Colchester: ECPR Press, 2007.
4. Shapiro, M., "Does the nation-state work?", in *Global Politics: a new introduction*, edited by Edkins, J., Zehfuss, M. // London, Routledge, 2014, pp. 85-107.
5. Хантингтон, С., *Столкновение цивилизаций* // Полис. Политические исследования, 1994, №1, С. 33-48.
6. Тойнби, А., *Цивилизация перед судом истории* // Москва, Айрис-Пресс, 2006.
7. Муминов, А., *Научное наследие ханафитских учёных Центральной Азии и Казахстана. Монография* // Астана: Корпоративный фонд «Фонд поддержки духовных ценностей», 2018.
8. Франкопан, П., *Шелковый путь: Дорога тканей, рабов, идей и религий*, пер. В.Ю. Шаршуковой // Москва, Эксмо, 2019.
9. Al-Rasheed, M., *A History of Saudi Arabia*, 2 ed. // New York: Cambridge University Press, 2010.
10. Soltani, F., Amiri, R., *Foreign Policy of Iran after Islamic Revolution* // *Journal of Politics and Law*, 2010, №2 (3), pp. 199-206. Available at: <https://www.ccsenet.org/journal/index.php/jpl/article/view/6433>

11. Cole, J., Sacred Space and Holy War: The Politics, Culture and History of Shi'ite Islam // I B Tauris, 2002.
12. Wilgenburg, W., Iran's pressure campaign on Iranian Kurds continues // The Washington Institute for Near East Policy, Fikra Forum, 2023. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/irans-pressure-campaign-iranian-kurds-continues>
13. Hovannisian, R., The Armenian Genocide // London, Macmillan Academic and professional LTD, 1992.
14. LeBor, A., "Complicity with Evil": The United Nations in the Age of Modern Genocide // Yale University Press, 2008.
15. Drobizheva, L., Gottemoeller, R., McArdle Kelleher, C., Nagorno-Karabagh. Ethnic Conflict in the Post-Soviet World: Case Studies and Analysis // M.E. Sharpe, 1998.
16. Amnesty International, Amnesty International пришли к выводу, что Израиль проводит в отношении палестинцев политику апартеида. Это является преступлением против человечности – 2022. Available at: <https://eurasia.amnesty.org/2022/02/01/amnesty-international-prishla-k-vyvodu-cto-izrail-v-otnoshenii-palestinczev-provudit-politiku-aparteida-eto-yavlyaetsya-prestupleniem-protiv-chelovechnosti/>
17. Bartelson, J., The Critique of the State // Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
18. Holsti, K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly, 1970, №14 (3), pp. 233-309.
19. Abdelal, R., Herrera, Y., Johnston, A., and McDermott, R., Measuring Identity: A Guide for Social Scientists // Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
20. Walker, S., Symbolic Interactionism and International Politics: Role Theory's contribution to International Organization, in Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations, ed. Cottam-yo Shih // New York: Praeger, 1992.
21. Barnett, M., Institutions, Roles, and Disorder: The Case of the Arab States System, International Studies Quarterly 1993, №37 (3), pp. 271-296.
22. Griffiths, M., O'Callaghan, T., and Roach, S., International Relations: The Key Concepts // London: Routledge, 2008.
23. Matsumura, M., The Japanese State Identity as a Grand Strategic Imperative // Washington, D. C.: Brookings Institution Center for Northeast Asian Policy Studies, 2008.
24. Steinbach, U., The Impact of Atatürk on Turkey's Political Culture since World War II, edited by J. M. Landau, in Atatürk and Modernization of Turkey // New York, Routledge, 1984.
25. Yavuz, M. H., Oztürk, A.E., Turkish secularism and Islam under the reign of Erdogan, Southeast European and Black Sea Studies, 2019, №19 (1), pp. 1-9.
26. Kepel, G., Jihad: the Trail of Political Islam // London: I. B. Tauris, 2019.
27. A. Battalov, S. Kozhirova, T. Suleimenov, Iran, Saudi Arabia and Turkey: emerging religious identity of Azerbaijan, Central Asia and Caucasus, 2021 №22 (3), pp. 157-167.
28. Исаев Л.М., Коротаев А.В., Мардасов А.Г., Семенов К.В., Метаморфозы Сирийской оппозиции // Москва: Российская Академия наук, Институт Африки, ЛЕНАНД, 2020.

«МЕМЛЕКЕТ» ТҮСІНІГІНІҢ ДИСКУРСЫНДАҒЫ ЖӘНЕ СЫРТҚЫ САЯСАТТАҒЫ ҰЛТТЫҚ ЖӘНЕ ДІНИ БІРЕГЕЙЛІКТІҢ РӨЛІ Аскар БАТТАЛОВ*,
Асқар БАТТАЛОВ*, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Дипломатия Институтының докторанты, askar_2805@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-0303-5013>

Ильяс ЕРПАЙ, Сиирт университетінің профессоры (Түркия), ilyaserpay@siirt.edu.tr, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2350-6998>

Камилла ШЕРЬЯЗДАНОВА, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Дипломатия институтының профессоры, kamilla.sheryazdanova@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5419-1138>

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВА» И ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Аскар БАТТАЛОВ*, докторант Института Дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, askar_2805@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-0303-5013>.

Ильяс ЕРПАЙ, профессор Сииртского Университета, Турция, ilyaserpay@siirt.edu.tr, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2350-6998>

Камилла ШЕРЬЯЗДАНОВА, профессор Института Дипломатии Академии государственного управления при Президенте, kamilla.sheryazdanova@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5419-1138>.

www.journal.apa.kz